

ПЛЕХАНОВ



М. Убачук,
У. Курбанова

Члену редакции Вэри и
Макри всей душой присоеди-
няюся к празднованию 25-ти-
летию со дня революцион-
ной деятельности Г. В. Плехана.
Пусть посвященный это празд-
нование не укроет меня рево-
люционная марксизма, комю-

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга рассказывает о жизни и деятельности Георгия Валентиновича Плеханова, выдающегося русского марксиста.

Имя Плеханова в истории марксизма связано с распространением учения Маркса и Энгельса и созданием марксистской рабочей партии в России, с идейной борьбой против народничества, философского ревизионизма и ликвидаторства. Марксистские труды Плеханова явились ценным вкладом в теоретическую мысль научного социализма. Статьи Плеханова по философии В.И. Ленин считал необходимым включить в «серию обязательных учебников коммунизма...»

- [М. Иовчук, И. Курбатова](#)
 - [Пролог](#)
 - [ГЛАВА I](#)
 - [1. Детство и юность](#)
 - [2. Народник-пропагандист](#)
 - [3. Розалия Боград](#)
 - [4. «Черный передел»](#)
 - [5. Начало эмиграции](#)
 - [6. Год в Париже](#)
 - [7. Ариаднина нить](#)
 - [ГЛАВА II](#)
 - [1. Тогда их было только пять...](#)
 - [2. Идеи марксизма — в Россию!](#)
 - [3. Трудные годы эмиграции и революционный оптимизм](#)
 - [4. Выход на международную арену](#)
 - [5. Лишенный «политического убежища»](#)
 - [6. Переломный год](#)
 - [7. Делегат рабочих России](#)
 - [8. Бои в защиту марксизма](#)
 - [9. Война «не на живот, а на смерть»](#)
 - [10. С Лениным в редакции «Искры»](#)
 - [11. Партия создана!](#)
 - [ГЛАВА III](#)
 - [1. «Отчаянный шаг»](#)
 - [2. «Меньшевик и ярый»](#)

- [3. За поражение царизма](#)
- [4. Во время первой русской революции](#)
- [5. После революции](#)
- [6. В защиту подполья. Борьба с ликвидаторами](#)
- [7. «За единство враждующих братьев»](#)
- [ГЛАВА IV](#)
 - [1. Слова и дела](#)
 - [2. Возвращение на родину](#)
 - [3. «Он слился с природой»](#)
- [Послесловие](#)
- [Основные даты жизни и деятельности Г. В. Плеханова](#)
- [Краткая библиография](#)
- [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)

- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)

- [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [73](#)
 - [74](#)
 - [75](#)
 - [76](#)
 - [77](#)
 - [78](#)
 - [79](#)
 - [80](#)
 - [81](#)
 - [82](#)
 - [83](#)
 - [84](#)
 - [85](#)
 - [86](#)
 - [87](#)
 - [88](#)
 - [89](#)
 - [90](#)
 - [91](#)
 - [92](#)
 - [93](#)
 - [94](#)
 - [95](#)
 - [96](#)
 - [97](#)
 - [98](#)
 - [99](#)
 - [100](#)
-

**М. Иовчук, И. Курбатова
Плеханов**



Пролог

9 июня 1918 года^[1] в Петрограде в зале Народного собрания, где сейчас помещается Большой зал Филармонии, состоялось торжественно-траурное заседание, посвященное памяти умершего несколько дней назад Георгия Валентиновича Плеханова. Заседание это было созвано Петроградским Советом рабочих и красноармейских депутатов, во главе которого стояли большевики. Началось оно в 6 часов вечера, на улице было тепло и еще совсем светло — в Петрограде уже наступило время белых ночей.

Большой колонный зал был полон, публика, в большинстве своем рабочие, солдаты, матросы, стояла на галереях, в проходах, на лестнице.

Раздался звон колокольчика, призывающий к тишине. Постепенно шум смолк. Председатель Петроградского Совета открыл заседание. После его вступительного слова на трибуну поднялся народный комиссар просвещения РСФСР Анатолий Васильевич Луначарский. В своей речи, как всегда яркой и эмоциональной, он рассказал о работах Плеханова в области марксистской теории, о том авторитете, которым он пользовался среди социалистов многих стран, о его сложном и противоречивом политическом пути. О былых заслугах Плеханова Луначарский говорил в те дни, когда участники заседания хорошо помнили, что Плеханов — один из зачинателей марксизма и пролетарского революционного движения в России — отрицательно встретил Великую Октябрьскую революцию. Луначарский вспомнил, как он и другие большевики выступали на 35-летнем юбилее революционной деятельности Плеханова в 1911 году. «Да, в этом противнике, — продолжал Луначарский, — мы и тогда и теперь политически чтим прежде всего мастера, выковавшего то оружие для русских социалистов, которым мы теперь сражаемся, часто против и его, и его учеников. Никогда не забудут русские рабочие, что революция 1917 года, несмотря на то, что она происходила при порицании постаревшего пророка, была, тем не менее, выполнением его знаменитого пророчества: «В России революция победит только, как рабочая, или вовсе не победит!»

Подвергнув критике социал-шовинистскую позицию Плеханова в годы первой мировой войны, которая привела его к союзу с буржуазией, Луначарский закончил свою речь словами: «Пусть они погрёбают то, что в Плеханове было смертным, плодом его слабости и его старости, мы будем чтить то, что было в нем бессмертного и что создал он в пору своего

расцвета. Мы будем чтить это веское золотое сокровище, не преклоняясь перед ним, но пуская его в наш живой революционный оборот. Так почтим мы героя революционного духа, несмотря на то, что он сбился с правильного пути за несколько лет до своей смерти».

После Луначарского выступил питерский рабочий-большевик Михаил Иванович Калинин. Говорил он недолго, тихо, но каждое его слово запомнилось:

«Смерть Георгия Валентиновича Плеханова вселила глубокую печаль в сердца русских марксистов.

В период беспросветной реакции, во времена, когда рядовому рабочему с большим трудом и страшными усилиями приходилось приобретать даже первоначальную грамотность, в рабочих кругах уже вращались подпольные издания, принадлежавшие перу Георгия Валентиновича. Эти произведения открывали новый мир рабочему классу, они звали его на борьбу за лучшее будущее, они учили в ясной, простой, для всех доступной форме основам марксизма, несокрушимой вере в конечную победу идеалов рабочего класса, они воспитали уверенность, что все препятствия и трудности по пути к этим идеалам будут легко сметены организованным пролетариатом. Каждое поражение рабочего класса есть только поражение временное, часто вызывающее новый натиск, еще более мощный, на строй капитализма.

Чем являлся Н. Г. Чернышевский для русских разночинцев шестидесятых годов, тем же служил и Георгий Валентинович для рабочего класса нашего поколения... Пусть земля будет легка его праху, он много послужил рабочему классу, он вложил глубокий неискоренимый оптимизм в сознательные массы рабочего класса нашего поколения».

Позиция большевистской партии в отношении Плеханова, которую выразили на траурном заседании Калинин и Луначарский, позиция, понятная рабочим и солдатам, основывалась на ленинском отношении к деятельности Плеханова, к его трудам. Осуждая политическое грехопадение Плеханова-меньшевика и его социал-шовинистскую линию в годы первой мировой войны, Ленин всегда высоко ценил былые революционные и теоретические заслуги Плеханова-марксиста.

В 1921 году, когда Советская власть победила на всей территории нашей страны, Ленин в работе «Еще раз о профсоюзах...» писал: «...нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно изучать — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма»^[2].

С тех пор прошло много лет. Ленинские указания об отношении к

марксистскому наследию Плеханова глубоко и последовательно осуществляются Коммунистической партией Советского Союза. Лучшие произведения Плеханова изданы на многих языках народов СССР и зарубежных стран. Написаны десятки книг и сотни статей о теоретическом наследии Плеханова.

Кем же был этот выдающийся человек, чья жизнь и судьба так прочно вплетены в историю российского и международного революционного движения, один из тех, кто олицетворяет передовую культуру русской нации, составляет ее гордость? Какой путь прошел Плеханов, пионер марксизма в России, как и почему произошел его отход от революционного марксизма? Какие исторические уроки вытекают из той сложной и противоречивой судьбы, которая выпала на долю Плеханова?

Эти вопросы продолжают интересовать, волновать и наших современников.

ГЛАВА I

Начало пути. Народничество и переход к марксизму

1. Детство и юность

И декабря (28 ноября по старому стилю) 1856 года в небольшой деревеньке Гудаловка Липецкого уезда Воронежской губернии в семье потомственного дворянина, отставного штабс-капитана Валентина Петровича Плеханова родился сын — первенец его молодой жены — Марии Федоровны, урожденной Бельнской^[3]. Три года назад умерла первая жена Валентина Петровича — на руках осталось семеро детей, старшие из которых уже были ровесниками его новой жены. Человек суровый, требовательный к окружающим и к себе, довольно образованный, он отличался яркими монархическими взглядами и оставался убежденным сторонником крепостного права.

Марии Федоровне было во время рождения сына Георгия 23 года. Она прожила нелегкую жизнь. Оставшись сиротой, воспитывалась у тети, потом училась на казенный счет в Тамбовском институте благородных девиц. В институте М. Ф. Бельнская благодаря своему уму и способностям слыла одной из лучших учениц и окончила его в 1849 году с отличием. После института Мария Федоровна служила гувернанткой в помещичьих семьях, сначала в Задонске, а затем в Липецке.

Родители Георгия Плеханова уделяли большое внимание обучению детей и формированию их характера. Валентин Петрович приучал сына к трудолюбию и дисциплинированности. Он любил повторять: надо работать всегда умрем — отдохнем. Эти слова Плеханов запомнил на всю жизнь. Георгий, как и другие дети Плехановых, никогда не чурался крестьянского труда и в летнюю страду участвовал в сельскохозяйственных работах.

От матери Георгий унаследовал ее доброту и впечатлительность, внимательное отношение к ближним. Она сама учила детей русскому языку, арифметике, французскому языку, прививала любовь к музыке.

До 12 лет Георгий жил в Гудаловке и под руководством матери прошел программу первого класса гимназии. В 1868 году он поступил во второй класс Воронежской военной гимназии, которую окончили и его старшие братья по отцовской линии. Они, как дети небогатого отставного военного,

имели право обучаться в гимназии на казенный счет.

Воронежская военная гимназия только в 1865 году была преобразована из кадетского корпуса. В гимназии был сильный преподавательский состав. Более других оказал влияние на молодого Плеханова преподаватель литературы Н. Ф. Бунаков, о котором он через 40 лет вспоминал: «У меня был выдающийся преподаватель русского языка. Я обязан ему весьма многим. Он привил мне любовь к словесности, приучил говорить и писать правильно, определенно, ясно и просто». Правда, на третий год пребывания Плеханова в гимназии директором ее стал грубый солдафон полковник А. П. Тыртов, он восстановил в качестве наказания порку, ухудшил питание воспитанников.

В младших классах Георгий был одним из лучших учеников, но в последние два года отметки его заметно снизились, появились и дисциплинарные взыскания. Он и еще несколько гимназистов увлекались прогрессивной русской литературой и меньше внимания обращали на обучение по программе военной гимназии. Известный историк В. Я. Яковлев-Богучарский, который учился там приблизительно в то же время, вспоминает: «То обстоятельство, что мы были воспитанниками военно-учебного заведения, нисколько не исключало увлечения нашего «статскими делами». В постоянных, хотя, конечно, в высшей степени незрелых, дебатах о Бокле и Марксе, о Спенсере и Михайловском, о субъективизме и объективизме в социологии и т. п. вещах проходили часы нашего досуга...» В последнем, шестом классе Плеханов по успеваемости занял среднее — десятое место, его балл при 12-балльной системе — 8 9/16. Причем самая высокая оценка — 12 — была получена по географии, а по истории, закону божьему и французскому языку — 10. По поведению Георгий Плеханов получил довольно низкую отметку — 8. Очевидно, преподаватели учли тот факт, что Плеханов и его два товарища в декабре 1872 года подверглись «строгому аресту на 2 дня с сокращением пищи», иначе говоря, карцеру, за то, что они после вечерней молитвы, когда все спали, отперли дверь кабинета физики и читали там какие-то книжки.

Увлечение передовой литературой оказало на Плеханова большое влияние. Об этом вспоминал впоследствии сам Георгий Валентинович: «Я был тогда в последнем классе военной гимназии. Мы сидели после обеда группой в несколько человек и читали Некрасова. Едва мы кончили «Железную дорогу», раздался сигнал, звавший нас на фронтное учение. Мы спрятали книгу и пошли в цейхгауз за ружьями, находясь под сильным впечатлением всего только что прочитанного нами. Когда мы строились, мой приятель С{оловцов} подошел ко мне и, сжимая в руке ружейный

ствол, прошептал: «Эх, взял бы я это ружье и пошел бы сражаться за русский народ». Эти слова, произнесенные украдкой в нескольких шагах от строгого военного начальства, глубоко врезались в мою память...»

После окончания военной гимназии он и еще десять выпускников в сопровождении унтер-офицеров (дядек) в августе 1873 года были отвезены в Петербург и определены в Константиновское артиллерийское училище.

Петербург встретил еще светлыми ночами. Несмотря на то, что люди побогаче разъехались по дачам, улицы были заполнены народом, что особенно поразило юношу, привыкшего к тихой провинциальной жизни Воронежа и Липецка. В редкие дни, когда удавалось вырваться из училища, Георгий ходил по городу, очарованный строгой красотой столицы. Как не хотелось возвращаться в казармы! И настал день, когда Георгий остро почувствовал, что он не может и не хочет продолжать карьеру профессионального военного. Он не должен смириться с такой судьбой. Офицерская среда, с которой его познакомил брат Митрофан, еще больше убедила Георгия в невозможности такого пути.

В мае 1873 года умер отец. Мать, поглощенная своим горем и материальными заботами, свалившимися на ее плечи, не хотела мешать своему сыну. Не проучившись в Константиновском училище и четырех месяцев, Георгий подал прошение с просьбой освободить его от военной службы по состоянию здоровья. Прошение было удовлетворено, и в декабре 1873 года Георгий приехал в Гудаловку. Он решил поступить в Петербургский горный институт, а для этого надо было подготовиться к экзаменам и, главное, к экзамену по химии, которую Георгий знал слабо.

Половина года прошла спокойно. Георгий много занимался, часто гулял вместе с сестрами, братом и матерью, старался отвлечь их от печальных мыслей. Он уже в то время перестал верить в бога, чем очень огорчал мать, которая после смерти мужа стала особенно религиозной. Георгий пытался убедить в своих взглядах сестер и брата. Он любил напевать песню, в которой были слова: «А для поповской глотки глоток вонючей водки».

Чтобы сделать матери приятное, он по вечерам читал вслух Евангелие. Но и здесь он иногда не мог удержаться от иронии. Когда он читал притчу о прозрении слепорожденного, то с таким выражением прочитал слова о том, что Иисус Христос «сделал брение из плюновения» для того, чтобы помазать очи слепому, что сестры и брат, не удержавшись, рассмеялись.

Подготовка к экзаменам шла успешно, но в конце лета Георгий тяжело заболел, врачи поставили диагноз — грудная жаба. Во сне мучили видения. Чаще всего он видел героев своей любимой книги «Что делать?», которых

кто-то преследовал, и он старался их спасти. Мария Федоровна все время просиживала у постели сына, никому не доверяя уход за ним. Когда Жорж, так звали его домашние, стал поправляться, случилась новая беда — как-то ночью загорелся дом. Едва успели вынести вещи, часть книг. Больше спасти ничего не удалось.

В конце августа 1874 года Георгий поехал в Петербург сдавать экзамены. Благополучно сдав математику и химию, он пришел на экзамен по физике. К нему подошел высокий худощавый юноша, явно чем-то взволнованный. Он спросил Плеханова:

— Вы собираетесь сдавать экзамен по физике?

— Да, для этого я и пришел сюда.

— Если сегодня будет экзаменовать Краевич, то обязательно провалитесь.

— Почему вы так плохо обо мне думаете?

— Да если бы вы знали физику, как он сам, то и тогда он умудрился бы вас срезать.

Затем юноша удалился куда-то, а вернувшись, воскликнул ликующим голосом:

— Ура! Мы спасены: Краевич не пришел, будет экзаменовать другой профессор.

Незнакомец, успокоившись, представился — Всеволод Гаршин. Знакомство их продолжилось, и, пожалуй, ни с кем из студентов не был так близок Плеханов в это время, как с Гаршиным.

В сентябре 1874 года Плеханов стал студентом Горного института. Занимался он со страстью. Особенно увлекала Георгия химия. Первое время очень мешало занятиям отсутствие отдельной комнаты, снять ее было не на что — мать могла посылать Георгию только небольшие суммы. Но через несколько месяцев он получил Екатерининскую стипендию, которую выдавали бедным студентам за хорошие успехи в учебе. Вскоре Георгий мог снять совместно с товарищем — Александром Ивановичем Успенским, студентом Медико-хирургической академии, квартиру на Кронверкском (ныне Кировском) проспекте, в доме № 67. Одна из комнат служила столовой, и нередко в ней ночевали знакомые Успенского, который был связан с революционными народническими кругами. Так Плеханов познакомился с видными народниками, имевшими немалый опыт революционной деятельности и находившимися на нелегальном положении.

2. Народник-пропагандист

Лев Дейч оставил нам портрет Плеханова той поры: «Своей внешностью и костюмом Плеханов... нисколько не походил на «нигилиста»: он одевался чисто, аккуратно, но без претензий на франтовство; волосы на голове причесывал назад, небольшую темно-русую бородку своевременно подстригал... Манерами, приемами и обращением Плеханов также резко отличался от нас: он был вежлив, корректен... У него было очень выразительное, умное лицо, сразу обращавшее на себя внимание. Особенно замечательны были его, казалось, пронизавшие собеседника насквозь темно-карие глаза, смотревшие то сурово из-под чрезвычайно густых бровей и длинных ресниц, то с иронической насмешкой».

Знакомство с революционерами — Александром Михайловым, Сергеем Кравчинским, Софьей Перовской, Степаном Халтуриным, Петром Моисеенко имело большое значение для интеллектуального развития Георгия Плеханова. Это в большинстве своем были люди исключительные. Им свойственны самоотверженность, душевная чистота и чуткость, преданность товарищам, благородство помыслов. Ради светлой идеи освобождения своего народа от царской тирании они готовы были пожертвовать всем, вплоть до жизни. Под их влиянием Плеханов уже с этого, 1875 года включился в революционную деятельность народников, храня нелегальную литературу и выполняя различные поручения.

Георгий еще продолжал учиться — ходить на лекции и практические занятия, отлично сдавать экзамены, но в его сознании шла интенсивная работа: осмысление настоящего и будущего.

Среди новых друзей Плеханова не было единодушия. Большинство из них принадлежали к бакунинскому течению народничества, но были среди них и сторонники Петра Лаврова («лавристы»). Между ними шли горячие споры о том, как должно развиваться дальше революционное движение в России.

Теоретические взгляды бакунистов представляли собой смесь самых разных идей. Они с одинаковой яростью критиковали буржуазные порядки и взгляды, призывая к разрушению капиталистических отношений на Западе, и нападали с анархистских позиций на социалистические теории марксистов. Главный враг человечества, считал М. А. Бакунин, — это государство, и революционер обязан бороться за социальную революцию, отвергая политическую борьбу, презирая любую «политику». Бакунисты в

России, однако, принимали не все идеи Бакунина, считая необходимым готовиться к всеобщему крестьянскому бунту, который, по их мнению, должен произойти в России в ближайшее время, и направить ее на путь социализма.

Идеолог другого направления в русском народничестве П. Л. Лавров был хорошо знаком с Марксом, Энгельсом, с их идеями, некоторые из которых повлияли и на его взгляды, но все же он оставался на позициях утопического крестьянского социализма и идеалистического понимания истории, что отдаляло его от пролетарского революционного движения, от марксизма. «Лавристы» полагали, что ведущая сила развития общества — это интеллигентная личность. Поэтому, для того чтобы отдать свой долг народу, интеллигенция обязана искупить свою вину борьбой с народными угнетателями, с самодержавием. «Лавристы» считали необходимым готовить революцию путем социалистической пропаганды среди крестьян. Вопрос о сроках и методах подготовки революции разделял сторонников этих основных направлений революционного народничества 70-х годов XIX века. Неудачи «хождения в народ», которое было предпринято народниками в 70-х годах, обострили разногласия между этими течениями. Споры на студенческих вечеринках доходили чуть не до рукопашной. Стороны апеллировали к одним и тем же авторитетам, но по-своему истолковывали их положения. Часто в этих спорах упоминалось имя немецкого ученого и революционера Карла Маркса.

Георгий Плеханов решил познакомиться с работами Карла Маркса и его соратника Фридриха Энгельса. Он пошел в Императорскую публичную библиотеку, в которую записался вскоре после поступления в Горный институт. Он любил заниматься в просторном читальном зале, куда пускали студенческую молодежь. Народа в библиотеке, как правило, было немного, и он один занимал целый стол. Дежурные библиотекари уже знали Плеханова как постоянного читателя и с готовностью помогали ему. И в этот раз библиотекарь принес Георгию несколько толстых книг. Это были «Капитал» К. Маркса и сочинения Ф. Энгельса. Но эти книги были на немецком языке, который Георгий знал тогда недостаточно, чтобы прочесть такие сложные произведения. Разочарованный, он ушел из библиотеки.

Своими огорчениями Плеханов поделился с товарищами. Кто-то предложил познакомить его с Иваном Федоровичем Фесенко, большим знатоком истории экономических учений. Иван Федорович был на десять лет старше Георгия и казался ему чуть ли не пожилым человеком. Несмотря на это, между ними установились тесные дружеские отношения. Вскоре образовался кружок из нескольких человек, где Фесенко регулярно

читал лекции по политической экономии. Большая часть этих лекций была посвящена разбору первого тома «Капитала».

Он был переведен Н. Д. Даниельсоном и Г. А. Лопатиным и издан в 1872 году в Петербурге. Фесенко имел один экземпляр книги. Конечно, и в Публичной библиотеке было это издание, но оно не выдавалось студентам.

Подробное изучение «Капитала» Маркса под руководством такого опытного человека, как И. Ф. Фесенко, уже в то время позволило молодому Плеханову овладеть основами экономической теории марксизма.

Через 30 лет Плеханов вспоминал: «В народнический период моего развития я, как и все наши народники, находился под сильным влиянием сочинений Бакунина, из которых я и вынес великое уважение к материалистическому объяснению истории. Я уже тогда был твердо убежден в том, что именно историческая теория Маркса должна дать нам ключ к пониманию тех задач, которые мы должны решить в своей практической деятельности... Это уже несомненный марксизм. Но этот марксизм достиг до моего сознания, пройдя сначала призму бакунинского учения, и потому он приводил меня к несостоятельным утопическим выводам».

1876 год был очень важным для Плеханова. В начале года в его комнате устроили нелегальное собрание, на которое пришла большая группа рабочих-пропагандистов. У него уже был один знакомый рабочий — Митрофанов, человек начитанный, мысли и настроения которого были такими же, как и у друзей Плеханова из интеллигенции — народников. Но Георгий думал, что Митрофанов — исключение. Он очень волновался перед встречей с рабочими. Но все оказалось гораздо проще и интереснее, чем он предполагал.

Рабочие и студенты входили в комнату поодиночке. Когда все собрались, то с горячностью начали обсуждать программу занятий в революционных кружках. Рабочие хотели, чтобы в революционных кружках наряду с пропагандой революционных идей шло преподавание общеобразовательных предметов.

Позднее Плеханов писал об этом вечере: «Впечатление, произведенное ими (рабочими-революционерами. — Авт.) на меня, было потрясающе. Я видел и помнил только то, что все эти люди, самым несомненным образом принадлежавшие к «народу», были сравнительно очень развитыми людьми, с которыми я мог говорить так же просто и, следовательно, так же искренне, как со своими знакомыми-студентами».

Прощаясь, многие рабочие пригласили Плеханова в гости. Он рад был поближе узнать их жизнь.

Вскоре Георгию поручили руководить кружком рабочих. Он долго готовился к занятиям, со слушателями сразу же установились дружеские отношения. Беседы с рабочими много давали и самому руководителю.

В жизнь Плеханова в этот же год пришла и любовь. На одной студенческой вечеринке, собранной для встречи с бежавшим из тюрьмы товарищем, Георгий познакомился с двумя курсистками — Наталией Александровной Смирновой и Теофилией Васильевной Полляк. Они были немного старше Плеханова и уже несколько лет оказывали помощь революционерам. Наталия Александровна очень понравилась юноше. Однажды, встретив Теофилию Васильевну, Плеханов решил поделиться с ней своими мыслями.

Теофилия Полляк была известна своей исключительной добротой. Стоило кому-либо из ее многочисленных приятельниц попасть в беду, как она бросала все свои дела и старалась, как могла, помочь подруге. Она пользовалась непререкаемым авторитетом среди слушательниц женских курсов при Медико-хирургической академии. Плеханов и сам немного побаивался ее черных пронизательных глаз, но объясниться с Теофилией ему было все же легче, чем с самой Наталией Александровной.

— Теофилия Васильевна, я обращаюсь к вам за советом. Вы, наверно, заметили мое чувство к Наталии Александровне? Я понимаю, что я еще молод, не обеспечен, да и не знаю, как сложится мое будущее, но я ее люблю и хотел бы знать ваше мнение — могу ли я рассчитывать на взаимность? Я знаю, что Наташа любила...

Теофилия не сразу ответила, она о чем-то глубоко задумалась. Он уже отчаялся услышать ее ответ.

— Георгий Валентинович, я должна кое-что сообщить вам. Да, Наташа любила, и у нее будет ребенок, а отец будущего ребенка, как вы знаете, сослан. К родителям в таком положении вернуться она не может. Как видите, ситуация не из веселых. Так что забудьте, милый юноша, всю эту историю.

— Напротив. Выход из этой ситуации есть. Я женюсь на Наталии Александровне и усыновлю ее ребенка. Конечно, если только она согласится.

— Не знаю. Ваше предложение я передам Наташе, и ей самой решать.

Прошло несколько дней, прежде чем Георгий увиделся с Наталией Александровной. Зная о ее положении, он теперь заметил, как плохо она себя чувствует, как старается скрыть свою полноту. Она была ласкова с Георгием, но попросила время подумать. Через две недели она дала согласие на брак.

21 октября 1876 года в церкви Медико-хирургической академии состоялось скромное венчание бывшего юнкера Г. В. Плеханова с домашней учительницей Н. А. Смирновой.

Георгий был счастлив. Однако вскоре Плеханов почувствовал, что жена питает к нему только дружеское чувство. Горечь и обида захлестнули его сердце. Он старался поменьше бывать дома, допоздна засиживался у своих друзей, готовясь к занятиям в рабочем кружке.

В начале декабря 1876 года на подпольном собрании руководителей народнических кружков, которые приняли название революционной организации 60-х годов «Земля и воля», было решено устроить политическую демонстрацию в центре столицы. Плеханов и еще несколько народников, имевшие связи среди рабочих, должны были агитировать к участию в демонстрации своих слушателей и их товарищей. Целыми днями Плеханов бегал по заводским кварталам, посещая знакомых, или, переодевшись в рабочую блузу, разыскивал нужных людей на территориях фабрик и заводов. В то время вход на заводские дворы был свободен, пропуск не требовался, и это было на руку революционерам.

Демонстрация была назначена на 6 декабря 1876 года. С утра к Казанскому собору стали подходить группы рабочих и революционного студенчества. Ждали, когда подтянутся остальные. Кто-то предложил заказать молитву во здравие раба божьего Николая, имея в виду Н. Г. Чернышевского, который уже 12 лет томился на каторге. Собралось довольно много народа, больше, чем обычно приходило на молитву, и, главное, по своему составу эти «богомольцы» очень отличались от всегдашних. Это и обеспокоило полицию. Сюда срочно прислали несколько нарядов городских и стали собирать дворников.

После окончания молитвы организаторы решили начать. Несколько сот рабочих и студентов окружили оратора — молодого человека в студенческой фуражке, который поднялся на правое крыло колоннады. Это был Георгий Плеханов.

Волнение, охватившее Плеханова, быстро улеглось, и теперь его голос звучал громко и призывно.

— Друзья, мы только что отслужили молебен во здравие Николая Гавриловича и других мучеников за народное дело. Вам, собравшимся здесь работникам, давно пора знать, кто был Чернышевский. Это был писатель, сосланный в 1864 году на каторгу за то, что волю, данную царем-«освободителем», он назвал обманом... Таких людей — не один Чернышевский, их было и есть много...

Плеханов остановился на мгновение, посмотрел на решительные лица

своих товарищей и уже громче продолжил:

— Друзья! Мы собрались, чтобы заявить здесь перед всем Петербургом, перед всей Россией нашу полную солидарность с этими людьми; наше знамя — их знамя. На нем написано — земля и воля крестьянину и работнику! Вот оно — да здравствует земля и воля!

Стоявший рядом наготове рабочий Яша Потапов, которому было всего шестнадцать лет, развернул красное знамя. Несколько голосов подхватили призыв: «Да здравствует земля и воля! Да здравствует социальная революция!» Но к знамени уже проталкивались полицейские. Знамя свернули и спрятали, оратору дали другую шапку и так все вместе, толпой, стали отступать по Казанскому переулку. Георгий видел, как полицейские и дворники хватают участников демонстрации. Он побежал вместе с товарищами, петляя по прилегающим улицам, и вскоре преследователи отстали. Он испытывал необыкновенный подъем и радость от того, что задуманное дело свершилось, что теперь уже царским властям нельзя скрыть существование революционной организации. Эта первая в России политическая демонстрация, в которой участвовали рабочие, имела большое значение для начала подъема российского революционного движения.

Когда волнение прошло, Георгия стала мучить неизвестность об арестованных товарищах. К этому прибавилось беспокойство за жену: когда он выступал, то видел, что она стояла на противоположной стороне Невского. Домой идти было нельзя — там уже ждала полиция. Он пошел на нелегальную квартиру. Его встретили шумными поздравлениями. Отныне Георгий Плеханов стал профессиональным революционером и перешел на нелегальное положение. Прощай, Горный институт, обеспеченное будущее, прощайте, родные, с которыми отныне ему будет трудно встречаться.

На следующий день его разыскала Наталия Александровна. Ее действительно арестовали, несмотря на то, что она была на девятом месяце беременности, но утром 7 декабря выпустили. Договорились, что будут держать связь через Теофилию Полляк. Вскоре стало известно, что по делу о Казанской демонстрации был арестован 31 человек, большинство — рабочие. Правительство, желая представить рабочих жертвами пропаганды «нигилистов», ограничилось сравнительно небольшими сроками высылки для них. Зато интеллигентам-народникам были вынесены суровые приговоры.

По решению руководства «Земли и воли» Плеханова решили на время отправить за границу. Он нелегально в начале 1877 года перешел границу и

через Швейцарию попал в Германию. Политические свободы в Германии по сравнению с самодержавной Россией тогда были несколько большими. Но знакомство с немецкой социал-демократией не поколебало народнических взглядов Плеханова. Через несколько недель он выехал во Францию. В Париже была многочисленная колония русских революционеров. Общеизвестным их лидером был Петр Лавров. У Плеханова были рекомендательные письма к Лаврову, который радушно встречал каждого приехавшего из России. Маститый ученый, широко образованный человек, много лет проживший в политической эмиграции, Лавров был тесно связан с революционным движением на родине. Его «Исторические письма», вышедшие под псевдонимом «Миртов», его журнал «Вперед» были в числе нелегальной литературы, которую изучали и пропагандировали народники. С трепетом Плеханов вошел в большую комнату, сплошь заставленную стеллажами с книгами. Навстречу ему поднялся старик с длинными волосами и бородой.

— Здравствуйте, оратор, слышал о вашем выступлении на демонстрации, рад с вами познакомиться.

— Петр Лаврович, вам передают приветы многие наши товарищи, они все просили узнать, как ваше здоровье.

— Благодарю. Здоровье мое ничего, какое может быть здоровье у старого человека. Расскажите-ка лучше о ходе революционной работы. Вы сами в деревне жили?

— Жил в детстве, а пропаганду вел только среди рабочих. Они прекрасно понимают цели нашей борьбы, и среди них много прирожденных вожаков. А в деревне, как вы знаете, Петр Лаврович, наши терпят провал за провалом.

— Не надо так мрачно смотреть на работу в деревне. Очень вам советую самому там пожить, у вас есть способности к пропаганде, вот и примените их на деле.

— После возвращения в Россию я так и сделаю. А теперь я очень прошу вас дать мне возможность почитать ту литературу, которой нет в России. Ваша библиотека притягивает как магнит такого профана, как я.

— Если бы вы были профаном, то библиотека не притягивала бы, а наоборот. Конечно, мои книги к вашим услугам, но прошу вас аккуратно возвращать их.

Беседы с П. Л. Лавровым в то время оказали на Плеханова определенное воздействие. В 1881 году, то есть через три года, он писал Лаврову: «С тех самых пор, как во мне начала пробуждаться «критическая мысль», вы, Маркс и Чернышевский были любимейшими моими авторами,

воспитавшими и развившими мой ум во всех отношениях».

Летом 1877 года Плеханов нелегально, с помощью контрабандистов, вернулся в Россию. В Петербурге полиция все еще активно его разыскивала, поэтому он вынужден был выехать в провинцию. Георгий решил остановиться в Саратове.

В его отсутствие в январе у Наталии Александровны родилась дочь — Надежда, которую она вскоре же отправила к своим родственникам на воспитание. Поехать с Георгием Валентиновичем в Саратов она не могла. Она жила на легальном положении, и полиция не переставала следить за ней, надеясь арестовать Плеханова; к тому же Наталия Александровна продолжала учебу на медицинских курсах, которые должна была кончить через два года.

Плеханову не удалось устроиться в Саратовской губернии сельским учителем, хотя у него был настоящий документ — паспорт одного легального товарища. Это обстоятельство чуть не сыграло с ним дурную шутку. Однажды, когда он сидел в приемной губернатора, чиновник назвал его по фамилии. И вдруг к нему обратился ждавший приема священник/

— Вы господин Х?

— Да, я.

— Ах, как приятно вас встретить. Ведь я знаю вас с малых лет, и батюшку вашего, и матушку. Расскажите же все о них и о себе.

Плеханову пришлось напрячь всю свою фантазию и изобретательность, чтобы так рассказать о семье товарища о которой он очень мало знал, чтобы не возбудить подозрений у собеседника. К счастью, священник не догадался об обмане.

Плеханов прожил несколько месяцев в Саратове. Он организовал кружок из местных народников и с их помощью начал пропаганду среди рабочих немногочисленных тогда саратовских фабрик. Но полиция случайно напала на конспиративную квартиру и арестовала Плеханова. Это был уже второй арест. Первый раз Плеханов был обыскан, арестован и допрошен в Петербурге в марте 1876 года. Тогда Плеханова через несколько часов отпустили. Теперь, в Саратове, повторилась та же история. В полицейском участке Плеханов, ссылаясь на «знакомого» священника, доказал свою непричастность к революционерам, обыск на его квартире ничего не дал, и полицейские больше его не задерживали. После этого оставаться в Саратове было нельзя, и Георгий поспешил в Петербург. Там его ждали дола, товарищи, жена.

Зима для нелегального — трудное время. Георгий ночевал у знакомых, на летних дачах, на вокзалах. Он плохо питался, похудел и обносился.

Однажды ему удалось увидеться с женой. Вместе с Наталией Александровной пришла и Теофилия Полляк.

— Жорж, — говорила Теофилия, — почему вы так плохо выглядите? Ведь одеться получше, хотя бы потеплее, вы можете. Я знаю, что у вас много денег...

— Да ведь это деньги не мои, а партии. Конечно, мне никто не отказал бы, если бы я купил себе теплое пальто, но я сам определил себе минимум и не хочу переступить его.

— А если из-за такого вида вы попадете под подозрение?

— Ну, — смеясь, отвечал он, — никто от этого не гарантирован. Я иногда мечтаю о теплой кутузке, где мог бы спокойно отоспаться.

— Напрасно ты не дорожишь своим здоровьем, — вступила в разговор Наталия Александровна, — я должна тебе сказать, от Теофилии у меня секретов нет, что ты скоро будешь отцом.

Георгий даже растерялся. Как отвечать за новую жизнь, как в таких условиях он сможет обеспечить ребенка всем необходимым.

— Наташа, я очень благодарен тебе за все. Но, прошу тебя, ведь я не знаю, когда мы снова увидимся, отправь ребенка к моей матушке. И ему будет хорошо в провинции, и матушке легче. Она недавно приезжала в Петербург, пыталась меня найти...

— Вы ее видели, Жорж? — живо спросила Теофилия.

— Нет, я не мог с ней встретиться. И так за ней неусыпно следит полиция, говорят, еженедельно приходит околоточный. Я дважды посылал ей записки. Вот она и надумала ехать к императрице, просить помилование для меня. Бедная мама, ей так трудно было, она впервые выбралась в столицу, и все ради меня.

— И попала она к императрице?

— Нет, конечно. Пока она добивалась аудиенции, я передал с одним земляком просьбу, чтобы она этого не делала. Так мама и уехала в Липецк. Если ей не суждено меня увидеть, то пусть хоть нашего ребенка понянчит. И еще одна просьба, Наташа. Если это будет сын — назови его Николаем, в честь Николая Гавриловича.

— Второе я обещаю, а о первом надо еще подумать. Да и рано. Это будет еще весной.

Георгий тревожился за судьбу жены и будущего ребенка. И еще его беспокоила холодность Наталии Александровны.

Вскоре Георгий узнал, что вернулся из ссылки прежний возлюбленный его жены.

Наталия Александровна родила сына, которого назвала Николаем. Она

отказалась отправить его к бабушке в Липецк и отдала кормилице. Через несколько месяцев Николенька умер. Наталия Александровна, сообщив Плеханову о смерти сына, добавила, что она никогда по-настоящему не любила Георгия и теперь намерена вернуться к первому мужу. Тоска по умершему ребенку, которого ему так и не удалось повидать, горе и обида на любимую женщину, которая вычеркнула его из своей жизни, надолго омрачили жизнь Плеханова.

В конце декабря 1877 года умер Н. А. Некрасов. Народники решили принять участие в похоронах. Кроме желания отдать последний долг поэту, они хотели показать Петербургу, что аресты не разрушили революционную народническую организацию.

— А если полиция попытается нас арестовать, то окажем ей сопротивление. Мы возьмем револьверы и посмотрим — кто кого, — говорил присутствующий на совещании Осип Аптекман.

— А кто будет выступать?

— Попросим Жоржа Плеханова. Недаром его теперь все зовут оратором.

Накануне похорон ночевали в студенческой коммуне на 8-й улице Песков^[4]. Плеханову постелили на полу старое пальто. Он долго не мог заснуть, думал, о чем будет говорить завтра: «Главное — о революционном значении поэзии Некрасова. Надо показать, какими яркими красками изображал он бедственное положение народа, и подчеркнуть, что в таком положении виновато в первую очередь правительство. Некрасов впервые в легальной русской печати воспел декабристов, этих предшественников нашего революционного движения». Засыпая, он повторял отрывки из «Русских женщин».

Утром собрались у дома Некрасова, ждали, когда вынесут гроб. Кто-то громко начал читать «Парадный подъезд», глядя на дом министра государственных имуществ М. Н. Муравьева, выделявшийся красивым крыльцом, у которого разыгрывались сцены, изображенные в некрасовском стихотворении. Все молча слушали. После последних строк:

Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуюсь закону,
Все, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил? —

кто-то робко захлопал, но сразу же оборвал, вспомнив, по какому поводу были прочитаны стихи.

Плеханов замерзал в своем легком пальто и плохих ботинках. Наконец вынесли гроб, поставили на катафалк, все построились и пошли следом. Шли по Литейному, потом по Невскому. По дороге к процессии присоединилось много народу. Полицейских было мало, и они шли где-то сбоку. Когда вышли на Лиговку, подоспела группа товарищей с венком — золотом по красному фону было написано: «От социалистов». Незаметно дошли до Новодевичьего кладбища. Во время отпевания революционеры не вошли в церковь и мерзли на ветру. Георгий думал о Некрасове, но время от времени в голове проносилось: «Почему всегда на вокзалах и кладбищах особенно холодно? Вот и я умру. Если доживу до лет Николая Александровича, то хорошо бы, чтобы провожало много народа. Вот глупость-то. Революционеров открыто не хоронят. Как бы раньше времени не умереть от простуды...»

Наконец отпевание кончилось, и началось прощание. Выступали известные ученые, литераторы.

— Жорж, ты знаешь, кто этот господин?

— Не знаю, но интересно говорит.

— Это же Федор Достоевский...

Неожиданно для организаторов похорон слова попросил молодой человек. Это был Плеханов. Георгий почувствовал, что все отступило на второй план и осталась только боль утраты, желание передать свои чувства людям, обступившим свежую могилу.

Сразу после выступления двое городских пытались арестовать Плеханова, но он сумел быстро затеряться в толпе. Затем, наняв нескольких извозчиков, народники благополучно уехали. Георгий с группой товарищей поспешил в трактир — погреться и поесть. Все хвалили его выступление и шумно радовались успеху.

В то время главное внимание Плеханова поглощала работа среди питерских рабочих. Уже позже полицейский чиновник В. В. Блинов отмечал: «Плеханов имел громадное влияние на фабричное население, среди которого велась революционная пропаганда под его руководством».

И таких утверждений в полицейских документах и в воспоминаниях революционеров довольно много.

То, что Плеханов имел уже тогда «громадное» влияние, — это,

конечно, преувеличение. Рабочее движение еще только зарождалось, пролетариат в России еще складывался как класс. Заводские и фабричные рабочие очень отличались друг от друга, так как многие фабричные были сезонниками: летом жили в деревне, а зимой на заработок приходили в город. Поэтому методы пропаганды среди квалифицированных рабочих металлургических заводов и среди сезонников, вербовавшихся на текстильные и другие фабрики, были разными. Плеханов находил общий язык и с теми, и с другими. Среди народников, которые вели пропаганду среди рабочих, Плеханов считался одним из наиболее опытных и умелых, в кругах рабочих он имел уже двухлетние связи.

В январе 1878 года на Василеостровском патронном заводе погибло шесть рабочих. Причиной гибели была плохая техника безопасности — хозяева не желали тратить «лишние» деньги. Георгий написал воззвание: «Рабочим Патронного завода». Оно кончалось горячим призывом: «Рабочие! Пора вам самим взяться за ум: помощи ждать вам не от кого! Не дождетесь вы ее от начальства! Долго ждало помощи от него крестьянство и дождалось кочек да болот, да податей еще тяжелее, еще больше прежнего! Долго терпели и вы и дождались того, что вас жгут живьем и пускают по миру ваши семьи! Долго ли еще будешь терпеть ты, рабочий народ?!»

Черновик воззвания Плеханов показал своему новому знакомому, с которым близко сошелся в эти дни, рабочему Степану Халтурину. Степан одобрил текст листовки, она была напечатана и разбросана на территории Патронного и других заводов.

В день похорон жертв катастрофы стоял сильный мороз. Несмотря на это, за гробом шли рабочие всех фабрик и заводов Васильевского острова и представители других районов. Социалистов в этом многочисленном шествии было немного. Плеханов в рабочей одежде шагал в первой шеренге. Рядом шли Степан Халтурин, Валериан Осинский. Гулко билось сердце: «Вот она, рабочая солидарность. Вот он, питерский пролетариат».

О конце похорон вспоминал сам Плеханов: «Полиция, все время сопровождавшая шествие в довольно значительном количестве и усиленная новым отрядом городских у входа на кладбище, стала вокруг могил; священник пропел последнюю молитву; гробы опустили в землю. Пока их зарывали, толпа оставалась вполне спокойной... Но когда все было кончено и настало время расходиться, в ней началось какое-то движение. Незнакомый нам полный, рыжий рабочий протискался к одной из крайних могил.

— Господа! — воскликнул он дрожащим от волнения голосом. — Мы

хороним сегодня шесть жертв, убитых не турками, а попечительным начальством. Наше начальство...

Его прервали.

Раздались полицейские свистки, и околоточный надзиратель положил ему руку на плечо со словами: «Я вас арестую». Но едва успел он выговорить это, как произошло нечто совершенно неожиданное. Со всех сторон раздались негодующие крики, и толпа, та самая толпа, которая произвела на нас безнадежное впечатление своею будто бы буржуазною прилизанностью, дружно кинулась на оторопевших полицейских. В одно мгновение арестованный был куда-то далеко унесен нахлынувшей рабочей волной, а пытавшийся взять его околоточный не совсем твердым голосом извинялся перед публикой» (1—III, 157)^[5].

Плеханова хорошо знали на фабриках, расположенных вдоль Обводного канала. В марте 1878 года вспыхнула стихийная забастовка на фабрике Новая бумагопрядильня. Причина — снижение расценок. Рабочие не уходили, они стояли группками на фабричном дворе. Георгий ходил между ними и объяснял, каким образом наживается их хозяин. Стихийно образовался стачечный комитет. Через него поступали деньги бастующим, собранные среди демократически настроенной интеллигенции. Но этих денег было мало. На заседании комитета было решено обратиться за помощью к рабочим других текстильных фабрик. Плеханов написал листовку, и ее отпечатали в типографии «Земли и воли». Плеханов специально писал это воззвание, приравнивая к понятиям и языку рабочих, только что пришедших из деревни: «Друзья рабочие! Вот теперь рабочие с Новой Бумагопрядильни стакнулись, держатся все время дружно. Вам нужно поддержать их... Неужели давать издеваться над рабочими всякому жулику? Нет, вы соберете в их пользу деньги: нынче вы им поможете, а завтра они вам. Ведь и вы не в раю живете, и вам, может, придется считаться с хозяином... Так и помогай друг дружке — на людях и смерть красна» (3—I, 382).

Отпечатали несколько сот листовок, получился увесистый тючок. Георгий решил за один раз отнести весь этот пакет. Он подобрал на конспиративной квартире костюм попримечнее, взял саквояж, в который сложил листовки. Подъехал к фабрике на пролетке и быстро направился к административному зданию. Не доходя нескольких шагов по дверей, быстро свернул и известным ему проходом побежал к котельной. Там обычно собирались комитетчики, и, к счастью, там был один из них. Георгий быстро передал ему содержимое саквояжа и вышел на фабричный двор. Но у входа его задержала охрана и передала околоточному. По пути в

участок Плеханов обдумал линию поведения. Поскольку сторожа с ними не было, он утверждал, что проходил мимо фабричных ворот и неожиданно был задержан. Его заперли в отдельной комнате, куда заглядывали через окошечко какие-то типы, очевидно филеры. Но они не узнали в хорошо одетом господине примелькавшегося им человека в рабочем платье. Наутро, когда пришел начальник, Плеханов разыграл сцену возмущения необоснованным арестом. Он начальственно повысил голос: «Я самым энергичным образом протестую против моего совершенно произвольного ареста. Я еще раз прошу составить протокол».

Потом, обращаясь к околоточному, приведшему его вчера сюда, сказал: «Прошу вас, милейший, принесите мне воды, да в чистом стакане». Тот, растерявшись, выполнил просьбу властного господина. Паспорт, хоть и фальшивый, был хорошо сделан. В нем значилось, что податель его — почетный гражданин А. С. Максимов-Дружбин. Полицейские извинились за ошибку, и Плеханов поспешил скрыться, пока они не одумались. Позднее он так вспоминал об этом происшествии: «Арест мой продолжался всего один день. В качестве «нелегального» я имел недурной паспорт и носил ничем не запятнанное в глазах полиции имя какого-то потомственного гражданина. Меня выпустили, обязав подпиской о невыезде. Я добросовестно исполнил это обязательство, так как долго после этого не покидал Петербурга».

Теперь Георгий Плеханов не мог показываться на территории Новой бумагопрядильни. Но рабочие сами приходили к нему, советовались и рассказывали о ходе дела. Через несколько дней пришлось прекратить забастовку, но она имела огромное значение, показав рабочим Петербурга, на чьей стороне находятся царские власти, которые помогли фабрикантам одержать победу. А Плеханов поместил в легальной газете «Новости» информацию о ходе забастовки и ее итогах. Заметки были без подписи. Это было первое выступление Г. В. Плеханова в открытой печати.

Теперь он начинает регулярно помещать статьи в нелегальной прессе — в журнале «Земля и воля», куда его вскоре вводят в редколлегию, — и в легальных газетах и журналах под псевдонимами и без подписи. Среди своих товарищей он уже в это время выделяется серьезными знаниями, умением четко излагать свои мысли.

Пользуясь тем, что в Публичной библиотеке в то время можно было спокойно заниматься — позднее шпионы выслеживали там революционеров, — он часто подолгу задерживался в ее гостеприимных стенах. На всю жизнь у него остались теплые воспоминания о многих часах, проведенных в ее залах. Уже тогда, изучая какой-либо вопрос,

Плеханов умел сосредоточенно и планомерно работать с литературой. Ведь он не имел возможности продолжать образование — в 1877 году, став нелегальным, он перестал посещать занятия и был отчислен из Горного института «по малоуспешности», как значилось в документе. Но, продолжая упорно заниматься, Плеханов через несколько лет стал одним из наиболее образованных людей своего времени. Однако знания для него не были самоцелью. Всю жизнь, упорно расширяя свои познания, он копил их для использования в борьбе за победу революции в России.

Вот и теперь он жадно читал экономическую, историческую, философскую литературу для того, чтобы ясно представлять задачи, связанные с развитием революционного движения в России.

Однажды он пришел на нелегальную квартиру позже обычного и, ничего не замечая, сел в углу, просматривая какие-то записки.

— Жорж, что с вами? Садитесь пить чай, ведь одной духовной пищей сыт не будешь, — обратилась к нему «хозяйка» квартиры.

— Спасибо, я и голоден, и замерз ужасно. Но вот послушайте, какую интересную книгу я сегодня прочитал.

— Да кто автор? Наш или из Европы?

— Наш, наш. Книга только что вышла.

— Легальная? Что же в ней может быть столь интересного?

— Автор Ю. Э. Янсон написал «Сравнительную статистику России и западноевропейских государств». Здесь приводятся очень интересные цифры. Вот послушайте, таково численное отношение земледельческого, промышленного и торгового класса в Англии, Пруссии и Франции.

— Ну и что же? Нам какое дело до их классов!

— Да вот в «Капитале» Маркса говорится о роли рабочих в революционном движении. Но ведь на Западе совсем другая картина, чем у нас. В Англии промышленный класс составляет 22,7 процента, в Пруссии — 9,1 процента, во Франции — 10,6 процента.

— А в России?

— В России точной статистики не существует, но если судить по численности сословий сельских и городских, то промышленные классы у нас составляют 10 процентов.

— Ба, да это больше, чем в Пруссии. Не податься ли вам в социал-демократы?

— Напрасно вы смеетесь. Есть и другие цифры. Если распределить в процентах по занятиям одно производительное население, то в промышленности в Англии занято 52,5 процента, во Франции — 28,4 процента и даже в Пруссии — 25,6 процента. Эти цифры показывают

громадную разницу в хозяйственном укладе России и главных европейских стран. Все это имеет большой интерес для всякого революционного деятеля.

— Но ведь мы в этом и не сомневались. Что же вас так растревожило в этой книге господина Янсона?

— Вот в том-то и дело. Разница-то есть, но какова тенденция хозяйственного развития России?

Закончив обсуждение книги, собеседники стали горячо спорить о задачах общины в развитии социалистического движения в России.

Плеханов внимательнее других теоретиков революционного народничества 70-х годов относился к вопросу о месте пролетариата в революционном движении страны. В своей первой теоретической статье «Об чем спор?» он, с одной стороны, защищает главный тезис народнического мировоззрения о благотворном влиянии общины на крестьянский характер, а с другой — приходит к выводу о закономерности участия рабочих в революционном движении. Чтобы сгладить это противоречие, он утверждает, что фабричные рабочие в отличие от заводских живут артелями и им свойственны те же общинные идеалы, что и крестьянам. Из этого читатель должен был сделать вывод, что поэтому-то фабричные рабочие и легко поддаются революционной пропаганде.

Но, довольно хорошо представляя в то время нужду рабочих, Плеханов недостаточно знал деревню, свои рассуждения о положении и настроении крестьян черпал главным образом из литературы и рассказов товарищей.

Летом 1878 года он решил, как многие его товарищи, пойти «в народ». Георгий поехал на Дон, где казачество было резко настроено против введения у них земского самоуправления.

Народники пытались использовать для борьбы с самодержавием любое оппозиционное движение. Именно поэтому они особое внимание обращали на сектантов, на угнетенные народности, так как среди крестьян, недовольных религиозной или национальной политикой правительства, по их мнению, легче было вести пропаганду. Такой же подходящей средой они считали казачество.

Плеханов сумел найти общий язык с группой молодых казаков, которые готовы были поднять восстание. Но надо было привлечь на их сторону всю массу казачества. Для этого Георгий решил распространить среди всех областей, где жили казаки, воззвание от имени «Земли и воли». Он написал это воззвание: «Славному войску казацкому — донскому, уральскому, кубанскому, терскому и пр. и пр.». С текстом этого возвания

он отправился в Петербург, чтобы напечатать его и вернуться с подкреплением, так как одному ему было, конечно, не под силу охватить пропагандой несколько губерний, а сочувствующие казаки не хотели выезжать из своих станиц до начала восстания. Но все эти грандиозные планы рухнули.

В первой же квартире, куда направился Георгий после приезда, его ожидала засада. Несмотря на усталость и нетерпение увидеть товарищей, он не сразу поднялся по лестнице, а стал прогуливаться по соседнему переулку, куда выходил черный ход этого дома. Здесь его и застал студент, которому поручили по возможности перехватывать революционеров, идущих по этому адресу. Студент успел предупредить Плеханова, что явка провалена. От него Георгий узнал об арестах, в результате которых в руки полиции попали многие руководители «Земли и воли». Когда Плеханов наконец-то встретился с товарищами, они без всякого воодушевления отнеслись к его идее поднять восстание среди казачества. Даже те, кто был солидарен с Плехановым, считали, что у организации нет сейчас сил на посылку группы пропагандистов к казакам. Плеханов все же настоял на том, чтобы листовка была отпечатана, но попал ли хоть один экземпляр к тем, кому она предназначалась, неизвестно. Самому Плеханову не разрешили уезжать из Петербурга — он нужен был в столице.

Скоро Плеханов опять включился в организацию кружков и агитацию среди рабочих. В это же время он написал две статьи, анализ которых показывает, как развивались взгляды Плеханова-народника.

Статья «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России» появилась в журнале «Земля и воля» в январе — феврале 1879 года. Отличающаяся глубокой аргументированностью, знакомством с европейскими источниками по экономическим и социальным вопросам, статья эта имела большой общественный резонанс в России. В это время Плеханов не выделял Маркса и Энгельса из ряда видных европейских социологов: «Родбертус, Энгельс, Карл Маркс, Дюринг образуют блестящую плеяду позитивного периода в развитии социализма» (1—I, 57). Но в дальнейших своих рассуждениях Плеханов ссылается в основном на Маркса: «Посмотрим же, к чему обязывает нас учение Маркса... Общество не может перескочить через естественные фазы «своего развития, когда оно напало на след естественного закона этого развития» (подчеркнуто Г. Плехановым. — Авт.), говорит Маркс. Значит, покуда общество не напало еще на след этого закона, обуславливаемая этим последним смена экономических фазисов для него необязательна» (1—I, 59). Рассмотрев развитие и падение первобытной общины на Западе и посетовав на ее

«преждевременное» падение, Плеханов приходит к выводу: «Пока за земельную общину держится большинство нашего крестьянства, мы не можем считать наше отечество вступившим на путь того закона, по которому капиталистическая продукция была бы необходимой станцией на пути его прогресса» (1—I, 59). Так Плеханов, начиная познавать теорию Маркса, пытался доказать, что Россия, опираясь на общину, может миновать капиталистический путь развития.

Плеханов в этой статье пытался обосновать необходимость для революционной партии агитации и пропаганды среди рабочих, которых он рассматривает, однако, только как вспомогательный элемент в будущей революции:

«Не представляя западноевропейской оторванности от земледельческого класса, наши городские рабочие, одинаково с западными, составляют самый подвижный, наиболее удобовоспламеняющийся, наиболее способный к революционизированию слой населения. Благодаря этому они явятся драгоценными союзниками крестьян в момент социального переворота» (1—I, 69–70).

Однако в этой же статье Плеханов отходит от своих прежних убеждений о роли городских рабочих в будущем социальном перевороте. Плеханов, который к этому времени уже накопил немалый опыт революционной пропаганды среди рабочих Петербурга, набрасывает план вовлечения в революционное движение широких масс рабочих. Он советовал развивать оппозиционный дух у рабочих, спланировать их во время стачек, воспитывать на примерах удач и поражений в борьбе с предпринимателями. В качестве примера Плеханов приводит историю борьбы английских рабочих до 1824 года, когда они добились отмены законов против «коалиций». Он кончает статью призывом бороться за влияние на массы и создать организацию русского рабочего сословия. Плеханов указывает, что, как и в Англии в начале XIX века, эта организация должна быть тайной, что те организации, которые существуют в Западной Европе, не могут быть взяты за образец, так как в России и на Западе различные политические условия борьбы.

Несмотря на отдельные противоречия, которые заметны с позиций последовательного марксиста более позднего времени, статья эта поражает глубиной мысли, логикой построения, ясностью изложения. Ее мог написать только человек, творчески осмысливающий опыт народнического движения, владеющий значительным теоретическим багажом.

Показательна для эволюции взглядов Плеханова следующая его статья — «Поземельная община и ее вероятное будущее», которая появилась в

легальном журнале «Русское богатство» в начале 1880 года. Он полемизирует с М. Ковалевским, который утверждал, что поземельная община везде разлагалась под влиянием внутренних причин, Плеханов в то время еще считал, что можно сохранить русскую общину при поддержке ее крестьянами и интеллигенцией страны. Но в рассуждениях Плеханова больше, чем раньше, проглядывают сомнения: «Своевременный переход к общинной эксплуатации полей или разрушение (выделено нами. — Авт.) в борьбе с нарождающимся капитализмом — такова, по нашему мнению, единственная альтернатива для современной сельской поземельной общины вообще и русской в частности» (1—I,107).

Через несколько лет Плеханов писал, что книга М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» оказала ему большую услугу, так как «она впервые и очень сильно поколебала мои народнические воззрения, хотя я и спорил еще против ее выводов» (1—III,197).

Однако, несмотря на свои сомнения, Плеханов в этих статьях выступал еще как правоверный народник. Он сам через несколько лет писал, что в конце 70-х годов он был «народником до конца ногтей» (1—III,124).

3. Розалия Боград

После того как Наталия Александровна Смирнова заявила о разрыве с Плехановым, фамилию которого она носила всю жизнь^[6], Георгий Валентинович чувствовал себя очень одиноким. Его поддерживала дружба с Розалией Марковной Боград, с которой его познакомила та же Теофилин Полляк. Дружба постепенно переросла в любовь, которую они оба пронесли через всю жизнь.

Розалия Боград родилась в 1856 году в Херсонской губернии в бедной еврейской семье. Однако вскоре отец ее разбогател, и Роза смогла поступить в гимназию. В старших классах гимназии Роза и ее подруги зачитывались романом Чернышевского «Что делать?», критическими статьями Писарева, сочинением Шпильгагена «Один в поле не воин». Брат подруги дал на несколько дней нелегальные «Исторические письма» Миртова-Лаврова. Девочки все серьезнее задумывались о жизни. Что их ждало? Роза попросила отпустить ее учиться в Петербург. Мать и отец не хотели отпускать девочку одну в незнакомый город.

Но дочка была непреклонна. Она уверяла родителей, что, став врачом, вернется в родной город и будет жить с ними. В конце концов родители ей

разрешили учиться в Петербурге. Там, при Медико-хирургической академии, уже три года существовали Высшие женские курсы. С большим трудом, под давлением общественности, правительство разрешило высшее женское образование. Во главе курсов стояла г-жа Ермолова, жена генерала. Она и часть слушательниц считали, что курсы надо уберечь от влияния революционных идей, иначе участие курсисток в сходках и собраниях послужит поводом для закрытия курсов. Но все же значительная часть слушательниц принимала активное участие в студенческом движении.

Через знакомого студента — Мирона Чудновского — Роза Боград и ее подруги познакомилась с революционерами. Мирон и его друзья были народниками-лавристами.

Очень скоро она стала выполнять поручения знакомых революционеров — собирала деньги для стачечников и арестованных товарищей, помогала устраивать благотворительные концерты, относилась тайком какие-то пакеты.

Однажды ей и студентке Ребровой поручили договориться об участии в концерте, сбор с которого должен был идти на революционные нужды, со знаменитым басом, любимцем публики Палечком. Шли к нему с волнением. Но он встретил гостей радушно.

— Чем могу служить, милые барышни?

Они объяснили цель прихода. Знаменитый артист с готовностью согласился выступить на концерте. Потом он с интересом расспрашивал их о том, кто учится на женских курсах, как идут занятия и где будут они работать после окончания учебы. Расстались очень довольные знакомством и беседой.

Через год Роза Боград получила серьезное задание — заменить заболевшего пропагандиста и провести занятия в рабочем кружке на Выборгской стороне. К этому времени она прочла уже много серьезной литературы по социальным вопросам. Но занятия надо было проводить по русскому языку и арифметике. Она всегда хорошо училась в гимназии и любила эти предметы. Надо было передать эти знания людям, которые придут после тяжелой работы, а у многих не было даже начального образования. Поначалу Роза чувствовала себя скованно.

Постепенно смущение прошло, и Роза толково объясняя материал своим слушателям. После занятий ее трогательно благодарили.

Тогда-то и встретил Плеханов курсистку Боград. Однажды он попросил приютить на время в женской коммуне, в которой жила Роза, знакомого рабочего, скрывающегося от полиции. Девушки с радостью

согласились. Они освободили одну комнату, и там несколько дней жил рабочий Митрофанов, тот самый, с которым Плеханов познакомился вскоре после своего приезда в Петербург. Каждый вечер Георгий приходил навещать своего подопечного. Все вместе подолгу сидели за ужином, пили чай. Как много интересного рассказал Георгий Валентинович своим очарованным слушательницам — о смелых побегах революционеров, о забастовках рабочих, о революционном движении в Западной Европе, о жизни Чернышевского, о встречах с Лавровым. О себе говорил Георгий мало, на вопросы отвечал уклончиво, и собеседницы понимали, что он им рассказывает только то, что можно рассказать.

Роза Боград не могла не вспомнить лето, проведенное в селе Широком Самарской губернии. Там она работала фельдшерницей и вела пропаганду среди духоборов, которые, по ее мнению, были восприимчивы к революционным идеям. Она очень гордилась дружбой с известной народницей Олимпиадой Евграфовной Кутузовой, женой итальянского анархиста Карла Кафиеро. С волнением она вспоминала встречи с Верой Николаевной Фигнер. Иногда они беседовали на исторические темы. Тогда лавристские взгляды хозяйек квартиры приходили в противоречие с бакунистскими убеждениями гостей.

Георгий чувствовал, как необходимы ему нежность и сочувствие этой девушки. Пришел день, когда они не смогли больше скрывать друг от друга свои чувства. Впервые Георгий узнал, что значит взаимная любовь.

Плеханов попросил Розалию Боград стать его женой.

Временную отсрочку решения принес вызов на комиссию, которую проходили женщины-медички перед отправкой в действующую армию на Балканы. Роза некоторое время назад подала туда заявление, но ответа долго не было. И вот наконец вызов...

Война на Балканах подходила к концу. Часть русских госпиталей с ранеными и больными была размещена в Румынии. Розалия Боград получила направление в город Бузео. Здесь она в течение двух месяцев работала в госпитале помощником врача. Много страданий пришлось ей видеть в этом госпитале, много подробностей о жизни простого народа узнала она от солдат.

После краткого свидания с родителями Розалия Боград вернулась в Петербург. Что скрывать, ей хотелось поскорее приехать в Петербург не только для продолжения занятий на курсах, но и потому, что она с нетерпением ждала встречи с Плехановым. Вскоре они были вместе.

Первое время почти все оставалось по-старому — Розалия Марковна продолжала учиться на женских курсах, Георгий Валентинович скрывался

и только иногда ночевал у нее. Поэтому ей часто приходилось менять квартиру. Осенью 1878 года Розалия Марковна снимала комнату в Ковенском переулке, затем переехала в дом по Фонарному переулку. Но ей так хотелось, чтобы Георгий мог каждую ночь приходить домой, а не искать пристанища в случайных квартирах. Однажды она встретила мужа, сияя от радости.

— Жорж, нам так повезло. Помнишь, я тебе говорила о Екатерине Николаевне Саблиной, ну, помнишь, она невеста Сиротинина?

— Ну и что? Они поженились, что ли? Чему ты так радуешься?

— Нет, не поженились. Но Екатерина Николаевна предлагает нам комнату, в которой мы сможем жить вместе. Дом ее вне подозрений, отец — профессор Лесной академии. Теперь мы с тобой наконец-то будем видаться почти ежедневно.

— Я очень рад. Да здравствует Екатерина Саблина!

— Не смейся. Нам действительно повезло.

На этой квартире по Кирочной улице^[7] Плехановы прожили до апреля 1879 года. Жорж почти ежедневно приходил ночевать, его кормили вкусным ужином, он мог переодеться и отдохнуть.

Но Плеханов понимал, какой опасности он подвергает своих милых хозяев. После убийства Сергеем Кравчинским шефа жандармов Мезенцева полиция буквально наводнила Петербург шпионами. По малейшему подозрению арестовывали не только студентов и молодежь, но и людей солидных, занимающих положение в обществе. Фотографии Плеханова были разосланы по всем полицейским участкам, и ему все труднее становилось скрываться. По сведениям Клеточникова, агента «Народной воли», служившего в полиции, несколько филеров хорошо знали внешность Плеханова, и не раз он был близок к аресту.

Плеханов знал также о готовящемся Соловьевым покушении на императора и представлял, какие репрессии начнутся в столице в любом случае — будет убит царь или нет. Поэтому оставаться на квартире Саблиных он не считал возможным. Но жить вдали от Розалии Марковны ему было трудно. Поэтому решили сделать совместный паспорт и поселиться в качестве супругов. Сняли квартиру из двух комнат в Графском переулке у Пяти углов. У них были фальшивые паспорта на имя дворян Семашко, но фамилия и имена были действительных лиц — сводной сестры Георгия и ее мужа. Это могло бы помочь при случайном аресте, так как Плеханов мог рассказать о своем предполагаемом имени, родственниках и т. д. Конечно, Мария Валентиновна, его сестра по отцу и будущая мать известного большевика Н. А. Семашко, ни сном, ни духом не

ведала, что ее фамилия фигурирует в фальшивом паспорте ее брата. К счастью, все обошлось благополучно. Плеханов был хорошим конспиратором, да и уроки, преподанные товарищам Александром Михайловым, не прошли даром. Александр Михайлов разработал целую науку о том, как отвязаться от шпиона, как входить в конспиративную квартиру, как вести себя при случайном аресте.

В такой необычной обстановке началась совместная жизнь Георгия Валентиновича и Розалии Марковны.

4. «Черный передел»

Целыми днями Георгий пропадал в городе, упорно продолжая пропагандистскую работу на заводах и фабриках. Ближайшими его помощниками был Михаил Родионович Попов по прозвищу Родионыч и Николай Васильевич Васильев.

Но все меньше землевольцев занималось революционной пропагандой. В деревне почти никто не остался. Странники прежней тактики — «деревенщики», как их продолжали называть, — вели революционную работу среди рабочих. Цель этих кружков — подготовить из рабочих большой отряд революционеров, которые пойдут в деревню и смогут найти общий язык с крестьянами. Они были убеждены, что именно этим рабочим, выходцам из крестьян, а не интеллигентам, занимавшимся «хождением в народ», удастся поднять крестьянство на революцию, которая сметет самодержавие и установит народный строй.

Все большее число народников-землевольцев отдавали все силы террору. В 1878-м — начале 1879 года террор был средством самообороны, мстью наиболее жестоким царским сатрапам. Выстрел Веры Засулич в петербургского градоначальника Трепова, убийство С. Кравчинским шефа жандармов Мезенцева и Г. Гольденбергом киевского губернатора Кропоткина были актами протеста революционеров против надругательства над их товарищами, политическими заключенными. Но логика событий привела некоторых сторонников этой тактики к идее о необходимости убийства царя.

2 апреля 1879 года состоялось неудачное покушение Александра Соловьева. Соловьев был членом «Земли и воли», о его намерении убить царя знали руководители организации, но он выступил по собственной инициативе.

Через несколько дней после покушения Соловьева казнили. В стране

усилился террор. Часть землевольцев, и в том числе Плеханов, считали, что выстрел Соловьева принес вред революционному делу. Другая часть во главе с Александром Михайловым решила, что в этих условиях надо несколько изменить тактику партии и считать царевубийство делом всей организации. Споры приняли ожесточенный характер, и близкие друзья, работавшие до этого рука об руку, готовые отдать друг за друга жизнь, спорили до хрипоты. Все понимали, что отдельные собрания не могут наладить дело. Необходим был съезд. Но как и где собрать съезд руководителей «Земли и воли»? Решили, что наиболее удобное место — Тамбов, лежащий на полпути для революционеров из Петербурга, Киева, Одессы и других городов.

М. Р. Попов и известный революционер М. Ф. Фроленко выехали заранее, чтобы посетить несколько городов и созвать па съезд членов «Земли и воли». Но у Фроленко была и тайная миссия: созвать сторонников террора на предварительное совещание, условиться о том, как вести себя на общем съезде, чтобы привлечь большинство на свою сторону. Он объехал ряд городов и договорился только с теми членами «Земли и воли», взгляды которых не вызывали сомнения, — Колодкевичем, Гольденбергом, Желябовым, Ошаниной. Из Петербурга должны были приехать Александр Михайлов и Николай Морозов.

Одиннадцать землевольцев, сторонников политического террора, собрались на тайное — и от полиции и от товарищей по организации — совещание в Липецке. Это был город, в котором Плеханов провел детство, но он, ярый противник новой тактики, конечно, не знал об этом совещании.

После Липецка поехали не в Тамбов, где полиция уже кое-что пронюхала о предполагаемом совещании, а в Воронеж, куда решено было перенести съезд. Собрались на открытом воздухе, в Ботаническом саду.

Плеханов видел, что «деревенщиков» на съезде не так уж много. К тому же часть их сторонников — П. Аксельрод, Л. Дейч, Я. Стефанович — была в эмиграции. Да, наверное, его поддержали бы и жившие за границей С. Кравчинский и В. Засулич, которые перед отъездом из России на многие вопросы тактики партии смотрели так же, как и они — «деревенщички». На съезде были и такие землевольцы, взгляды которых еще не были известны. Для принятия решений было важно, на чью сторону они встанут. Георгию Плеханову очень хотелось, чтобы с ним была Софья Перовская. Он уже давно знал эту умную, целеустремленную, обаятельную девушку. Как и многие в организации, он выделял ее среди других женщин-революционеров за исключительную чистоту и преданность делу, за организаторские способности и храбрость. До этого времени взгляды

Плеханова и Перовской на задачи народнической организации были одинаковыми. В последнее время Софья Перовская жила в Харькове, готовила побег товарищей из Центральной тюрьмы. Плеханов успел переговорить с нею и выяснить, что она тоже считала покушение Соловьева на царя вредным для партии. Как было бы хорошо, если бы они во всем были единомышленниками!

В начале первого заседания Николай Морозов зачитал предсмертное письмо Валериана Осинского, которого недавно казнили в Киеве. Многие знали этого красивого человека, любили его за спокойный нрав, отвагу, товарищество, деликатность. Письмо написано было перед самой казнью, в нем Валериан убеждал товарищей, что теперь для партии единственное средство чего-либо добиться — это политический террор. Он давал советы, как его организовать. Срывающимся голосом Морозов прочитал последние строчки: «Прощайте же, друзья, товарища дорогие, не поминайте лихом. Крепко, крепко от всей души обнимаю вас и жму до боли ваши руки в последний раз...»

После этих слов воцарилась тишина, некоторые женщины плакали, все мысленно еще раз прощались с товарищем. Плеханов думал: «А сколько еще таких прекрасных людей погибнет зря, без пользы для революции, если мы последуем совету этого самоотверженного и героического человека?»

Но значительная часть собравшихся готова была принять завет Осинского. Число сторонников новой тактики — дезорганизации правительства путем политического террора — увеличилось.

— Политическая борьба во имя народа, но без его участия, — говорит Плеханов, — только оторвет революционеров от народа.

— Мы дезорганизуем правительство и принудим его дать конституцию, — отвечает Михайлов со страстной убежденностью.

— Стремиться революционеру к конституции, — возражал Плеханов, — почти равносильно измене народному делу.

— Для того чтобы совершить революцию, — вступает в спор Николай Морозов, — достаточно нескольких Шарлотт Корде и Вильгельмов Теллей.

— Политическое убийство — это осуществление революции в настоящем, — настаивает Михайлов.

— Нет, на кончике кинжала не построишь парламент, — с горечью отвечает Плеханов. — Дезорганизаторская деятельность приведет только к разгрому партии и усилению правительства.

Как убедить товарищей, что они не правы, думает Плеханов, как спасти их для дела революции?

Съезд принимает компромиссное решение — политический террор является крайней и исключительной мерой для специальных случаев. «Деревенщики» довольны, надеясь, что таких исключительных случаев будет немного. Да они и сами считают, что иногда необходимо прибегать к террору — убить предателя или особо ненавистного царского чиновника.

Но их радость испаряется, когда начинают обсуждать вопрос о цареубийстве. Не все знали до этого дня, что в петербургской организации существует «Лига цареубийства», члены которой поклялись довести дело Соловьева до конца. Убийство царя даже с технической точки зрения дело сложное, оно потребует много сил и средств. Вокруг этого вопроса разгорается горячий спор. Особенно убедительно защищает эту идею приехавший из Одессы Андрей Желябов. Он прекрасный оратор, а его красивая внешность и умение сразу же вызывать у слушателей симпатию и сочувствие поколебали еще нескольких участников съезда. В значительной степени под влиянием его речей отходит от «деревенщиков» и Софья Перовская. При голосовании большинство, правда незначительное, получает резолюция, гласящая, что цареубийство относится к тем исключительным случаям, которые партия будет поддерживать.

— Неужели вы не понимаете, — спрашивал Плеханов, — что уничтожение самодержца ничего не изменит в политической ситуации, только вместо Александра с двумя палочками будет царствовать Александр с тремя палочками? Софья Львовна, — говорил он, обращаясь к Перовской, — ведь вы понимаете, что в любом случае — удастся убить царя или нет — это дезорганизует не правительство, а партию.

Но Софья Перовская колебалась. Она вслед за Андреем Желябовым шла к признанию необходимости политического террора.

Некоторые «деревенщики» считали, что надо согласиться с большинством, а там жизнь покажет, что они правы, и эти решения партия пересмотрит. Но Плеханов понимал, что решения, принятые сейчас, определяют судьбу организации. Он чувствовал, что дело идет к разрыву. Уединившись от товарищей, он печально думал: «Несомненно, трудно сделать этот шаг, берешь на себя громадную ответственность перед историей и революцией, но этот шаг необходим, чтобы спасти дело народного освобождения от гибели».

На одном из заседаний обсуждали вопрос о периодических органах партии. Журнал «Земля и воля» до сих пор печатал статьи, в которых защищались и развивались вопросы революционной работы среди народных масс. Но недавно возникший «Листок «Народной воли» печатал статьи сторонников политического террора. Плеханов требовал, чтобы у

обоих органов была одна редакция или чтобы «Листок» был закрыт. Но его предложение не было принято.

После голосования все смотрели на Георгия Плеханова. Что он будет говорить? Он чувствовал тяжелую боль в груди, как будто что-то сдавило сердце. Промолчать он не имеет права. Медленно обвел глазами товарищей. Вот они — его сторонники, идейные противники, колеблющиеся. Как он любит их всех, как тяжело уходить от них. А уходить надо. Плеханов медленно встает и говорит слегка охрипшим голосом: «Мне здесь нечего делать». Других, более подходящих слов не находит.

Все сидят молча. Вера Фигнер порывисто встает, она хочет догнать его, вернуть. Но раздается властный голос Михайлова:

— Оставьте, Вера Николаевна, пусть уходит.

Она возвращается. Остальные сидят, никто не последовал за Плехановым в этот день...

Обсуждение других вопросов решили перенести на завтра.

Съезд завершил свою работу. Было принято компромиссное решение — продолжать революционную работу в народе, а Исполнительному комитету поручить дезорганизацию правительства путем организации террора против царских чиновников и самого императора.

С тяжелым чувством покидал Плеханов Воронеж. Он поехал в Киев, где на нелегальной квартире жила Розалия Марковна. Только самому близкому человеку он мог показать, насколько тяжело переживает разрыв. Ни чудная природа, ни близость любимой женщины не могли отвлечь его от мрачных мыслей. Он говорил жене:

— Я теперь один, друзья и единомышленники меня не поддержали. Но я не мог идти против интересов народа.

— Жорж, а что же теперь будет?

— Я не теряю надежды на то, что многие одумаются и что я вновь найду поддержку среди народников.

Отдохнуть в Киеве не удалось, полиция и здесь знала Плеханова. Да и стремился он всей душой в Петербург, чтобы продолжать революционную пропаганду среди рабочих и вербовать новых сторонников.

Когда Плехановы приехали в Петербург, они вновь достали паспорта на имя дворян Семашко и поселились на квартире в Графском переулке. Георгий весь день, а иногда и ночь, проводил вне дома. Надо было наладить связи, порванные арестами и переходом товарищей на путь террора. Пропагандистов было мало, а интерес рабочих к социалистической пропаганде ширился. Нужны были все новые силы для

работы с пролетариатом Петербурга. Приходя домой, он с восторгом рассказывал жене, каких замечательных людей он встречает в рабочей среде как они быстро усваивают идеи социальной революции, как они скромны, мужественны и трудолюбивы.

— Ведь это золотой фонд революции, — говорил он. — С ними можно говорить обо всем. А иногда они и нас, социалистов, могут поучить уму-разуму.

— А как они относятся к богу?

— Передовые, конечно, не верят. А те, кто недавно вступил в движение, верят, но бога оставляют дома, чтобы он не мешал им в революционной работе. Ах, если бы нам побольше пропагандистов! Помнишь, я рассказывал, как хорошо вела занятия с рабочими Перовская? Но и она, к сожалению, пошла за Желябовым и Александром Михайловым. Не сумел я ее убедить в Воронеже.

Однажды Георгий пришел радостно возбужденный.

— У нас сегодня праздник. Приехали из-за границы Павел Аксельрод, Лев Дейч, Яков Стефанович и Вера Засулич... Они целиком на нашей стороне.

— И Вера Ивановна? Расскажи мне о ней побольше. Какая она?

— Да, и Вера Ивановна. Вот будет сюрприз для террористов. Она говорит, что стреляла для того, чтобы отомстить за надругательство над Боголюбовым, а планомерный террор, да еще убийство царя только помешают революционной работе. Если бы ты знала, какая это замечательная женщина! Но, главное, она большая умница, много читала и думала. И остальные тоже превосходные люди. Теперь нас много, и мы усилим работу в фабричных районах.

Розалия Марковна всеми помыслами была с мужем. Но она не могла помогать ему практически. Вот уже несколько месяцев, как она почувствовала, что будет матерью. Пришлось взять академический отпуск и скрыться на нелегальной квартире. Она все же надеялась, что после рождения ребенка сможет окончить женские курсы и стать врачом. А пока она сидела дома, переписывала статьи и листовки, вела хозяйство. Выходить днем она не могла — полицейские, следя за ней, могли бы арестовать Плеханова. Гуляла она только поздно вечером.

Вскоре после Воронежского съезда в августе — сентябре произошел все же разрыв — сторонники политического террора и «деревенщички» решили создать самостоятельные организации. Решения Воронежского съезда не укрепили организации, а своей половинчатостью способствовали спорам и разногласиям. Скоро всем стало ясно, что так работать нельзя.

Разделили средства, типографию, связи, явки. Решили, что ни одна часть не будет носить прежнее имя — «Земля и воля». Так в России появились две революционные организации: «Народная воля» — сторонники политического террора и «Черный передел» — приверженцы пропаганды и агитации.

В обеих организациях были незаурядные люди, преданные делу революционеры. Но и «Народная воля» и «Черный передел» руководствовались ошибочными идеями, идеями народнического, мелкобуржуазного социализма, который не мог привести Россию к победе революции, тем более революции социалистической. И тем не менее эти народнические организации принесли в то время пользу развитию революционного движения в России. Они явились предшественниками российского пролетарского революционного движения, которое, став на позиции научного социализма, смогло разрушить твердыню самодержавия и привести Россию к победе революции. Но через некоторое время разрыв между созданными организациями привел их к краху. «Народная воля» после убийства Александра II была разгромлена. Часть народнических групп переродилась в либеральное народничество. «Черный передел» не смог вести революционную пропаганду в прежних масштабах из-за царского террора, да и к тому же сил было мало — часть пропагандистов вошла в «Народную волю», а часть, и руководящая, через некоторое время эмигрировала.

Конец 1879 года чернопередельцы провели в активной пропагандистской работе. Плеханову и Вере Засулич приходилось туго — их по пятам преследовали шпионы. Каждый день грозил арестом и провалом организации.

Они продолжали встречаться с народолюбцами, особенно с Софьей Перовской и Андреем Желябовым. Споры продолжались, ни одна сторона не могла убедить другую. Но в этих спорах Плеханов уже тогда чувствовал свою теоретическую слабость. Чернопередельцы в то время считали политическую борьбу несвоевременной. Народолюбцы все сводили к террору, и это было ошибкой. Как без политической борьбы достигнуть политических перемен? Плеханов видел, что народническая теория не дает ответа на многие вопросы, которые ставит перед ними революционная деятельность. Он говорил жене:

— Эх! Если бы хоть на несколько месяцев попасть в более свободную страну, иметь под рукой библиотеку, встретить крупных людей...

Новый, 1880 год Плехановы встречали в доме в Графском переулке. Пришли несколько товарищей. Елизавета Ивановна Ковальская, член

«Черного передела», Розалия Марковна и Теофилия Васильевна Полляк приготовили вкусный ужин. Веселья не получалось, несмотря на то что мужчины принесли несколько бутылок вина. Вспоминали недавно казненных Сергея Соллогуба, Валериана Осинского и других, пили за здоровье оставшегося в эмиграции друга — Сергея Кравчинского.

Вскоре после этой встречи стало известно, что по доносу Жаркова, случайно арестованного на улице, захвачена полицией типография «Черного передела». На собрании центральной группы было решено, что Плеханов, Засулич и Дейч должны срочно эмигрировать на несколько месяцев.

Тяжело было исполнить это решение и оставлять любимое дело и товарищей. Но все понимали, что это необходимая мера, иначе арест неминуем. Плеханов думал о том, что, может быть, пребывание за границей поможет найти выход из идейного тупика, в который попало движение.

Через много лет П. Аксельрод вспоминал: «Я могу с уверенностью сказать, что отнюдь не опасность ареста и неминуемой каторги побудили товарищей в такой критический момент оставить Россию. Конечно, сама организация стояла за их отъезд на некоторое время за границу, опасаясь их ареста со всеми его последствиями. Но были и другие причины. Плеханов чувствовал настоятельную потребность теоретически разобраться в идейном хаосе и противоречиях задач и тенденций русского революционного движения».

Плеханов вынужден был уехать, оставив жену, которая вот-вот должна была родить. Он хотел задержаться на некоторое время, но товарищи настаивали на немедленном отъезде. Он знал, что Теофилия Полляк и его товарищи не оставят жену в трудное время, но все же очень беспокоился.

5. Начало эмиграции

3 января 1880 года Георгий Плеханов нелегально покинул Петербург и при помощи контрабандистов удачно пересек государственную границу России. Путь лежал через Румынию в Швейцарию, где была самая многочисленная колония политических эмигрантов из России. Плеханов договорился с Засулич и Дейчем встретиться в Женеве. Вскоре все трое были вместе.

В то время большим влиянием среди эмигрантов пользовался Михаил Петрович Драгоманов, бывший приват-доцент Киевского университета, уволенный за «неблагонадежность» и вынужденный эмигрировать в 1876

году.

Драгоманов был страстным поборником самостоятельности Украины. Его политические взгляды сформировались под влиянием идей Герцена, Чернышевского и Прудона и были весьма эклектичными, к тому же он выступал сторонником националистической теории «культурно-национальной автономии». Драгоманов был высокообразованным человеком, его гостеприимный дом был одним из центров русской эмиграции.

На первых порах между чернопеределцами и Драгомановым установились самые дружественные отношения. Но весьма скоро они стали идейными противниками. Чернопеределцам претил мелкобуржуазный национализм Драгоманова и особенно окружавших его сторонников, многие из которых доводили до абсурда взгляды своего кумира. К тому же драгомановцы враждовали с группой польских социалистов, издававших журнал «Равенство» («Rownosc»), с которыми у червонеределцев сразу после знакомства установились самые теплые, товарищеские отношения. В эту группу входили Л. Варыньский, Ш. Дикштейн, Ст. Мендельсон и др. Польские социалисты считали, что главное — свергнуть самодержавие, что сейчас не время спорить, какие территории отойдут к государствам, которые возникнут после победы революции. Выпады Драгоманова против поляков социалисты из Польши воспринимали как оскорбление. Вновь приехавшим из России чернопеределцам надо было решать, с кем они. И они выбрали польских социалистов, с которыми даже поселились одной коммуной.

Отныне на эмигрантских собраниях шли дебаты между чернопеределцами и поляками, с одной стороны, и сторонниками Драгоманова — с другой.

После отъезда Плеханова Розалия Марковна поселилась под своей фамилией вместе с Теофилией Полляк. В январе она родила девочку, которую назвали Верой. Немного оправившись после родов, она стала посещать занятия и даже сдавать зачеты, так как у нее была большая академическая задолженность. Но учиться спокойно было невозможно — тревожила судьба мужа, да и полиция ходила по пятам, надеясь выследить Плеханова. Дважды у них на квартире был обыск, но ничего компрометирующего полицейские не нашли. Один раз они были близки к тому, чтобы обнаружить письмо Плеханова из Женевы, но оно было спрятано в одеяле девочки, и полицейские, обыскав обеих женщин, не тронули ребенка. В любой момент Розалию Марковну могли арестовать. И на курсах к ней стали плохо относиться реакционные преподаватели и

слушательницы, которым стало известно, что она близка к революционерам. От всех этих треволнений пропало молоко, она стала плохо спать, и с каждым днем здоровье делалось все хуже. Теофилия знала, что единственное лекарство для ее подруги — встреча с любимым человеком.

Неоднократно Теофилия Васильевна убеждала Розалию Марковну уехать к Плеханову за границу и наконец, уговорила.

В июне она приехала к Плеханову и привезла конспиративное письмо от Павла Аксельрода о ходе пропаганды в Петербурге. Плеханов дважды перечитал его. Дела шли плохо. После неудачного покушения Степана Халтурина, устроившего взрыв в Зимнем дворце, царский террор усилился. П. Аксельрод писал, что решил эмигрировать и на время свернуть работу «Черного передела», так как в данной обстановке нет возможности вести пропаганду. Плеханов долго молчал после чтения письма.

— Роза, ты знаешь, что Павел пишет о необходимости временно свернуть работу «Черного передела»?

— Да, он мне говорил перед отъездом. Но это временная мера. Газета «Черный передел» будет выходить в Харькове, там сейчас нашлись хорошие парни, которые будут печатать ее и распространять. А писать статьи вы будете здесь, за границей.

— Но ведь мы потеряем все связи. К чему газета, если ее некому читать? Я собирался осенью вернуться в Россию, а теперь не знаю, что и делать.

— Возвращаться тебе сейчас — самоубийство. И к тому же бессмысленное.

Она чувствовала, что Жорж ее очень любит, но все же она для него — на втором, нет, даже на пятом месте. Вся страсть его души отдана революции. Это грозная соперница, которая может целиком поглотить любимого человека. Но именно таким она его и любила. Она одна знала, что за сдержанностью Плеханова скрывалась глубоко страстная, темпераментная натура.

Утомленная дорогой и переживаниями от встречи с мужем, Розалия Марковна долго спала. Проснулась она от солнца, которое било в глаза даже через занавеску. После завтрака они решили немного прогуляться.

Они шли по улице Кандоль, мимо здания университета. Вся Женева была вытянута вдоль озера и окружена горами. По одну сторону центральной улицы было большое поле.

— Жорж, а для чего это поле? На выгон оно непохоже. Почему здесь не строят дома?

Здесь проходят народные гулянья. Ежегодно в декабре швейцарцы празднуют «Escalade». В этот день, по преданию, войска герцога Савойского пытались тайком проникнуть на улицы Женевы, но старая женщина, жившая на крепостной стене, услышала шум и подняла тревогу. В этот день женеvцы, нарядившись в маски и старинные костюмы, строятся в кортежи и ходят по улицам Нижнего города, где в узких темных улочках расположены все главные магазины.

— Ну а луг при чем?

А на лугу устраивают банкет. Особенно веселятся здесь в другой день — в день памяти Руссо, когда для всех школьников Женевы устраивают бесплатное угощение. Тогда здесь бывают грандиозные фейерверки.

Розалия Марковна с любопытством слушала рассказы мужа.

За два часа осмотрели почти весь город, а вечером пошли в коммуны. По пути Жорж рассказывал:

— Поляки — прекрасные люди. Они добились в Варшаве больших успехов среди рабочих. Их программа во многом схожа с программой немецких социал-демократов. Особенно я сошелся с Людвигом Варыньским, помнишь, высокий, с бородкой, и с Шимоном Дикштейном. Ты обрати внимание, как плохо одет Дикштейн. Он отказывается от помощи товарищей. Такие люди, как он, живут не для себя, а для счастья рабочего класса. Варыньский, чувствуется, хороший организатор, он много сделает для социализма. А Дикштейн написал брошюру «Кто чем живет», в которой сумел популярно изложить труднейшие вопросы политэкономии.

— А Вера Ивановна будет?

— Конечно. Будет и Лев Дейч. Они с Верой давние друзья.

В коммуне они провели очень приятный вечер. Роза через полчаса почувствовала себя как дома. Друзья Плеханова не могли насмотреться на человека «оттуда», расспрашивали об оставшихся товарищах, рассказывали о битвах с драгомановцами.

В тот день пришла еще одна женщина — Анна Кулишова, Анка, как все ее называли, тоже политическая эмигрантка из России.

— Анка, расскажи Розе о своих подвигах в Париже, — попросил Жорж. Та стала отнекиваться.

— Лучше расскажу я, — вмешался Дейч. — Анка недавно вернулась из Парижа, где она была со своими итальянскими друзьями. Пошли они в тир потренироваться в стрельбе. Все они там ужасные анархисты. Анку оставили за столиком кафе около тира, а сами увлеклись. Стреляют и стреляют...

— С переменным успехом, — вставила Вера Ивановна.

— Вот именно, — продолжал Дейч. — Но Анка соскучилась, вошла в тир и попросила ружье. Хозяин удивился, но дал. И вот начала Анка сбивать все его мишени. Даже итальянцы, которые знали о ее революционном прошлом, рты разинули от удивления. А французы были просто покорены этой очаровательной блондинкой.

Все смеялись и больше всех сама героиня этой истории, которую недавно рассказал друзьям знакомый, случайно оказавшийся в тире во время ее триумфа.

В десять часов поляки ушли. Тогда Плеханов прочитал письмо из Петербурга. Все задумались. Нарушила молчание Вера Засулич:

— Жорж, мы ждем вашего слова. Вы уже давно прочли это письмо и могли его обдумать. И мы знаем, что ваше решение будет самым правильным.

— Спасибо, Вера Ивановна, за доверие. Выход один — пока нам остаться здесь. Петербуржцы но спрашивают нашего совета — ехать или нет, они пишут, что едут. Значит, другого выхода нет. Значит, «Черный передел» сворачивает свою работу в России. Но тем энергичнее мы должны действовать здесь. Кроме выпуска газеты вербовки сторонников среди эмигрантов и студентов, налаживания связей с социалистами других стран, мы должны выработать для себя четкую программу. Но, друзья мои, я не могу составить эту программу, думаю, что и вы не готовы. Я чувствую, что мы не правы, совсем отрицая политическую борьбу. Мне не ясна роль общины. Мы невежественны по многим вопросам, как это ни горько признавать. Героическая смерть наших товарищей обязывает нас найти верную теорию, которая, как аriadнина нить, выведет нас из лабиринта противоречий. В этом наш долг перед погибшими и перед будущим России. Мне смешно читать статьи в «Земле и воле» и в первую очередь свои. Там путаница, противоречия. Так ли уж самобытна история России, что мы должны идти своим путем?

— Жорж, что вы говорите, ведь это аксиома, — перебила его Анка.

— Не знаю, я не верю в аксиомы, я должен твердо знать на основе современной науки, что правильно и что нет.

— А если написать Марксу и узнать его мнение об общине? — сказала Засулич.

— Мне кажется, что ему рано писать. Я бы не знал даже, как сформулировать вопрос. Ведь мы не ученики первого класса, и обращаться к такому человеку надо, серьезно подготовившись. Какое счастье было бы побеседовать с ним по многим вопросам! Чем больше я читаю работы Маркса и Энгельса, тем шире раздвигается горизонт моих знаний. Но как

многого я еще не знаю.

— Жорж, вы слишком требовательны к себе. Вы столько за это время прочли, да еще ходите, как ученик, на лекции в университет, — вставил Дейч.

— Хожу и всем вам советую. Лекция, прочитанная даже посредственным профессором, придерживающимся буржуазных взглядов, дает систематичные знания, чего нам не хватает. Да к тому же, кроме лекций по истории и экономике, я посещаю занятия и по другим наукам — геологии, органической химии, анатомии и зоологии.

— А это зачем нам знать? — не унимался Дейч.

— А к тому, милый Левушка, что революционеру надо все знать. Особенно теперь, когда мы работаем над программой.

Кончили этот разговор поздно ночью. На другой день Жорж показал жене план своих занятий. У него уже было несколько десятков тетрадей с выписками и записями лекций. Деньги, которые привезла Роза, дали ему возможность купить книги, о которых до этого он только мечтал. В первую очередь это были работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции» и Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», «К жилищному вопросу», «Бакунисты за работой».

Книги в Швейцарии были дорогие, а питание сравнительно дешевое, тем более что легко можно было получить кредит в продуктовых лавочках. Но деньги, полученные из России, подходили к концу, к тому же на них жило несколько человек. Поэтому однажды, когда Плеханов с радостью сообщил, что ему обещали выслать из книжного магазина Цюриха «Кельнский процесс коммунистов» К. Маркса, Роза сказала, что скоро денег не хватит и на хлеб.

— Но ведь ты знаешь, что эти книги для меня, да и для всех нас, дороже хлеба, — сказал Плеханов.

— Да, ты прав. Я никогда тебе не буду мешать в этом деле. Прости, милый, мою меркантильность.

И с тех пор в семье Плехановых так было заведено — как бы туго ни было с деньгами, они в первую очередь тратились на книги, нужные для революционной пропаганды, а потом уже на самое необходимое — еду, лекарство, одежду.

Через месяц от Теофилии пришло отчаянное письмо — умерла дочь Плехановых Верочка. Теофилия корила себя, что не смогла уберечь ее от простуды, она чувствовала свою вину перед родителями, да и сама очень тосковала по девочке, которую нежно любила. Роза написала подруге письмо, стараясь всячески ее утешить. Но сама она места не находила,

обвиняя в смерти малютки только себя.

В конце 1880 года Плехановы решили поехать в Париж. Георгий чувствовал, что в провинциальной Женеве ему тесно, он хотел познакомиться с социалистами других стран, с революционным движением Франции.

6. Год в Париже

Ехали Плехановы в общем вагоне, по самым дешевым билетам. Ехали почти без всяких средств, без твердой надежды получить работу. Но молодость, энтузиазм, стремление побольше узнать помогли преодолеть тревогу за будущее. К тому же они везли рекомендательное письмо к брату Дикштейна, который имел в Париже какую-то контору.

И вот наконец поезд прибыл на Лионский вокзал.

Надо было переждать два-три часа, прежде чем идти в гостиницу, где для Плехановых снял комнату их знакомый. Они отправились на расположенный неподалеку Центральный рынок. Рынок вот-вот должен был открыться — со всех сторон съезжались телеги, фургоны, повозки, шум стоял оглушительный.

— Жорж, мне кажется, что я все это вижу не впервые. Так хорошо Золя описал этот рынок, что даже запахи я представляла себе ясно, а теперь убедилась, что все именно так.

— А сколько людей живет в Париже, если ежедневно он поглощает эту гору продуктов? Наверно, этим можно было бы прокормить Петербург и Москву, вместе взятые. Впрочем, многие наши помещики, живущие в городах, получают значительную часть провизии непосредственно из своих поместий; наши рынки снабжают не всех и не целиком, поэтому они куда скромнее.

Утолив голод в маленьком кафе на рынке, которое работало круглосуточно, наши путешественники отправились искать свою гостиницу. Она была расположена на бульваре Сен-Мишель, а из комнатки на шестом этаже открывался великолепный вид на Париж.

— Я так мечтала побывать в Париже, — говорила Розалия Марковна. — Недаром зовут его город-светоч. Он — центр мировой культуры.

Георгий Валентинович, который обыкновенно слегка подтрунивал над восторженностью жены, на этот раз был в таком же приподнятом настроении.

— Это город четырех революций, город Парижской коммуны. Каждый

камень здесь — это летопись героической борьбы французского народа за права человека. Нам надо каждый час провести с пользой, ведь мы приехали сюда не развлекаться, а работать, работать...

В этот же день отправились к Петру Лавровичу Лаврову. Плеханов видел его полгода назад — в феврале он приезжал в Париж, чтобы хлопотать за русского эмигранта Льва Гартмана, участвовавшего в покушении на царя. русское правительство требовало выдачи Гартмана, что не только привело бы к гибели революционера, но и послужило бы прецедентом и фактически лишило бы русских и других революционеров права политического убежища, которое до сих пор предоставлялось им в буржуазно-демократических странах Европы. Тогда Плеханов вместе с Лавровым посетил Клемансо, Рошфора, Пиа, Гамбетту. Кампания, поднятая демократической печатью Франции и других стран, спасла Гартмана — ему разрешили переехать в Англию.

Петр Лаврович встретил Плеханова и его жену как близких людей. В этот вечер по просьбе Георгия Валентиновича он рассказывал о встречах с Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом, о семье Маркса, показывал их письма. С болью говорил Лавров о болезни Маркса и его жены Женни.

Не все понимал и принимал Лавров в теории марксизма, недаром Фридрих Энгельс называл его «эклектиком»^[8] и критиковал за народническую теорию «героев и толпы», за непонимание экономических закономерностей развития человечества. И сейчас Петр Лаврович пытался убедить Плеханова, что необходимо поддержать «Народную волю», которая, несмотря на все свои ошибки, выбрала единственно возможную для России тактику борьбы с самодержавием.

Плеханов не соглашался с ним, но в отличие от всегдашней манеры спорить пытался говорить мягко, а потом совсем замолчал, убедившись, что гостеприимный хозяин не понимает его доводов и не занимает верной позиции в тактике российских революционеров. Но зато Лавров неплохо знал французское социалистическое движение.

— Вы приехали в самое интересное время. Как вы знаете, в прошлом году создана Рабочая партия Франции. Сейчас вырабатывается программа партии. В Лондон ездил Жюль Гед, там он вместе с Лафаргом работал над программой.

— А Карл Маркс и его друг? Они одобрили эту программу?

— Гед говорит, что они принимали самое непосредственное участие, более того — теоретическую часть писал сам Маркс. А теперь перед съездом партии проходят собрания, на которых Гед, Лабускьер и другие выступают с разъяснениями. К сожалению, Поль Лафарг еще не может

вернуться во Францию. Что там делается на этих собраниях! Бруссисты и POSSИБИЛИСТЫ — с разных позиций, но весьма согласованно — нападают на марксистов. Я уж не говорю о радикалах. Дело доходит до драк.

Плеханов слушал с горящими глазами. Ушли поздно, наметив программу посещений собраний и чтения книг. Лавров обещал дать поручительство за Плеханова, чтобы тот мог записаться в Библиотеку св. Женевьевы, где хорошо была представлена философская и экономическая литература новейших направлений.

В бакунистские круги Плеханова ввел бывший полковник Соколов, который был известен как автор романа «Отщепенцы». Соколов был добрейший человек, он много помогал Плехановым на первых порах. Но дружбы не получилось — он был запойным пьяницей, да и взгляды его уже казались Плеханову пройденным этапом. Нападки бакунистов на Маркса и его сторонников в Интернационале Плеханов поддержать не мог. А ведь каких-нибудь два года тому назад он считал себя бакунистом. Как далеко он ушел за это время от своих прежних единомышленников!

Год, проведенный Плехановым в Париже, был заполнен интенсивной работой. С утра он шел в библиотеку или на лекции в Сорбонну. Как и в Женеве, Плеханов слушал в Париже лекции знаменитых профессоров не только по гуманитарным наукам, но и по физике, химии, геологии. Вечером он один или со своими спутницами — Розалией Марковной и приехавшей в Париж Теофилией Васильевной Полляк — шел на рабочие собрания. Он с большим вниманием слушал выступления Геда. Гед был хорошим оратором, хотя и не во французском стиле: он мало жестикулировал, говорил ровным голосом, без пафоса. Но содержание его докладов, в которых он защищал программу Рабочей партии, принятую в ноябре на Гаврском съезде, вызывало неизменный интерес у слушателей. Плеханову очень хотелось познакомиться с Жюлем Гедом, но это было не так просто. Помог случай.

Однажды знакомая француженка сказала Розалии Марковне, что жена Геда — Мария — серьезно больна и что она, эмигрантка из России, хотела бы лечиться у русского врача-женщины. Ей сообщили, что в Париже живет доктор Плеханова, и обещали к ней обратиться. Розалия Марковна училась три года на медицинских курсах, имела врачебный опыт. Она с радостью согласилась посетить мадам Гед, надеясь познакомиться и с ее мужем.

На следующий день рано утром она отправилась по указанному адресу, поднялась по темной лестнице на пятый этаж. Открыл ей сам Гед, узнав о причине ее прихода, проводил до комнаты жены и сразу же ушел. Так повторялось каждый раз, когда Розалия Марковна навещала свою

пациентку. Мадам Гед поправилась, а знакомство с ее мужем не состоялось. Мадам Гед извинилась за нелюбезность мужа, объяснив, что он днем занят в редакции социалистической газеты «Egalité», выступает на рабочих собраниях, а ночью для заработка правит корректуру для одной буржуазной газеты. Поэтому он очень устает и может позволить себе отдохнуть только утром, как раз тогда, когда ему приходится вставать и открывать дверь доктору Плехановой. Розалия Марковна была очень огорчена, что своими слишком ранними визитами мешала отдыхать этому политическому деятелю.

Новый, 1881 год Плехановы должны были встречать у Лаврова. Нарядов не было, но отгладили и почистили свои старые платья и костюмы и в десять часов собрались уже выходить. Вдруг раздается стук в дверь, и на пороге появляется Жюль Гед. Он пришел поблагодарить Розалию Марковну за лечение своей жены. Плеханов сказал, что он был на многих его докладах. Постепенно разговорились. Гость, который пришел с визитом вежливости на полчаса, просидел у Плехановых всю новогоднюю ночь. Праздничного стола не было, пили один чай, но зато разговоры для всех присутствующих представляли огромный интерес. Обсуждали перспективы развития революционного движения во Франции и России, теоретические проблемы, встающие перед социалистами в связи с ростом рабочего движения. Плеханов жадно расспрашивал Геда о встречах с Марксом и Энгельсом. Он не пропускал ни одного человека, который их знал. Ему дорога была каждая деталь, касающаяся их взглядов, привычек, семьи. А Гед совсем недавно запросто бывал в Лондоне в доме Маркса на Мейтленд-парк-роуд.

С тех пор и до конца жизни Плеханова и Геда связывали тесные дружеские связи и взаимное уважение, даже тогда, когда они не во всем соглашались, что случалось иногда на конгрессах II Интернационала.

В декабре 1880 года весь рабочий и демократический Париж был охвачен радостным возбуждением: возвращались по амнистии коммунары, сосланные на острова Новой Каледонии девять лет назад. Их осталось немного, болезни и тяжелые условия свели многих в могилу. В тот день, когда прибыли освобожденные герои Коммуны, Плеханов вместе со всеми отправился на вокзал. Он вернулся оттуда радостно возбужденный.

— Если бы вы видели, — говорил он жене и Теофилин Васильевне, которая жила вместе с ними, — каким энтузиазмом были все охвачены! Каждого приехавшего нарасхват приглашали в гости и всех увели с собой. Не осталось ни одного коммунара, который ушел бы в одиночестве. А сколько цветов, объятий, слез радости я видел!

— Что же ты никого не привел к нам? — упрекала Розалия Марковна.

Это было невозможно. Да и что мы могли бы предложить своему гостю? Сырые яйца?

Хозяин небольшого молочного магазина открыл Плехановым кредит, и теперь они получали там в достаточном количестве молоко, творог, яйца. Но так как на спирт для спиртовки часто не было денег, то приходилось есть все это в холодном и сыром виде. Георгий Валентинович глотал сырые яйца, но женщины их терпеть не могли. Хорошо еще, что в магазинчике бывали и швейцарские сырки, которые они с удовольствием ели. Поэтому на вопрос мужа Розалия Марковна со вздохом ответила.

— Нет, ему мы предложили бы швейцарские сырки.

— Не огорчайтесь, — утешал их Плеханов. — Мне сказали, что через неделю будет выступать Луиза Мишель. Надо будет обязательно попасть на этот митинг.

В этот день все трое за два часа пришли в условленное место, заняли удобные кресла и приготовились терпеливо ждать. Зал, вмещающий пять тысяч человек, быстро наполнялся. На сцене стоял стол для президиума и ширма, назначение которой было непонятно. Скоро не только зал был полон, но и на улице толпилось несколько тысяч людей. Когда пришло время для открытия митинга, за стол президиума сели организаторы. Председатель — профессор истории Франсуа Оляр — объявил:

— Сейчас перед нами выступит героическая гражданка, о подвигах которой нет надобности вам рассказывать, Луиза Мишель.

И из-за ширмы вышла худощавая женщина небольшого роста. Ей было в то время тридцать лет, но тяжелая жизнь в ссылке состарила ее, губительный климат вычернил и иссушил ее кожу. Легкими шагами Луиза Мишель прошла к трибуне. Что тут произошло в зале! Все встали и аплодировали изо всех сил, раздавались возгласы приветствия. Она еще ничего не сказала, но в зале многие плакали. Розалия Марковна тоже плакала, она посмотрела на мужа и увидела, что и по щеке Георгия скатывается слеза. Никогда ни до, ни после она не видела, чтобы ее муж плакал. Но это были слезы восторга, радости, солидарности.

Когда через полчаса зал успокоился, Луиза Мишель произнесла короткую речь. Она поблагодарила за приветствие, которое, по ее мнению, относится ко всем ее товарищам, погибшим и живым, говорила, что рада видеть французский трудовой народ, готовый к новым социальным битвам. С большим сочувствием говорила Луиза Мишель о русском революционном движении; она была сторонницей Петра Кропоткина и думала, что все русские революционеры — анархисты. Со страстью она

провозгласила: «Позор Гамбетте!» Гамбетта в это время был председателем палаты депутатов, и его отход от прежних социальных взглядов, провозглашенных им в демагогических целях, глубоко оскорбил бланкистку Луизу Мишель.

После подъема, пережитого на этом митинге, возвращались домой погрустневшими. Опять все мысли были о родине. Общее настроение выразила Теофилия:

— Неужели мы никогда так не будем встречать наших героев, которые гибнут сейчас в тюрьмах, на каторге, в ссылке? Если бы верить, что это будет хотя бы через десять лет...

В январе умер Огюст Бланки. Плеханов не разделял его взглядов, но героическая жизнь коммуниста-утописта, проведенного в тюрьмах в общей сложности тридцать семь лет, вызывала у него глубокое уважение. С Бланки прощались в той самой мансарде, где он провел последний год своей жизни. Нищенская обстановка комнаты резко контрастировала с огромным количеством людей, которые пришли проститься с революционером.

Хоронили Бланки на кладбище Пер-Лашез. Георгий, Роза и Теофилия тоже пришли на кладбище и встали недалеко от свежевыкопанной могилы. Но вдруг раздался крик: «Расступитесь, идет Луиза Мишель!» Чтобы дать пройти народной героине, передние ряды начали пятиться, получилась давка. Розалию Марковну оттеснили от ее спутников, и толпа куда-то ее поволокла. Она очень испугалась, и не столько за себя, сколько за будущего ребенка, так как она опять через несколько месяцев должна была стать матерью. Но Розу спас пожилой рабочий, который, видя ее испуганные глаза, вывел из толпы. Она с трудом добралась домой, куда вскоре прибежал и Плеханов, который боялся, что ее нет уже в живых. Когда прошло первое волнение, все трое смеялись, изображая испуганные лица друг друга.

К этому времени относится знакомство Плехановых с немецким социал-демократом, редактором газеты «Социал-демократ» Георгом Фольмаром. Плеханов старался как можно больше узнать о социалистическом движении не только Франции, но и других стран. А в Париже жила большая колония немецких социалистов. После так называемого исключительного закона, принятого правительством Германии в 1879 году, социал-демократическая партия ушла в подполье, многие ее вожди и функционеры эмигрировали во Францию и Швейцарию. В Париже выходил и центральный орган партии «Социал-демократ». К. Маркс и Ф. Энгельс печатали свои статьи в этой газете, хотя ее ошибки и колебания

вызывали их резкую критику. Редактор газеты Фольмар уже в то время не занимал последовательную марксистскую позицию, а в дальнейшем стал ярким оппортунистом. Но в 1881 году знакомство с ним и другими немецкими социал-демократами принесло пользу Плеханову, он познакомился с историей и практикой революционного движения Германии.

Именно с Фольмаром произошел случай, который надолго запомнился Плехановым. Однажды Георгий Валентинович пошел на его доклад, на котором присутствовали в основном немецкие рабочие-эмигранты. После доклада кто-то спросил, как оратор представляет себе коммунистическое будущее. Фольмар ответил, что подумает и скажет свое мнение на следующем собрании. После реферата Плеханов слышал, как несколько человек осуждали оратора за этот ответ. Они говорили: «Руководитель должен все знать, а не готовиться к ответу».

Между тем из России стали поступать тревожные известия. Многие русские эмигранты знали, что там готовится царубийство, что жизнь товарищей подвергается ежеминутной опасности.

И вот 2 марта вбежал к Плехановым приятель, политический эмигрант Николай Цакни, в руках у него были французские газеты. — Царя убили. — А наши? Кто убил, кого арестовали? — Ничего не известно. Написано, что погиб тот, кто бросил бомбу, и арестовано несколько человек, но фамилий нет.

— Пошли к Лаврову, — решил Плеханов.

Там уже комната была полна, подходили все новые и новые люди. Многие бурно ликовали.

Все говорили разом, спорили о том, когда объявят выборы в Учредительное собрание, какая будет конституция, когда они смогут вернуться в Россию. Решили через два дня устроить общее собрание всех русских эмигрантов.

На собрании, как никогда многолюдном, первое слово предоставили апостолу народнического движения Петру Лаврову. Он говорил о деятельности «Народной воли», о самоотверженности и героизме ее членов, которые во имя освобождения родины от тирании идут на верную смерть. Лавров предполагал, что царубийство встряхнет все население России, пробудит в нем гражданский дух. Но, к удивлению многих присутствующих, оратор не ожидал скорого улучшения политической обстановки в стране, наоборот, он предвидел усиление реакции. Выводы эти Лавров делал со множеством оговорок, неопределенно. Выступавшие после него революционеры, наоборот, были настроены оптимистически и

утверждали, что если правительство не пойдет на существенные уступки в области демократизации общественной жизни, то дальнейший политический террор заставит это сделать.

Трудно было выступать в такой обстановке Плеханову. Он говорил о героизме народовольцев, которые пожертвовали собой во имя высокого идеала. Но затем Плеханов сказал, что убийство Александра II не принесет желательных реформ, что политический террор только ослабляет революционную партию.

После собрания к Плеханову подошел поэт Минский который не был социалистом, но придерживался либеральных взглядов.

— Вот вы, Георгий Валентинович, так нападаете на террор, а между тем террористическое движение в революционных рядах началось недавно, а нам уже легче дышать.

Окружающие с нетерпением ждали ответа Плеханова,

— Видите, господин Минский, как я смотрю на дело: если бы вы, либералы, ответили террором на ужасы самодержавия, а нам, социалистам, сделалось бы легче дышать, то я против террора не имел бы возражений.

Попытки Минского спорить были заглушены смехом присутствующих.

В марте Плехановых попросили освободить квартирку, в которой они жили последнее время. Переехали они из гостиницы в квартиру на углу улицы Паскаля и бульвара Араго для того, чтобы самим готовить обеды, а не питаться в ресторанах, что было дорого. И, несмотря на то, что платили за квартиру аккуратно и вели себя спокойно, хозяин отказал им. Ему не понравилась нищенская обстановка новых жильцов, состоящая наполовину из ящичков, покрытых тряпками. Но Плехановы не могли купить мебель. Ведь они втроем — с ними жила и Теофилия Полляк — должны были обходиться пятьюдесятью рублями, которые присылал отец Розалии Марковны.

Одно время Георгий Валентинович переводил какой-то роман, но издатель, получив перевод, бесследно исчез. Потом через брата Дикштейна они получили заказ — надписывать конверты, в которые вкладывалась реклама какого-то патентованного медицинского средства. Оплата была мизерная, надо было надписать 3 тысячи конвертов по 7 франков 50 сантимов за тысячу. Все сидели за этой работой несколько дней, надписали тысячу конвертов. Относить работу взялся Георгий Валентинович. Ждали его с нетерпением — был конец месяца, и в доме не осталось ни сантима. Но вдруг возвращается Георгий Валентинович, очень расстроенный и... без денег. Оказывается, произошло следующее.

Он пришел к посреднику, с которым они договаривались об оплате,

когда тот еще лежал в постели. Делец, поднявшись и не извинившись, попросил передать ему пакет с камина. Но там лежало много пакетов, и какой бы Георгий Валентинович ни передавал, посредник говорил, что это не тот. И вдруг посредник по-польски обругал своего посетителя. Плеханов уже знал польский язык: понял, что его оскорбили. Рассердившись на грубость, он бросил надписанные конверты и опрометью выбежал из комнаты.

Розалия Марковна и Теофилия Васильевна вместо того, чтобы огорчиться, весело смеялись над этим приключением и над незадачливым гонцом. Скоро и Георгий Валентинович успокоился и стал подшучивать сам над собой, над своей вспыльчивостью. Но ведь им так нужны были эти деньги!

Когда Плехановых попросили освободить квартиру, товарищи стали искать им другое пристанище. Медлить было нельзя, так как через два месяца Розалия Марковна должна была снова стать матерью. Наконец нашли две комнаты в деревне Мольеры, в часе езды от Парижа. Квартира эта имела свои достоинства — дешевая плата, кредит у крестьян, близость акушерки, хороший воздух и покой, но были и неудобства — далеко от Парижа, где люди, книги, новости, бурная политическая жизнь.

В деревне Георгий Валентинович оканчивал статью, которую, по рекомендации Петра Лаврова ему заказал Н. К. Михайловский для «Отечественных записок». Напечатать свою работу в этом солидном прогрессивном журнале было очень почетно. Плеханов выбрал экономическую тему теоретического характера. Статья называлась «Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягцеова». Для того чтобы ее написать, Плеханову пришлось изучить старые и новейшие экономические теории. Посылал он в Петербург статью по частям. Когда Михайловский прочитал первую часть, он был поражен эрудицией, глубиной мысли, точностью изложения предмета автором, имя которого ему было неизвестно. Он написал в письме к Лаврову, что автор этой статьи — новый Добролюбов. Плеханов был горд этим отзывом, хотя и понимал, что это преувеличение — на основании куска одной работы нельзя судить о таланте писателя.

Плехановы жили в кредит, ожидая из Петербурга аванса за статью. Даже по самым скромным подсчетам, гонорар должен был помочь им расплатиться с долгами.

В конце мая Розалия Марковна благополучно родила девочку. Назвали ее Лидией-Софьей. Имя Софья было дано девочке в честь Софьи Львовны Перовской.

Лето прошло спокойно. Время от времени навещали русские эмигранты, даже Петр Лаврович приехал однажды, чтобы посмотреть, как живут его молодые друзья. С Георгием Валентиновичем он часто виделся, так как Плеханов, когда приезжал в Париж, останавливался и даже ночевал у Лаврова на кушетке в его кабинете. Беседы часто затягивались до часа ночи. Эти беседы явились для Плеханова своеобразным толчком к пересмотру вопроса о значении политической борьбы в революционной деятельности.

Списавшись с товарищами, Плеханов обещал включить в программу «Черного передела» пункт «О важном значении террора для борьбы с русским правительством». Это было уступкой народовольцам. В это же время условились об издании серии брошюр под общим названием «Русская социально-революционная библиотека». Что должно выйти одним из первых выпусков этой серии? Было решено, что это будет перевод на русский язык «Манифеста Коммунистической партии». Предполагалось включение Плеханова в редколлегию проектируемого журнала «Вестник «Народной воли», договорились о том, какую работу он напишет для этого журнала.

По обстоятельства сложились иначе. Внезапно заболела маленькая Лидочка — стала худеть, плакать. Оказалось, что у Розалии Марковны мало молока для кормления дочки. Нужна была кормилица, но на какие деньги взять ее? В Париже это стоило очень дорого. Написали в Швейцарию Дейчу, тот ответил, что это легко устроить в окрестностях Кларана. Трудно было уехать — Плехановы задолжали кругом — за квартиру, за питание, а обещанный аванс не приходил. Наконец в сентябре из «Отечественных записок» пришла небольшая сумма. Роздали самые неотложные долги, а на остальные деньги Розалия Марковна с дочкой и Теофилия Васильевна отправились в Швейцарию. Отец семейства остался в Мольерах в качестве «залога».

Ехали в специальном поезде — самом дешевом, который официально назывался «поезд удовольствий», он каждое воскресенье возил бедных парижан в Швейцарию, а в шутку называли его «поезд мучений». По ночь прошла спокойно, а утром в Кларане путешественник встретил Лев Дейч. Он снял для Плехановых помещение в деревушке, которая называлась Божи над Клараном. Дейч жил недалеко вместе с Верой Засулич в Фонтанивани.

7. Ариаднина нить

Оставшись на время во Франции, Плеханов напряженно работал. Ему не хватало книг университетской библиотеки. Он мечтал прочитать совместный труд Маркса и Энгельса «Святое семейство» и Маркса «К критике политической экономии». Не хватало общения с единомышленниками, встреч с ними.

В конце 1881 года Плеханов начал работу по переводу «Манифеста Коммунистической партии». Экземпляр этого ценного издания на немецком языке прислал ему Лавров. Работа целиком захватила Плеханова. Любое положение, каждый абзац «Манифеста» — это воплощение научной теории, революционной стратегии, тактики пролетарской партии, выраженное в концентрированном виде. Переводя это гениальное произведение Маркса и Энгельса, Плеханов глубоко проник в мысль авторов. Позднее он писал: «Лично о себе могу сказать, что чтение «Коммунистического Манифеста» составляет эпоху в моей жизни. Я был вдохновлен «Манифестом» и тотчас же решил его перевести на русский язык».

Перевод шел медленно, так как Плеханову надо было решать, какие слова перевести на русский язык, какие оставить в иностранном написании, поскольку он не мог найти адекватного выражения в русском языке или слова эти уже приобрели право гражданства среди русских социалистов и должны были и дальше жить в этом написании. Например, как быть со словами «пролетариат», «диктатура»? Переводя «Манифест», Плеханов создавал марксистскую терминологию на русском языке. Иногда переводчик прибегал к вольному переводу, приспособляясь к уровню будущих читателей этого произведения.

Когда перевод подошел к концу, Плеханов, прочитав предисловие Маркса и Энгельса ко второму изданию «Манифеста», написал Лаврову: «Милый Петр Лаврович!.. Это предисловие навело меня на мысль попросить Маркса и Энгельса написать к нашему переводу новое, более полное предисловие. Как Вы об этом думаете? Издание выиграло бы через это очень не мало. Если находите мою мысль исполнимой, то потрудитесь написать об этом Марксу, так как к Вашей просьбе он отнесется с гораздо большим вниманием, чем ко всякой другой» (4—II, 319),

Лавров, разумеется, одобрил эту мысль и сразу же написал Марксу: «Вам известно, что мы издаем «Русскую социально-революционную библиотеку»... Следующий выпуск должен содержать перевод Манифеста немецких коммунистов 1848 г. с примечаниями некоего молодого человека (Плеханова), одного из самых ревностных Ваших учеников... Перехожу теперь к просьбе, с которой мы, редакторы «Русской социально-

революционной библиотеки», обращаемся к авторам Манифеста, то есть к Вам и Энгельсу. Не будете ли Вы так добры написать несколько строк нового предисловия специально для нашего издания»^[9].

Маркс получил это письмо в трудное для себя время. Он недавно похоронил жену и сам болел. На душе было тяжело. Но к нему обратились русские революционеры, им нельзя было отказать. Но о каком Плеханове пишет ему Лавров? Это редактор журнала «Черный передел», в котором печатались статьи, отрицавшие необходимость политической борьбы, в котором была напечатана злобная статья анархиста Иоганна Моста, клеветавшая на германских социал-демократов, где проводились идеи Бакунина? Еще в конце 1880 года Маркс писал Фридриху Зорге о народниках-чернопередельцах: «Эти господа против всякой революционно-политической деятельности. Россия должна одним махом перескочить в анархистско-коммунистически-атеистический рай! Пока же они готовят этот прыжок нудным доктринерством, так называемые принципы которого вошли в обиход с легкой руки покойного Бакунина»^[10].

Маркс помнил, что это мнение о членах «Черного передела» сложилось у него под влиянием разговоров с Львом Гартманом, который после высылки из Парижа поселился в Лондоне. Правда, Гартман несколько искажал взгляды чернопередельцев, а статья Моста появилась без ведома Плеханова. Но Маркс об этом не знал, и, в общем, резкая критика народнических идеалов «русских анархистов», как он их называл, была справедливой.

Но теперь Лавров пишет, что Плеханов — один из самых ревностных его, Маркса, учеников. Возможно, он теперь перестал быть анархистом. В любом случае издание «Манифеста» на русском языке — нужное дело, и его, Плеханова, нужно поддержать. Вероятно, так думал Маркс, получив письмо Лаврова. Он передал просьбу русских революционеров Энгельсу, они совместно написали предисловие и послали его Лаврову. В предисловии были вещице слова: «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе»^[11].

В этом предисловии авторы «Манифеста» еще раз обращаются к вопросу, который часто задавали им русские революционеры: может ли Россия миновать период капитализма, является ли крестьянская община в России основой будущего социалистического строя?

В феврале 1881 года, когда Плеханов был в Париже, Вера Засулич все же осуществила свою давнюю мечту — написать Марксу и спросить его о судьбе русской крестьянской общины. Маркс написал несколько

черновиков, прежде чем послал ответ. Маркс не ответил — да или нет, поэтому и Вера Ивановна и ее друзья по-прежнему были в недоумении: что же думает Маркс по этому вопросу? А однозначного ответа не могло быть.

Вот почему в предисловии к «Манифесту» его авторы опять вернулись к этой теме: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»^[12].

Скоро предисловие Маркса и Энгельса было получено. Плеханов и его друзья спешили опубликовать «Манифест». Плеханов написал небольшое введение, где он выступает как сторонник марксизма: «Вместе с другими сочинениями его авторов «Манифест» открывает новую эпоху в истории социалистической и экономической литературы — эпоху беспощадной критики современных отношений труда к капиталу и, чуждого всяких утопий, научного обоснования социализма» (З—VIII, 23).

Когда это написано? В начале 1882 года. Именно тогда Плеханов резко отходил от позиций народничества и становился марксистом. Он сам писал в 1910 году: «Я стал марксистом не в 1884 г., а уже в 1882 г.» (З—VIII, 22). Он был не один. Под его влиянием марксизм приняли и некоторые другие руководители «Черного передела» — В. Засулич, П. Аксельрод, Л. Дейч. Они шли за Плехановым, и без тесного содружества с ним в это время — в начале 80-х годов XIX века — они не стали бы марксистами.

Во многих странах мира в начале 80-х годов XIX века было уже немало марксистов. Они были в Германии, Англии, Франции, Италии, Соединенных Штатах Америки, но в России к тому времени еще не было марксистов. Многие революционеры и прогрессивные ученые высоко ценили труды Маркса и его учеников, бывая за границей, считали за честь познакомиться с Марксом и Энгельсом, переписывались с ними. Н. Даниельсон и Г. Лопатин перевели и издали «Капитал» Маркса. Но они не были марксистами. Они не считали возможным применить учение Маркса к истории России и признать, что в России развивается капитализм и будущее страны принадлежит пролетариату. Плеханов первый признал, что революционная теория Маркса объясняет прошлое, настоящее и указывает будущее России. Правда, в 1882 году он это еще только понял, в печати же с защитой и обоснованием своих взглядов он выступил несколько позднее.

Какие причины привели к тому, что Плеханов стал на путь марксизма? В первую очередь это объективный ход общественного развития России в 60—70-х годах XIX века, то есть процесс развития капитализма и формирования пролетариата, анализ которых привел Плеханова и его

единомышленников на путь марксизма. С другой стороны — это рост революционного рабочего движения на Западе и распространение научного социализма, изучение опыта рабочего движения в странах Западной Европы, особенно в Германии и Франции; наконец, немалую роль сыграло осмысление Плехановым опыта революционной деятельности в России, в первую очередь пропаганды среди русских рабочих, а также анализ идейно-организационного краха народничества. Плеханов вспоминал об этом времени: «Тот, кто не пережил вместе с нами то время, с трудом может представить себе, с каким пылом набрасывались мы на социал-демократическую литературу, среди которой произведения великих немецких теоретиков занимали, конечно, первое место. И чем больше мы знакомились с социал-демократической литературой, тем яснее становились для нас слабые места наших прежних взглядов, тем правильнее преображался в наших глазах наш собственный революционный опыт» (З—VIII, 17).

Выдающиеся способности позволили Плеханову за сравнительно короткий срок стать широко образованным человеком, понять и освоить основные произведения Маркса и Энгельса, а его творческий ум и прозорливость дали возможность приложить эти знания к анализу российской действительности. Уже в конце 1881 года он пришел к выводу, что в России развивается капитализм. В декабре он писал Лаврову: «Я, как Вам известно, держусь того взгляда, что это дело уже решенное. Россия «уже вступила на путь естественного закона своего развития», и все другие пути... для нее закрыты» (З—VIII, 210). Напомним, что еще в начале 1880 года Плеханов допускал возможность двух путей развития экономики России. Теперь же он не колебался. Но, приняв это положение, Плеханов с его логическим мышлением пришел к выводу, если в России развивается капитализм, то и революционное движение должно развиваться по тем же объективным законам, что и в Западной Европе. Его главной движущей силой должен стать пролетариат.

Все это еще нужно было доказать и создать партию, чья идеология была бы основана на теории марксизма.

В течение 1882 и 1883 годов Плеханов пытался заложить теоретические основы такой партии, создавая ее ядро из русских революционеров, живущих за границей. В первую очередь необходимо было обрести полное единодушие с рядом товарищей, близких по «Черному переделу». После приезда Плеханова в Кларан такое единодушие было достигнуто. Но основная часть народников-эмигрантов были сторонниками «Народной воли». Плеханов надеялся через

подготавливавшийся орган «Вестник «Народной воли» распространить свои новые идеи и перетянуть на свою сторону хотя бы часть народовольцев. Плеханов писал тогда Лаврову: «Я готов создать из «Капитала» прокрустово ложе для всех сотрудников «Вестника «Народной воли» (З—VIII, 213). Однако народовольцы не укладывались в это прокрустово ложе.

На первых порах казалось, что Сергей Михайлович Кравчинский, старый друг, человек с огромным авторитетом, один из трех редакторов «Вестника «Народной воли», близок к принятию марксистских идей. Но вскоре он вынужден был эмигрировать из Франции, где его, как революционера, убившего шефа жандармов Мезенцева могли выдать царскому правительству. Вместо Кравчинского третьим редактором стал Лев Александрович Тихомиров.

Тихомиров тогда был авторитетным лицом среди народовольцев. Он до этого был редактором «Земли и волн», членом Исполкома «Народной воли». На Воронежском съезде Плеханов и Тихомиров стояли на противоположных точках зрения, сейчас — тоже. Тихомиров продолжал считать, что сельская община — основа будущего социализма в России, а главная деятельность революционеров должна быть посвящена политическому террору. Он и Мария Ошанина были единственными оставшимися на свободе членами Исполнительного комитета «Народной воли». Тихомиров жил вместе с женой Екатериной Дмитриевной и маленьким сыном. Эмигрантские неурядицы, бедность, ссоры между товарищами раздражали Тихомирова и его жену. Держались они с остальными эмигрантами по-генеральски и вовсе не собирались считаться с чьими-либо взглядами. Плеханов и Тихомиров часто спорили друг с другом, а Лаврову приходилось лавировать между ними.

В это время Плехановы очень близко сошлись с Верой Ивановной Засулич и Львом Григорьевичем Дейчем. Жили они в ближайшей деревушке и ежедневно приходили к Плехановым, которые были привязаны к дому своей маленькой дочкой. С Плехановыми по-прежнему жила Теофилин Полляк, здоровье которой с каждым днем ухудшалось. Но молодость и оптимизм помогали верить, что организм Теофилии победит туберкулез, о котором тогда еще так мало знали.

1 апреля 1882 года Вера Ивановна и Дейч пришли, радостно возбужденные.

— Друзья! Какая радость. Нам передали, что сегодня в Кларан приезжает отдохнуть и полечиться Карл Маркс. Вот, Жорж, теперь вы сможете поговорить со своим кумиром.

Плеханов побледнел от волнения. Обращаясь к жене, он попросил ее:

— Роза, скорее поставь утюг. Надо привести себя я порядок, и скорее пойдем в Кларан. Может быть, ему будет нужна наша помощь в устройстве.

— Ох, не лукавьте, Жоржинька, — смеялась Вера Ивановна, — сами только и думаете, сколько вопросов прилично задать при первом знакомстве.

— Да, конечно, если это будет возможно. Но не будем медлить.

Собрался Плеханов быстро, и все трое двинулись в Кларан. По дороге Плеханов обсуждал с друзьями, какие вопросы он должен задать в первую очередь, уточнял формулировки. Все оживленно беседовали, как вдруг Вера Ивановна, словно спохватившись, посреди дороги сказала:

— Жорж, мы поздравляем вас с первым апреля.

— При чем здесь первое апреля?

— Ну, — Вера Ивановна запнулась, — ведь это день шуток и розыгрышей, вы забыли?

— Забыл... Значит...

— Конечно, Георгий Валентинович, — вступил Лев Дейч, — мы придумали о приезде Маркса.

Плеханов опустил голову, и все трое молчали, не зная, что последует дальше. Но вот он глубоко вздохнул, как-то грустно рассмеялся.

Ну, спасибо, вот не ожидал. Меня никогда не разыгрывали в этот день, я и забыл об этом. Очень жаль, конечно, что Маркс не приезжает в Швейцарию, но... — он помедлил, — я пережил в этот час такую радость, да и обсудили мы с вами много важных вопросов.

— Так вы не сердитесь на нас? — спросила Вера Ивановна.

— Нет, нет, конечно, нет. Как можно сердиться на шутку?

С тех пор в семье Плехановых всегда 1 апреля превращалось в день шуток над друзьями и знакомыми.

Георгий Валентинович давал уроки детям русского помещика, жившего в Кларане, но только на эти деньги нельзя было прожить семье из четырех человек. Розалия Марковна не хотела, чтобы муж целиком тратил силы и время, необходимые для революционной деятельности, на изнурительную работу для заработка. На семейном совете решили, что надо переехать в Берн, чтобы Розалия Марковна смогла окончить медицинский факультет Бернского университета и получить диплом врача.

В Берне жила их знакомая Анна Кулишова с дочкой Андриеттой. Незадолго до этого она рассталась с мужем, итальянским анархистом Андреа Коста, который после рождения дочери потребовал, чтобы жена отошла от общественной деятельности и целиком посвятила себя семье. Но

Анка, которая уже несколько лет участвовала в революционном движении, не согласилась с этим и рассталась с любимым человеком. Она переехала в Берн, растила дочку и кончала медицинский факультет.

Анка подыскала две комнаты для Плехановых и помогала им на первых порах. Розалия Марковна сразу же отправилась с документами об окончании трех курсов Медико-хирургической академии в ректорат университета.

Когда жена была дома, Георгий Валентинович ходил работать в Бернскую библиотеку. К счастью, здесь оказались две редчайшие книги, которые он в Париже не успел изучить, — «Святое семейство» Маркса и Энгельса и «К критике политической экономии» Маркса. Теперь Георгий Валентинович, не откладывая, подробнейшим образом законспектировал эти работы.

Однако хлопоты Розалии Марковны окончились неудачей. От нее потребовали, чтобы она заново прослушала и сдала все предметы, которые были уже сданы в Петербурге. Она узнала, что в Женевском университете другие правила — там достаточно сдать коллоквиум по пройденным предметам, и они будут засчитаны. Значит, надо ехать в Женеву.

Отъезд пришлось отложить из-за обострения болезни Теофилин Васильевны. Она угасала на глазах.

В Берне Теофилия Васильевна было поправилась, но скоро наступило обострение болезни, и она умерла на руках Розалии Марковны. После похорон, на которые приехали Дейч, Засулич и несколько русских эмигрантов, живших в Берне, все пошли к Плехановым. Вспоминали все то полезное, что сделала Теофилия Васильевна для революционного движения в России.

— Как горько сознавать, — говорил Георгий Валентинович, — что из жизни ушел недюжинный человек. Ведь Теофилия Васильевна была не только умной и доброй женщиной, но она была человеком, который всегда жил для других. А какой принципиальной она была и прямой! Всегда говорила то, что думала. Это большая потеря для нашего движения.

Вскоре после похорон Плехановы, а вслед за ними Засулич и Дейч переехали в Женеву. Розалия Марковна подала документы на медицинский факультет Женевского университета, успешно сдала коллоквиум, подтверждающий ее право заниматься сразу на четвертом курсе.

В Женеве в это время жил Тихомиров. И хотя Плеханов и Тихомиров часто виделись, добиться единодушия не удавалось. Тихомирова разъедало в то время разочарование в революционных делах. Этим в значительной степени объяснялись его колебания в отношении к союзу народовольцев с

чернопередельцами. То он равнодушно соглашался с предложениями Плеханова, то категорически возражал против них.

В это время Плеханов написал для первого номера «Вестника «Народной воли» рецензию на книгу Н. Д. Аристова «Афанасий Прокопьевич Щапов». В ней он еще в весьма сдержанных тонах, но довольно определенно писал, что пришла пора критической оценки «всех элементов нашего народничества» и что его симпатии находятся на стороне социал-демократов. Рецензия была прочитана и одобрена Тихомировым, а потом и Лавровым. Однако следующая статья Плеханова «Социализм и политическая борьба», в которой он с позиций марксизма выступил с резкой критикой всей системы народнических идей, была встречена в штыки. Тихомиров уговаривал Плеханова быть помягче, но все же согласился переслать статью в Париж. Там ее прочитали Лавров и Ошанина, за свою непреклонность при решении принципиальных вопросов прозванная «матерью игуменьей». Ошанина была в ярости.

Петр Лаврович, что же это такое? Чей же орган «Вестник» — народовольцев или социал-демократов? Я категорически против публикации этой безобразной статьи.

Успокойтесь, Мария Николаевна, — говорил Лавров, — я тоже не согласен с Плехановым, но надеюсь, что он откажется от своих слишком категоричных выводов. Мы не можем оттолкнуть его. Это талантливый, высокообразованный и принципиальный человек, его авторитет среди всех, даже ярых народовольцев, высок. Я сам не только глубоко уважаю его, но и ценю его дружбу и доверие. Мы не можем, повторяю, позволить себе потерять его.

Я не совсем согласна с вами в оценке Плеханова, мне кажется, что вы, дорогой Петр Лаврович, преувеличиваете его значение для нашего движения. Но допустим, что вы правы. Что же будет дальше? Он и впредь будет на страницах «Вестника» нападать на наши основные идеи? А мы будем спокойно на это смотреть?

— Я напишу ему и попрошу изменить наиболее резкие места. Ведь пошли же чернопередельцы нам навстречу, признали-таки необходимость политической борьбы.

Но события развернулись по-иному, приведя не к союзу тех чернопередельцев, которые становились марксистами, с народовольцами, а к разрыву между ними и ожесточенной идейной борьбе. Плеханов так вспоминал о событиях лета 1883 года:

«...У нас предстояло собрание для переговоров с г. Тихомировым о вступлении нашей группы, — тогда еще не имевшей определенного имени,

— в «партию Народной воли». Когда он пришел на это собрание, мы увидели, что он уже не тот, каким был в последние месяцы. Из его объяснений мы узнали, что «молодые товарищи в России» очень недовольны его сближением с нами, так как опасаются, что благодаря ему в движении возьмет верх нежелательное для них влияние бывших «чернопередельцев». Вместе с тем он сказал нам, что по уставу партии мы можем быть приняты только поодиночке и по выбору, а не целой группой. Прежде он находил возможным принять нас именно как группу. Когда мы напомнили ему об этом, на него напала сильная зевота, и никакого толку мы от него не добились. К концу собрания было совершенно ясно, что г. Тихомиров решил круто изменить свою политику в отношении к нам. И в самом деле, после этого он в разговорах с нами решительно высказывался против социал-демократии и не без красноречия расписывал прелести воспетых народниками крестьянских «устоев». Это было неприятно, но делать было нечего. Я вышел из редакции «Вестника «Народной воли». Мы выступили как группа, назвавшаяся группой «Освобождение Труда», и моя статья «Социализм и политическая борьба» явилась в виде отдельной брошюры после того, как я дополнил ее и значительно смягчил заключавшуюся в ней критику «партии Народной Воли» (1—XIII, 32–33).

Так осенью 1883 года закончился почти годовой период бесконечных споров и надежд на то, что удастся отколоть от народовольцев группу людей, убедить их в правоте марксизма. Плеханов и его последователи от признания марксизма как единственно верного учения для революционера любой страны перешли к распространению идей марксизма в России.

Через много лет, вспоминая это время и анализируя причины, которые привели его и его друзей к отказу от народнических идей и сделали их последователями теории научного социализма, Плеханов писал: «Мы не сшивали своих взглядов из кусочков чужих теорий, а последовательно вывели их из своего революционного опыта, освещенного ярким светом учения Маркса» (1—XXIV, 113).

Подводя итоги пути, проделанного к марксизму, Плеханов сделал вывод, что «теория Маркса, подобно Ариадниной нити, вывела нас из лабиринта противоречий, в которых билась наша мысль под влиянием Бакунина. В свете этой теории стало совершенно понятным, почему революционная пропаганда встречала у рабочих несравненно более сочувственный прием, чем у крестьян. Самое развитие русского капитализма, которое не могло не волновать бакунистов, так как оно разрушало общину, приобретало теперь для нас значение новой гарантии успеха революционного движения, ибо оно означало количественный рост

пролетариата и развитие его классового сознания» (З—VIII, 17–18).

ГЛАВА II

Пионер марксизма в России

1. Тогда их было только пять...

1883 год вписал в летопись истории революционного движения и передовой общественной мысли России новую знаменательную страницу. Усилиями Георгия Валентиновича Плеханова, пионера марксизма в России, в этом году была впервые создана за границей организация российских марксистов — группа «Освобождение труда», которая начала прокладывать рабочему движению России путь к научному социализму.

25 сентября 1883 года в кафе на берегу Роны в Женеве собралась группа русских революционеров: Плеханов и его единомышленники — Павел Борисович Аксельрод, Вера Ивановна Засулич, Лев Григорьевич Дейч и Василий Николаевич Игнатов. Здесь же присутствовали Розалия Марковна Плеханова^[13] и брат Игнатова Илья Николаевич.

— Друзья, мы не можем больше скрывать своих убеждений, необходимо открыто заявить, что мы социал-демократы. Нас мало, но с каждым годом будет все больше. Я уверен, что идеи марксизма найдут сторонников в самой России, — говорил Плеханов.

— Жорж, а с чего нам начинать? Я верю, что вы правы, но мне трудно представить, что мы — горсточка людей — сможем сделать, когда даже своих товарищей-революционеров не сумели убедить.

— Вера Ивановна, дорогая, вспомните, что и после Воронежского съезда нас было мало. Но нельзя идти по ложной дороге только для того, чтобы идти рядом с симпатичными тебе людьми. Ведь вы-то самая мужественная женщина на свете, каждый это подтвердит, а тут испугались буку Тихомирова.

Все рассмеялись, даже сама Засулич, нервы которой были напряжены до предела, так как разрыв с прежними друзьями для нее был очень тяжел.

— Жорж прав, — вступил в разговор Павел Аксельрод, — надо нам выступить самостоятельно. Я предлагаю начать с организации издательской группы, чтобы мы могли печатать свои работы без цензуры народовольцев.

Члены созданной Плехановым группы решили начать с организации издательского дела, чтобы можно было создавать и печатать марксистские

работы без вмешательства народовольцев. Первое и главное, что нужно было для этого сделать, — продолжать перевод произведений Маркса и Энгельса и сделать их достоянием российских революционеров. Этот вопрос горячо обсуждался уже во время первой встречи.

— А где возьмем деньги? — тихо спросила Розалия Марковна, которая знала, что почти у всех собравшихся нет за душой ни гроша.

— Деньги найдутся, — бодро заявил Дейч, — напишем в Россию, оттуда пришлют, да и здесь можно что-нибудь придумать.

— Ох, Евгений, — сказал Николай Игнатов, называя Льва Дейча его революционной кличкой, — ты фантазер, хотя, к удивлению всех, одновременно самый практичный человек из нас. Но выход есть, у нас, у меня и сестер, осталось немного денег от наследства, я собирался отдать их в Красный Крест, но теперь вижу — здесь они нужнее. Тем более что я меньше, чем вы все, смогу сделать для новой группы. Писать я не умею, а поехать в Россию сейчас не могу, да и потом, наверно, не смогу...

Все молчали, так как знали, что туберкулез медленно, но неотвратимо съедает легкие Игнатова. Молчание прервал Плеханов.

— Ну, спасибо, брат, — обратился он к Василию Игнатову, — ты верно решил. Теперь надо подумать, что делать дальше. Наш кружок предлагаю назвать «Русская социал-демократическая группа».

— Стоп, Жорж, — прервала его Засулич, — так нельзя. Мы сразу оттолкнем от себя возможных союзников. Ведь почти все русские революционеры предубеждены против всего того, что связано с именем социал-демократии.

— Вера Ивановна, вы не правы, — горячился Плеханов, — назвавшись социал-демократами, нам будет легче работать среди русских сознательных пролетариев. Когда они услышат или прочитают в газетах об успехах социал-демократии в Германии, то они поймут, что речь идет об их идейных единомышленниках.

Хотя Плеханов был прав, его товарищи все же сочли, что первые шаги группы будут и так трудны, и, чтобы не отталкивать возможных союзников, придумали нейтральное название — группа «Освобождение труда». Название это — не совсем ясное — закрепилось, и вскоре, буквально через несколько месяцев, к нему стали все чаще добавлять определение — социал-демократическая группа «Освобождение труда».

После того как было найдено название группы, обсудили проект ее заявления. В окончательной редакции оно называлось «Об издании библиотеки современного социализма». В нем было сказано о задачах группы «Освобождение труда», которые сводились к двум пунктам: «1.

Распространению идей научного социализма путем перевода на русский язык важнейших произведений школы Маркса и Энгельса и оригинальных сочинений, имеющих в виду читателей различных степеней подготовки. 2. Критике господствующих в среде наших революционеров учений и разработке важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России» (3—VIII, 29).

Представляла ли себе все значение, трудность и сложность этих задач небольшая группа революционеров, обсуждая эти важнейшие вопросы вдали от родины, в Женеве, среди равнодушных и «благонамеренных» посетителей кафе?

Возможно, что не всем членам группы в одинаковой мере это было ясно. Но Георгий Плеханов — инициатор создания группы и ее признанный руководитель — к этому времени уже прочно стоял на позициях научного социализма, о чем со всей ясностью говорила написанная им еще летом этого года брошюра «Социализм и политическая борьба», которую В. И. Ленин назвал первым «profession de foi (исповеданием веры. — Авт.) русского социал-демократизма»^[14].

Плеханов, следуя учению основоположников научного социализма, был глубоко убежден в торжестве революции в России, если ее главной силой станет рабочий класс, а ее идейным знаменем — марксизм, если революционное движение освободится от влияния ненаучных, в частности народнических и анархистских, воззрений. «...Без революционной теории, — писал Плеханов в первой своей марксистской работе «Социализм и политическая борьба», — нет революционного движения, в истинном смысле этого слова... Революционная по своему внутреннему содержанию идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире. И пока наше движение будет происходить под знаменем отсталых или ошибочных теорий, он будет иметь революционное значение лишь некоторыми, но далеко не всеми своими сторонами. В то же время оно без ведома своих участников будет носить в себе зародыши реакции, которые лишат его и этой доли значения в более или менее близком будущем, потому что, как сказал еще Гейне, всякому

Новому времени новый костюм
Потребен для нового дела.

А ведь настанет же, наконец, оно, это действительно новое время, и для нашего отечества» (2—I, 95).

Плеханов в то время сумел заглянуть вперед, в будущее российской революции; он предвидел, что в России рабочий класс установит свою диктатуру и преобразует общество. «Одно понимание этой задачи, — писал Плеханов, — предполагает развитой рабочий класс, обладающий политическим опытом и воспитанием, освободившийся от буржуазных предрассудков и умеющий самостоятельно обсуждать свое положение. Решение же ее предполагает, кроме всего сказанного, еще и распространение социалистических идей в среде пролетариата, сознание им своей силы и уверенность в победе» (2—I, 101). Плеханов считал, что наряду с борьбой за свержение царского самодержавия ближайшая цель марксистов России есть «выработка элементов для образования будущей рабочей социалистической партии России...» (2—I, 106–107), Этой подлинно революционной цели и была посвящена деятельность созданной Плехановым группы «Освобождение труда».

Группа «Освобождение труда» первое время состояла из пяти человек.

Кем были эти единомышленники Плеханова, какой путь прошли до того, как войти в первую российскую марксистскую организацию?

Вера Ивановна Засулич родилась в 1849 году в Смоленской губернии, в бедной дворянской семье. После смерти отца, когда девочке было всего три года, мать вынуждена была отдать ее на воспитание своим двоюродным сестрам. Там, в имении помещиц старозаветного уклада, росла Вера Засулич. В ее архиве сохранилась неопубликованная повесть «Маша», судьба героини которой напоминает ее детство в имении теток. Она рассказывает, как жизнь на правах бедной родственницы развила в душе девочки стремление к протесту против несправедливости, жажду знаний, твердость характера, отвращение к обывательскому образу жизни. Именно эти качества были присущи Вере Засулич, когда она в 17 лет уехала из дома в Москву, поступила в пансион, а после окончания его, не желая быть гувернанткой, уехала в Серпухов, где заняла должность писца в мировом суде.

В эти годы Вера Засулич была уже знакома не только с произведениями Герцена, Чернышевского, Лаврова, но и знала лично некоторых революционеров-народников, взгляды которых стала в то время разделять. В 1863 году она переехала в Петербург и поступила работницей в переплетно-брошюровочную мастерскую. Но уже в то время, несмотря на молодость, она далеко не все принимала на веру и к некоторым народническим идеям относилась скептически.

В 1883 году, накануне создания группы «Освобождение труда», она писала о том периоде своей жизни: «Хотя я считала себя социалисткой лет

с 17-ти, но, в сущности, стала ею очень недавно. Я была революционеркой — одно время народницей и всегда большим скептиком. Разговоры «о будущем строе» находила смешными, а в большом количестве противными. А между тем всегда считала за счастье быть с революционерами, всегда готова была на все революционно-опасное, и чем опаснее, тем лучше. Поэзия революции: быть в «стане погибающих», самопожертвование, личное равнодушие к материальным благам и отвращение к несправедливой погоне за НИМИ среди нетрудящихся классов — вот все это увлекало в революцию, но никак не убеждение, что из нашей деятельности может выйти «будущий строй» и вообще счастье. Поэтому мне было, ей-богу, все равно, что делать, все хорошо, лишь бы делать, и выбирать дела я могла только «по красоте» опасности (тоже элемент красоты), до симпатичности товарищей по делу».

В то время Засулич арестовали по обвинению в том, что С. Г. Нечаев передавал через нее корреспонденцию. Она без суда и следствия провела несколько лет в тюрьмах (в Литовском замке, в Петропавловской крепости), а потом в ссылке. Наконец через четыре года Вере Засулич разрешили жить в Харькове, но под полицейским надзором. Там в то время активно действовал кружок «Южных бунтарей», где она познакомилась и сблизилась с известными революционерами. Особенно близки были Вере Мария Каленкина и молодой революционер Лев Дейч. Но активно участвовать в революционной работе мешал полицейский надзор. Чтобы избежать этого, она перешла на нелегальное положение и четыре года успешно участвовала во многих делах организации народников-бунтарей — вела революционную пропаганду в деревнях и в городах.

Вскоре произошло событие, круто повернувшее жизнь Засулич. Она узнала о надругательстве над политическим заключенным Боголюбовым, которое было совершено по приказу петербургского градоначальника генерала Ф. Трепова. Прошло несколько месяцев, а виновник надругательства оставался безнаказанным. И тогда она решила сама отомстить. Тайну Вера доверила своей подруге Маше Каленкиной. Они вдвоем тайком от товарищей уехали в Петербург и там разработали план отмщения.

Вера Засулич пришла на прием к градоначальнику. Под широкой накидкой она держала заряженный револьвер. Трепов подошел к ней, стал спрашивать, какое дело у нее к нему, в это время Вера выстрелила и серьезно ранила Трепова. На нее, теперь беззащитную, не сопротивляющуюся, набросились полицейские, начали ее душить и бить. В полубессознательном состоянии ее унесли из приемной, а потом перевезли

в тюрьму. Она сразу же заявила, что стреляла, чтобы отомстить за надругательство над политическими заключенными.

Этот выстрел сделал имя Засулич известным не только в России, но и за границей, среди прогрессивных и особенно революционных кругов. Под влиянием общественного мнения суд присяжных оправдал Засулич. Скрываясь от полиции, она нелегально жила в Петербурге, потом уехала за границу, но вскоре вернулась и вновь включилась в революционную борьбу, вступив в народническую организацию «Черный передел».

В январе 1880 года одновременно с Плехановым она вновь эмигрировала за границу. С 1879 года их связывали теплые товарищеские отношения, а впоследствии и дружеские чувства. Далеко не всегда взгляды Плеханова и Засулич, особенно по вопросам тактики, были одинаковы. Плеханов был более резок и непримирим к людям, взгляды которых, по его убеждению, мешали революционному движению. Вера Засулич нередко пыталась находить им оправдание, надеялась на прозрение и исправление деятелей, ставших на неверный путь. Так было по отношению к народолюбцам, впоследствии к «экономистам», ликвидаторам.

Вера Ивановна была умным, образованным человеком. Став марксистом, она написала несколько книг и много статей по различным вопросам теории — по истории философии, эстетике, по истории и политике международного рабочего движения.

Большой заслугой Засулич были сделанные ею переводы на русский язык произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, которые неоднократно переиздавались. Она перевела «Нищету философии» и «Письмо в редакцию «Отечественных записок» К. Маркса, четыре работы Ф. Энгельса — «Развитие социализма от утопии к науке», «Внешняя политика русского царизма», «О социальном вопросе в России» и «Послесловие» к этой работе. Фридрих Энгельс, знавший русский язык, высоко ценил переводы Засулич. Он неоднократно делал ей самые лестные комплименты по этому поводу, а в 1894 году заявил, что предоставил право перевода всех своих произведений на русский язык Вере Засулич.

Для современного читателя представляют интерес ее литературоведческие работы — «Наши современные литературные противоречия», рецензии на произведения

С. М. Степняка-Кравчинского, Д. И. Писарева, Н. А. Добролюбова. Большая историческая работа Засулич «Очерк истории международного общества рабочих», лишь одна часть которой была напечатана при ее жизни, была историей I Интернационала, написанной с марксистских позиций^[15].

Вера Ивановна интересовалась и историей философии. Она написала две монографии: «Вольтер, его жизнь и литературная деятельность» и «Жан-Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей». Последняя книжка вышла легально, в подогнанном для цензуры виде под псевдонимом «Н. Карелин» в Петербурге в 1898 году. В. И. Ленин познакомился с ней в ссылке и написал о ней А. Н. Потресову: «Карелина книжку выписал и прочел раньше, чем получил от Вас. Понравилась мне она очень; чертовски досадно, что ее обкорнали! Не напишете ли об ней рецензии?»^[16]

Вера Засулич любила и уважала Плеханова как мыслителя, революционера, человека больших духовных качеств.

Членом группы «Освобождение труда» стал также Павел (Пинхус) Борисович Аксельрод. Он родился в 1850 году в Черниговской губернии в семье бедного корчмаря. Вскоре семья переехала в Шклов, где Аксельрод за счет общины окончил школу обучения русской грамоте для еврейских детей. Потом он поступил в гимназию в Могилеве, по окончании которой учился в Нежинском институте. В это время Аксельрод познакомился с революционной литературой, решил бросить институт и вести революционную работу. Тогда же начинают формироваться народнические взгляды Аксельрода.

В 1872 году Аксельрод жил уже в Киеве, где установил связи с ремесленниками и руководил их нелегальным кружком. После разгрома этой организации он нелегально перебрался за границу, в Берлине познакомился с немецкими социал-демократами, в Женеве — с русскими бакунистами. По поручению последних Павел Аксельрод вернулся в Россию, чтобы установить связи с русскими революционерами, а потом вновь эмигрировал в Швейцарию. Там он редактировал бакунистский журнал «Община», но все больше сближался с немецкими социал-демократами.

В 1879 году Аксельрод вновь возвратился в Россию, участвовал в организации «Южно-русского рабочего союза», а затем переехал в Петербург, где вступил в ряды «Черного передела». После отъезда Плеханова, Засулич, Дейча, Стефановича за границу Павел Аксельрод возглавил «Черный передел», вел пропаганду среди рабочих. В 1881 году он вновь пересек границу, поселился с семьей в Цюрихе, где открыл небольшое кефирное заведение, которое помогало его многочисленной семье кое-как сводить концы с концами.

Личные контакты со многими социал-демократами, изгнанными из Германии, сделали Аксельрода знатоком вопросов стратегии и тактики

рабочего движения на Западе. Его знания в этой области сыграли положительную роль в деле ознакомления русских социал-демократов с опытом их западных единомышленников.

Четвертым членом группы был Лев Григорьевич Дейч. Он родился в 1855 году в Тульчине Каменец-Подольской губернии в купеческой семье. Когда ему исполнилось три года, семья переехала в Киев. Еще в гимназии Дейч увлекся идеями революционных демократов, а в 19 лет стал активным участником революционных народнических кружков. В теории он был горячим сторонником то Лаврова, то Бакунина.

В юношеские годы Дейч сблизился с мужем своей сестры, Иваном Федоровичем Фесенко, под руководством которого Плеханов в свое время изучал «Капитал» Маркса. Но в то время Дейч мало уделял внимания теоретическим занятиям, зато его жизнь была полна событиями. Летом 1875 года он вел пропаганду среди крестьян-молокан, затем поступил вольноопределяющимся в армию, чтобы сражаться с турками за освобождение славян. На Балканы он так и не попал. Дейч участвовал в подготовке удачного побега С. Лурье из тюрьмы, был арестован, отдан под суд, но бежал с гауптвахты и перешел на нелегальное положение. В это время он становится членом нелегального кружка «Южных бунтарей». В молодые годы, да и впоследствии, Дейч был увлекающимся и вспыльчивым человеком. Несмотря на некоторую наивность и излишнюю доверчивость, он был хорошим практиком и организатором нескольких побегов, в том числе и своих собственных.

В народнический период своей революционной деятельности Дейч был наиболее известен как один из участников Чигиринского дела. Это была попытка при помощи подложной царской грамоты, с которой якобы обратился к крестьянам 19 февраля 1875 года император Александр II, поднять крестьян Чигиринского уезда Киевской губернии на восстание против помещиков. Грамота была отпечатана в нелегальной типографии и распространялась среди крестьян. Была создана «Священная дружина», в которую в течение нескольких месяцев вступило около двух тысяч крестьян. Но нашелся предатель, который выдал пропагандистов, и они были арестованы. Дейч и его товарищи около двух лет провели в киевской тюрьме, откуда им в конце концов удалось бежать.

Приехав в Петербург, Дейч окунулся в деятельность общества «Земля и воля». В то время С. М. Кравчинским и другими готовилось покушение на шефа жандармов Мезенцева. «Чигиринцы», как называли убежавших из киевской тюрьмы революционеров, принимали участие в подготовке этого дела, но накануне покушения, опасаясь повальных обысков, организация

отправила их за границу. В Швейцарии, где поселился Дейч, была большая колония политических эмигрантов из России. В течение долгих месяцев первой эмиграции Дейч очень близко сошелся с С. Кравчинским, В. Засулич, Я. Стефановичем, которые стали его близкими друзьями на всю жизнь. Осенью 1879 года все они нелегально вернулись в Петербург, где Дейч и Засулич вступили в «Черный передел», а в январе следующего года им вместе с Плехановым пришлось вновь эмигрировать в Западную Европу. Тогда и началось знакомство Дейча с марксизмом, его участие в практической деятельности группы «Освобождение труда».

Пятый член группы — Василий Николаевич Игнатов родился в Тульской губернии в богатой купеческой семье. Он учился в гимназии в Москве, потом в Петербурге. Еще на студенческой скамье Игнатов познакомился с сочинениями Чернышевского и Писарева. В 1875 году он был арестован за участие в студенческих волнениях, после чего исключен из Технологического института. Игнатов начал свой революционный путь с «хождения в народ» в Таврической губернии. В 1876 году он вернулся в Петербург, поступил в Медико-хирургическую академию, но опять был исключен за студенческие «беспорядки» и выслан на родину. В 1878 году Игнатова снова арестовали и выслали на этот раз в Вятскую губернию.

Уже в 1875 году Игнатов познакомился с Плехановым и с будущим основателем польской партии «Пролетариат» Людвигом Варыньским, в то время студентом Технологического института, с народником Александром Михайловым и другими революционерами. Он принимал участие в казанской демонстрации в Петербурге. После Воронежского съезда Игнатов стал чернопеределцем.

В 1878 году умер отец Игнатова и оставил ему и его брату Илье значительное наследство. Но Василий Николаевич большую часть денег всегда отдавал на революционные нужды, товарищам, отказывая себе во многом необходимом. В 1879 году он заболел туберкулезом и вынужден был уехать лечиться за границу — сначала в Египет, потом в Италию и, наконец, в Швейцарию. Но, даже будучи очень больным, Игнатов продолжал изучать произведения Маркса и Энгельса, подробно конспектировал «Капитал». Под влиянием марксистской литературы и своих друзей по «Черному переделу» — Плеханова, Засулич, Аксельрода — он отказался от народнических взглядов и вошел в группу «Освобождение труда». Он, его брат и сестры оказывали материальную поддержку группе, что было так важно в то тяжелое время.

Итак, все пять членов группы «Освобождение труда» имели за плечами значительный опыт народнической революционной деятельности

в России, все они после раскола «Земли и воли» стали чернопередельцами, все они вынуждены были эмигрировать. Имея возможность за границей изучить марксистскую литературу, ранее им недоступную, следить за развитием рабочего движения в Западной Европе, эта группа чернопередельцев сумела, осмысливая опыт революционной борьбы, отказаться от народнической идеологии.

Переход будущих членов группы «Освобождение труда» на позиции марксизма проходил под сильным влиянием Плеханова, который был на голову выше своих товарищей в теоретических знаниях и опыте революционной работы. Его страстная убежденность в том, что марксизм применим к русской действительности, его умение вскрыть противоречия и слабости в народнических взглядах, его неукротимое стремление работать для пролетариата и развивать рабочее движение ускорили и облегчили восприятие марксизма и для всех остальных членов группы. Круг единомышленников Плеханова, перешедшего от народничества к марксизму, был мал — вначале всего пять человек, но это были в то время одни из лучших представителей русского революционного движения. Плеханов был душой и вдохновителем первой группы русских марксистов — зачинателей российской социал-демократии.

2. Идеи марксизма — в Россию!

В сентябре 1883 года у старого эмигранта, участника польского восстания 1863 года А. Д. Трусова группой «Освобождение труда» был куплен типографский станок с русским шрифтом, и аренда помещения, в котором он находился, перешла к новым владельцам — Плеханову и Дмитриеву. Под второй фамилией скрывался Л. Г. Дейч. В этой типографии было набрано объявление «Об издании «Библиотеки современного социализма» и начала набираться брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба», которая послужила поводом к разрыву с народолюбцами. Эта яркая, страстная работа Плеханова-марксиста стала первым выпуском серии «Библиотека современного социализма».

В октябре брошюра была напечатана. Небольшая книжка в серой бумажной обложке. Но именно она впервые нанесла серьезный удар по идеологии народничества и начала расчистку пути для распространения идей научного социализма в России.

Эпиграфом к своей работе Плеханов взял слова из «Манифеста Коммунистической партии»: «Всякая классовая борьба есть борьба

политическая». На примерах революционного движения России последних двух десятилетий Плеханов показал правильность этого марксистского положения.

Заслугой Плеханова было то, что он впервые в русской политической литературе раскрыл принципиальную разницу между мелкобуржуазным утопическим социализмом и единственной научной теорией социализма — марксизмом. Вместе с тем Плеханов доказывал, что марксизм применим и к России, что революционное движение России может победить, только опираясь на идейную научную основу марксизма. «Общие философско-исторические взгляды Маркса, — писал Плеханов, — имеют ровно такое же отношение к современной Западной Европе, как и Греции и Риму, Индии и Египту. Они обнимают всю культурную историю человечества и могут быть неприменимы к России только в случае их общей несостоятельности» (2—I, 72).

Главная причина жизненности и действенности марксизма, возможность и необходимость его применения к условиям России состояла в том, что, вопреки утверждениям народнических идеологов, в стране развивался капитализм и вместе с ним росла и крепла новая революционная сила — пролетариат. Плеханов утверждал, что «русские социалисты... могут и должны надеяться прежде всего на рабочий класс» (2—I, 108) и что покончить с эксплуатацией трудящихся и самодержавием могут только «промышленные рабочие, обладающие большим развитием, более высокими потребностями и более широким кругозором, чем крестьянство...» (2—I, 111).

Пересматривая ошибочную народническую точку зрения о том, будто в России крестьянство, а не пролетариат явится главной революционной силой, что будущая революция явится крестьянской социалистической революцией, Плеханов ориентировал российское революционное движение на работу прежде всего среди пролетариата. Это не означало полного отказа от революционной работы среди крестьянства, хотя Плеханов впоследствии, в том числе и в работах 80—90-х годов, порой недооценивал революционные возможности крестьянства и способность российского пролетариата повести его за собой. Тем не менее в брошюре «Социализм и политическая борьба» он выражал надежду на то, что русским революционерам потребуются в будущем обращать большое внимание на пробуждение революционного движения в крестьянстве. «...Наши социалисты, — писал он, — должны были бы изменить распределение своих сил в народе, если бы в среде крестьянства обнаружилось сильное самостоятельное движение» (2—I, 111).

Плеханов показал ошибочность народнических теорий о том, будто в России должна произойти сразу же социалистическая крестьянская революция, минуя демократический этап революции: «Связывать в одно два таких существенно различных дела, как низвержение абсолютизма и социалистическая революция, вести революционную борьбу с расчетом на то, что эти моменты общественного развития совпадут в истории нашего отечества, — значит отдалять наступление и того и другого»(2—I, 110).

Вместе с тем он доказывал, что в конечном счете революционное движение на социалистическом этапе его развития приведет к завоеванию власти рабочим классом, к установлению диктатуры пролетариата. «Достигший политического господства революционный класс только тогда и сохранит за собою это господство, только тогда и будет в сравнительной безопасности от ударов реакции, когда он направит против нее могучее орудие государственной власти...

Но диктатура класса, как небо от земли, далека от диктатуры группы революционеров-разночинцев. Это в особенности можно сказать о диктатуре рабочего класса, задачей которого является в настоящее время не только разрушение политического господства непроизводительных классов общества, но и устранение существующей ныне анархии производства, сознательная организация всех функций социально-экономической жизни» (2—I, 101).

Называя социалистическое учение Маркса и Энгельса той «Ариадниной нитью», которая может вывести революционеров России «из лабиринта... тогдашних политических и практических противоречий», Плеханов убедительно раскрывает великую преобразующую роль идей, научных знаний в жизни общества, особенно тогда, когда ими овладеет рабочий класс.

В полемике с народническими идеологами, принижавшими роль научной революционной теории и подменявшими ее лишь революционным энтузиазмом, Плеханов напоминает негритянскую легенду о двух братьях, которым бог предложил выбрать между богатством и знанием. Один избрал знание и стал сильным, другой остался с богатством и затем понял, что наука выше богатства (1—II, 67–96).

«Буржуазия, — пишет Плеханов, — обладала когда-то и знанием, и богатством... бог человеческих обществ, история, не признает прав несовершеннолетних классов и отдает их в опеку их старших братьев. Но настало время, когда обделенный историей рабочий класс вышел из детского возраста, и буржуазии пришлось с ним делиться. У нее осталось золото, между тем как ее младший брат получил «книгу», благодаря

которой он, несмотря на мрак и холод своих подвалов, стал теперь уже силен и страшен. Мало-помалу научный социализм вытесняет буржуазные теории со страниц этой магической книги, и скоро пролетариат прочтет в ней, как завоевать ему материальное довольство. Тогда он сбросит с себя позорное иго капитализма и покажет буржуазии, «насколько наука выше богатства» (1—II, 67–68).

Критикуя с позиций марксизма ошибочные взгляды народничества, Плеханов звал своих бывших единомышленников под новые знамена — знамена научного социализма. Несокрушимым оптимизмом и уверенностью в победе марксизма проникнута брошюра «Социализм и политическая борьба» и последующие работы Плеханова того времени. Обращаясь к П. Л. Лаврову и его последователям, он спрашивает: «Зачем же повторять чужие ошибки и становиться на таком шатком основании в отрицательное отношение к величайшей и самой революционной общественной теории XIX века?»

Призывая народников во имя революционного будущего России изменить свои взгляды, изучить и принять теорию марксизма, Плеханов пишет: «Впрочем, неверное понимание тех или других положений современного социализма не составляет еще главного препятствия для окончательного выхода нашего революционного движения на путь, проложенный рабочим классом Запада. Ближайшее знакомство с литературой «марксизма» покажет нашим социалистам, какого могучего оружия лишали они себя, отказываясь понять и усвоить теорию великого учителя «пролетариев всех стран». Они убедятся тогда, что наше революционное движение не только ничего не потеряет, но, напротив, очень много выиграет, если русские народники и русские народовольцы сделаются, наконец, русскими марксистами...» (2—I, 95–96).

Плеханов надеялся тогда на то, что большинство народников порвет со своими субъективистскими, утопическими, подчас анархическими воззрениями и станет на позиции научного социализма. Этого не произошло, хотя брошюра Плеханова быстро разошлась среди русской революционной эмиграции. Острая и убедительная критика идеологии народничества одним из видных представителей революционных народников казалась многим невероятной. Автора обвиняли в отступничестве от святых идеалов и даже в предательстве. От Плеханова и его соратников отшатнулась почти вся русская прогрессивная эмиграция. В краткой рецензии П. Л. Лавров называл своего товарища по революционной борьбе «господином» и несправедливо упрекал членов группы «Освобождение труда» в том, что для них «полемика с «Народной

волей» более своевременна, чем борьба с русским правительством и другими эксплуататорами русского народа». Николай Иванович Жуковский, друг Бакунина, ворчал: «Самим есть нечего, а создают группы!»

Вместе с тем самые передовые представители революционного движения в России, ставшие на позиции марксизма, высоко оценили этот первый, говоря словами В. И. Ленина, «символ веры» русской социал-демократии. Ленин писал, что брошюра Плеханова «показала, как именно и почему именно русское революционное движение должно привести к слиянию социализма и политической борьбы, к слиянию стихийного движения рабочих масс с революционным движением, к слиянию классовой борьбы и политической борьбы»^[17].

Работа Плеханова нанесла только первый удар по народнической идеологии. Да и написана она была в основном в то время, когда Плеханов еще надеялся убедить многих сторонников народничества стать на позиции марксизма.

Сразу же после выхода в свет брошюры «Социализм и политическая борьба» он приступил к написанию новой работы, в которой развил марксистские идеи, только намеченные ранее. Вышла она в начале 1885 года, хотя титульный лист помечен 1884 годом.

Новая работа носила вполне определенное название — «Наши разногласия». В ней Плеханов исследовал общественные отношения пореформенной России. Основываясь на документальных источниках, Плеханов доказывает, что капитализм в России развивается быстрыми темпами, что он проникает во все сферы хозяйства, разлагая сельскую общину. В результате его развития происходит формирование класса промышленного пролетариата, а в деревне идет дифференциация крестьянства, из которого выделяются сельская буржуазия, бедняки и батраки.

Плеханов подробно рассматривает социалистические и вместе с тем утопические теории зачинателей революционного народничества начиная от Герцена и Чернышевского, анализирует ошибочные взгляды Бакунина, Ткачева, Лаврова. Особенно резко он полемизирует с одним из лидеров народничества — Львом Тихомировым, который в то время уже внутренне тяготел к ренегатству. Посвятив разбору взглядов Тихомирова немалую часть книги, Плеханов доказал, что взгляды эти устарели, что они несостоятельны, вредят революционному движению. В этом произведении ярко сказались полемические способности Плеханова. Остроумно высмеивая противника, вышучивая, например, утверждение Тихомирова о том, что капитализм многими своими сторонами отдаляет возможность

социалистического строя, Плеханов иронически восклицает: «Ах, уж этот г. Тихомиров! Любит же он, как видно, потолковать о материях важных!.. Он, наверное, скоро «придумает», если уже не «придумал», и для «Запада» другой путь к социализму, менее кривой и рискованный...» (2—I, 194). В другом случае Плеханов, критикуя статью Л. Тихомирова «Чего нам ждать от революции?», развенчивает логические противоречия и унылый скептицизм Тихомирова, который признает, что крупное производство до некоторой степени создает почву для социализма, и в то же время твердит, что способ обобществления труда при капитализме — наилучший. «Словом, — пишет Плеханов, — г. Тихомиров стоит перед вопросом об исторической роли капитализма в таком же недоумении, в каком стоял известный генерал перед вопросом о шарообразности земли:

Говорят, земля шарообразна,
Готов я это допустить,
Хоть, признаюсь, что как-то безобразно,
Что должен я на шаре жить...» (2—1, 195—196).

В книге «Наши разногласия» Плеханов с точки зрения марксизма излагал важные философские вопросы — о роли личности в истории, о диалектике свободы и необходимости и другие проблемы, ставшие предметом идейной борьбы марксизма против идеалистической философии, в частности субъективной социологии народничества, которая исходила из того, что главным двигателем истории являются не народные массы, не трудящиеся классы, а герои, революционеры-интеллигенты, «критически мыслящие личности» и т. д. Свобода, как учили Маркс и Энгельс, есть познанная необходимость, она осознание объективных закономерностей общественного развития.

«Мы убеждены, — писал Плеханов, — что когда общество ступило на след естественного закона своего движения, оно не может ни перескочить естественные фазы своего развития, ни устранить их декретами. Но оно может сократить и облегчить мучения родов» (2—I, 136).

Критикуя народнические представления о марксизме как о какой-то фаталистической концепции, которая будто бы «обязывает» Россию следовать капитализму, не считаясь с особенностями ее исторического развития (преобладание крестьянства, остатки сельской общины и т. д.),

Плеханов раскрывает перед русскими революционерами подлинную, революционную сущность философии диалектического и исторического материализма, всей теории марксизма. Он указывал социалистической молодежи, что марксизм — это алгебра революции, которая учит своих приверженцев пользоваться каждым шагом общественного развития в интересах рабочего класса.

Во второй главе своей книги, применяя диалектический метод Маркса и Энгельса к анализу развития капитализма в России, Плеханов доказывает, что нет необходимости «приговаривать» Россию к тому, чтобы она встала на путь капитализма, ибо она уже проходит этот этап в своем историческом развитии, что «идеальная община», на которую возлагают надежды народники, уже не существует в действительности, а разлагается под влиянием капитализма.

Признание этих бесспорных фактов, объективно действующих законов общественного развития отнюдь не приводило настоящих русских революционеров к какому-либо пессимизму или примирению с новыми эксплуататорскими классами.

«Нам нужно, — пишет Плеханов, — воспользоваться в интересах революции и трудящегося населения совершающимся в России социально-экономическим переворотом. Для нас не должно остаться потерянным то в высшей степени важное обстоятельство, что социалистическое движение началось у нас уже в то время, когда капитализм был еще в зародыше. Эта особенность русского исторического развития не придумана славянофилами и славянофильствующими революционерами. Она составляет бесспорный, всем известный факт, который принесет огромную пользу делу нашего рабочего класса, если только русские социалисты не растратят своей умственной и нравственной энергии на постройку воздушных замков в стиле удельно-вечевой эпохи» (2–1, 289).

Социалисты, ставшие на позиции научной теории Маркса и Энгельса, овладевшие их философским методом — диалектикой, убедились в «исторической закономерности» капитализма в России, в том, что «никакие исторические особенности данной страны не избавляют ее от действия общих социологических законов».

Они извлекли отсюда действительную пользу для дала рабочего класса, который и в России в послереформенную эпоху становится одним из основных классов общества и смог стать реальной, а затем главной силой социального преобразования страны, установив диктатуру пролетариата. Все непонятые законы общественного развития действуют с неотразимой силой и слепой жестокостью законов природы.

Главный вывод книги Плеханова — идея о необходимости создания партии рабочего класса: «...возможно более скорое образование рабочей партии есть единственное средство разрешения всех экономических и политических противоречий современной России. На этой дороге нас ждут успех и победа; все же другие пути ведут лишь к поражению и бессилию» (2—I, 364).

Во время написания книги Плеханов советовался со своими друзьями — членами группы «Освобождение труда», читал им отрывки из нее, они вместе обсуждали идеи и выводы Плеханова. Как только книга была напечатана, Вера Засулич, которая к тому времени обменялась уже несколькими письмами с Ф. Энгельсом, послала ему эту работу с просьбой высказать свое мнение о ней. Она писала о книге: «Ее основной темой является все тот же сакраментальный вопрос: усилия русских людей найти самостоятельные пути для развития своей родины. Эта книга безусловно вызовет целую бурю против нашей маленькой группы...»

Энгельс ответил большим письмом: «Вы спрашивали мое мнение о книге Плеханова «Наши разногласия»...И того немного, что я прочел в этой книге, достаточно, как мне кажется, чтобы более или менее ознакомиться с разногласиями, о которых идет речь.

Прежде всего, повторяю, я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархистскими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. И сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России. Для меня историческая теория Маркса — основное условие всякой выдержанной и последовательной революционной тактики; чтобы найти эту тактику, нужно только приложить теорию к экономическим и политическим условиям данной страны»^[18].

Значительную часть тиража книги удалось переправить в Россию. Есть несколько свидетельств о том, как она была воспринята на родине. В автобиографической повести М. Горького «Мои университеты» описана сцена чтения в одном из нелегальных кружков Казани книги Плеханова. «...Комната пустая, без мебели, только — два ящика, на них положена доска, а на доске — как галки на заборе — сидят пятеро людей. Лампа стоит тоже на ящике, поставленном «попом». На полу у стен еще трое и на подоконнике один, юноша с длинными волосами, очень тонкий и бледный. Кроме его и бородача, я знаю всех. Бородатый басом говорит, что он будет

читать брошюру «Наши разногласия», ее написал Георгий Плеханов.

Во тьме на полу кто-то рычит:

— Знаем!

Чтение длится утомительно долго, я устаю слушать, хотя мне нравятся острые и задорные слова, легко и просто они укладываются в убедительные мысли.

Как-то сразу, неожиданно пресекается голос чтеца, и тотчас же комната наполнилась возгласами возмущения.

— Ренегат!

— Медь звенящая!..

— Это — плевок в кровь, пролитую героями.

— После казни Генералова, Ульянова...».

Несмотря на возмущение ярых и недалёковидных народников, книга Плеханова заставила задуматься многих революционеров, а некоторых из них привела впоследствии в лагерь социал-демократов.

Сохранилось и еще одно очень интересное свидетельство. В конце 1887 года известная деятельница «Народной воли» Софья Михайловна Гинзбург писала: «Книг в России совсем нет, за исключением «Наших разногласий», которыми наводнена теперь Россия. На весь Питер имеется один экземпляр «Календаря» («Народной воли». — Авт.) и ни одного «Вестника «Народной воли». В Одессе ничего нет, в Харькове один экземпляр «Календаря». «Наши же разногласия» посланы в Россию в количестве 10 пудов... и я этому охотно верю, потому что везде видела по нескольку экземпляров, а ведь «Наши разногласия», «Социализм и политическая борьба» имеют свое влияние, и влияние сильное, с которым нам придется считаться... я лично видела людей, разбитых его (Плеханова. — Авт.) теориями. И главное — его тон... его уничтожение всего прежде существующего — все это положительно влияет...»

В Петербурге в 1884–1885 годах действовала социал-демократическая группа Д. Благоева, будущего основателя Болгарской рабочей партии. Ее члены написали группе «Освобождение труда»: «Если эта книга и не заставит вполне примкнуть к мнениям нашей группы (хотя наблюдалось уже и такое явление), то несомненно, что она даст массу материала для критики народофильской программы, а переработка этой программы положительно необходима в интересах борьбы. Если возможно будет, присылайте этой брошюры побольше» (З—VIII, 233).

Но пересылать издания группы было очень трудно. Еще до выхода «Наших разногласий», в марте 1884 года, Дейч был арестован на границе с Германией при попытке переправить контрабандным путем в Россию тюки

с нелегальными изданиями. Группа к этому времени располагала уже рядом изданий: вышедшие еще до ее создания в серии «Социально-революционная библиотека» «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Наемный труд и капитал» К. Маркса и «Программа работников» Ф. Лассаля, а также первые два выпуска «Библиотеки современного социализма» — «Социализм и политическая борьба» Плеханова и «Развитие научного социализма»^[19] Ф. Энгельса. Но как их распространять?

За границей — в Швейцарии, Германии, Франции — в то время были довольно многочисленные колонии русских политических эмигрантов, кроме того, там обучалось значительное число выходцев из России. Были это в значительной своей части женщины, так как из-за закрытия женских курсов при Медицинской академии почти все желавшие стать врачами поехали за границу. Приезжали учиться в зарубежных университетах молодые люди, лишённые права поступать в учебные заведения России из-за «черты оседлости», введенной царским правительством для еврейского населения, а также студенты, которым претила атмосфера полицейского режима царской России, — они хотели получить основательное и более демократическое образование. Вот к ним-то и обратились члены группы «Освобождение труда» — нанять сторонников и организовать с их помощью пересылку изданий и корреспонденций в Россию.

Плеханов прочитал в Женеве несколько лекций по истории народнического движения, разумеется, освещая его с марксистской точки зрения. Потом, когда из других городов Швейцарии его стали приглашать повторить эти лекции, он поехал с ними в Цюрих и Берн.

Хотели привлечь к чтению и Веру Засулич, но она растерялась при виде большой аудитории и ничего не смогла сказать из подготовленного текста.

Из числа студентов, сочувствовавших группе, были организованы «кружки содействия», которые помогали собирать средства для издания произведений группы и переправлять их на родину.

Но этого было недостаточно. Тогда решили отправить в Россию своего представителя, который мог бы наладить связи и, главное, перевоз литературы через границу. Таким представителем стал Саул Гринфест, бывший чернопеределец, а теперь наборщик в типографии группы «Освобождение труда». Он уехал в Россию, прислал оттуда весточку и наконец устроил «окно» на границе с Германией. Гринфест поселился в небольшом польском городке и просил срочно прислать багаж с литературой, так как ему нельзя было долго задерживаться.

Лев Дейч, который в группе занимался всеми практическими вопросами — добыванием средств, организацией набора материалов (типографии не было, а был только наборный станок), устройством «окон» и т. п., — выехал на границу с Германией с двумя сундуками, наполовину наполненными книгами, а наполовину — вещами. Несмотря на то, что у него был хороший паспорт на имя дворянина Александра Бульжина, Дейча арестовали в гостинице во Фрейбурге. Сначала его заподозрили в том, что он переправляет в Германию издававшуюся в Цюрихе центральную газету Германской социал-демократической партии «Социал-демократ». Когда же выяснилось, что арестованный тайно везет революционную литературу в Россию, то Дейча как политического эмигранта германские власти должны были бы освободить. Однако освобождение задерживалось.

Русские полицейские агенты, которые действовали и на территории Германии, помогли фрейбургским властям установить личность Дейча. Тогда поступило требование царского правительства выдать Дейча как уголовного преступника, который покушался в 70-х годах на жизнь предателя Гориновича. Баденское правительство удовлетворило эту просьбу, и Дейча под усиленной охраной перевезли в Россию и заключили в Петропавловскую крепость. Затем его перевели в Одессу, где вскоре состоялся суд. Лев Дейч был осужден на тринадцать лет и четыре месяца каторжных работ. Его отправили в Восточную Сибирь, па Кару, где он провел шестнадцать лет. Оттуда он бежал через Японию и Америку в Европу и в 1901 году вновь встретился со своими друзьями по группе «Освобождение труда».

В начале 1884 года Вера Засулич обратилась к Энгельсу с просьбой разрешить перевести работу Маркса «Нищета философии». Энгельс ответил ей 6 марта: «Дорогая гражданка! Для меня и для дочерей Маркса будет праздником тот день, когда появится в свет «Нищета философии» в русском переводе. Само собою разумеется, что я с удовольствием предоставлю в Ваше распоряжение весь материал, который может быть Вам полезен... Ваш перевод моей брошюры («Развитие социализма от утопии к науке». — Авт.) я нахожу превосходным. Как красив русский язык! Все преимущества немецкого без его ужасной грубости»^[20]. На это письмо от любимого учителя Засулич смогла ответить только в октябре, когда оправилась немного после ареста Дейча.

Она писала Энгельсу: «Прежде всего прошу извинить меня, гражданин, за то, что я не ответила на Ваше последнее письмо. Я получила его почти одновременно с злополучным известием об аресте Дейча и, уехав на несколько месяцев из Женевы, не могла дать Вам своего адреса. Очень

благодарю Вас (хотя и с опозданием) за присланную мне статью Карла Маркса... Я перевела статью, и мы скоро ее напечатаем». Речь шла о письме Маркса в редакцию «Отечественных записок», написанном им в 1877 году.

Благодаря активной литературной и лекционной деятельности среди российской эмиграции росло число если не сторонников, то сочувствующих группе «Освобождение труда». Это привело в негодование лидеров народничества. В письме к своей приятельнице О. А. Новиковой Лев Тихомиров дал весьма неприглядную характеристику Плеханова и клеветническую оценку революционной России: «Говоря о воскрешении революционного движения, хуже того, что было, я имею в виду деятельность социальной демократии, которая неизбежна в России, привыкшей жить чужим умом, — писал он. — ...Неофитом этого учения явился у нас Георгий Плеханов, русский по имени и рождению, но не по существу, не по духу; в последнем он такой же «европеец», как большинство нашей интеллигентной толпы.

...В Женеве я как-то сказал ему: «Логика у тебя превосходная, но ты не имеешь той же силы в установлении посылок». Плеханов ответил: «Да что же тут устанавливать? Ведь это же точный, научный факт!» Он имел в виду факты, установленные Марксом. Плеханов принял его учение как откровение...

Однако главное в том, что он уже взялся за ожесточенную пропаганду учения, в котором беда и ужас той самой России, о которой Г. Плеханов вспоминает и говорит с нежностью».

Даже из этих строк, вышедших из-под пера идейного врага марксизма, будущему ренегату, мы видим, что уже в середине 80-х годов страстный пропагандист марксизма Плеханов представлял грозную силу в борьбе с народнической идеологией.

Несмотря на все трудности, настроение у Плеханова в первые годы деятельности группы было приподнятое, бодрое. После многих лет идейных исканий путь был найден. И хотя впереди были долгие годы борьбы, но Плеханов верил, что если не он сам, то его друзья и последователи увидят день победы над самодержавием, над всеми силами реакции в России. А пока надо было работать не покладая рук.

Сразу же после образования группы, осенью 1883 года, Плеханов написал «Программу социал-демократической группы «Освобождение труда». Она была напечатана в 1884 году, и часть ее тиража попала в Россию. В это же время у Плеханова и его сторонников установились связи с революционной организацией в Петербурге, называвшейся «Партией

русских социал-демократов», но более известной под названием группы Благоева, Плеханов, получив замечания на проект программы от группы Благоева и других социал-демократов России, доработал его в 1885 году. Теперь он назывался «Проект программы русских социал-демократов». Возможно, что тогда же он был издан на гектографе и распространен в России. Но до нас не дошел ни один экземпляр этого издания, и знаем мы его только по печатному изданию 1888 года, когда этот проект был издан в Женеве в качестве приложения к русскому изданию программы Рабочей партии Франции. Последняя была издана как брошюра двух авторов — Ж. Геда и П. Лафарга под названием «Чего хотят социал-демократы?».

В работах В. И. Ленина и других современников говорится о «Проекте программы русских социал-демократов» как о программе 1885 года.

В проекте программы группы «Освобождение труда», который рассматривался Плехановым не только как изложение взглядов группы, но и как программа действий всей российской социал-демократии, ставятся важнейшие вопросы теории, стратегии и тактики партии пролетариата, дается определение ближайших задач русских социал-демократов.

В проекте говорилось о своеобразии экономического развития России, где «трудящиеся массы находятся под двойным игом — развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства» (2—I, 373).

В этом документе было провозглашено, что конечной целью социал-демократов является коммунистическая революция, полное освобождение труда от гнета капитала, которое «может быть достигнуто путем перехода в общественную собственность всех средств и предметов производства...» (2—I, 377). Плеханов заявлял: «...русские социал-демократы считают первой и главнейшей своей обязанностью образование революционной рабочей партии... Целью борьбы рабочей партии с абсолютизмом является завоевание демократической конституции...» (2—I, 379).

Проект излагает программу-минимум российской социал-демократии, то есть требования, которые должны быть выдвинуты и осуществлены в ходе надвигавшейся в России буржуазной революции.

Говоря в проекте программы о требованиях рабочего класса, который должен стать решающей силой российской революции, Плеханов отмечает, что «эти требования настолько же благоприятны интересам крестьянства, как и интересам промышленных рабочих; поэтому, добиваясь их осуществления, рабочая партия проложит себе широкий путь для сближения с земледельческим населением». Правда, здесь же Плеханов ошибочно считал, что союзником рабочей партии будет только беднейшая часть крестьянства, тогда как в буржуазной демократической революции

им могло стать все крестьянство и в первую очередь крестьянство трудовое, включающее в себя середняков.

Написанные Плехановым проекты программы группы «Освобождение труда» не были свободны и от других недостатков.

В проекте программы содержались неясные и спорные утверждения о том, что революция «предполагает устранение современной системы политического представительства и замену ее народным законодательством». Одобрялся в проекте и лозунг «государственной помощи производительным ассоциациям», который впервые был выдвинут Лассалем и отвергнут Марксом в «Критике Готской программы».

И все же, несмотря на уступки лассальянству, влияние некоторых ошибочных положений Готской программы германской социал-демократии, выработка и распространение этих проектов имели положительное значение для развития социал-демократического движения в России. В. И. Ленин дал высокую оценку проекту программы 1885 года, подчеркнув его значение для выработки программы русских социал-демократов. В 1899 году он писал, что «элементы программы... совершенно необходимы в программе социал-демократической рабочей партии, — все они выставляют такие тезисы, которые с тех пор получали все новые и новые подтверждения как в развитии социалистической теории, так и в развитии рабочего движения всех стран, — в частности, в развитии русской общественной мысли и русского рабочего движения. Ввиду этого русские социал-демократы могут и должны, по нашему мнению, положить в основу программы русской социал-демократической рабочей партии именно проект группы «Освобождение труда»...»^[21].

Ленин отмечал, что Плеханов в проекте программы русских социал-демократов и в своих статьях в конце 80-х — начале 90-х годов «... неоднократно и в самых решительных выражениях подчеркивал громадную важность крестьянского вопроса в России...»^[22]. И вместе с тем проект программы группы «Освобождение труда» еще не мог стать боевой программой революционной партии российского рабочего класса, тем более что эта партия была еще только в зародыше.

Уже позже, в 1907 году, Ленин еще раз возвращается к плехановскому проекту программы русских социал-демократов. «Ошибочность этой программы, — пишет он, — ее абстрактность, отсутствие всякого конкретного взгляда на предмет. Это, собственно, не программа, а самое общее марксистское заявление. Разумеется, было бы нелепо ставить эту ошибку в вину составителям программы, впервые излагавшим известные

принципы задолго до образования рабочей партии. Напротив, надо особенно подчеркнуть, что в этой программе за двадцать лет до русской революции признана неизбежность «радикального пересмотра» дела крестьянской реформы»^[23].

Взгляды Плеханова и его единомышленников в те годы на расстановку сил в будущей революции были исторически ограничены.

Нельзя было бы, однако, требовать, чтобы уже в 80-е годы Плеханов решил вопросы, вставшие перед революционерами России позднее, с развитием массового рабочего движения, которое положило начало новому этапу российского освободительного движения.

Делу распространения идей научного социализма в России, росту его влияния служила деятельность группы Плеханова по переводу на русский язык и изданию важнейших произведений Маркса, Энгельса, их соратников и последователей.

В 1888 году вышла программа Рабочей партии Франции в переводе и с предисловием Плеханова, а через год — работа Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» также в переводе и с предисловием и примечаниями Плеханова. В 1894 году была издана работа Ф. Энгельса «О социальном вопросе в России» (под названием «Фридрих Энгельс о России») в переводе Засулич, с предисловием Плеханова. В качестве приложения к ним были напечатаны отрывки из работ Маркса «Гражданская война во Франции», «Устав Международного товарищества рабочих». Приложением к переводам работ Маркса и Энгельса были напечатаны биографии основоположников научного социализма. Статья Энгельса «Карл Маркс» с небольшими сокращениями была опубликована в 1883 году в виде приложения к работе Маркса «Наемный труд и капитал», а биография Энгельса, написанная Карлом Каутским и изданная при жизни Энгельса, была напечатана в 1892 году в виде приложения ко второму русскому изданию работы Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке».

Все эти переводы были сделаны на высоком уровне, а предисловия и примечания Плеханова помогали русскому читателю легче усвоить эти произведения и применять их положения в общественно-политической жизни своей страны.

Старый большевик Емельян Ярославский, перечислив произведения Маркса и Энгельса, а также некоторые работы Плеханова и его соратников, изданные в 80—90-е годы, отмечал: «Эти книги и брошюры имели громадное значение. Из них и составлялась, главным образом, нелегальная библиотека тогдашних социал-демократических марксистских кружков».

В 1885 году группу «Освобождение труда» опять постигло горе — умер Василий Игнатов, который последнее время был тяжело болен. Но все же друзья надеялись, что произойдет поворот в болезни, что добрый и когда-то сильный и веселый человек поправится и возобновит свою революционную работу. Но надежды были напрасны. Летом 1884 года Василий Николаевич вместе с братом уехал из Швейцарии в Ниццу, там ему стало еще хуже, и вскоре он умер от легочного кровоизлияния. Хоронил Игнатова его брат, он не сразу сообщил о смерти Василия в Женеву, так как не хотел, чтобы друзья его тратили последние гроши на поездку на похороны.

Когда печальное известие дошло до Женевы, Вера Ивановна поспешила к Плехановым. Весь вечер прошел в воспоминаниях.

В течение всей своей деятельности плехановская группа много сил и средств тратила на установление связей с революционерами России, где после 1883 года начинали возникать группы и кружки, близкие по своим взглядам к социал-демократам. Правда, во взглядах некоторых революционеров, переходивших на позиции научного социализма, еще чувствовалось влияние народничества и лассальянства, но уже начинал преобладать революционный марксизм. Однако существование социал-демократических кружков и групп было недолгим. Через несколько месяцев они, как правило, подвергались разгрому царской полицией.

Напомним, что первой социал-демократической организацией в России была группа Благоева, которая возникла в конце 1883 года из студентов Петербургского университета и Технологического института. Группа вела революционную пропаганду среди рабочих Питера, выработала самостоятельную программу, начала издавать свой орган — газету «Рабочий». Благоевцы установили контакт с группой «Освобождение труда», они изучали работы Плеханова «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия». После выхода первого номера газеты «Рабочий» благоевцы обратились к группе с просьбой прислать статьи для следующего номера. Плеханов написал «Письмо петербургским рабочим кружкам», которое было напечатано во втором номере. Статья написана языком, рассчитанным на читателя-рабочего, в то же время в ней в популярной форме изложены сложные вопросы теории и тактики будущей партии. В начале своего письма Плеханов писал: «Дорогие товарищи! Я получил приглашение сотрудничать в журнале «Рабочий» и охотно принимаю это приглашение, чтобы побеседовать с вами о задачах нашей нарождающейся социал-демократии.

Я потому обращаюсь с письмом именно к вам, — к кружкам рабочих,

— что у нас в России, как везде и всюду, социал-демократическая партия должна быть партией по преимуществу рабочей. Это не значит, что социал-демократическая партия должна отталкивать от себя людей из других классов общества. Такая исключительность была бы совершенно несправедливой, создала бы ей целый ряд неудобств и даже поставила бы ее в почти безвыходное положение.

Называя ее партией рабочей по преимуществу, я хочу только сказать, что наша революционная интеллигенция должна идти с рабочими, а наше крестьянство должно идти за ними. При такой постановке вопроса наша социал-демократическая партия может сохранить свой рабочий характер, вовсе не впадая во вредную исключительность» (З—VIII, 55).

Когда Плеханов писал эту заметку, из Софии пришло письмо от Дмитрия Благоева, который был в марте 1885 года выслан из России по подозрению в организации народвольческой типографии.

Письмо Благоева пришло вовремя. Бедность, доходившая до нужды, приводила в отчаяние Плеханова. «Мы стоим над бездной всяческих долгов и неуплат, — писал он Аксельроду, — каждый день приближает нас к краю этой бездны, а за что ухватиться, чтобы не упасть, — не знаем, да и знать не можем. Плохо! Ну, да унывать не нужно. Авось еще нам улыбнется счастье. А что страдаем мы не напрасно — это Вы могли видеть из посланного Вам письма Благоева. Если так, то наша беда — еще полбеды... Прощайте, не поддавайтесь унынию, право же, мы еще расцветем и поедем в Лондон, чтобы явиться по начальству. Само собой разумеется, что предварительно расплатимся с долгами, а то Фридрих Карлович может поставить нам на вид, что если собственность не есть кража, то тем более кража не дает права собственности на похищенные (или взятые в долг) продукты».

Здесь Плеханов «начальством» и «Фридрихом Карловичем» шутливо называет Фридриха Энгельса и обыгрывает фразу Прудона «Собственность — это кража», раскритикованную Марксом.

Мысль о том, что в России есть единомышленники, уверенность, что их ряды будут расти, поддерживали Плеханова и его друзей в это трудное время.

Несмотря на материальную нужду, Плеханов продолжал пополнять свою библиотеку, которую стал собирать с первых же месяцев жизни в эмиграции. Как мы помним, еще будучи народником, Плеханов приобрел основные произведения К. Маркса и Ф. Энгельса. За несколько лет у него собралась значительная библиотека по разным отраслям знаний. Книги были необходимы Плеханову для работы, и поэтому они покупались в

первую очередь.

Когда осенью 1886 года к Плеханову приехал делегат от группы Благоева, то он застал такую картину: «Первое, что бросалось в глаза в их квартире — бедность обстановки: простые деревянные столы без скатертей, несколько стульев, железные кровати, прикрытые дешевыми одеялами, но вдоль стен в его комнате были полки с массой книг, которые я, в ожидании его прихода, стала рассматривать. Там имелись сочинения по самым разнообразным отраслям — по естественным наукам, геологии, астрономии, по общественным вопросам, истории, философии, первобытным учреждениям и т. д., книги — на разных языках, но особенно много русских статистических сборников».

В конце XIX — начале XX века библиотека Плеханова состояла из двух тысяч томов, многие из которых были ему подарены авторами, переводчиками и издателями этих произведений.

Значительная часть книг в библиотеке Плеханова была на иностранных языках. В его собрании были книги на восемнадцати языках. Конечно, не все эти языки он знал, но превосходно владел французским и немецким, на которых писал даже теоретические работы, довольно свободно читал на английском и многих славянских языках. Всеми этими языками Плеханов овладел самостоятельно в эмиграции. В молодости же он знал только французский.

Ценность библиотеки заключается и в том, что на многих книгах имеются пометы Плеханова, помогающие раскрыть его творческую лабораторию и выяснить многие вопросы истории и изучения книг, проблемы культуры чтения и книговедения.

Привычка записывать свои мысли на книгах была вызвана в значительной мере тем, что Плеханов часто читал книги не за письменным столом, а под открытым небом или в постели. Плеханов с 1887 года болел туберкулезом, и обострение болезни часто приковывало его к постели, а в периоды улучшения необходимо было много времени проводить на воздухе. Уходя из дома на прогулку, он всегда брал с собой книгу и карандаш и использовал это время для изучения той или другой литературы. Чем больше книга нравилась или, наоборот, вызывала возражения, тем больше помет оставлял Плеханов на ее полях, обложке, титульном листе. Эти пометы представляют большой интерес для исследователей. В своих записях на книгах Плеханов был предельно откровенен, он яростно полемизировал с автором или, наоборот, выражал свое одобрение по поводу тех или иных мест книги.

В качестве примера можно привести записи на работе Э. Бернштейна

«Исторический материализм», где Плеханов сделал 125 замечаний-помет на полях и титульном листе. На 96-й странице он написал: «Черт знает что за чепуха. Именно ты путаешь капитал с капиталистами»; на странице 240: «Но ведь именно Коммуна и есть диктатура пролетариата»; на 249-й странице: «Бернштейн не хочет пугать буржуа»; на странице 262: «Государственный муж, да и только».

Пометы Плеханова на книгах К. Маркса и Ф. Энгельса показывают, с каким глубоким вниманием Плеханов изучал их произведения, как он находил в их работах материал для борьбы с русскими и европейскими противниками и извратителями марксизма. Первый том «Капитала» Плеханов изучал, еще будучи народником, но экземпляр, который находится в его библиотеке, читал, судя по пометам, уже в первые годы XX века. Он отчеркивал отдельные места книги и писал, в борьбе с какими течениями и деятелями нужно их использовать: на странице 50 — «Ответ «критикам» (имеются в виду «критики» марксизма — ревизионисты. — Авт.); на странице 59 — «Туган-Барановскому»; на странице 60 — «Струве»; на странице 274 — «народникам»; на странице 306 — «Бернштейну» и т. д.

В конце 1886 — начале 1887 года Плеханов по просьбе студентов, приехавших из России и Болгарии, прочел цикл лекций о политической экономии по «Капиталу» Маркса. Лекции читались в зале при большом кафе Ландольта на улице Каруж (прозванное революционерами «Каружкой»). Плеханов цитировал «Капитал» по русскому изданию в переводе Н. Даниельсона и Г. Лопатина. Потом он прочитал цикл лекций о развитии общественных форм. Об этих лекциях сохранились воспоминания Р. М. Плехановой, Г. Караджяна (С. А. Аркомед), М. Висконти. Все они отмечают, что Плеханов умел очень просто излагать самые сложные понятия, приравливаясь к уровню развития своих слушателей. Георгий Валентинович говорил, что во время лекции он смотрел на одного армянина — Матевоса Шахазизяна — и если тот улыбался и кивал головой, то, значит, вопрос ему был ясен и можно развивать мысль дальше. Этот студент был склонен к шовинизму, ненавидел нации, угнетающие армян. Но после одной из лекций Плеханова он подошел к нему и во всеуслышание заявил:

— Верно, товарищ Плеханов, теперь я понял: ты человек и курд человек. Отныне не может быть вражды между армянами, курдами и турками, все они пролетарии и должны соединиться. Да здравствует соединение пролетариев всех стран!

Большинство слушателей прошли хорошую подготовку во время этих

лекций, и многие из них стали потом социал-демократами.

3. Трудные годы эмиграции и революционный оптимизм

Сильное утомление сказывалось на здоровье Плеханова. Розалия Марковна уговорила мужа показаться профессору Цану, у которого она занималась в Женевском университете. Профессор нашел состояние здоровья Плеханова удовлетворительным, но рекомендовал бросить курить. И что же? Плеханов, который до этого был страстным курильщиком, бросил курить в этот же день. И до конца жизни он не возвращался к этой привычке.

Плехановы вечно были в долгу — у хозяина квартиры, мясника, молочника. Долготерпение лавочников в значительной степени объяснялось обаянием служанки Плехановых Филомен, которая говорила им: «Потерпите немножко, это честные люди, они отдадут вам все сполна».

Филомен Боссети была не прислугой, а другом дома Плехановых. Поступила она работать к ним в 1882 году, когда ей было всего семнадцать лет. Филомен была родом из крестьянской семьи. Она сразу же полюбила своих хозяев за их демократичность, доброту, за дружеское внимание. А без домашней работницы Плехановы в то время жить не могли. Ведь на руках у Розалии Марковны была годовалая дочь, и она снова ждала ребенка. К тому же Розалия Марковна вновь поступила на медицинский факультет да прирабатывала дежурством у больных. Вот поэтому, окончательно поселившись в Женеве, Плехановы дали объявление о том, что ищут девушку для помощи по хозяйству и уходу за детьми. Скоро Филомен стала своим человеком в доме, она помогла вырастить дочерей, месяцами работала, не получая платы, а иногда и подкармливала своих хозяев продуктами, которые получала из деревни. Розалия Марковна считала Филомен ангелом-хранителем своего дома, а Сергей Михайлович Кравчинский называл ее Феноменом.

В трудные годы эмигрантской жизни Плеханова всегда выручал юмор, который не покидал его никогда. По воспоминаниям его дочери Лидии Георгиевны, в семье всегда были спокойные, дружеские отношения. Смех, шутки, розыгрыши, инициатором которых частенько был Георгий Валентинович, часто слышались в доме Плехановых. Поэтому Лидия Георгиевна говорила, что у нее было счастливое детство, несмотря на то, что с трех лет она с сестрой ходила в муниципальный детский сад и дома

царила бедность.

Отец мог уделять дочерям всего один час в день, но этот час был очень интересным для девочек. Он гулял с ними, рассказывал сказки и смешные истории, просматривал их дневники, когда они пошли в школу. Георгий Валентинович требовал, чтобы дети говорили в доме только по-русски, что было трудно малышам, ведь они росли среди швейцарцев, говоривших по-французски. Позднее он убеждал их читать русскую литературу и делал строгие замечания, если они неверно ставили ударения.

Вскоре Плеханову предложили преподавать русский язык и литературу в одной частной школе в Кларане и там же вести занятия с сыновьями богатого русского промышленника. Это давало 200 франков в месяц, что вполне обеспечивало скромные потребности семьи, и, может быть, удалось бы отложить часть денег на издание марксистской литературы. Но для этого Георгию Валентиновичу пришлось поселиться в Кларане.

Это благополучие длилось недолго. Переезжая Женевское озеро на пароходе, Георгий Валентинович простудился. Начался сухой плеврит, перешедший в скоротечный туберкулез. Консилиум из профессоров — преподавателей Розалии Марковны — определил, что жить ему осталось шесть-семь недель. Но Георгий Валентинович не знал об этом страшном прогнозе, он, несмотря на высокую температуру, был весел, бодр, а иногда, когда наступало улучшение, садился за стол и писал для польского журнала статью «Фердинанд Лассаль».

И опять на помощь пришли друзья — русские студенты, которые помогали следить за детьми. А за Георгием Валентиновичем ухаживала Вера Ивановна Засулич, которая сразу же приехала, узнав о его болезни. Их душевная близость в эти недели особенно окрепла. Вера Ивановна следила за приемом лекарств, регулярно измеряла температуру.

Когда в конце лета Георгию Валентиновичу стало немного легче, Вера Ивановна перевезла больного в горную деревушку Морне. Врачи были очень удивлены быстрой поправкой своего безнадежного пациента. Но они советовали зимой не жить в Женеве, где был сырой и ветреный климат, а поселиться в горных курортах для туберкулезников. Но где взять «презренный металл» для поездки на курорт?

Вера Ивановна обратилась за помощью к Кравчинскому. У Сергея Михайловича денег не было, но, высоко ценя Плеханова, он написал одному либеральному англичанину, который предоставил ему деньги в долгосрочный кредит. И он в течение нескольких месяцев посылал эти деньги Плеханову. Помощь Кравчинского позволила Георгию Валентиновичу несколько месяцев прожить в курортных поселках — в

Давосе, Божи и Аннемасе, что очень укрепило его здоровье. Но опасность все еще была. В письме к Аксельроду из Давоса в декабре 1887 года Плеханов писал: «Не знаю, что огорчительного заключало мое прошлое письмо. Ведь я же сам писал вам, что я здоров, но лучше всегда гадать на худой конец, чем на хороший: эдак дело будет вернее» (3—VIII, 241–242).

В 1888 году на помощь группе «Освобождение труда» пришел адвокат Н. Н. Кулябко-Корецкий. Он приехал за границу с солидной суммой, которую собирался отдать на издание нелегального журнала, объединившего бы всех русских революционеров. Разумеется, из этой утопии ничего не получилось, разногласия между группами эмигрантов были столь принципиальны, что создать единый орган было невозможно. Кулябко-Корецкий ездил в Париж к народникам и вернулся, как говорится, несолоно хлебавши. Тогда он поехал в Швейцарию, где пытался уговорить Плеханова и его сторонников забыть все разногласия. Уговорить их ему, естественно, не удалось, сам он тоже не стал марксистом, но решил все же деньги отдать группе «Освобождение труда». В значительной мере этому решению способствовало обаяние самой личности Плеханова. Позже Кулябко-Корецкий вспоминал: «Этот человек, этот мыслитель, этот ученый, блестящий, талантливый, вернее — гениальный, живет в нищенской обстановке, по временам буквально не имея возможности утолить голод. Доживет ли он до того дня, когда рабочий класс России почтит в нем своего пророка, своего духовного вождя?

Люди, в десять раз менее талантливые, устраивались комфортабельно и сытно, а он случайно заблудившую к нему горсть франков тратил на печатание новых и новых сочинений, игнорируя порой самые насущные требования повседневной жизни».

На деньги Кулябко-Корецкого решили издавать сборник. Немного оправившись от болезни, Плеханов с помощью Веры Ивановны Засулич приступил к написанию теоретических статей для сборника, который они решили назвать вполне определенно — «Социал-демократ». Засулич писала в те дни своим друзьям Кравчинским: «Жорж много работает (я помогаю вроде секретаря), пишет отличные статьи (вот увидите)...»

Плеханов написал в сборник три статьи, некролог о Л. И. Мечникове и шесть рецензий. Наиболее важной из статей была работа «Г. И. Успенский», которая открыла серию «Наши беллетристы-народники».

В последний момент в сборник была включена рецензия на только что вышедшую в Париже книгу Льва Тихомирова «Почему я перестал быть революционером». Тихомиров, один из главных идейных противников российских марксистов, стал ренегатом. Плеханов заклеил его этим

словом, прозорливо замечая, что «все это наводит на мысль о том, что брошюра г. Тихомирова представляет собою лишь печатное дополнение к рукописному прошению о помиловании» (1—III, 42). Завершает эту короткую рецензию Плеханов так: «Впрочем, грехопадению г. Тихомирова не нужно придавать большого значения. Всюду, где существуют партии и их борьба, существуют также ренегаты и перебежчики... Но мы скажем себе: один из революционеров перешел на сторону правительства; беда не велика, да здравствует революция!» (1—III, 44).

Кроме работ Плеханова, в сборнике «Социал-демократ» были напечатаны статьи П. Аксельрода, Поля Лафарга и Веры Засулич. Плеханов во время подготовки сборника уже настолько окреп, что взял на себя все организационные хлопоты. Он вел переговоры с типографией, сверял корректуру всех статей.

Постоянно волновавшая Плеханова мысль о том, что он обязан до конца жизни сделать как можно больше, наложила отпечаток на всю его деятельность, способствовала развитию тех черт характера, которые он вырабатывал в себе еще в юношеские годы, — организованность, самодисциплину. Один знакомый Плехановых, Л. С. Федорченко, вспоминал: «У Плеханова, несмотря на то, что его постоянно влекло к людям, дисциплина сквозила во всем строе и складе его жизни. У него ни одной минуты в дне не проходило даром. День был у него распланирован, и каждый час был непременно наполнен определенным содержанием. Даже отдых после обеда у него никогда, если он был здоров, не был посвящен лежанию на кровати. В послеобеденное время Г. В. Плеханова можно было видеть шагающим по аллеям университетского скверика, находившегося против его квартиры, и читающим на ходу какую-нибудь беллетристику, преимущественно на французском языке. Любимым чтением Г. В. были в эти часы Мопассан либо Э. Золя... Во всем он любил краткость, ясность и определенность. Расхлябанность российского интеллигента и его «исповеди» t?te? t?te всегда выводили его из себя, а многих эта черта характера Г. В. отшатывала от него, чему, впрочем, он был всегда несказанно рад. Всякие витиеватые речи своих собеседников Г. В. превращал часто в шутку. «Заумные» разговоры, которые с ним любили вести его собеседники, во что бы то ни стало памятуя, что они говорят с Плехановым, его настраивали всегда на иронический лад, ибо Плеханов обладал завидной чертой с двух-трех слов угадывать психическую консистенцию своего собеседника.

Но иначе держался Плеханов с теми, которые, на его взгляд, действительно были преданы тому делу или вопросу, которые они

возбуждали в разговорах с ним. Здесь Г. В. Плеханов открывался собеседнику и давал массу нового, сравнительно даже с тем, что давал он в своих статьях. Сколько минут истинного наслаждения он дарил в таких беседах».

Когда первый выпуск сборника «Социал-демократ» вышел, Вера Засулич отправила два экземпляра в Лондон — один Кравчинским, другой для Фридриха Энгельса. Плехановская группа могла гордиться этим марксистским по содержанию сборником.

Скоро надо было готовить второй сборник. Но средства опять кончились. Только через три года, когда приехал еще один меценат — Гурьев, удалось возобновить издание. Оно называлось так же — «Социал-демократ», но подзаголовок был другой: «Трехмесячное литературно-политическое обозрение», и стоял опять № 1. В 1890 году вышло три номера обозрения, но потом опять из-за отсутствия средств на два года пришлось замолчать, и только в 1892 году вышел 4-й, и последний, номер.

4. Выход на международную арену

С первых же шагов группа «Освобождение труда», продолжая традиции Маркса и Энгельса, стояла на позициях пролетарского интернационализма, рассматривала русское революционное движение как часть международного рабочего движения. Во втором проекте программы русских социал-демократов Плеханов писал, что будущая социалистическая революция будет иметь международный характер. «Отсюда вытекает, — писал Плеханов, — солидарность интересов производителей всех стран, признанная и провозглашенная еще Международным товариществом рабочих» (2—I, 378).

После роспуска в 1876 году I Интернационала, во главе которого стоял Маркс, в течение многих лет не было центра, который объединял бы социалистов всех стран.

14—21 июля 1889 года в Париже состоялся первый конгресс II Интернационала. Этому событию предшествовала большая политическая и организационная работа марксистов европейских стран во главе с Ф. Энгельсом. Особенно большую работу по подготовке конгресса провел Поль Лафарг.

Фридрих Энгельс, имевший прочные идейно-политические связи с русскими революционерами, стремился к тому, чтобы и Россия была представлена на конгрессе. Члены группы «Освобождение труда» слышали

о готовящемся международном социалистическом конгрессе, но они не имели мандата от социал-демократических организаций, действующих в России, и поэтому не решались послать на конгресс своих представителей.

31 мая 1889 года Кравчинский спрашивал Веру Засулич: «Получили ли вы и ваша группа приглашение от Лафарга на марксистский конгресс в Париже? Если нет, то, вероятно, получите завтра или вместе с этим письмом... Если бы здоровье позволило Жоржу, было бы чрезвычайно хорошо, если бы он поехал. Что он произвел бы очень хорошее впечатление и не посрамил бы русского имени, это вы и сами знаете... Я писал Лафаргу... что ваша группа единственная из мне известных, которая удовлетворяет требованиям. Вы издаете на русском языке орган научного социализма и состоите в органической связи с группами рабочих, разделяющих ваши взгляды и даже посылающих вам деньги... Хотя вы формально и не выбраны ввиду специально русских условий, которые нужно принять во внимание, но вы в такой же степени можете считать себя представителями русских рабочих, как Лафарг и иные...»

В ответ Вера Засулич писала: «Спасибо за рекомендацию нас Лафаргу. Мы действительно на днях получили от него письмо, и все совещались, что ответить, так как представителями рабочих явиться формально мы не можем. Ваше письмо вывело нас из затруднения». В эти же дни Плеханов написал Вере Засулич: «Дорогая Вера, на конгресс я еду во всяком случае, хотя это мне и будет стоить очень дорого: Роза больна, денег нет, и в заключение заболела прислуга, которая была приглашена на время болезни Розы. Можете себе представить, какая масса хлопот у меня теперь... Письмо, которое Вы мне переслали вчера, — от Лафарга. Он настаивает на том, чтобы я приехал на конгресс: *ce sera une réponse á la trahison de Tikhomiroff* (это будет ответом на предательство Тихомирова. — Авт.), пишет он. Если, говорит он, у Вас не хватит денег на обратный проезд, мы достанем, приезжайте только. Поэтому вот что. Получивши мое письмо, сейчас же возьмите лист хорошей бумаги и напишите на нем хорошим почерком, чтобы рука ваша не ходила на пятках: *Union des democrates socialistes russes autorise citoyen Georges Plekhanoff á les représenter au congrés international socialiste de Paris. Secrétaire de l'union Vera Zassoulitch*^[24].

Поставьте число. Пожалуйста, не забудьте этого сделать, иначе меня лишат голоса на конгрессе» (4—II, 296—297).

Болезнь жены, о которой пишет Георгий Валентинович, — это ее тяжелое состояние после рождения ребенка. В мае у Плехановых родилась еще одна дочка, которую решили назвать Марией. Мать и ребенок хворали,

4 марта 1889 года, за два месяца до рождения девочки, Плеханов писал Аксельроду: «Вы сегодня (понедельник) утром получили мою телеграмму относительно высылки денег Розе. Послали ли Вы их? Она мне писала, что вот уже шесть дней, как у них ничего, кроме молока, не было. Денег ни сантима, молоко же давали в кредит. Ввиду этого (кстати, прошу Вас, чтобы об этом, кроме Вас и Надежды Исаковны (Аксельрод. — Авт.), никто не узнал) всякие мои расчеты должны отойти на задний план. Завтра, 5 марта, мне необходимо заплатить женевискому домохозяину за квартиру 250 фр... Все это время Розе не было решительно никакой возможности платить, она еле не умерла с детьми с голоду. Я как-нибудь сделаюсь, Сергей (Кравчинский. — Авт.) выручит, а нет, так уеду Женеву, но по могу позволить, чтобы мою семью выгнали с квартиры».

В Париж на учредительный конгресс II Интернационала поехали Плеханов и Аксельрод. Делегация от русских социалистов состояла из них и четырех народовольцев, в их числе был и П. Л. Лавров. Плеханов и Лавров не виделись несколько лет, в полемике они часто бывали резки, но после некоторого замешательства в первый момент испытали большую радость от встречи.

В 100-летнюю годовщину взятия Бастилии — 14 июля — в Париже начал свою работу Международный социалистический конгресс: В нем участвовало около 500 делегатов, многие из которых были известными организаторами и руководителями рабочего движения своих стран, — А. Бебель, В. Либкнехт, П. Лафарг, Элеонора Маркс-Эвелинг. На конгрессе были не только марксисты, но также анархисты и реформисты.

Делегаты конгресса тепло встретили выступление Петра Лаврова, который говорил о революционном движении народников в России.

Плеханов также записался в число выступающих. Он очень волновался, понимая, что должен выступить перед таким авторитетным форумом от имени зарождавшейся российской социал-демократии, неизвестной еще тогда на Западе. К тому же и имя его ничего не говорило многим присутствующим, хотя к тому времени его знали лидеры марксистов — Энгельс, Гед, Лафарг.

Павел Аксельрод подбадривал Плеханова.

Плеханов был, по воспоминаниям современников, худым и стройным мужчиной среднего роста, с красивым лицом, огромным лбом, орлиным носом и гордыми глазами, которые время от времени загорались веселым юмором. Особенно выделялись его чрезвычайно большие, своеобразные, густые и косматые брови.

Выйдя на трибуну, Плеханов справился с волнением и в очень

короткой речи успел изложить взгляды русских социал-демократов. Он начал, прямо обращаясь к делегатам конгресса: «Граждане! Вам, может быть, странно видеть на этом рабочем конгрессе представителей России, — России, где рабочее движение до сих пор, к сожалению, слишком слабо. Но мы думаем, что революционная Россия, во всяком случае, не только не должна держаться в стороне от новейшего социалистического движения Европы, но что, наоборот, теперешнее сближение ее с ним принесет большую пользу делу всемирного пролетариата». Далее он говорил о реакционной роли царского самодержавия как всемирного жандарма, о развитии капиталистических отношений и образовании пролетариата в России. Плеханов воспользовался трибуной, чтобы выступить с критикой народнических идей: «Силы и самоотвержение наших революционных идеологов могут быть достаточны для борьбы против царей как личностей, но их слишком мало для победы над царизмом, как политической системой». В заключение Плеханов сказал: «Задача нашей революционной интеллигенции сводится..., по мнению русских социал-демократов, к следующему: она должна усвоить взгляды современного научного социализма, распространить их в рабочей среде и с помощью рабочих приступом взять твердыню самодержавия. Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может» (3—VIII, 86). Когда Плеханов шел на место, глаза его радостно сверкали, он чувствовал, что его выступление было выслушано с вниманием.

Потом, в кулуарах, его расспрашивали о революционном движении России и его перспективах, которые представлялись западноевропейским социал-демократам совсем в другом виде. Позднее русский эмигрант Алексей Воден посетил Ф. Энгельса, который сказал, что речь Плеханова на Парижском конгрессе и ему и многим товарищам понравилась. Энгельс познакомился с этой речью по протоколам, напечатанным в немецком журнале «Социал-демо-крат».

После конгресса Плеханов и Аксельрод решили поехать в Лондон, чтобы «представиться по начальству», как шутил Плеханов. О личном знакомстве с Энгельсом все они давно мечтали. О том, как произошло знакомство первых русских марксистов с одним из основателей научного социализма, оставил воспоминания Павел Аксельрод: «Нечего говорить, что к Энгельсу мы шли полные благоговения, и в этом отношении я и Плеханов ничуть не уступали друг другу.

У Энгельса по воскресеньям всегда собирались друзья и товарищи. Мы застали здесь: Эдуарда Бернштейна, уже вернувшегося после

Парижского конгресса в Лондон, где было его постоянное местожительство; Эвелинга с женой Элеонорой Маркс, дочерью Карла Маркса. — Авт.); Шорлеммера, профессора химии в одном из английских университетов, участника революции 1848 года, после поражения которой он эмигрировал из Германии...

Энгельс знал со слов Каутского, Бернштейна и Степняка о группе «Освобождение труда» и о нас с Плехановым. Он читал по-русски и был знаком с «Нашими разногласиями» Плеханова. Принял он нас очень любезно, ласково.

Ему было уже за 70 лет (Энгельсу тогда было около 70, точнее, 69 лет. — Авт.). Слава, окружавшая его имя, ни в малейшей степени не отразилась на той сердечной простоте, которой он всегда отличался. При первой встрече с Энгельсом мы мало говорили с ним о политических вопросах. Общий разговор носил скорее шуточный характер.

Елена Демут, которая заведовала хозяйством в доме Энгельса, как раньше заведовала хозяйством в доме Маркса, усердно угощала нас — уже не помню, чем именно, но, кажется, там был большой пирог, а также пунш и пиво...

Когда мы уходили от Энгельса, было уже поздно. Шел сильный дождь, Энгельс вышел в переднюю провожать нас...

Энгельс просил нас заходить к нему, и с этого дня вплоть до нашего отъезда из Лондона мы бывали у него чуть ли не ежедневно...

Наши беседы вращались вокруг теоретических и политических вопросов и касались крупных фактов и революционных деятелей, в частности Бакунина и Лассаля...»

Плеханов тоже вспоминал об этой встрече с Энгельсом: «Я имел удовольствие в продолжение почти целой недели вести с ним продолжительные разговоры на разные практические и теоретические темы» (2—II, 360).

5. Лишенный «политического убежища»

Плеханову надо было возвращаться из Лондона домой. Но где теперь был его дом? Уже в течение нескольких месяцев он жил в Морне, пограничной деревушке во Франции, поскольку был выслан из Швейцарии как нежелательный иностранец. Поводом для его высылки послужило следующее событие. В марте 1889 года под Цюрихом в горах два народовольца испытывали бомбу которая неудачно взорвалась и ранила

обоих участников этого опыта. В результате ран один из них вскоре скончался. В связи с этим начались обыски, аресты и высылки не только русских политических эмигрантов, но и некоторых русских студентов. Эта история оживила сеть царского шпионажа за границей. Руководитель сыскного дела за границей Рачковский развернул чрезвычайно бурную деятельность. Он добился того, что швейцарские полицейские передавали в его распоряжение все документы и переписку, взятые при обысках у русских эмигрантов. В печати была организована травля не только анархистов, но и тех русских революционеров, которые были чужды анархизму, Плеханова и Засулич, несмотря на их критическое отношение к террору и анархизму, выслали из Швейцарии. Сначала Плеханова собирались выслать вместе с семьей, но Розалии Марковне удалось при помощи профессоров, у которых она училась, добиться отмены этого решения. Для посещения семьи в Швейцарии Плеханов должен был получать разовый пропуск у властей.

Живя в Морне, Плеханов продолжал усиленно работать. Ему помогала Вера Ивановна, делала выписки из книг, переписывала черновики. Он написал брошюру, в которой вскрыл корни предательства Тихомирова, — «Новый защитник самодержавия, или горе г. Тихомирова». В это время удалось издать три номера литературно-политического обозрения «Социал-демократ». Большая часть статей в этом журнале принадлежала перу Плеханова. Здесь были напечатаны известные впоследствии произведения Плеханова — исследование «Н. Г. Чернышевский», вторая статья из серии «Наши беллетристы-народники», посвященная творчеству С. Каронина, воспоминания «Русский рабочий в революционном движении», «Первое мая 1890 года», рецензии, обозрения общественных и политических событий в России и за границей.

Начало 90-х годов было плодотворным в жизни группы «Освобождение труда». Кроме издания трех номеров «Социал-демократа», удалось вновь наладить связь с Россией, прерванную разгромом группы Благоева.

В конце 1891 года поехал в Россию заведующий типографией группы «Освобождение труда» С. Г. Райчин. Ему удалось установить контакт с кружком русских социал-демократов в Варшаве, а затем наладить связи с членами петербургского «Социал-демократического общества» — группой Бруснева. Райчин передал большое количество нелегальной марксистской литературы и договорился, что именно через Бруснева в Россию будут высылаться нелегальные издания группы «Освобождение труда». Однако на обратном пути в апреле 1892 года Райчин был арестован и сослан в

Сибирь.

Но и после ареста Райчина связь с брусневской группой продолжалась. В 1891 году рабочие, находившиеся под влиянием этой организации, провели первую в России маевку. Первомайские речи русских рабочих были отпечатаны на гектографе, вскоре попали за границу, были изданы группой «Освобождение труда» и вновь переправлены в Россию. Летом 1892 года группа Бруснева была разгромлена, и столь удачно организованная связь с Россией опять прервалась.

К этому времени относится и начало сотрудничества Плеханова в социалистической прессе западноевропейских стран. После его выступления на Парижском конгрессе в «Социал-демократе», центральном органе Германской социал-демократической партии, появились две его статьи: «Внутреннее обозрение (русская жизнь в 1890 г.)» и «Еще раз о принципах и тактике русских социалистов».

А в 1891 году в нескольких номерах теоретического органа партии «Neue Zeit» была напечатана статья Плеханова «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля».

Работа Плеханова о Гегеле, яркая, глубокая и страстная, начиналась с краткой, но всесторонней оценки роли гегелевской философии в истории общественной мысли. «Между теми науками, которые у французов называются «*sciences morales et politiques*» (науками нравственными и политическими. — Авт.), — писал он, — нет ни одной, которая не испытала на себе могучего и в высшей степени плодотворного влияния гегелевского гения. Диалектика, логика, история, право, эстетика, история философии и история религии приняли новый вид благодаря толчку, полученному ими от Гегеля» (2—I, 422). Плеханов показал, что образованные имущие классы ныне, при всем оживлении интереса к философии Гегеля, не могут относиться к нему с той симпатией, которую питали к нему 60 лет назад в «странах немецкой культуры». И объясняется это прежде всего тем, что Гегель был диалектиком, смотрел на все явления с точки зрения процесса *des Werdens* (становления), то есть возникновения и уничтожения. И вместе с тем ограниченность его философии — ее идеализм, в том числе «идеализм чистейшей воды» во взглядах на всемирную историю, привлекает внимание уходящих с исторической сцены социальных сил.

Плеханов отмечает, что «как в природе, так и в особенности в истории процесс становления есть, в каждое данное время, двойной процесс: уничтожается старое и в то же время возникает из его развалин новое... Если философия познает только отживающее старое, то познание

односторонне, она не способна выполнить свою задачу познания сущего... Новейший материализм чужд подобной крайности. На основании того, что есть и что отживает свой век, он умеет судить о том, что становится» (2—I, 441).

Диалектический метод Гегеля создал, хотя и на идеалистической основе, предпосылки для разрешения противоречия между свободой и необходимостью, что помогло научной философии указать подлинную роль и место сознательной деятельности людей. Гегель показал, что «мы свободны лишь постольку, поскольку познаем законы природы и общественно-исторического развития и постольку мы, подчиняясь им, опираемся на них. Это было величайшее приобретение как в области философии, так и в области общественной науки, — приобретение, которым в полном его объеме воспользовался, однако, только современный, диалектический, материализм» (2—I, 443).

В своей статье Плеханов раскрыл коренное отличие философии Гегеля, раздираемой противоречиями между прогрессивным, диалектическим методом («алгебра революции») и консервативной идеалистической системой, от диалектического материализма Маркса, благодаря которому «материалистическая философия возвысилась до цельного, гармонического и последовательного мирозерцания... то, что у Гегеля является случайной, более или менее гениальной догадкой, становится у Маркса строго научным исследованием» (2—I, 444–445).

Все это позволило Плеханову сделать вывод о том, что диалектика — великое завоевание человеческой мысли — становится историческим принципом и носителем этого принципа выступает пролетариат, передовой общественный класс в современную эпоху.

Энгельс вскоре же после выхода номеров «Neue Zeit» написал главному редактору журнала Карлу Каутскому: «Статьи Плеханова превосходны»^[25]. Об отзыве Энгельса сразу же сообщили Плеханову. Он был очень горд похвалой и вскоре же написал Энгельсу: «Мне передавали, что Вы написали несколько благожелательных слов Каутскому по поводу моей статьи о Гегеле. Если это верно, я не хочу других похвал. Все, чего я желал бы, это быть учеником, не совсем недостойным таких учителей, как Маркс и Вы» (3—VIII, 257).

Одновременно со статьей Плеханов переделывал для немецкого читателя свою работу о Чернышевском, а через некоторое время эта книга вышла на немецком языке в партийном издательстве Дитца. Из этой работы немецкий читатель впервые узнал о творчестве выдающегося русского философа. Энгельс писал автору: «Заранее благодарю Вас за экземпляр

Вашего «Чернышевского», жду его с нетерпением»^[26].

Плеханов в первых же своих марксистских работах высоко оценил роль Чернышевского как революционера и философа-материалиста, назвав его «гордостью, славой и украшением русской литературы». Он с полным основанием мог сказать: «Мое собственное умственное развитие совершалось под огромнейшим влиянием Чернышевского, разбор его взглядов был целым событием в моей литературной жизни...» (2—IV, 408).

И вместе с тем Плеханов, продолжавший революционные и материалистические традиции Чернышевского, став на позицию научного социализма, критически подходит к утопическим социальным теориям великого революционного демократа — одного из родоначальников народничества, справедливо считая, что эти его взгляды... «принадлежат к той эпохе в истории социализма, которая должна теперь считаться отжившей» (1—V, 126).

В марксистских работах Плеханова о Чернышевском раскрыта преемственная связь между революционными демократами, которые были предшественниками марксизма в России, и социал-демократическим движением российского пролетариата, убедительно доказано непреходящее значение материалистического и диалектического философского наследия Чернышевского, его яркой реалистической теории эстетики, его острой и убедительной критики помещичье-буржуазного либерализма. К сожалению, впоследствии, в меньшевистский период своей деятельности, Плеханов отошел от некоторых своих верных оценок, данных в 80—90-х годах, сделал главный упор на теоретическую слабость «просветительской» деятельности Чернышевского, на его идеализм в понимании истории. Плеханов рассматривал Чернышевского только как идеолога разночинской среды, тем самым затушевывая боевой революционный крестьянский демократизм Чернышевского. В. И. Ленин по поводу этих последних работ Плеханова о Чернышевском с полным основанием мог сказать: «Из-за теоретического различия идеалистического и материалистического взгляда на историю Плеханов просмотрел практически-политическое и классовое различие либерала и демократа»^[27].

Но это ленинское указание относится к позднейшим плехановским оценкам мировоззрения и деятельности Чернышевского. Что же касается работ Плеханова 90-х годов, то Ленин высоко о них отзывался, считая, что «Плеханов в своей книге о Чернышевском... вполне оценил значение Чернышевского и выяснил его отношение к теории Маркса и Энгельса»^[28].

В 1892 году Плеханов по заказу Каутского начал писать серию очерков

о французских материалистах (Гольбахе, Гельвеции) как предшественниках философии Маркса. На большом фактическом материале он показал значение марксистского материализма как высшего достижения философии. Эта работа целиком поглотила Плеханова. В течение полутора лет она отнимала все его время, все его мысли. Пришлось перечитать не только работы французских материалистов, но и всю доступную литературу о них.

Однако в июле 1893 года Плеханов получил письмо от Каутского, которое его очень расстроило: «Ваша статья о Марксе будет очень полезна; она ведь входит в план Вашей работы? Только не знаю, будет ли для нее место в «Neue Zeit»? Уже с Гельвецием затруднительно. Я посоветовал бы Вам выпустить ее отдельной книгой, о чем я уже говорил с Дитцем, но пока он не может и не хочет окончательно обязаться. Поэтому не знаю, могу ли советовать Вам продолжать работу наудачу. Но я надеюсь, что, когда «Гольбах» появится в «Neue Zeit», это вызовет у него желание выпустить все в виде книги».

Когда работа была окончена, Плеханов отослал ее Каутскому, тот передал Дитцу. Но только в 1896 году книга была издана в Штутгарте под названием «Очерки по истории материализма. I. Гольбах. II. Гельвеций. III. Маркс», а затем она была переведена на русский язык.

Труд Плеханова, по существу, первое в марксистской литературе освещение истории французского материализма и вместе с тем удачная попытка показать становление диалектического материализма Маркса и Энгельса, преемственность его развития, существенное отличие от предшествующего материализма. Плеханов критикует идеалистическое понимание истории в сочинениях французских материалистов и раскрывает коренное отличие исторического материализма Маркса от «философии истории» Гольбаха и Гельвеция, которым были присущи только материалистические догадки об «эволюции» в истории общества.

В речи «Философские и социальные воззрения К. Маркса», произнесенной, вероятно, в 1897 году и тематически примыкающей к «Очеркам по истории материализма», Плеханов нарисовал яркую картину возникновения и развития философии Маркса и Энгельса, показал, что «появление материалистической философии Маркса — это подлинная революция, самая великая революция, какую только знает история человеческой мысли» (2—II, 450).

В 1892 году была выпущена на русском языке переведенная Плехановым с немецкого книга Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» с предисловием и примечаниями

переводчика.

Книга Энгельса, явившаяся блестящим произведением воинствующего материализма и показавшая историческую ограниченность метафизического материализма, в том числе и фейербаховского, его идеалистическое, ненаучное понимание истории, была чрезвычайно важна как для русского, так и для всего международного рабочего движения. Она раскрывала современное значение научной материалистической философии и ее связь с революционной борьбой, давала убедительнейшую критику философского идеализма, агностицизма, религиозных воззрений. Рассматривая в этом произведении решительное выступление новейшего, диалектического материализма против идеалистической философии, начавшееся с полемики Маркса и Энгельса против Бруно Бауэра («Святое семейство»), Плеханов с полным основанием мог сказать о нем: «Чрезвычайно важное и по своему историческому значению и по содержанию... оно и теперь могло бы еще сыграть большую роль в России, где даже самые передовые писатели упорно продолжают держаться идеалистической точки зрения на общественную жизнь» (2—I, 452).

После появления в 90-х годах крупных философских работ Плеханова его авторитет как теоретика марксизма, знатока философии и истории революционной мысли очень возрос. К нему обращались из многих европейских стран с просьбой написать статью или позволить перевести уже напечатанное. И он старался никому не отказывать, будь это известная многотиражная французская газета «Социалист» или только что созданный болгарский журнал «Социал-демократ».

В конце XIX — начале XX века работы Плеханова печатались, кроме русского, на немецком, французском, английском, итальянском, болгарском, венгерском, польском и румынском языках.

Для того чтобы быть в курсе развития социалистического движения в этих странах, вести обширную переписку с деятелями рабочего движения Европы, Азии, Америки и писать работы для органов социал-демократической печати, Плеханов должен был много читать. Все это отнимало массу сил и времени. Писать ради денег он не мог, а печататься в органах братских партий считал своим интернациональным долгом.

В начале 90-х годов активизировалась идейная борьба марксизма против идеологии и тактики русских народников. Но теперь это были уже не революционные народники, а либеральные. Они, отказавшись от традиций революционного народничества, но прикрываясь его авторитетом, пытались приспособиться к условиям общественной жизни в царской России. Они имели возможность печататься в легальных журналах,

где выступали с крикливой, хотя и неубедительной критикой марксизма, проповедовали свои реформистские и субъективистские взгляды, пытаясь восхвалять уже разлагавшуюся сельскую общину для дезориентации передовых людей России.

Властителем дум немалой части русской прогрессивной интеллигенции и студенческой молодежи в то время был известный литератор, редактор журнала «Русское богатство» Николай Константинович Михайловский, в прошлом близкий к «Народной воле» и лично знавший многих революционеров. В начале 90-х годов он выступил с резкой критикой русских марксистов, пытался прикрыть свои субъективистские, либерально-народнические взгляды фальсификацией взглядов Маркса, особенно по вопросам русской общины и перспектив революционного движения в России.

В 1892 году Плеханов попытался выступить против либерального народничества в легальной печати. Он написал для журнала «Северный вестник» статью «Странное недоразумение», в которой критиковал Н. Михайловского, В. Воронцова, С. Кривенко и других либеральных народников, искажавших смысл письма К. Маркса в редакцию «Отечественных записок» о роли общины в экономическом и политическом развитии России. Они, нападая на социал-демократов, писали, что «Маркс пристыдил своих учеников» и будто бы утверждал, что сельская община в России при любых условиях сохранится и станет источником социалистического развития. Плеханов в своей статье утверждал, что только искажением взглядов Маркса и путаницей во взглядах народников можно объяснить такое «странное недоразумение». На нескольких страницах Плеханов излагает теорию исторического материализма и показывает, что знаменитое письмо Маркса отнюдь не выводит Россию за рамки общеисторических законов, присущих развитию общества. «Чтобы судить о том, применимы или неприменимы к России взгляды Маркса, надобно прежде всего дать себе труд понять эти взгляды и не смешивать «формулу капиталистического процесса» с общей теорией, объясняющей всю историю человечества» (3—IV, 25). К сожалению, статья была прислана редакцией обратно автору и увидела свет только в 1937 году.

Тогда Плеханов решил выступить против либеральных народников в нелегальной печати. Он предполагал издать книгу, которую решил назвать «Наши разногласия. Часть II». Решив сделать исторический экскурс и показать, из каких источников вырос марксизм, Плеханов увлекся этой темой и работал над ней в течение двух лет.

В начале 90-х годов расширились революционные связи Плеханова и

его группы с деятелями европейского рабочего движения. В это время у Плехановых, приезжая в Женеву, часто бывала Роза Люксембург, тогда молодая девушка, студентка Цюрихского университета. Познакомилась она с Плехановым еще в 1891 году. Она писала тогда своим друзьям Кричевским: «Я люблю на Плеханова смотреть у Аксельродов из уголка, смотреть просто, как он говорит, движется, на его лицо — оно мне замечательно нравится».

Роза Люксембург познакомила с Плехановым свою приятельницу Любовь Исаковну Аксельрод, однофамилицу Павла Борисовича. Любовь Аксельрод под влиянием Георгия Валентиновича увлеклась философией. Вскоре она сделалась незаменимым помощником Георгия Валентиновича.

В августе 1893 года в Цюрихе состоялся третий конгресс II Интернационала. Плеханов получил мандат от Петербургского кружка и от «Русского социал-демократического общества» в Нью-Йорке. В. Засулич и П. Аксельрод присутствовали на конгрессе в качестве гостей. Плеханова выбрали на конгрессе в комиссию по военному вопросу. Его выступление было теоретически зрелым, логически обоснованным и в то же время глубоко эмоциональным. Плеханов клеймил царскую Россию как оплот международной реакции и военной опасности: «Уже давно, — говорил он, — пора покончить с русским царизмом, позором всего цивилизованного мира, с постоянной опасностью для европейского мира и прогресса культуры. И чем больше наши немецкие друзья нападают на царизм, тем более должны мы быть благодарны. Браво, мои друзья, бейте его сильнее, сажайте его на скамью подсудимых возможно чаще, нападайте на него всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами! Что же касается русского народа, то он знает, что наши немецкие друзья желают его свободы».

В своем заключительном слове Плеханов допустил фразу, которая пагубно отразилась на его судьбе. Критикуя политику французского правительства за финансовую поддержку царского правительства, он сказал: «Говорят, что русская опасность вовсе не является такой угрожающей. Но разве вы забыли, что русский царь соединился с вашей (обращаясь к французским делегатам. — Авт.) буржуазией, что он является убийцей Польши? Как может Франция настолько забыть свое революционное прошлое...» (3—VIII, 135).

Эти слова были сочтены оскорблением Франции, буржуазная печать начала травлю Плеханова. Чувствовалось, что Плеханова в любой момент могут выдворить из Франции из Морне, где он жил последние годы. Но до этого произошли еще два события — радостное и печальное.

После Цюрихского конгресса Плеханов познакомил Засулич с Энгельсом. Вскоре Вера Ивановна в письме Дейчу сообщила об этом: «... видела я там (в Цюрихе. — Авт.) массу интересного народа. Начать хоть с Фридриха Карловича. Он был у нас, т. е. у Павла (Аксельрода. — Авт.), раза три. Совсем простой, ласковый такой старик. Уж на что я трусиха на незнакомых людей, а и то с ним сразу освоилась». Радостные уезжали после конгресса русские делегаты. Встреча с Энгельсом придала им новые силы.

Но накануне 1894 года на Плехановых обрушилось новое несчастье — их пятилетняя дочь Машенька заболела менингитом. Сразу же дали знать отцу, тот нелегально перешел франко-швейцарскую границу, которая, кстати, совсем не охранялась. Он застал дочку уже умирающей... К. П. Медведева, близко знавшая Плехановых, позже рассказывала В. Д. Бонч-Бруевичу: «Тяжело, трудно было смотреть на Георгия Валентиновича. Розалия Марковна страдала ужасно, плакала, и эти слезы, может быть, облегчали ее, а он был молчалив, спокоен, тверд, но это спокойствие, это отсутствие внешнего выражения глубочайшего душевного страдания было еще ужасней, еще трагичнее. За эти дни он постарел на 10 лет, осунулся, сгорбился. Огромные орлиные глаза ввалились в глубокие орбиты и светились такой страдальческой жалостью, что трудно себе представить то титаническое напряжение воли, которое он должен был проявить, чтобы не плакать, не рыдать, не отчаиваться. Он был как-то по-особому трагически нежен с Розалией Марковной и утешал ее глубокими задушевными словами... Георгий Валентинович был на редкость заботлив с детьми в эти дни отчаяния».

Именно тогда Плеханов получил предложение от правления Германской социал-демократической партии написать брошюру с критикой анархизма. К тому же ему надо было кончать книгу, направленную против либеральных народников. А французская полиция совсем распоясалась — на квартире Плеханова в Морне был устроен обыск. Стало ясно, что вот-вот его вышлют из Франции.

В это тяжелое для Плеханова время его морально поддержали не только русские друзья, но и деятели международного рабочего движения. Теплые дружеские письма с выражением соболезнования он получил от Ж. Геда, В. Либкнехта. И Георгий Валентинович преодолел свое отчаяние и засел за работу. Уже 2 марта он пишет В. Либкнехту: «Я не буду больше касаться постигшего меня несчастья. Я много страдал, но главное — это то, что я в состоянии уже сейчас приняться за работу, а раз человек может работать, то он еще не погиб духовно» (4—II, 122).

Последние месяцы жизни во Франции были очень тревожными, каждый день Плеханов и Засулич ждали высылки.

С предложениями переселиться в Болгарию обратились болгарские социалисты, с которыми Плеханов поддерживал самые тесные дружеские связи еще с 80-х годов, когда они учились в Швейцарии, а Плеханов читал им лекции по политической экономии. В кабинете Плеханова всю жизнь висел фотографический портрет болгарских студентов, учившихся в Женеве.

Получил приглашение приехать Плеханов и из Северной Америки. Там в течение пяти лет жил Сергей Михайлович Ингерман, принятый в 1888 году в группу «Освобождение труда». Через два года он вынужден был эмигрировать в Америку, хорошо там устроился, но не забывал своих друзей. Он был одним из организаторов «Русского социал-демократического общества» в США, которое поддерживало связь с членами группы «Освобождение труда» и неоднократно посылало ей деньги на издания марксистской литературы и просто на личные расходы. Поэтому Плеханов, получив от Ингермана приглашение переехать в Америку, серьезно его обдумывал. Обсуждал он и возможность переселиться в Англию. Он даже обратился за советом к Вильгельму Либкнехту, который ему ответил: «Дорогой друг! Прежде всего примите выражения самого искреннего сочувствия! Мы получили известие о постигшем вас и вашу супругу ужасном ударе. Но — надо жить и бороться!

Я не думаю, чтобы вас изгнали из Франции: реакция против политики господствующих там динамитчиков уже началась... Англия — это нищета, — если не быть любимым детищем богатых людей, как Степняк, там можно умереть с голоду. Мне это знакомо.

Америка, несомненно, представляет больше шансов».

На какое-то время Плеханову пришлось нелегально перебраться в Женеву. Он еще не оправился после болезни, но много работал — писал брошюру против анархистов. В таких условиях была написана одна из самых популярных, хотя и не лишенная недостатков, работ. Называлась она «Анархизм и социализм».

На семейном совете решили, что ехать Плеханову в Америку нельзя.

Очень далеко от России.

Летом — точнее, в июле 1894 года — Плеханов и Засулич нелегально прибыли в Англию. Сначала уехала Вера Ивановна, вскоре за ней последовал и Георгий Валентинович.

Лондон встретил Георгия Валентиновича неприветливо. Он поселился, по рекомендации Кравчинских, у одного немецкого социал-демократа. Но

жилье было расположено в рабочем районе, где лондонский смог был особенно густым. Постепенно Плеханов привык к лондонскому воздуху, нашел более удобную комнату. Кравчинские, Вера Засулич, дочь Маркса — Элеонора Эвелинг уговаривали Плеханова остаться в Англии. Но больше всего его привлекала возможность часто видеться с Энгельсом. Энгельс разрешил Плеханову пользоваться своей библиотекой, в которой были уникальные издания его работ и работ Маркса. Энгельс часто рассказывал о Марксе, показывал его рукописи. Однажды Плеханов, не застав Энгельса дома, оставил записку, в которой были такие искренние слова: «Задачей всей моей жизни я считаю пропаганду Ваших и Маркса идей» (З—VIII, 266).

Энгельс и до этих встреч в Лондоне высоко ценил революционные заслуги и теоретические знания Плеханова. Когда в 1892 году к нему приезжал рекомендованный Лавровым народоволец Н. С. Русанов, то он рассказывал Энгельсу о знакомстве русских народников с его произведениями и работами Маркса. Энгельс выслушал все комплименты, а потом воскликнул с недоумением: «И, однако, вы не с Плехановым?» Для Энгельса растущий интерес русских революционеров к марксистскому учению в то время уже стал ассоциироваться с принадлежностью к группе «Освобождение труда».

Знал Энгельс и о полемической горячности Плеханова. По воспоминаниям Алексея Водена, Энгельс, слушая рассказ о нападках народников на Плеханова, воскликнул: «Кто Плеханова обидит, не обидит ли всякого сам Плеханов?» В этом же разговоре он выразил высокое мнение о таланте Плеханова: «Не ниже Лафарга или даже Лассалья».

По другим воспоминаниям, Энгельс говорил Вере Засулич: «Я знаю только двух человек, которые поняли и овладели марксизмом, эти двое: Меринг и Плеханов».

Высокое мнение Энгельса о Плеханове вдохновляло но и ко многому обязывало Георгия Валентиновича.

Кроме возможности видеть часто Энгельса и окружавших его революционеров, ученых, прогрессивных писателей, Плеханова привлекала возможность заниматься в Британском музее. Именно в этот свой приезд Плеханов подробнейшим образом познакомился с музеями и картинными галереями Лондона. Общественная и интеллектуальная жизнь кипела в этом городе. В одном из писем жене он даже написал, что надеется на отказ женеvских властей в разрешении ему вернуться — он хочет остаться в Англии.

Вскоре в Лондон приехал молодой социал-демократ из России

Александр Николаевич Потресов. Он приехал сначала в Женеву, а оттуда уже перебрался в Лондон, чтобы договориться с Плехановым о легальном издании в Петербурге книги о марксизме. Плеханов загорелся этой идеей. Он в течение нескольких недель перерабатывал рукопись «Наших разногласий, ч. II» и главы, написанные для «Истории социалистического движения во Франции». В результате получилась книга, в которой раскрывалась история марксизма, сущность его философии и одновременно критиковались субъективистские взгляды либеральных народников — Н. К. Михайловского, Н. И. Кареева и их последователей.

Необходимо было уже написанные части подогнать друг к другу, дописать недостающие и приспособить текст для легальной печати. Поэтому вместо термина «социал-демократ» говорилось — «ученик Маркса» и т. д.

Потресов шумно восхищался логикой и остроумием Плеханова, но резкость в полемике с народниками казалась ему излишней. Но, сколько он ни уговаривал Плеханова смягчить некоторые места, тот не соглашался. Пришлось Потресову примириться.

Потресов рассказал о своем намерении издать легально в Петербурге сборник статей марксистов и заручился согласием Плеханова о его участии в этом сборнике.

Плеханова все время терзало сомнение в возможности издания на родине книги, доказывающей применимость марксизма к России.

— Как я мечтаю, что эта книга попадет в руки многих русских людей! Но как же, Александр Николаевич, вы справитесь с цензурой?

— Не беспокойтесь, Георгий Валентинович, главное — довести рукопись до Петербурга и придумать такое название, которое сразу же убедило бы цензора в сугубо научном характере книги.

После нескольких вариантов остановились на несколько неуклюжем заглавии — «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Псевдоним Плеханов выбрал довольно изящный — Н. Бельтов.

Плеханов работал с вдохновением. Он уже не замечал ни тяжелого воздуха Лондона, ни жары, ни усталости. Но наконец Потресову надо было возвращаться. Он увозил с собой почти всю рукопись книги. В середине октября 1894 года Потресов уехал и вскоре телеграфировал о благополучном прибытии в Петербург.

В конце октября умер Александр III. Все чиновники занимались обсуждением перемен в личном составе министерств, и в этой обстановке цензурный комитет пропустил сочинение неизвестного автора под длинным названием.

В январе 1895 года книжка Бельтова появилась на книжных прилавках. Она произвела настоящий фурор.

Работа Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» ставила своей целью раскрыть преемственную связь мировоззрения и метода «современного материализма», то есть марксизма, с предшествующими учениями материалистической и диалектической философии. Вместе с тем в этой книге философски обосновывалась закономерность, необходимость социалистического, революционного преобразования мира на основе научного познания объективных законов природного и социального развития. И эта книга была направлена против главных противников марксизма в России — либеральных народников во главе с Н. К. Михайловским, твердивших, что марксизм «философски необоснован» и неприменим к России.

Вопреки народническим измышлениям о том, что материалистическая философия, в том числе и марксизм, будто бы страдает фатализмом, «приговаривает» все страны, включая Россию, веками испытывать муки капитализма и не дает якобы никакого простора для свободной Деятельности людей, Плеханов убедительно доказал, что именно современный материализм — марксизм — устранил фаталистический характер, свойственный материализму метафизическому. «...Подобно тому, — пишет Плеханов, — как окружающая человека природа сама дала ему первую возможность развития его производительных сил, а следовательно, и его постепенного освобождения из-под ее власти — отношения производства, общественные отношения, собственной логикой своего развития приводят человека к сознанию причин его порабощения экономической необходимостью. Этим дается возможность нового и окончательного торжества сознания над необходимостью, разума над слепым законом» (2—I, 690).

Плеханов раскрывает коренное положение диалектического материализма: «...человеческий разум не мог быть демиургом истории, потому что он сам является ее продуктом. Но раз явился этот продукт, он не должен и по самой природе своей не может подчиняться завещанной прежней историей действительности; он по необходимости стремится преобразовать ее по своему образу и подобию, сделать ее разумной... Диалектический материализм есть философия действия» (2—I, 691–692).

В отличие от метафизического материализма, который не понял, не оценил огромных возможностей активной деятельности человека в окружающем его мире, диалектический материализм вооружает человека знанием законов действительности, а следовательно, и умением

воздействовать на нее. «Отдельная личность есть лишь пена на поверхности волны, люди подчинены железному закону, который можно лишь узнать, но который невозможно подчинить человеческой воле, говорил Георг Бюхнер. Нет, отвечает Маркс, раз мы узнали этот железный закон, от нас зависит свергнуть его иго, от нас зависит сделать необходимость послушной рабой разума.

Я — червь, говорит идеалист. Я — червь, пока я невежествен, возражает материалист-диалектик; но я — бог, когда я знаю» (2—I, 691).

Исходя из диалектического материализма Маркса, Плеханов развенчивает субъективную социологию народничества, призывая революционеров стать на защиту интересов «производителей» и развивать их «самосознание» (так в подцензурной печати Плеханов вынужден был называть рабочий класс, его социалистические идеалы и революционное движение).

«Но если уже давно сказано, — пишет он далее, — что никто не зажигает светильника для того, чтобы оставить его под спудом, то материалисты-диалектики прибавляют: не следует оставлять светильника в тесном кабинете «интеллигенции»! Пока существуют «герои», воображающие, что им достаточно просветить свои собственные головы, чтобы повести толпу всюду, куда им угодно, чтобы лепить из нее, как из глины, все, что им вздумается, — царство разума остается красивой фразой, благородной мечтой. Оно начнет приближаться к нам семимильными шагами лишь тогда, когда сама «толпа» станет героем исторического действия и когда в ней, в этой серой «толпе», разовьется соответствующее этому самосознание» (2—I, 693).

В отличие от идеологов прогрессивной буржуазии, которыми были в свое время французские просветители, диалектический материализм стремится к устранению классов, поэтому он обращается к производителям (то есть к рабочему классу), «которые должны сделаться героями ближайшего исторического периода. Поэтому, в первый раз с тех пор, как наш мир существует и земля обращается вокруг солнца, происходит сближение науки с работниками: наука спешит на помощь трудящейся массе; трудящаяся масса опирается на выводы науки в своем сознательном движении» (2—I, 693–694).

В заключение своей книги Плеханов, опираясь на учение Карла Маркса, снова убедительно доказывает, что «диалектический материализм никаких стран ни к чему не приговаривает, что он не указывает пути, общего и «обязательного» для всех народов во всякое данное время; что дальнейшее развитие всякого данного общества всегда зависит от

соотношения общественных сил внутри его...» (2—I, 707).

Далее Плеханов пишет, что «изучение этой действительности привело Маркса в семидесятых годах к условному заключению: «Если Россия будет продолжать идти по тому пути, на который она вступила со времени освобождения крестьян, то она сделается совершенно капиталистической страной, а после этого, раз попавши под ярмо капиталистического режима, ей придется подчиниться неумолимым законам капитализма наравне с другими народами-профанами. Вот и все!»

Вот и все. Но русский человек, желающий трудиться Для блага своей родины, не может удовольствоваться таким условным выводом: у него неизбежно возникает вопрос: будет ли продолжать она идти по этому пути? Не существует ли данных, позволяющих надеяться, что путь этот будет ею оставлен?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо опять-таки обратиться к изучению фактического положения страны, к анализу современной ее внутренней жизни. Русские ученики Маркса на основании такого анализа утверждают: да, будет продолжать! Нет данных, позволяющих надеяться, что Россия скоро покинет путь капиталистического развития, на который она вступила после 1861 года» (2—I, 710–713).

Блестящий полемист Плеханов приводит в связи с этим для опровержения народнических иллюзий одну сказку. «Привели доброго молодца в каменный острог, посадили за запоры железные, окружили стражей неусыпную. Добрый молодец только усмехается. Он берет заранее припасенный уголек, рисует на стене лодочку, садится в нее и... прощай тюрьма, прощай стража неусыпная, добрый молодец опять гуляет по свету белому.

Хорошая сказка! Но... только сказка. В действительности нарисованная на стене лодочка еще никогда, никого и никуда не уносила.

Уже со времени отмены крепостного права Россия явно вступила на путь капиталистического развития. Гг. субъективисты прекрасно видят это, они сами утверждают, что старые экономические отношения разлагаются у нас с поразительной, все более и более увеличивающейся скоростью. Но это ничего, говорят они один другому: мы посадим Россию в лодочку наших идеалов, и она уплывет с этого пути за тридевять земель, в тридесятое царство.

Гг. субъективисты хорошие сказочники, но... «вот и все!». Вот и все, — а ведь этого страшно мало, и никогда еще сказки не изменяли исторического движения народа по той же самой прозаической причине, по которой ни один еще соловей не был накормлен баснями» (2—I, 713).

Таким образом, и в научно-философском, и в литературном отношении книга Н. Бельтова-Плеханова явилась убедительным опровержением обветшалых и ставших реакционными утопических теорий народников, способствовала освобождению сознания революционной молодежи России, да и ряда других стран из-под влияния несостоятельных и вредных иллюзий.

«Монизм» был восторженно встречен в России. В. И. Ленин впоследствии писал, что на этой книге «воспиталось целое поколение русских марксистов»^[29]. Ею зачитывались, ее цитировали, о ней спорили во всех революционных кружках. Некоторым, правда, не нравился ее полемический тон. Даже преданный идеям группы «Освобождение труда» Л. Дейч писал из далекой Сибири: «Книжка Бельтова — выдающееся явление в нашей литературе... она доставила мне такое наслаждение, какого я давно не испытывал, и я мысленно посылал благодарность ее автору. И способ изложения чрезвычайно живой и удобопонятный для всякого, и эрудиция очень обширная, какой не встретишь у наших писателей, — и расположение материала — все превосходно. Только относительно полемических выходов я должен признаться, что хотя они и вызваны нелепыми нападками противников, но все же они производят тяжелое впечатление, тяжелое за самого автора». Впоследствии Дейч признал, что он был не прав.

Энгельс писал Плеханову 8 февраля 1895 года: «Вера вручила мне Вашу книгу, за которую благодарю, я приступил к чтению, но оно потребует известного времени. Во всяком случае, большим успехом является уже то, что Вам удалось добиться ее издания в самой стране»^[30].

Несмотря на маскировку, которая помогла на первых порах протащить книгу через цензуру, она вскоре была разгадана царскими чиновниками и запрещена «для обращения в библиотеках и читальнях».

Известие о выходе «Монизма» и об успехе книги у читателей Плеханов получил уже в Женеве, где он опять поселился, получив временное разрешение жить в Швейцарии.

Выяснилось, что в Лондоне Розалия Марковна вряд ли найдет медицинскую практику. Пришлось Плеханову, который за эти месяцы полюбил британскую столицу и привык к ее активной политической жизни, распрощаться с Англией. Разрешения вернуться в Швейцарию добились его друзья — швейцарские социал-демократы. Еще в 1890 году Луи Эритье написал брошюру «Позор для свободной страны», в которой клеймил высылку русских революционеров из Швейцарии. Эта брошюра

встретила сочувствие у прогрессивных членов Национального совета Швейцарии. И вот... Плеханов снова в Женеве.

6. Переломный год

1895 год не случайно считается переломным годом в истории российского революционного движения. Этот год знаменует переход освободительного движения России в новый, пролетарский этап его развития. Для Плеханова и его единомышленников он был также поворотным в том смысле, что группа «Освобождение труда» смогла сделать новый шаг навстречу российскому рабочему движению благодаря установившимся контактам с революционными рабочими организациями России и прежде всего с петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», во главе которого стоял В. И. Ленин.

Новый, 1895 год в семье Плехановых справляли весело. Георгий Валентинович был окрылен беседами с Энгельсом, он жил надеждами, что его книга выйдет в Петербурге. К этому времени материальное положение семьи несколько улучшилось. Плеханов получил гонорар за брошюру «Анархизм и социализм» и аванс от Потресова за «Монизм». Дочки были счастливы вновь увидеть отца, который так смешно описывал свою жизнь в Лондоне.

Особенно смеялись дети над рассказом отца о том, как он ехал обратно через Францию. Поскольку французское правительство разрешило ему проезд только при условии, что он не будет выходить из вагона, то на станциях к нему подходили полицейские и вежливо спрашивали, не нужно ли ему чего. И когда Плеханов просил принести кофе, то полицейские кричали буфетчику: «Кофе для месье», или: «Чай для месье».

В мае 1895 года произошло событие, сыгравшее большую роль в становлении российской социал-демократии. Для установления контактов с группой «Освобождение труда» в Женеву приехал руководитель петербургских социал-демократов В. И. Ульянов.

До этого в Петербурге (в феврале 1895 года) состоялось совещание представителей социал-демократических групп России — было принято решение направить делегатов в Швейцарию для установления связей с группой «Освобождение труда» и организации издания литературы за границей. Сначала в Женеву прибыл московский социал-демократ Е. И. Спonti.

Спonti произвел на Аксельрода и Плеханова двойное впечатление. С

одной стороны, это был искренний, преданный делу пролетариата товарищ, с другой — он слабо разбирался в теоретических работах и все требовал, чтобы члены группы «Освобождение труда», находясь в Швейцарии, вели агитацию в России. В. И. Ульянов объяснил потом Плеханову, что Спonti — выразитель интересов сторонников экономической агитации, то есть борьбы за непосредственные экономические интересы рабочих. Поскольку Спonti в разговоре любил поучать «заграничников», то Плеханов прозвал его шутливо «учитель жизни». Все же Спonti передал Аксельроду для издательской деятельности группы солидную сумму денег.

Владимир Ильич Ульянов выехал за границу легально, под своей фамилией. Он получил заграничный паспорт под предлогом укрепления здоровья после воспаления легких.

Через Австрию Владимир Ильич приехал в Швейцарию и сразу же направился в Женеву. По приезде — 20 мая 1895 года — Ленин писал своей матери Марии Александровне: «Природа здесь роскошная. Я люблюсь ею все время. Тотчас же за той немецкой станцией, с которой я писал тебе, начались Альпы, пошли озера, так что нельзя было оторваться от окна вагона...»^[31]. Ленин первым делом направился к своим знакомым по Самаре — семье А. А. Шухта. Двухлетняя Анечка, которую Ленин считал своей крестницей, сразу же узнала дядю Володю и очень ему обрадовалась. Много было шуток, расспросов о поездке, о родных, оставшихся в России.

Владимир Ильич просил А. А. Шухта устроить свидание с Плехановым. Тот не рекомендовал идти на квартиру Плеханова — за ней неусыпно наблюдали русские шпионы и сразу же после возвращения на родину многих товарищей арестовывали. Но русские, живущие в Женеве постоянно, могли его навещать без всякой опасности.

Шухт рассказал Плеханову о приехавшем из России социал-демократе, брате казненного Александра Ульянова. Плеханов очень обрадовался этой вести и предложил встретиться в кафе Ландольта.

Владимир Ильич с волнением шел на это свидание. Он знал почти все произведения Плеханова, а последняя его книга — «Монизм» — произвела на него большое впечатление.

Плеханов тоже с нетерпением ожидал посланца петербургских социал-демократов. За столиком его встретил молодой человек (Ленин был на 14 лет моложе Плеханова, ему только что исполнилось 25 лет), небольшого роста, со слегка рыжеватыми волосами и большим лбом.

В кафе они могли, не привлекая внимания, переговорить о делах. Владимир Ильич передал две книги, привезенные из Петербурга: свою отпечатанную на гектографе брошюру «Что такое «друзья народа» и как

они воюют против социал-демократов?» и сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития».

Сборник должен был выйти легально в Петербурге. Готовил его издание, как и «Монизм» Плеханова, тоже Потресов. В книге помещены статьи Струве, Ульянова (под псевдонимом Тулин), две статьи Плеханова. Однако, когда сборник был уже набран, цензура запретила его издание, и весь тираж, за исключением ста экземпляров, был сожжен. Но эти спасенные экземпляры разошлись по многим городам России и сыграли большую роль в пропаганде марксизма.

К сожалению, разговор, и без того короткий, надо было кончать — один из посетителей кафе явно старался подслушать их беседу. Плеханов предложил Ульянову поехать в Цюрих и там встретиться у другого члена группы «Освобождение труда», Павла Аксельрода. В Цюрихе меньше шпионов, чем в Женеве, и обстановка спокойнее, а возможность встречаться под видом посещения кефирного заведения создавала благоприятные условия. Расстались с сожалением, даже скорая встреча не утешала; хотелось сейчас же обсудить ряд теоретических вопросов и практические обстоятельства будущего дела.

Владимир Ильич выехал в Цюрих. Там он познакомился с П. Б. Аксельродом. Он и Аксельроду подарил сборник. Впоследствии Аксельрод вспоминал о встречах с Лениным: «Утром пришел ко мне Ульянов.

— Просмотрели сборник?

— Да! И должен сказать, что получил большое удовольствие. Наконец-то пробудилась в России настоящая революционная социал-демократическая мысль. Особенно хорошее впечатление произвели на меня статьи Тулина...

— Это мой псевдоним, — заметил мой гость.

Тогда я принялся объяснять ему, в чем я не согласен с ним:

— У вас, — говорил я, — заметна тенденция, прямо противоположная тенденции той статьи, которую я писал для этого же самого сборника. Вы отождествляете наши отношения к либералам с отношениями социалистов и либералов на Западе. А я как раз готовил для сборника статью под заглавием «Запросы русской жизни», в которой хотел показать, что в данный исторический момент ближайшие интересы пролетариата в России совпадают с основными интересами других прогрессивных элементов общества. Ибо у нас перед рабочими, как и перед другими прогрессивными общественными элементами, на очереди одна и та же неотложная задача: добиться условий, допускающих развитие их широкой самодеятельности. Точнее говоря, это задача свержения абсолютизма. Эта задача диктуется

всем нам русской жизнью. Так как цензурные условия не позволяют определить эту задачу настоящим словом, то я характеризовал ее формулой: «Создание условий для широкой общественной самодеятельности», требуемое русской жизнью.

Ульянов, улыбаясь, заметил в ответ:

— Знаете, Плеханов сделал по поводу моих статей совершенно такие же замечания. Он образно выразил свою мысль: «Вы, — говорит, — поворачиваетесь к либералам спиной, а мы — лицом».

Невольно бросалось в глаза глубокое различие между сидевшим передо мною молодым товарищем и людьми, с которыми мне приходилось иметь дело в Швейцарии. Какой-нибудь Грозовский, приехав из Вильны без всяких знаний, уже считал ниже своего достоинства учиться. А Ульянов, несомненно, обладая талантом и имея собственные мысли, вместе с тем обнаруживал готовность и проверять эти мысли, учиться, знакомиться с тем, как думают другие.

У него не было ни малейшего намека на самомнение и тщеславие. Он даже не сказал мне, что порядочно писал в Петербурге и уже приобрел значительное влияние в революционных кружках. Держался он деловито, серьезно и вместе с тем скромно.

В Швейцарию он приехал по своему легальному паспорту и предполагал так же легально вернуться в Россию. Его частые встречи со мной могли обратить на него внимание, а между тем нам о многом еще хотелось переговорить. Мы условились поэтому уехать на несколько дней из Цюриха в деревню, где могли бы проводить целые дни вместе, не привлекая ничьих подозрительных взглядов.

Переехали в деревушку Афольтерн, в часе езды от Цюриха. Здесь мы провели с неделю. Был май, стояла прекрасная погода. Мы целыми днями гуляли, подымались вместе на гору около Цуга и все время беседовали о волновавших нас обоих вопросах...

И я должен сказать, что эти беседы с Ульяновым были для меня истинным праздником».

Плеханов, для того чтобы продолжать переговоры с Ульяновым, приехал якобы для чтения лекций в Цюрих. Он действительно читал лекции русским студентам, но в свободное время встречался с Ульяновым. В письме к жене он писал о Ленине: «Приехал сюда молодой товарищ, очень умный, образованный и даром слова одаренный. Какое счастье, что в нашем революционном движении имеются такие молодые люди». После нескольких бесед Плеханов понял, что перед ним человек, который принесет большую пользу революционному движению. В одном из писем

он, по воспоминаниям Г. М. Кржижановского, отмечал: «...и удивительную эрудицию Владимира Ильича, и целостность его революционного мировоззрения, и бьющую ключом энергию».

Взгляды Ленина и Плеханова на важнейшие вопросы революционной теории и стратегии в то время во многом совпадали.

После Цюриха Владимир Ильич поехал во Францию, где он провел несколько недель, знакомясь с рабочим движением. В июле он вернулся в Швейцарию продолжать переговоры с Плехановым и приехавшим только что из России А. Н. Потресовым. К ним присоединился и Алексей Михайлович Воден, примыкавший к социал-демократам и увлекшийся проблемами философии, но ставший вскоре «легальным марксистом».

Ленин сначала поехал в Кларан, где встретился с Потресовым и Воденом. Из Кларана они направились пешком через горы в местечко Ормонт. Туда же приехал и Плеханов. Все они поселились в одном пансионе, много гуляли и могли без докучливых свидетелей обсудить все вопросы.

На этот раз, когда с ними был Воден, было много разговоров на философские темы. Когда Водена не было больше говорили о революционном движении в России. Ленин рассказывал о социал-демократических кружках в Казани и Петербурге, а Плеханов — по его просьбе — о пропагандистской деятельности народников в 70-е годы. Особенно интересовали Ленина воспоминания Плеханова о главном организаторе «Земли и воли» — Александре Михайлове.

Для маскировки своих истинных целей пребывания на женевском курорте Ленин, подозревавший, что его письма перлюстрируются полицией, писал матери: «...решил воспользоваться случаем, чтобы вплотную приняться за надоевшую болезнь (желудка), тем более, что врача-специалиста, который содержит этот курорт, мне очень рекомендовали как знатока своего дела. Живу я в этом курорте уже несколько дней и чувствую себя недурно, пансион прекрасный, и лечение видимо дельное, так что надеюсь дня через 4–5 выбраться отсюда. Жизнь здесь обойдется, по всем видимостям, очень дорого; лечение еще дороже, так что я уже вышел из своего бюджета и не надеюсь теперь обойтись своими ресурсами. Если можно, пошли мне еще рублей сто по следующему адресу: Suisse, Zurich, Parterre. Seilergraben, 37. H-n Griinfest {больше ничего; передач и тому подобное не нужно}. Во всяком случае по этому адресу буду ждать письма, а своего адреса не пишу, потому что бесполезно: все равно уеду отсюда раньше, чем можно будет получить ответ»^[32]. Саул Гринфест, адрес которого дает Ленин для писем, был ближайшим

помощником Плеханова, наборщиком типографии группы «Освобождение труда».

В результате этих переговоров решили, что в Швейцарии группа «Освобождение труда» будет издавать для России периодический сборник «Работник». Встречи с Плехановым произвели на Владимира Ильича огромное впечатление. Надежда Константиновна Крупская вспоминала об отношении Ленина к Плеханову в то время: «Владимир Ильич любил людей. Он не ставил себе на стол карточки тех, кого он любил, как кто-то недавно описывал. Но любил он людей страстно. Так любил он, например, Плеханова. Плеханов сыграл крупную роль в развитии Владимира Ильича, помог ему найти правильный революционный путь, и потому Плеханов был долгое время окружен для него ореолом, всякое самое незначительное расхождение с Плехановым он переживал крайне болезненно. И после раскола внимательно прислушивался к тому, что говорил Плеханов».

Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», возглавляемый В. И. Лениным, установил прочные связи с группой «Освобождение труда». Ей посылали деньги на издание «Работника», Ленин сразу же после приезда отправил Плеханову статью-некролог «Фридрих Энгельс», которая была напечатана в номере 1/2 этого сборника. В «Работнике» регулярно печатались корреспонденции о рабочем движении в России.

В результате приезда Ленина в Швейцарию начался новый этап в деятельности группы, теоретические работы которой в результате соединения ее усилий с деятельностью Ленина, «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» начинают играть все более значительную роль в идейном подготовке российской социал-демократии.

Если организационные связи группы «Освобождение труда» с Россией были нерегулярными и из-за преследований царской полиции время от времени прерывались, то идейное влияние группы продолжало возрастать. Влияние это прослеживается во многих городах России, где создавались кадры для будущей социал-демократической партии. Полиция при обысках находила там произведения плехановской группы. Книги проникали в Польшу, Белоруссию, Украину, Грузию, Азербайджан. Шел процесс освобождения революционной молодежи от плена народнических идей, процесс теоретического основания российской социал-демократии.

В. И. Ленин высоко оценил заслуги группы «Освобождение труда». В мае 1914 года в статье «Идейная борьба в рабочем движении» он писал о двадцатилетней истории связи марксизма с массовым рабочим движением в России: «До 1894–1895 гг. не было такой связи. Группа «Освобождение

труда» лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению.

Только агитация 1894–1895 гг. и стачки 1895–1896 гг. создали прочную, непрерывную связь социал-демократии с массовым рабочим движением»^[33].

С подъемом рабочего движения в России, которое достигло широкого размаха в середине 90-х годов, с ростом социал-демократических кружков кончился период «утробного» развития социал-демократии, начался процесс соединения научного социализма с российским рабочим движением. Главная заслуга в этом деле принадлежала руководимому В. И. Лениным петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса». Плеханов и его группа «Освобождение труда» приняли активное участие в этом переходе революционного движения на новую ступень. Огромную радость и облегчение испытывали члены группы, когда почувствовали себя вовлеченными в этот процесс. Их деятельность и особенно работы Плеханова сыграли в тот период немаловажную роль в идейно-теоретическом становлении рабочей партии в России.

После ареста В. И. Ленина в декабре 1895 года связь его с Плехановым и его группой на некоторое время прервалась. Удалось ее восстановить только тогда, когда он был уже в ссылке. Переписка Плеханова и Ленина тех лет не сохранилась, но письма Ленина к Аксельроду свидетельствуют о его стремлении к контакту с группой «Освобождение труда».

Вести о Ленине с большим интересом встречали в семье Плехановых. Из письма Н. Ф. Красиковой, которая еще в 80-х годах помогала Плехановым ухаживать за детьми, с радостью узнали они о здоровье и бодром настроении В. И. Ленина и С. Райчина.

Р. М. Плеханова писала мужу в 1898 году: «...приехала из Сибири Красикова, она видела «мужичка» (так называли в семье Плехановых Ленина. — Авт.), Райчина и других, привезла поклон и просьбу писать и высылать книги. В особенности просят высылать на иностранных языках книги для перевода, такие, которые бы годились для легальной печати. Мужичок, Райчин и другие полны бодрости моральной и физической. От мужичка все в восторге, от его ума и скромности».

По воспоминаниям П. А. Красикова, Ленин в 1897 году в Красноярске расспрашивал его о Плеханове. Красиков записал этот разговор: «Я, помню, подробно рассказывал ему о всех моих отношениях с Плехановым Аксельродом, Засулич. Я рассказывал, в каком тяжелом материальном и физическом состоянии я знал Плеханова, почти без средств как для издания марксистской литературы, так и для собственного существования, с

гнездящимся в его организме туберкулезом, с женой, которая готовилась стать врачом, но еще почти ничего не зарабатывала, с тремя дочерьми, из которых одна умерла от менингита, причем обнаружилась потрясающая картина той нужды, в которой жила семья Плеханова. Я описал жалкий вид костюма Плеханова, бахрому его брюк, порыжелость пальтишка и цилиндра, вечный бронхит и бледность его щек... Владимир Ильич, как это он всегда умел делать, внимательно слушал мой рассказ, не прерывая его, но отдельными замечаниями и полувопросами направляя разговор в нужное ему русло. Когда я сообщил, что мои отношения с Плехановым я смело могу назвать дружескими, что виделись мы с ним почти каждый день, что в трудную для него минуту (смерть и похороны дочери) он трогательно обратился ко мне и я товарищески ему помог всем, чем только мог, Владимир Ильич сказал: «Ну вот, как вы, конечно, знаете, теперь дело с Плехановым обстоит иначе. Мы сделали и сделаем все, чтобы привлечь и сберечь для нашего общего дела такой блестящий ум и сделать общим достоянием такую огромную литературную силу. Вот эта книжка, — он указал на лежащую у меня на столе книгу Бельтова. — прекрасная книжка, и в то же время она дала Георгию Валентиновичу изрядную сумму франков. Когда я видел его в 1895 г., от штанов с бахромой уже не осталось и следа. А теперь мы смело можем сказать, что он нужды уже никогда не увидит. Но дружба с ним, и в том числе личная, нам очень нужна. У революционеров его закала личная связь, личная симпатия играют огромную роль».

Действительно, выход «Монизма» позволил Плеханову расплатиться с долгами, купить необходимую мебель и одежду. После того как часть работ Плеханова стала печататься в России легально, как увеличилось его сотрудничество в социалистической печати стран Западной Европы, материальное положение семьи несколько упрочилось.

В конце 1895 года у Плеханова было особенно много работы. Он просматривал немецкие корректуры «Очерков по истории материализма», писал новую большую работу, которая была ответом на нападки либеральных народников на марксизм, — «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.)» и ряд других произведений.

7. Делегат рабочих России

Весной 1896 года рабочие Петербурга, Москвы и Минска собрали деньги для покупки венка на могилы коммунаров на кладбище Пер-Лашез

в связи с 25-летней годовщиной Парижской коммуны. Петербургские рабочие прислали деньги в адрес Плеханова с сопроводительным письмом: «Мосье Жоржу для П. Лафарга. Петербургский союз посылает вам сто рублей на венок, о назначении которого вам уже было сообщено». Исполняя их пожелание, Плеханов написал 15 мая Полю Лафаргу: «Дорогой Лафарг! Посылаю вам 60 франков на венок, который нужно положить на Pere Lachaise от имени рабочих С.-Петербурга. На ленте венка вы дадите написать: «Петербургские рабочие — коммунарам 1871 г.», или что-нибудь в этом роде... Простите, дорогой Лафарг, что мы этими поручениями отнимаем у вас время. Но вы известны в России как один из вождей французского движения и один из учителей международного социализма» (3—IV, 297).

В мае — июне 1896 года в Петербурге начались стачки на текстильных, бумагопрядильных и механических фабриках и заводах, охватившие 30 тысяч человек. Руководил этими стачками петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». 24 июня Плеханов обратился за помощью к Вильгельму Либкнехту: «Мой дорогой друг, один из наших товарищей должен поехать повидаться с Вами, чтобы переговорить о стачках в России. Дело становится все более и более серьезным; стачка растет, как снежный ком. Сегодняшние швейцарские газеты сообщают о количестве бастующих в 170 000(!) человек. При таких условиях хорошо было бы устроить подписку за границей в пользу русских бастующих. Тем более что, как сообщают английские газеты («Daily News» в том числе), правительство запретило фабрикантам пойти на уступки рабочим, чтобы путем лишений заставить их сдаться. Правда, полиция может вызвать бастующих на бой и потопить движение в крови. Но покамест все протекает в образцовом порядке. Надо надеяться, что благоразумие рабочих превзойдет рвение провокаторов. Пока стачки продолжаются, мы должны поддерживать стачечников и просим Вас нам помочь. Я уже написал Лафаргу. Воззвание о помощи, сделанное «Vorwarts» следовало бы перепечатать во французских и английских социалистических газетах. Что Вы думаете по этому поводу? Прошу Вас, во всяком случае, ответить мне по возможности скорее. Если Вы скажете — «да», то наш товарищ протелеграфирует нам и мы известим Лафарга и англичан. Что касается собранных денег, то мы сумеем отправить их в Россию» (4—II, 125–126).

А в Англии Вера Засулич развернула кампанию по сбору средств в поддержку русских рабочих. Моральная и материальная помощь была с радостью принята петербургскими стачечниками.

Еще в Петербурге продолжались стачки, а в Лондоне собрался очередной, четвертый конгресс II Интернационала. Плеханов получил от петербургского «Союза борьбы» мандат и деньги на расходы, связанные с поездкой на конгресс.

Он вместе с Потресовым составил доклад об успехах рабочего движения в России. Доклад был отпечатан на английском и немецком языках и распространен среди делегатов.

На конгрессе был дан бой анархистам. Выступления Плеханова, автора переведенной к тому времени на английский и французский языки брошюры «Анархизм и социализм», немало способствовали укреплению позиции марксистов.

Плеханов оставался на конгрессе до конца. Он рад был вновь видеть Веру Засулич. Она ему рассказала о последних месяцах жизни Энгельса. Плеханову казалось, что Лондон опустел без Энгельса. Он много раз встречался с Элеонорой Маркс-Эвелинг. Она недавно перевела его брошюру «Анархизм и социализм» и говорила Плеханову, что его манера писать напоминает ей стиль отца. После недавней смерти Энгельса она еще не оправилась, была как никогда грустная и молчаливая.

В последний день конгресса был организован грандиозный митинг в Гайд-парке. Во время митинга пошел дождь — Плеханов сильно простудился. И опять Вера Ивановна ухаживала за ним. Через несколько дней он почувствовал себя легче и вернулся в Женеву.

8. Бои в защиту марксизма

Вторая половина 90-х годов — период большой творческой активности Плеханова. Продолжая выступать против либерального народничества, Плеханов использует всякую возможность для развития марксистских взглядов и их пропаганды в легальной печати. В течение всей предыдущей жизни он был лишен этой возможности, поэтому жадно ухватился за дело, с тем чтобы довести идеи научного социализма до широких кругов русских читателей.

В «Самарском вестнике» в 1897 году появляется его статья «Нечто об истории». В органе легальных «марксистов» «Новое слово» печатаются «Судьбы русской критики», очерк из серии «Народники-беллетристы» — «Н. Н. Наумов», статья «О материалистическом понимании истории», рецензии на книги В. Быстринина, Г. Лансона, А. Скабичевского, Г. Могра и

другие.

В журнале «Научное обозрение» Плеханов поместил статью «К вопросу о роли личности в истории», а в журнале «Начало» работу «Об искусстве. Социологический этюд».

В ряде европейских стран, особенно в Италии, активно распространялись проникавшие в рабочее движение анархистские взгляды, согласно которым личность является главным двигателем истории, а ее действия не зависят ни от законов истории, ни от интересов классов и общества. Анархистские элементы в рабочем движении, воскрешая субъективно-идеалистические теории Бакунина и других идеологов анархизма, рьяно боролись против революционной социал-демократии и ее курса на установление диктатуры рабочего класса. В России эпигоны революционного народничества сделали террористическую тактику главным видом борьбы против самодержавия, предав забвению работу в народных массах и подготовку их к революционной борьбе. Как и анархисты, они исходили из нелепого принципа: личность — все, масса — ничто. Они утверждали, что «критически мыслящая» личность может изменить ход истории по своей воле, в желательном для нее направлении, не «опускаясь» до жизненных интересов и уровня сознания широких масс трудящихся.

Эти идеалистические, волюнтаристские воззрения сбивали с толку и дезориентировали некоторую часть революционной молодежи, незрелые слои рабочих и мелкобуржуазных попутчиков революции. Плеханов, продолжая критику анархистских взглядов, которую он начал еще в работе «Анархизм и социализм», подчеркивал необходимость теоретической разработки вопроса о роли личности в истории, еще недостаточно выясненного к тому времени в марксистской литературе. Это тем более необходимо было сделать, поскольку буржуазные идеологи — философы-неокантианцы, российские «легальные марксисты» и ревизионисты-бернштейнианцы отвергали возможность и необходимость объединения личностей для активных, революционных действий. Немецкий буржуазный философ-неокантианец Р. Штаммлер пытался опровергнуть марксизм путем софизма: если-де переход от капитализма к социализму марксисты считают столь же закономерным, как и наступление в определенное время лунного затмения, то зачем же они организуют партию для революционного содействия переходу от капитализма к социализму; ведь никто не пытается организовать партию для содействия лунному затмению. Плеханов в работе «К вопросу о роли личности в истории» убедительно опровергает этот квиетизм буржуазных идеологов, их бесстрастное

созерцание хода событий. Вместе с тем он доказывает несостоятельность и вред субъективной социологии, разделяемой эпигонами народничества и анархизма, которые отвергали какую бы то ни было закономерность в историческом процессе и ставили его развитие в зависимость от воли и действий выдающихся личностей. Приводя в пример Наполеона Бонапарта, Плеханов замечает, что это был энергичный человек и он ничего и никого не щадил для достижения своих целей, но и, кроме него, тогда немало было энергичных, талантливых и честолюбивых деятелей. Место, которое удалось занять Наполеону, наверное, не осталось бы незанятым, если бы он, допустим, был убит в начале завоевательных войн французской буржуазии. Но если индивидуальные способности и действия Наполеона, который стал «хорошей шпагой» в руках победившей французской буржуазии, могли повлиять на развитие политических событий в Европе, то окончательный итог все-таки не был бы противоположным действительному ходу истории. «Влиятельные личности, — пишет Плеханов, — благодаря особенностям своего ума и характера могут изменять индивидуальную физиономию событий и некоторые частные последствия, но они не могут изменить их общее направление, которое определяется другими силами» (2—II, 326).

Плеханов в то время был далек от какого-либо догматизма в своей марксистской трактовке вопроса о роли личности в истории, как, впрочем, и других проблем общественного развития. Он убедительно, на большом историческом материале доказывает, что общие закономерности исторического развития находят свое воплощение в действиях людей на той или иной ступени истории, в результате чего ход истории приобретает в любой из стран, на любом отрезке истории особенные и индивидуальные черты. «В настоящее время, — пишет Плеханов, — последней и самой общей причиной исторического движения человечества надо признать развитие производительных сил, которым обуславливаются последовательные изменения в общественных отношениях людей. Рядом с этой общей причиной действуют особенные причины, то есть та историческая обстановка, при которой совершается развитие производительных сил у данного народа и которая сама создана в последней инстанции развитием тех же сил у других народов, то есть той же общей причиной.

Наконец, влияние особенных причин дополняется действием причин единичных, то есть личных особенностей общественных деятелей и других «случайностей», благодаря которым события получают, наконец, свою индивидуальную физиономию. Единичные причины не могут произвести

коренных изменений в действии общих и особенных причин, которыми к тому же обуславливаются направление и пределы влияния единичных причин. Но все-таки несомненно, что история имела бы другую физиономию, если бы влиявшие на нее единичные причины были заменены другими причинами того же порядка» (2—II, 332).

В заключение Плеханов указывает, что «великий человек велик не тем, что его личные особенности придают индивидуальную физиономию великим историческим событиям, а тем, что у него есть особенности, делающие его наиболее способным для служения великим общественным нуждам своего времени, возникшим под влиянием общих и особенных причин. Карлейль в своем известном сочинении о героях называет великих людей начинателями (Beginners). Это очень удачное название. Великий человек является именно начинателем, потому что он видит дальше других и хочет сильнее других. Он решает научные задачи, поставленные на очередь предыдущим ходом умственного развития общества; он указывает новые общественные нужды, созданные предыдущим развитием общественных отношений; он берет на себя почин удовлетворения этих нужд. Он — герой. Не в том смысле герой, что он будто бы может остановить или изменить естественный ход вещей, а в том, что его деятельность является сознательным и свободным выражением этого необходимого и бессознательного хода. В этом — все его значение, в этом — вся его сила» (2—II, 333).

Отсюда вытекает логический, научно обоснованный вывод о закономерности активной общественной деятельности людей и вместе с тем страстный революционный призыв марксизма к людям труда, открывающий широкое поле действия для всех, «имеющих очи, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, и сердце, чтобы любить своих ближних». Яркая и глубокая работа Плеханова о роли личности в истории послужила идейным оружием воспитания нескольких поколений революционеров и сохраняет свое значение поныне.

Произведения Плеханова печатались под разными псевдонимами. Первый псевдоним Плеханова для книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» — П. Бельтов, следующая книга — «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.)» — вышла под псевдонимом А. Волгин, который Плеханов взял из любимого им романа Чернышевского «Пролог». Потом появляются на страницах журналов С. Ушаков, П. Бочаров, Н. Каменский, А. Кирсанов, Н. Андреевич. Некоторые рецензии вышли без подписи.

Однако аргументация, стиль, широкая эрудиция и страстность в

защите марксистских взглядов очень скоро сделали ясным, кто был автором этих статей и рецензий. Популярность Плеханова росла не только среди революционеров, но и среди других прогрессивных слоев русской интеллигенции.

С середины 1898 года мысли Плеханова были поглощены борьбой против международного ревизионизма. Замаскированные атаки на марксизм, как и в прошлом, встретили с его стороны отпор. В 1896 году в «Neue Zeit», руководимой Карлом Каутским, появилась серия статей немецкого социал-демократа Э. Бернштейна «Проблемы социализма», в которых он, пытаясь ревизовать учение Маркса и Энгельса, призывал к пересмотру коренных принципов марксизма. В мае 1898 года Бернштейн опубликовал статью из этой серии под названием «Реалистический и идеологический момент в социализме», которая Плеханова особенно глубоко возмутила, ибо здесь Бернштейн пытался ревизовать марксизм в области, наиболее близкой Плеханову, — в философии.

Плеханов тотчас же написал Каутскому, прося предоставить ему место на страницах «Neue Zeit» для ответа Бернштейну: «Бернштейн пытается теперь сделать в области философии то, что он, как ему кажется, сделал в области экономической... Если Бернштейн прав в своих критических попытках, то можно задать вопрос: что же останется от философских и социалистических воззрений наших учителей? Что останется от социализма? И поистине пришлось бы ответить: немного! Или вернее: решительно ничего!.. К чему я стремлюсь — это защитить идеи Ф. Энгельса, которые наши «философы» вроде К. Шмидта считают старыми и не выдерживающими критики. Я должен сознаться, что писания этих философов глубоко меня возмущают и что мой ответ не будет очень любезным. Но для меня речь идет об очень важных вещах, и я не могу сохранить академического хладнокровия. «Философские идеи» господ Шмидта и Бернштейна являются именно теми неокантианскими идеями, против которых всегда боролись мои учителя... О, да, мы переживаем кризис, и я сильно страдаю от этого»(З—V, 261).

Каутский ответил, что напечатает статью Плеханова во всяком случае, так как «вы имеете право быть выслушанным», что он не отвечает сам Бернштейну, потому что очень занят и что ему было бы «приятнее, когда об этом заботятся другие». Нерешительность свою Каутский объяснял также тем, что он с Бернштейном 18 лет боролся рядом, плечом к плечу, и «не так-то легко обратить оружие против старого соратника».

Центризм Каутского, его непоследовательность уже в то время в отношении защиты марксизма сказались довольно определенно. Он писал,

что считает необходимым критиковать экономические теории Бернштейна, но в области философии это не так важно: «Во всяком случае, я должен открыто заявить, что неокантианство смущает меня меньше всего. Я никогда не был силен в философии, и, хотя я и стою целиком на точке зрения диалектического материализма, все-таки я думаю, что экономическая и историческая точка зрения Маркса и Энгельса в крайнем случае совместима с неокантианством...»

Плеханов послал Каутскому статью «Бернштейн и материализм» и сразу же приступил к работе, критикующей бернштейнианца Конрада Шмидта. У Плеханова пропал один нужный журнал, и он пишет Засулич, умоляя прислать его: «...найдите этот № и пришлите мне: он мне ей же богу до зарезу нужен. Скорей! Скорей! Скорей! В ножки поклонюсь» (3—V, 266).

Каутский послал для перевода статью Плеханова Кларе Цеткин, но вычеркнул некоторые особо резкие выпады против Бернштейна. Плеханов пишет в ответ: «Моя критика не является мягкой, но она не носит личного характера. Впрочем, должен сознаться, что в настоящее время я далек от любви к Бернштейну: это — враг, и если я люблю врагов, то не христианской любовью...» (3—V, 267). Каутский напечатал первую статью Плеханова, а потом еще две — «Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса» и «Материализм и кантианизм».

В 1898 году Плеханов выступил в Женеве и других городах Швейцарии, а затем в Италии с лекциями о «мнимом кризисе марксизма». В своей лекции он говорил: «...основатель современного социализма (Маркс. — Авт.) был решительным сторонником материализма. Материализм был основой всего его учения. Бернштейн и Конрад Шмидт оспаривают материализм. Он кажется им ошибочной теорией. В недавней статье, напечатанной в «N{eue} Z{eit}», Бернштейн призывает социалистов вернуться... назад к Канту» (2—II, 336). Плеханов, исходя из опыта истории философии и современной общественной жизни, убедительно опровергал доводы агностицизма, отрицающего возможность верного познания мира человеком. Агностицизмом проникнуты философия Канта и неокантианские учения, проповедуемые ревизионистами Э. Бернштейном, К. Шмидтом и им подобными. Плеханов писал: «...Мы знаем также, — при посредстве нашей способности восприятия, — отношения, существующие между самими предметами. Это не есть непосредственное знание, но это знание, и раз мы им обладаем, мы не имеем больше права говорить о невозможности знать вещи в себе.

Знать — это предвидеть. Раз мы можем предвидеть явление (феномен),

мы предвидим действие на нас некоторых вещей в себе. И вся наша промышленность, вся наша практическая жизнь основана на подобном предвидении.

Следовательно, положение Канта не может быть поддержано» (2—II, 340).

В статьях Плеханова против философского ревизионизма Бернштейна опровергаются и вредоносные попытки выбросить из теоретического арсенала рабочего движения революционную диалектику Маркса, подменить ее пошлым и вульгарным эволюционизмом и тем самым увести социал-демократические партии в пучину реформизма. Разоблачая взгляды Бернштейна, который, называя диалектику Маркса и Энгельса «гегелевской ловушкой», утверждал, что она якобы привела к «революционным фразам», к неверной «теории катастроф», Плеханов в своем открытом письме Карлу Каутскому («За что нам его благодарить?») доказал несостоятельность взглядов Бернштейна об «устарелости» революционной сущности теории Маркса. Он критиковал его ревизионистские измышления о том, что она будто бы опровергнута ходом новейшего общественного развития, которое якобы свидетельствует о смягчении противоречий капитализма и ненужности революционной борьбы. «Центр тяжести его аргументации, — пишет Плеханов, — против этой теории заключается в указании на тот, как он думает, несомненный факт, что многие выраженные Марксом и Энгельсом в Коммунистическом манифесте взгляды не нашли подтверждения в дальнейшем ходе развития социальной жизни» (2—II, 363). В этой аргументации «нет ничего, абсолютно ничего, что нам не было бы уже сказано бесчисленное множество раз нашими противниками из буржуазного лагеря». Плеханов заключает, что Каутский необоснованно призывал благодарить Бернштейна за то, что он обратил внимание на некоторые вопросы общественного развития, что «мы не имеем абсолютно никакого основания чувствовать себя обязанными по отношению к Бернштейну» (2—II, 363).

Плеханов обращает внимание социал-демократических партий на большой, чреватый серьезной опасностью для революционного движения вред ревизионизма Бернштейна и других оппортунистических элементов, опасность, которую не замечали или недооценивали многие лидеры немецкой социал-демократии и других рабочих партий Европы. «...Сейчас, — писал он, — речь идет вот о чем: кому кем быть похороненным: социал-демократии Бернштейном или Бернштейну социал-демократией? Я лично не сомневаюсь и никогда не сомневался в исходе этого спора. Но разрешите мне, высокочтимый и дорогой товарищ, в заключение своего письма еще

раз обратиться к Вам с вопросом: действительно ли мы обязаны благодарностью человеку, который наносит жестокий удар социалистической теории и стремится (сознательно или бессознательно, это безразлично) похоронить эту теорию на радость солидарной «реакционной массы»? Нет, нет и тысячу раз нет. Не благодарности нашей заслуживает такой человек!» (2—II, 373).

Каутский, который в то время уже начинал сползать с марксистских позиций к «центризму», примиренчеству в отношении ревизионизма, всячески сдерживал полемический запал Плеханова. В декабре 1898 года он пишет: «Разумеется «Neue Zeit» предоставляется для вашего ответа, но чем короче он будет, тем мне будет приятнее: мы уже посвятили этой теме довольно много места, и большинство наших читателей не может следить за дискуссией, так как философское мышление им непривычно». Плеханов ответил письмом, в котором умолял не сокращать статьи: «...примите во внимание, что я защищаю идеи Маркса и Энгельса и что для нас было бы непростительно сдать при первой атаке каких-нибудь университетских педантов». В конце письма Плеханов пишет фразу, имеющую большое значение для понимания всей атмосферы этой полемики: «Вы говорите, что ваши читатели не интересуются философией. Я думаю, что надо заставить их интересоваться ею: это наука наук» (3—V, 283).

Статьи Плеханова подверглись бешеным нападкам со стороны ревизионистов, но они были одобрительно встречены многими видными деятелями социал-демократического движения. Однако их отзывы содержали и критические нотки. Например, П. Аксельрод считал полемику с ревизионистами чересчур резкой и неоправданной. Вера Засулич, обычно призывавшая Плеханова к мягкости, на этот раз целиком его поддержала. В 1898 году она приехала из Цюриха, где жила последнее время, навестить Плеханова, и он зачитал ей отрывки из писем социал-демократических лидеров, сопровождая их комментариями.

Август Бебель писал Плеханову: «Дорогой товарищ! Прежде всего мне хотелось бы горячо позвать вам руку за ту расправу, которую вы в своих статьях учинили над Бернштейном и Конрадом Шмидтом... Мы с Каутским не оставили Бернштейна в неизвестности насчет того, что мы думаем о нем, как и насчет того, что мы больше не считаем его партийным товарищем. Теперь Бернштейн клянется, что его не поняли, что были сделаны передержки и т. д. и т. д., и вдруг снова заявляет, что он не признает то-то и то-то. Словом, чистейшая «исповедь». Поэтому мы хотим, чтобы он в каком-нибудь сочинении, которое содержало бы его символ веры, сказал напрямик, чего он хочет, для того, чтобы у нас было

основание, которого он не может оспаривать».

Плеханов замечал по этому поводу: — Как будто к тому времени — ведь письмо от 30 октября 1898 года — таких оснований было мало. А они деликатно... поставили в известность.

В письме Вильгельма Либкнехта Плеханову говорилось:

«Дорогой друг! Я вижу, что вы интересуетесь нашей внутренней борьбой, которая, впрочем, не столь серьезна, как это можно предположить со стороны. Вы приписываете Бернштейну значение и влияние, которых он никогда не имел, и если бы не добродушие Каутского, не пожелавшего расстаться со своим старым товарищем, то вопроса о Бернштейне не существовало бы... Но продолжайте, бейте сильно, бейте крепко...»

И недооценка В. Либкнехтом серьезной опасности бернштейниады также встретила возражения Плеханова.

— Вот, Вера Ивановна, с одной стороны, советует — бейте, а с другой — не вашего, мол, ума дело, да и вообще ничего серьезного. Как бы добродушие Либкнехта не превратилось в ревизионизм.

Генри Гайндман в письме Плеханову отстранялся от борьбы с ревизионизмом, осуждая лишь некоторые «нелепости» у Бернштейна. «Я отлично знаю, — писал он Плеханову, — что сделал Бернштейн во вред социализму здесь и в других местах, и те нелепости, которые он написал как по поводу того, что творится в Англии, так и в защиту нашего режима в Ин-дии... в данный момент я чересчур занят своими собственными делами, чтобы в состоянии делать для социализма больше, чем мне уже приходится делать».

— Бедный англичанин, — воскликнул Плеханов, — он так занят. Только другие, с его точки зрения, свободны и могут тратить время на борьбу с критиками марксизма.

Поль Лафарг писал: «Случай Бернштейна, единственный заслуживающий внимания, вследствие его деятельности в движении в период преследований, — это для меня случай физиологический. Я объясняю себе падение Бернштейна интеллектуальным переутомлением, которому он подвергал себя целые годы... Я скорблю об этом интеллектуальном отступлении Бернштейна, но я слишком дружески к нему расположен и слишком восхищаюсь его прошлой деятельностью, чтобы когда-либо критиковать его с такой резкостью, которая для вас чересчур обычна. Она ослабляет нашу критику. *In cauda venenum* (в хвосте — яд. — Авт.). Вы мне простите мою критику».

— Ну уж удружил Лафарг, считает, что мой «яд» ослабляет критику. И кого мы критикуем? Интеллектуально утомленного человека. Пожалеем

его, братцы социалисты, он отдохнет и исправится. Вера Ивановна, с одной стороны, все они одобряют, а с другой — просят быть помягче. Неудивительно, что геноссе Каутский на партийтаге в Штутгарте сказал, что Бернштейн заставил нас размышлять, будем же ему за это благодарны.

— Но, Жорж, вы весьма ядовиты — недаром вас упрекал Лафарг, — ответили Каутскому.

— Вы имеете в виду мое открытое письмо?

— Конечно. Как оно называется?

— «За что нам его благодарить?». Пришлось опубликовать это письмо к Каутскому в левой «Саксонской рабочей газете».

9. Война «не на живот, а на смерть»

В те же годы началась борьба русских марксистов против российской разновидности бернштейнианства — «экономизма», который особенно сильно обнаружился во взглядах и действиях некоторых руководителей «Союза русских социал-демократов за границей». Организован этот союз был еще в 1894 году по инициативе группы «Освобождение труда». Тогда за границей, и особенно в Швейцарии, жило много приехавших из России социал-демократов. В связи с расширяющимися связями с рабочим движением на родине и необходимостью усилить организационную деятельность решили не включать в группу «Освобождение труда» новых людей, а создать заграничный союз русских социал-демократов, в который плехановская группа войдет как самостоятельная организация. Задача союза состояла в объединении всех русских социал-демократов, живших за границей, для оказания «посильной поддержки начинавшемуся в России социалистическому движению в среде пролетариата».

Группа «Освобождение труда» передала союзу свою типографию и финансы, но сохранила за собой право редактировать издания союза.

И действительно, связи группы Плеханова с Россией и с заграничными кружками российских социал-демократов усилились. Важное, принципиальное значение для активизации деятельности группы имело установление через В. И. Ленина идейных связей с революционными социал-демократическими организациями в России.

Но в декабре 1895 года в Петербурге случилась беда. Были арестованы Владимир Ильич Ульянов и другие руководители «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В январе и августе 1896 года прошли новые волны арестов. Они нанесли тяжелый удар «Союзу борьбы». В

дальнейшем, в 1897 году, к руководству Петербургским союзом пришли сторонники свертывания революционной социал-демократической работы, подмены ее борьбой за текущие экономические интересы рабочих.

«Экономизм» отрицал роль революционной теории марксизма и отдавал на откуп либеральной буржуазии дело политической борьбы с самодержавием.

Представителями этого оппортунистического течения в «Союзе русских социал-демократов за границей» стали прежде всего Н. М. Тахтарев, Ц. М. Копельзон (Гришин), Е. Д. Кускова, Г. Н. Прокопович. Их называли «молодыми», в отличие от «стариков» — членов группы «Освобождение труда».

Они начали травлю «стариков». Руководители союза выпускали под его грифом работы, которые вопреки ранее принятому решению не были отредактированы группой, придирчиво и мелочно требовали от Плеханова и его друзей финансовых отчетов за прошлые годы, всячески давали понять, что «старики», мол, оторвались от движения и не понимают его нужд. Цель всей этой политики была ясна — отстранить членов группы «Освобождение труда» от активного участия в работе и беспрепятственно пропагандировать оппортунистические взгляды от имени всего «Союза русских социал-демократов».

А влияние «Союза русских социал-демократов» несколько возросло после I съезда РСДРП.

В то время во многих социал-демократических организациях и группах зрели мысли о создании марксистской партии рабочего класса России, крепло стремление объединить местные социал-демократические организации. Киевская организация, уцелевшая от разгрома, взяла на себя инициативу. И вот в марте 1898 года в Минске открылся I съезд партии, которую решено было назвать Российской социал-демократической рабочей партией. I съезд РСДРП, как известно, партии создать не смог, но провозгласил ее создание. В Киеве начала выходить нелегальная общерусская «Рабочая газета». Первый номер был послан Плеханову, который тотчас же ответил редакции. Он приветствовал цели газеты, но и предупреждал против «экономизма», который распространялся все шире и шире. «Ваш орган посвящен обсуждению общерусских задач социал-демократического движения. Это показывает, что и вы не ограничиваете вашего поля зрения местными делами; это очень хорошо. Сближение местных групп, слияние их в стройно организованное целое стало теперь необходимым условием дальнейших успехов русской социал-демократии... Если я не ошибаюсь, в настоящее время наши русские товарищи не всегда

помнят ту чрезвычайно важную мысль Маркса, что всякая классовая борьба есть борьба политическая. Забыть об этом хотя бы только на минуту можно лишь тогда, когда местные групповые дела и практические задачи текущего дня сосредоточивают на себе все внимание деятелей. Я уверен {что орган}, посвященный обсуждению общерусских интересов, будет способствовать устранению также и этой слабой стороны нашей социал-демократии».

I съезд РСДРП предложил «Союзу русских социал-демократов за границей» вступить в партию и быть ее заграничным органом. В письме союзу особо отмечалось: «Принимая во внимание плодотворную литературную деятельность В. И. Засулич, Г. В. Плеханова и И. Б. Аксельрода, съезд глубоко чтит в них основателей русской социал-демократии».

Один из участников съезда, П. Л. Тучапский, вспоминал, что 3 марта они собрались на прощальную вечеринку. Кто-то предложил тост:

— Пусть вновь созданная партия не будет мертворожденным детищем. Потом слово попросил Тучапский.

— Товарищи! В этом году кончается пятнадцать лет со дня выхода в свет книги «Социализм и политическая борьба». Мы все стали социал-демократами под влиянием произведений Маркса, Энгельса и Плеханова, в том числе и этой книги. Давайте пошлем Георгию Валентиновичу в связи с этим приветствие.

Предложение было всеми принято.

Плеханов получил телеграмму с приветствиями после возвращения из Цюриха, где он вместе с Аксельродом готовил «Майский листок». Он уже знал о съезде, так как еще во время заседаний было послано конспиративным путем — в зашифрованной газете — письмо, написанное делегатом съезда Александром Кремером: «Только что кончился съезд представителей соц. — дем. организаций в России; постановлено образовать российскую социал-демократическую партию; заграничный — ваш — союз объявить членами партии и заграничным органом».

Манифест и решения съезда были отпечатаны в виде листовки, посланы за границу и в июне были перепечатаны в «Листке работника» — органе «Союза русских социал-демократов за границей». Плеханов принял меры, чтобы об этом важном событии было напечатано во всех главных социалистических газетах Европы.

В этих условиях особенно важно было, чтобы «Союз русских социал-демократов за границей» занял по принципиальным вопросам марксистскую позицию. Но «молодые» члены союза, склонившиеся к

«экономизму», все больше выявляли свое оппортунистическое лицо, опираясь при этом на западноевропейский ревизионизм.

В 1898 году состоялся I съезд «Союза русских социал-демократов за границей». «Старики» оказались на нем в меньшинстве. Плеханов не смог на него приехать, он опять тяжело заболел, а Аксельрод и Засулич не дали должный отпор «экономистам», которые уверяли, что за ними идет большинство социал-демократов России. Павел Аксельрод ушел со съезда, не дожидаясь конца, сославшись на плохое самочувствие. Вера Засулич сидела молча, подавленная и растерянная. Она накануне съезда поссорилась с Плехановым из-за его непримиримости к «экономистам». Засулич считала, что нужно передать «молодым» редактирование популярных брошюр для рабочих. Плеханов заметил, что это даст возможность оппортунистам засорять головы сознательных пролетариев России и что они — члены группы «Освобождение труда» — не имеют права на такое попустительство.

Узнав о соглашательской позиции Засулич, Плеханов перестал ей писать. Через некоторое время он получил весточку от Аксельрода, в которой тот извещал, что Вера Ивановна больна, у нее сердцебиение, лихорадка и слабость. Он считал, что причина такого состояния Веры Ивановны — жестокий тон последнего послания Плеханова. И хотя Аксельрод дал слово Вере Ивановне не сообщать Плеханову о ее состоянии, но положение было угрожающим, и он нарушил свое обещание. Кончалось письмо так: «...теперь я прямо говорю тебе: выпиши ее в Женеву и постарайся успокоить, приласкать ее. Ее страшная искренность в связи с ее расшатанными нервами делают из нее мученицу, страдальцу в буквальном смысле. Я предупреждаю тебя, чтобы тебе не пришлось самому мучиться в случае какой-нибудь беды».

Получив письмо Аксельрода, Плеханов написал Вере Ивановне, попросил приехать в Женеву.

Сведения о разногласиях между группой «Освобождение труда» и союзом доходили и до России. В. И. Ленин писал из ссылки Потресову 27 апреля 1899 года: «Страшно вредно, по-моему, что этот спор с ультраэкономистами не попал вполне и целиком в печать: это было бы единственное серьезное средство для выяснения дела и установления известных точных принципиальных положений. А то теперь хаос полный!»^[34]

Через несколько месяцев Ленин приехал за границу (в 1900 году) и узнал о всех обстоятельствах этой борьбы. Он в письме к Надежде Константиновне Крупской называл борьбу «экономистов» нечестной,

потому что они «...пользовались своими связями и своими практическими ресурсами для того, чтобы оттирать группу «Освобождение труда», для того, чтобы ее нежелание пропускать «позорные» идеи и позорное недомыслие объявлять нежеланием пропускать всякие «молодые силы» вообще. Эта борьба против группы «Освобождение труда», это оттирание ее велось втихомолку, под сурдинкой, «частным» образом, посредством «частных» писем и «частных» разговоров, — говоря просто и прямо: посредством интриг, потому что вопрос о роли группы «Освобождение труда» в русской социал-демократии никогда не был, никогда не будет и никогда не может быть частным делом»^[35].

В течение двух лет Плеханов и его соратники боролись против «экономистов». Они выступали на собраниях, вели обширную переписку, часто встречались с единомышленниками и теми революционерами, которые еще не определили свое отношение к «экономизму». Эти методы были вызваны тем обстоятельством, что типография группы еще ранее была передана администрации союза.

Еще в 1898 году один из лидеров «экономистов», С. Н. Прокопович, прислал Аксельроду свой отзыв на его книгу «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов». Этот отзыв превратился в целую брошюру, в которой очень ярко выявились его оппортунистические взгляды. П. Аксельрод написал Плеханову, что он хотел бы сам подготовить ответ: «Как ни слаба брошюра нашего демагога, она младенческие и запутанные головы наших социал-демократических недорослей может легко еще более спутать. Стало быть, поход нужно повести немедленно — враг должен быть с первых же ударов смертельно ранен и уничтожен... Я полагал, что нанести окончательный смертельный удар — это, разумеется, будет твое дело, но первую рану причинить придется мне. Но Вера Ивановна думает, что лучше всего было бы баталию предоставить тебе».

Плеханов очень обрадовался боевому настроению своих друзей. В ответном письме он указывал, что начать борьбу должен Аксельрод, а он, Плеханов, продолжит. Здесь же Плеханов пишет: «По правде сказать, здорово я сердился на вас обоих в течение этого времени, а теперь мне ужасно хотелось бы повидаться с вами. Жаль только, что нельзя: я воюю теперь с Бернштейном».

Но тогда этот план не удалось осуществить. После съезда «Союза русских социал-демократов за границей» Аксельрод и Засулич не захотели участвовать в его деятельности. Но Плеханов не был согласен с такой пассивной тактикой. Вопрос стоял так остро, что эти разногласия могли привести к распаду группы «Освобождение труда». Плеханов написал

Аксельроду и Засулич: «Я останусь в союзе, пока меня не прогонят или пока я не прогоню своих врагов. Для меня это дело окончательно решенное... Если вы хотите принять участие в предстоящей борьбе — хорошо: нет — я один пойду той дорогой, идти по которой велит мне мой долг революционера».

Конечно, после такого ответа отношения между Плехановым, с одной стороны, Аксельродом и Засулич — с другой, стали прохладными. Но до разрыва дело не дошло. Через несколько недель тон писем становится спокойнее, и снова возникает план издать работу, критикующую «экономистов».

Толчком к этому решению послужило известие о резолюции ссыльных из Минусинска, написанной В. И. Лениным против оппортунистической позиции «экономистов». Хотя и раньше приходили в адрес группы письма из России с поддержкой ее позиции, но «Протест 17» был подписан наиболее известными революционерами-марксистами и написан в столь ясном, недвусмысленном тоне, что это придало силу и уверенность Плеханову и его друзьям.

В середине 1900 года им наконец удалось) издать сборник, включающий письма и отзывы «экономистов» (для того, чтобы всем стали ясны их взгляды) и документы революционных марксистов, в том числе «Протест 17». Сборник назывался «Vademecum» (Путеводитель. — Авт.) для редакции «Рабочего дела».

В большом предисловии Плеханов показал, что взгляды «экономистов» вытекают из неверия в возможность политической пропаганды среди пролетариата, что они смыкаются со взглядами ревизионистов на Западе и являются попыткой сделать из рабочих послушное буржуазии политическое оружие. Резкую отповедь Плеханова вызвало намерение «экономистов» пересмотреть идеи «Коммунистического манифеста». Эклектизм, идейный разброд в рядах «экономистов», отсутствие знания марксизма и нежелание его изучать привели к тому, что люди, называющие себя социал-демократами, мешали развитию социал-демократического рабочего движения. В заключение Плеханов писал: «Нам надо выйти из этого хаотического и позорного положения во что бы то ни стало. Горе партии, терпеливо переносящей подобную путаницу» (1—XII, 42).

Высокую оценку сборнику дал Ленин, приехавший в Швейцарию из ссылки. На месте узнав об условиях, в которых пришлось действовать группе «Освобождение труда», он писал Надежде Константиновне Крупской в августе 1900 года: «Vademecum» — это — вопль, прямо-таки

воплоть против пошлого экономизма, против «стыда и позора» социал-демократии... И против всяких обвинений, направленных на Плеханова, надо прежде всего решительно установить, что вся суть его брошюры — именно объявление войны «позорным» принципам «кредизма» и «кусовщины», именно принципиальный раскол...»^[36]

Впоследствии, в искровский период, Плеханов, продолжая борьбу против «экономизма», напечатал ряд статей, в которых вскрыл ревизионистский характер этого течения. Ленин неоднократно говорил о заслугах Плеханова в борьбе с «экономизмом». В 1907 году, рассказывая о появлении «экономистов» и разоблачая их взгляды, он подчеркивал: «Плеханов объявил этим взглядам войну не на живот, а на смерть (в чем ему помогли русские революционные с.-д.) и расколол на этой почве заграничную организацию РСДРП»^[37].

Для того чтобы вести борьбу с «экономистами», необходима была поддержка из России. «Экономисты» все время хвастались, что за ними «российские практики». А между тем письма, приходящие с родины, попадали в руки оппортунистической верхушки «Союза русских социал-демократов за границей», и судить о действительном положении дел было трудно. Нужно было вновь наладить непосредственную связь с местными партийными кругами. В 1899–1900 годах такие связи начинают восстанавливаться.

В октябре 1899 года бежал из ссылки Николай Эрнестович Бауман. Попав в Швейцарию, он близко сошелся с членами группы «Освобождение труда» и по ее рекомендации вошел в «Союз русских социал-демократов за границей».

Плеханов руководил самообразованием Баумана, помогал ему в изучении марксистской литературы. Живой ум Баумана, знание условий революционной деятельности, активная помощь в деятельности группы «Освобождение труда», энтузиазм и веселый нрав делали его любимцем всех «стариков». Особенно привлекало Плеханова непримиримое отношение Баумана к «экономистам». Группа «Освобождение труда» намеревалась послать Баумана своим представителем на предполагавшийся II съезд партии в мае 1900 года в Смоленске. Узнав от Потресова, который приехал за границу, что съезд не состоится, Бауман посоветовался с Плехановым о сроках своей поездки: «Со слов Путмана (Потресова. — Авт.) я вижу, что и Вы не прочь примириться с тем, чтобы дать «ловкому» пропагандисту наслаждаться счастьем еще два месяца. Но мне хотелось бы от Вас лично получить категорическое заявление по этому поводу».

Николай Бауман задержался за границей, потом стал первым агентом «Искры» и уехал в Россию уже в декабре 1901 года.

В конце ноября 1899 года на родину отправилась Вера Засулич. Она запаслась паспортом на имя болгарской подданной Велики Дмитриевны Кировой. В Петербурге ее встретила Анна Михайловна Калмыкова, которая знала ее по встречам в Швейцарии, и тотчас окружила Веру Ивановну заботой и вниманием. А. М. Калмыкова оказала большие услуги партии. Не будучи социал-демократкой, она оказывала материальную помощь группе «Освобождение труда», «Искре» и «Заре», а потом и большевистским изданиям.

В марте 1900 года в Петербург прибыл из ссылки Владимир Ильич Ленин. Засулич встречалась несколько раз с ним и Потресовым. Они обсуждали план издания за границей нелегальной марксистской газеты и вопрос об участии в ней членов группы «Освобождение труда». Вера Ивановна была в восторге от этих планов, от деятельности революционного направления российских социал-демократов во главе с В. И. Лениным. Ей очень хотелось, чтобы и Плеханов так же благожелательно отнесся к идее объединения вокруг газеты всех подлинно революционных сил русского рабочего движения. Но Плеханов некоторое время ошибочно опасался, что молодые социал-демократы в России будут обособляться от группы «Освобождение труда» и пойдут на компромисс с «экономистами», которые к этому времени отстранили плехановскую группу от издательской и практической деятельности «Союза русских социал-демократов за границей».

Вера Засулич в письме из Петербурга старалась рассеять эти опасения: «Что меня беспокоит, так Ваше неудовольствие на Путмана (Потресова. — Авт.) и Петрова (Ленина. — Авт.)... «Неужели они думают» (очевидно, фраза из утерянного письма Плеханова. — Авт.) воевать без Вас? Да наоборот же. Как только начало обрисовываться то большое серьезное предприятие, которое они затевают (то есть нелегальная газета за границей. — Авт.) не для одной войны (с «экономистами», как просил Плеханов. — Авт.), но и для войны, так Вам и написал отчасти сам Путман, отчасти через меня. Его хотят, коли позволите, поставить под флаг группы «Освобождение труда». И далее Засулич говорит, что борьбе с «экономистами», по мнению ее новых друзей, больше поможет издание газеты и журнала за границей. Она добавляет: «Путмана Вы же знаете, а настроение по отношению к Вам Петрова я могу характеризовать таким отрывком из его слов: «Они (бернштейнианцы) теперь ругаются ортодоксами, а я нарочно говорю им, я не только ортодокс, я еще

плекхановец... Эти Ваши настоящие товарищи, не помышляющие отделять от Вас своего дела, серьезные, прекрасно настроенные люди».

Через короткое время Засулич пришлось срочно уезжать из России — ее выследила полиция. Засулич поехала сначала в Стокгольм. Оттуда она писала Плеханову, что если ее пребывание в Стокгольме нужно для пересылки литературы, то она останется здесь. Но поскольку газета еще только организовывалась, то было решено, что Вера Засулич вернется в Швейцарию, куда должны были приехать Ленин, Мартов и Потресов.

В апреле 1900 года на II съезде «Союза русских социал-демократов за границей» произошел окончательный разрыв между марксистами и оппортунистами. Группа «Освобождение труда» заявила о своем выходе из состава союза, за ней последовали ее сторонники, которые объединились в революционную организацию «Социал-демократ».

Новая заграничная организация просуществовала недолго. От ее имени вышли две листовки, один сборник и второе издание «Манифеста Коммунистической партии». Этой книге суждено было стать важной вехой в истории группы «Освобождение труда», марксизма в России.

В 1898 году исполнилось 50 лет со времени создания этого великого произведения революционного марксизма. Первое плекхановское издание 1882 года давно разошлось по России, часть экземпляров осела в архиве департамента полиции в качестве «вещественных доказательств». Выросли новые поколения социал-демократов, которым нужно было знать это основополагающее произведение марксизма. Все это понимал Плеханов. Но он задумал выпустить «Манифест» с новым предисловием, в котором предполагал рассмотреть современное положение революционного движения с точки зрения авторов «Манифеста». Работа потребовала серьезной подготовки, и предисловие разрослось в статью «Первые фазы учения о классовый борьбе». Задачу эту Плеханов так объяснял: «Когда речь зашла об издании «Манифеста», еще только начиналась та, так называемая критика Маркса, которая наделала столько шума во всемирной литературе и которая вращается именно вокруг Манифеста. Издать Манифест в прошлом году — значило издать его, не снабдив дополнением, которого имели право требовать от нас все читатели: подведением итогов критики»(З—V, 299).

И вот наконец в сентябре 1900 года книга увидела свет. В новом предисловии Плеханов разбирает только одно положение из «Манифеста», где говорится, что «вся история, с тех пор как разложилось первобытное общинное землевладение, была историей борьбы классов». Рассмотрев на ряде примеров, какое место борьба классов занимала в теориях

предшественников марксизма, Плеханов обрушивается на ревизионистов, которые пытались отбросить это марксистское положение. Плеханов защищает марксистскую идею диктатуры пролетариата от нападков Бернштейна и его последователей, считавших, что в настоящее время, то есть в конце XIX века, эта идея устарела, изжила себя. Плеханов пишет: «Во второй половине 80-х годов у нас появился особый вид «социалиста» (он имеет в виду либеральных народников. — Авт.), главная и, можно сказать, мучительная забота которого заключалась в том, чтобы не испугать либерала. Призрак испуганного либерала до такой степени пугал социалистов этого вида, что вносил несказанную путаницу во все их теоретические и практические рассуждения. Г{осподин} Бернштейн очень напоминает таких «социалистов». Его главная забота состоит в том, чтобы как-нибудь не испугать демократическую буржуазию» (2—II, 494—495).

Затем он разъясняет, что такое диктатура пролетариата, повторяя это дважды, чтобы читатели запомнили это основное положение: «Диктатура данного класса есть, как мы сказали, господство этого класса, позволяющее ему распоряжаться организованной силой общества для защиты своих интересов и для подавления всех общественных движений, прямо или косвенно угрожающих этим интересам... Там, где существуют классы, неизбежна классовая борьба. Там, где есть классовая борьба, необходимо и естественно стремление каждого из борющихся классов к полной победе над своим противником и к полному над ним господству» (2—II, 496).

Но как быть с теми аргументами ревизионистов, где говорилось, что парламентская и всякая другая легальная деятельность представителей социал-демократии ликвидирует необходимость диктатуры пролетариата? Нет, отвечает Плеханов, эта деятельность «не противоречит диктатуре пролетариата; она подготавливает ее. Называть фразой указание рабочим на необходимость диктатуры их класса может только тот, кто утратил всякое представление об «окончательной цели»... и думает лишь о «движении»... в сторону буржуазного социализма» (2—II, 496).

Плеханов защищает выводы основоположников марксизма о применении рабочим классом в случае необходимости насильственных методов революции. Ревизионисты утверждали, что в конце жизни Энгельс советовал социалистическим партиям избегать насильственных методов. Так ли это? Плеханов разъясняет: «...Энгельс к концу своей жизни признал, что при известных обстоятельствах легальный путь тоже может привести к победе, а на восстание стал смотреть, как на такой способ действий, который при современной технике военного дела сулит социалистам не победу, а жестокое поражение, и не перестанет сулить его

до тех пор, пока сама армия не проникнется социалистическим духом» (2—II, 502).

Объясняя, почему так говорил Энгельс и как надо его понимать, Плеханов доказывает, что Маркс и Энгельс остались революционерами до конца своих дней и никогда не отступали от требования применять наряду с легальными методами в случае революционной необходимости и насильственные методы борьбы.

Блестящая защита марксистских положений о диктатуре пролетариата и о методах ее установления, изложенная в предисловии Плеханова ко второму изданию «Манифеста» и других его работах 90-х годов, сыграла значительную роль в идейном подготовке российской социал-демократии и не потеряла значения для современности.

10. С Лениным в редакции «Искры»

В августе 1900 года в Швейцарию приехал Ленин. Прошло более пяти лет со времени первого его знакомства с Плехановым. В эти годы в жизни Ленина произошли важные события — руководство деятельностью петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», тюрьма и ссылка в Сибирь, активная деятельность в России по подготовке создания марксистской партии. В 1895–1899 годах им были написаны: статья-некролог «Фридрих Энгельс», классический труд «Развитие капитализма в России», статья «От какого наследства мы отказываемся?», брошюра «Задачи русских социал-демократов» и другие работы, имевшие программный характер. Еще в ссылке Ленин разрабатывал план создания пролетарской партии нового типа. Он с полным основанием считал, что издание за границей общерусской социал-демократической газеты и ее нелегальное распространение в России явится важнейшим средством идейного и организационного сплочения пролетарских революционеров России, послужит толчком в создании марксистской партии рабочего класса.

Вернувшись из сибирской ссылки, Ленин провел за несколько месяцев огромную организационную работу по созданию общерусского печатного социал-демократического органа, который послужил бы делу идейно-политической подготовки революционной партии. Он побывал за это время в Москве, Петербурге, Уфе, Пскове, Риге, Нижнем Новгороде. Для осуществления своего замысла Ленин выехал за границу.

Одним из условий издания социал-демократической газеты и

теоретического марксистского журнала было привлечение к их созданию членов группы «Освобождение труда». Со стороны молодых социал-демократов в издании этих органов должны были участвовать, кроме В. И. Ленина, только что освободившиеся из ссылки Ю. О. Цедербаум (Мартов) и А. Н. Потресов.

Мартов за границу не смог приехать. Поэтому совещались впятером — прибывшие из России В. И. Ленин и А. Н. Потресов и Г. В. Плеханов, В. И. Засулич и П. Б. Аксельрод. Переговоры проходили в пригородах Женевы — в Корсье и в Везене.

Когда переговоры были закончены, Владимир Ильич через неделю записал свои впечатления от них, чтобы потом рассказать Надежде Константиновне Крупской, которая оставалась еще в России. Эти заметки, озаглавленные «Как чуть не потухла «Искра», были напечатаны после смерти Ленина. Благодаря им мы можем в деталях восстановить ход переговоров и позиции главных их участников — Ленина и Плеханова.

Владимир Ильич приехал сначала в Цюрих, где П. Б. Аксельрод встретил его с распростертыми объятиями. Он говорил, что для членов группы «Освобождение труда» все связано с планом издания общерусской газеты, что это «возможность возрождения их деятельности».

В Женеве Ленин встретился с Потресовым. Тот счел нужным предупредить, что Плеханов после разрыва с «экономистами» настроен очень подозрительно, хотя Ленин, активно выступавший против оппортунизма «экономистов» и «легального марксизма», не давал никаких оснований и даже поводов для таких опасений.

Владимир Ильич вспоминал, что еще в России был намечен такой план сотрудничества с группой «Освобождение труда»: «Раньше мы всегда думали так: редакторами будем мы, а они — ближайшими участниками... как потому, что «старикам» крайне нетерпимы, так и потому, что они не смогут аккуратно вести черную и тяжелую редакторскую работу: только эти соображения для нас и решали дело, идейное же их руководство мы вполне охотно признавали»^[38]. Поэтому Ленин считал необходимым издавать газету в Германии, а не в Женеве, так как «это сделает нас независимее от Г. В...»^[39].

Самое главное здесь состояло в том, что В. И. Ленин, признавая важное значение идейно-теоретической деятельности Плеханова, группы «Освобождение труда», по ряду вопросов теории и политики шел вперед, занимая более последовательные позиции. И это стало ясно с первого дня пребывания Ленина в Швейцарии. Намерение Ленина издавать газету в

Германии огорчило Плеханова. К тому же он опасался, что Аксельрод и Засулич станут поддерживать Ленина и других молодых социал-демократов и он останется в одиночестве.

В чем же заключались разногласия?

Во-первых, речь шла об отношении будущей редакции новых органов революционной социал-демократии к практическим работникам социал-демократических организаций — «экономистам». Плеханов, доведенный до бешенства оппортунизмом и беспринципными нападкамии на группу «Освобождение труда» со стороны «экономистов», настаивал на продолжении с ними полемики в духе предисловия к «Vademecum».

В. И. Ленин с начала своей революционной деятельности всегда непримиримо относился к оппортунизму, в том числе и к российской его разновидности — «экономизму». Вместе с тем Владимир Ильич учитывал, что под влияние «экономистов» временно подпали некоторые рабочие-революционеры, считавшие, что борьба за улучшение жизни рабочих, их экономических нужд будет способствовать объединению рабочего класса вокруг партии. Отталкивать их от партии было бы неправильным, тем более что была возможность политически воспитать их в марксистском духе. Еще в России Ленин написал проект «Заявления редакции «Искры» и «Зари», где, осуждая оппортунизм «экономистов», отмечал, что редакция не теряет «надежды на возможность совместной работы»^[40]. Имелось в виду привлечение к совместной социал-демократической работе практиков рабочего движения, подпавших под влияние идей «экономизма». Это была единственно правильная позиция в данном вопросе; ее не занял Плеханов, заявивший, что такая позиция неприемлема и он отказывается от редактирования и принятия этого документа.

Во-вторых, были некоторые различия между Лениным и Плехановым в отношении к «легальным марксистам». Эта новая разновидность «отражения марксизма в буржуазной литературе» (говоря словами Ленина) появилась в России в середине 90-х годов XIX века. Некоторые представители либерально-буржуазной интеллигенции выступали, хотя и непоследовательно, против самодержавия, ратовали за буржуазно-демократические свободы. Отдельные прогрессивные деятели либеральной интеллигенции проявляли даже известный интерес к марксизму и критиковали народническую идеологию. Но они трактовали марксизм до крайности узко, педантски, отбрасывая революционную суть марксизма, подменяя его материалистическую диалектику антидиалектическими реформистскими иллюзиями о возможности улучшения капитализма.

Ленин еще в 1895 году первым из русских революционеров выступил

против «легального марксизма» П. Струве в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Он в письме из ссылки удивлялся, почему Плеханов до сих пор не выступает против «легального марксизма» Булгакова и Струве. Публичную критику «легальных марксистов» Плеханов дал только в 1899–1900 годах. Он долгое время надеялся на «социалистическую эволюцию» П. Б. Струве, держался ошибочного мнения, будто «легальных марксистов» можно будет перевоспитать, что было связано с его столь же ошибочной, иллюзорной надеждой на союз либеральной буржуазии и ее идеологов с рабочим классом. И вместе с тем Плеханов занимал в данном вопросе противоречивую позицию, возражая против заключения временных соглашений с «легальными марксистами», и даже одно время был против использования органов печати, находившихся под их влиянием, для публикации произведений революционных марксистов.

Ленин, принципиальный и последовательный критик буржуазно-либеральной идеологии и политики «легального марксизма», вместе с тем допускал возможность таких временных соглашений в интересах революции. Используя эту мудрую тактику, Ленин и его сторонники заключили в 1895 году временное соглашение с группой «легальных марксистов» о совместной издательской деятельности при условии полной свободы критики воззрений различных течений, выступавших против царского абсолютизма. Благодаря этому соглашению при помощи обширных связей и средств «легальных марксистов» в России удалось провести через цензуру и легально напечатать ряд марксистских работ, в том числе сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», книги Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова (В. В.)» и другие.

По словам Ленина, благодаря такому соглашению с «легальными марксистами» «была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде)»^[41]. Ленин имел в виду то, что в статьях «легальных марксистов» идеи научного социализма нередко опошлялись, вульгаризировались.

Однако из тех же легальных изданий русский читатель мог получить верное научное изложение теории марксизма в работах революционных марксистов.

В ссылке Владимир Ильич, обдумывая план издания общерусской газеты, решил использовать опыт этого временного соглашения. В Пскове в

апреле 1900 года было созвано совещание, на котором присутствовали Ленин, Мартов и Радченко и от группы «легальных марксистов» — Струве и Туган-Барановский. На совещании договорились, что «легальные марксисты» помогут финансами и материалами изданию газеты и журнала за границей. Вскоре представители «легальных марксистов» выехали в Швейцарию для продолжения переговоров.

Но Плеханов был категорически против этого соглашения. Владимир Ильич убеждал Плеханова, что они «обязаны быть елико возможно снисходительны к Струве, ибо мы сами не без вины в его эволюции: мы сами, и Г. В. в том числе, не восстали тогда, когда надо было восстать (1895, 1897)»^[42].

Если Ленин уже в 1895 году выступил против Струве в сборнике «Материалы к характеристике...», то Плеханов молчал до сих пор. Он вспоминал впоследствии, что ему будто было «приказано» «не стрелять» в Струве. Но кто мог приказать Плеханову? Плеханов имел в виду, наверное, разговор с Потресовым в Лондоне, который, боясь его резкости, заказал ему статьи для сборника на другие темы. И в 1897 году, когда в журнале «Новое слово» появилась ревизионистская статья Струве, Плеханов обошел ее молчанием. Теперь он объяснял свое умолчание, уход от критики «легального марксизма» нежеланием полемизировать на страницах журнала, где он и сам печатался. В действительности же он отложил критику Струве в дальний ящик. И только в 1899 году, когда в немецком журнале появилась еще одна извращавшая марксизм статья Струве «Марксова теория социального развития», Плеханов взялся за перо. В предисловии ко 2-му изданию «Манифеста» он писал, что готовит работу «Критика наших критиков». Это была серия статей, направленная против бернштейнианства на Западе и в России, в том числе и против антимарксистских взглядов Струве — главного идеолога «легальных марксистов».

Через несколько лет Плеханов уже несколько иначе объяснял свою позицию в отношении «легального марксизма». «А я и в статьях г. Струве видел «струвизм» и все-таки до поры до времени шел с ним рядом, Почему? Так как надеялся, что г. Струве разовьется в марксиста и потому сам перестанет быть «струвистом». А потом увидел, что эта моя надежда неосновательная, и убедился, что идти вместе нам больше нельзя. Об этом я сообщил летом 1900 г. (речь идет об этих совещаниях. — Авт.) г. Потресову (Плеханов писал это в 1910 году, когда ликвидатор Потресов перестал быть для него «товарищем» и превратился в «господина». — Авт.) и т. Ленину, которые хотели привлечь г. Струве к «Заре». Я сказал им, что

надо выбирать между мной и г. Струве» (1—XIX, 93). Ленин подтвердил, что такое требование Плеханов в ультимативной форме действительно предъявлял. Но и в данном случае не «ультимативная» линия Плеханова, а гибкая и последовательная позиция Ленина была правильной.

Третий конфликт разгорелся по поводу статьи, которую Плеханов предложил заказать на философскую тему Любви Исаковне Аксельрод (Ортодокс) и посоветовал ей «начать статью замечанием против Каутского — хорош-де гусь (Ленин повторяет слова Плеханова. — Авт.), который уже «критиком» сделался, пропускает в «Neue Zeit» философские статьи «критиков» и не дает полного простора «марксистам» (сиречь Плеханову)»^[43]. Мы помним, как Плеханов страдал оттого, что Каутский печатал работы ревизионистов, а статьи Плеханова против них брал с трудом, сокращал и в конце концов вынудил его обратиться в другие журналы. Становившаяся все более непоследовательной и центристской позиция Каутского и его «беззаботность», равнодушие к философии Маркса не были, однако, предметом публичной критики со стороны Плеханова ни в то время, ни позднее. Ленин исходил из того, что Каутского, стоявшего в конце XIX века в социально-политических вопросах в основном на позициях марксизма, несвоевременно подвергать критике, да еще в порядке «отмщения» за ограничения, причиненные статьям Плеханова.

Все эти расхождения создали неблагоприятную атмосферу во время заседаний. Дважды их участники почти совсем прекращали переговоры, чуть ли не отказываясь от идеи совместного участия в издании общерусской социал-демократической газеты и журнала. Особенно остро стоял вопрос на совещании 26 августа, которое проходило на квартире у Плеханова. Сначала он, расстроенный разногласиями с «молодыми», заявил, что он не может встать на их точку зрения и потому будет только сотрудником. Но когда его стали отговаривать, то он согласился стать редактором. Вера Ивановна предложила дать Плеханову два голоса по вопросам тактики, а то, мол, он всегда будет один. Все согласились. И тогда Плеханов показал свой властный характер. Он стал в тоне редактора распределять отделы и статьи для журнала, «отодвигать» все замечания, словом, вести себя как главный редактор. Это всех, особенно Ленина и Потресова, очень обескуражило, все сидели как в воду опущенные.

Вспоминая этот день, Владимир Ильич пишет, что они с Потресовым были до крайности сердиты на Плеханова, Вернувшись на дачу в Везену, они до позднего вечера ходили по деревне, обсуждая случившееся. На душе было тяжело и тревожно.

Ленин пишет, что два обстоятельства усугубляли их возмущение. Во-первых, потому, что они еще в России решили, что редакторами будут Ленин, Потресов и Мартов, а члены группы «Освобождение труда» будут ближайшими участниками. И, во-вторых, потому, что они оба — Ленин и Потресов — были до этого влюблены в Плеханова. «Ослепленные своей влюбленностью, мы держали себя в сущности как рабы, а быть рабом — недостойная вещь, и обида этого сознания во сто крат увеличивалась еще тем, что нам открыл глаза «он» самолично на нашей шкуре...»^[44].

Трудный, тяжелый характер Плеханова, его нетерпимая позиция не только к противникам, но и к своим товарищам, нежелание учитывать всю сложность обстановки в стране и международном рабочем движении чуть не привели к тому, что «Искра», еще не появившись, чуть не потухла.

Георгий Валентинович сам тяжело переживал все перипетии переговоров. Надвигавшийся разрыв с молодыми русскими марксистами был равносителен для него отказу от политической деятельности: если он даже с ними не сможет работать, значит, ни с кем не сможет.

На последующих совещаниях Георгий Валентинович держался спокойно, но это было внешнее спокойствие, которое ему дорого стоило.

В конечном счете, несмотря на все эти большие трудности, переговоры окончились успешно. Верх взяла принципиальная линия Ленина на идейное и организационное единство русских марксистов. Столкнувшись с твердой позицией Ленина, Плеханов уступил почти по всем пунктам.

В. И. Ленин выработал «Проект соглашения», по которому редакторами «Искры» и «Зари» становились Ленин, Мартов, Потресов, а члены группы «Освобождение труда» — сотрудниками с правом голоса по редакционным вопросам^[45]. Но фактически через некоторое время редакторами стали все шестеро.

«Искра» и «Заря» издавались в Мюнхене (первый номер печатался в Лейпциге), потом из-за полицейских преследований редакционная коллегия переехала в Лондон, а в 1903 году обосновалась в Женеве.

Плеханов согласился на ведение переговоров с «легальными марксистами» и даже был автором соглашения с ними об издании приложения к «Заре» под названием «Современное обозрение». Но в ходе совещаний выяснилось, что Струве пытается создать орган, конкурирующий с «Зарей», и соглашение это не было заключено.

Надежда Константиновна Крупская, которая, конечно, и читала записку Ленина «Как чуть не потухла «Искра», и слышала от Владимира Ильича об этих переговорах, через год после них, в сентябре 1901 года,

писала Л. М. Книпович: «Ох уж эта заграница! Грязи тут и интриганства столько! Я все больше и больше уважаю группу «Освобождение труда», у всех у них интересы дела на первом плане, одно только — х (Г. В. Плеханов. — Авт.) не чуткий человек, но и это выкупается его страстностью и т. п.».

В конце декабря 1900 года вышел первый номер общерусской политической газеты «Искра» с эпиграфом из ответа декабристов А. С. Пушкину: «Из искры возгорится пламя!» Организатором и идейным руководителем «Искры» и журнала «Заря» был В. И. Ленин. Надежда Константиновна Крупская стала секретарем редакции «Искры» с апреля 1901 года, когда она наконец смогла приехать из России в Мюнхен. Вера Ивановна Засулич на первых порах, до приезда Крупской, помогала секретарю редакции Инне Гермогеновне Смидович, да и потом работала все время в тесном контакте с молодой частью редакции, переезжала с ними из Женевы в Мюнхен, из Мюнхена в Лондон.

Плеханов с самого начала сотрудничал в «Искре». Он часто переписывался с редакцией, причем большинство корреспонденции были на имя Ленина. В своих письмах первое время он делал много деловых и корректных замечаний по поводу тех материалов, которые присылались ему для просмотра. Когда Владимир Ильич поблагодарил его за помощь, то Плеханов ответил: «Напрасно Вы благодарите меня; ведь я на Ваше дело смотрю как на свое собственное» (4—I, 107). В письме от 13 марта 1901 года Плеханов писал Ленину: «Второй № «Искры» мне вообще понравился: живая и умная газета». Потом он делает несколько деловых замечаний и опять повторяет: «В общем — превосходная газета, и я на нее не нарадуюсь» (4—I, 112).

Когда в апреле 1901 года возникла опасность, что из-за нехватки материальных средств придется прекратить издание газеты, Плеханов писал: «Искру» надо спасти во что бы то ни стало, и если бы для спасения ее нужно было обратиться к самому черту, то мы и к нему обратимся» (4—1, 113).

Активно сотрудничал Плеханов в «Искре» и как автор. По нашим подсчетам, в старой «Искре» (то есть до 52-го номера) Лениным было опубликовано 57 статей, а Плехановым — 37. Буквально через номер-два в «Искре» появлялись статьи, рецензии, заметки Плеханова, а некоторые из его больших теоретических статей (так называемые фельетоны) печатались в нескольких номерах, например, статьи «Пролетариат и крестьянство», «Ортодоксальное буквоедство».

Большинство статей, помещенных в «Искре», были посвящены

вопросам политики создаваемой марксистской партии, полемике с ее идейными противниками — эсерами, «экономистами», бундовцами и другими оппортунистами, занимавшими антиискровскую позицию. В ряде статей Плеханов анализировал успехи революционного движения в России («О демонстрациях» — № 14, 16; «Русский рабочий класс и полицейские розги» — № 22; «Значение Ростовской стачки» — № 32 и «Еще о Ростовской стачке» — № 33).

Подробности о стачке-демонстрации, охватившей в ноябре 1902 года Ростов-на-Дону, Плеханов получил от приехавших в Швейцарию членов Донского комитета партии. Он долго беседовал с А. Ф. Мочаловым, который вскоре выпустил брошюру «Правда о ростовских событиях». Плеханов восхищался революционной энергией ростовских рабочих. Он не только написал об этом две статьи в «Искру» и предисловие к брошюре Мочалова, но и посвятил Донскому комитету РСДРП брошюру «Н. Л. Некрасов», которая вышла в партийном издательстве в 1903 году.

Внимание читателей «Искры» привлекла статья Плеханова «Карл Маркс» в № 35 «Искры», которая была посвящена 20-летию со дня смерти основоположника научного коммунизма. Вся статья пронизана верой в торжество идей марксизма: «Если верно то, что великое международное движение пролетариата было самым замечательным общественным явлением XIX столетия, то нельзя не признать, что основатель Международного Товарищества Рабочих был самым замечательным человеком этого столетия. Борец и мыслитель в одно и то же время, он не только организовал первые кадры международной армии рабочих, но и выковал для нее, в сотрудничестве со своим неизменным другом Фридрихом Энгельсом, то могучее духовное оружие, с помощью которого она уже нанесла множество поражений неприятелю и которое со временем даст ей полную победу. Если социализм стал наукой, то этим мы обязаны Карлу Марксу. И если сознательные пролетарии хорошо понимают теперь, что для окончательного освобождения рабочего класса необходима социальная революция и что эта революция должна быть делом самого рабочего класса; если они являются теперь непримиримыми и неутомимыми врагами буржуазного порядка, то в этом сказывается влияние научного социализма» (2—II, 717). Там же Плеханов писал об отношении Маркса к русскому революционному движению и спрашивал: «Что же сказал бы великий автор «Капитала», если бы ему довелось дожить до настоящего времени и узнать, что у него есть уже много и много последователей в среде русских рабочих? Какою радостью наполнилось бы его сердце, если бы ему пришлось услышать о событиях, подобных

недавним событиям в Ростове-на-Дону! В его время русский марксист был редкостью... теперь идеи Маркса господствуют в русском революционном движении...» (2—II, 719).

Наряду с авторской и отчасти редакторской работой в «Искре» силы Георгия Валентиновича поглощал главным образом журнал «Заря». Он не только отредактировал статьи его трех книг (четырёх номеров), но и написал для него 20 статей. Только в первом номере, который вышел в апреле 1901 года, были напечатаны: первая статья из серии «Критика наших критиков» «Г. П. Струве в роли критика марксовой теории социального развития», статьи «Еще раз социализм и политическая борьба», «14 декабря 1825 года», «Несколько слов о последнем парижском международном социалистическом конгрессе» и три большие рецензии. В следующих двух книгах «Зари» — № 2/3 1901 года и № 4 1902 года — были напечатаны статьи Плеханова «Sant против Канта, или Духовное завещание г. Бернштейна» и продолжение статьи против Струве. В «Заре» были опубликованы рецензии Плеханова на книги Масарика, Э. Вандервельде, Франка, Б. Кроче и других буржуазных и реформистских авторов.

Хотя Э. Бернштейн был разоблачен и, говоря словами Плеханова, «умер для школы Маркса, к которой он когда-то принадлежал», Плеханов активно продолжал критику бернштейнианского оппортунизма и буржуазной философии, из которой черпали свои антимарксистские взгляды Э. Бернштейн и другие оппортунисты. Плеханов как в статьях против Бернштейна, так и против его «духовного брата» Петра Струве («Критика наших критиков»), в последнем случае с известным опозданием и с некоторой непоследовательностью, отстаивает от их нападков диалектический метод Маркса и Энгельса, материалистическое понимание истории. «Материалистическое объяснение истории, — пишет Плеханов, — действительно, является одним из самых главных отличительных признаков марксизма. Но это объяснение все-таки составляет лишь часть материалистического мирозерцания Маркса — Энгельса. Критическое исследование их системы должно поэтому начинаться с критики общих философских основ этого мирозерцания. А так как метод, несомненно, составляет душу всякой философской системы, то критика диалектического метода Маркса и Энгельса, естественно, должна предшествовать «пересмотру» их исторической теории.

Верный своему неверному взгляду на «основной закон» марксизма, г. Бернштейн начинает с критики материалистического понимания истории и лишь во второй главе своей книги переходит к оценке диалектического

метода. Мы, в свою очередь, останемся верны своему взгляду на решающее значение метода в каждой серьезной системе и начнем с диалектики» (2—II, 374–375).

Критически анализируя отступничество Бернштейна от марксизма, от его революционной диалектики, Плеханов не только выясняет теоретическую несостоятельность его выпадов против философии марксизма, но и вскрывает социальные корни ревизионизма в немецкой социал-демократии.

«Если г. Бернштейн отказался от материализма для того, чтобы не «угрожать» одному из «идеологических интересов» буржуазии, который называется религией, то его отказ от диалектики вызван был его нежеланием пугать ту же буржуазию «ужасами насильственной революции»... Надо прибавить, что он (Бернштейн. — Авт.) бессознательно становится на конкретную почву диалектики только в тех случаях и только в такой мере, в какой диалектика представляет собой удобное оружие в борьбе с мнимым радикализмом «революционеров», мыслящих по формуле: «да — да и нет — нет». Это именно те случаи, когда всякий филистер делается диалектиком. Но тот же самый г. Бернштейн, — вместе со всеми филистерами всего земного шара, — готов городить против диалектики всякий вздор и взводить на нее самые нелепые обвинения всякий раз, когда ему кажется, что она может содействовать укреплению и развитию революционных стремлений в социалистической области... Оттого-то немецкие филистеры и приветствовали его «критику» громкими и продолжительными воплями радости, оттого-то они и произвели его в великие люди. Рыбак рыбака видит издалека» (2—II, 392–393). Плеханов настойчиво предупреждал в те годы рабочее движение о том, что оппортунизм приобрел немало сторонников в рядах социал-демократии разных стран, считал распространение оппортунизма главной опасностью, угрожавшей в то время рабочему движению, и призывал социал-демократов оставшихся верными революционному духу своей программы, настоятельно бороться с этой опасностью, ибо «бернштейниада» очень страшна, как признак возможного упадка».

Критически анализируя позиции П. Струве, который ранее заигрывал с марксизмом, его переход на выучку к модной у буржуазии идеалистической философии неокантианства, Плеханов обратил особое внимание на разоблачение тех извращений Марксовой теории общественного развития, которые содержатся в писаниях «легальных марксистов». Плеханов делает следующие выводы из анализа противоречий общественного развития в конце XIX века, доказывая несостоятельность антимарксистских

построений Струве: «Если понятие социальная революция не выдерживает критики, то спрашивается, как же быть с теми социальными революциями, которые уже совершились в истории? Считать ли их несовершившимися или признать, что они не были революциями в том смысле, какой придают этому слову правоверные марксисты? Но если мы даже и скажем, что, например, Великая Французская Революция на самом деле вовсе не имела места, то ведь этому вряд ли кто поверит. А если мы вздумаем утверждать, что эта великая революция совсем не похожа на ту, о которой толкуют правоверные марксисты, то эти упрямые люди немедленно прервут нас, заметив, что мы неправильно изображаем дело. По мнению правоверных марксистов, Великая Французская Революция была социальной революцией в полном смысле этого слова. Правда, это была революция буржуазии, между тем как теперь на очереди стоит — как думают правоверные марксисты — революция пролетариата. Но это не изменяет дела. Если понятие — социальная революция — несостоятельно потому, что природа скачков не делает, а интеллект их не терпит, то очевидно, что эти решительные доводы должны в одинаковой мере относиться как к революции буржуазии, так и к революции пролетариата. А если революция буржуазии давно уже совершилась, несмотря на то, что скачки «невозможны», а изменения «непрерывны», то у нас есть все основания думать, что в свое время совершится и революция пролетариата...» (2—II, 604).

В самом начале XX века (в 1902 году) у русских марксистов появился еще один противник — мелкобуржуазная, антимарксистская партия так называемых социалистов-революционеров (эсеров). В последующие годы эсеры развернули среди русских студентов и эмигрантов в Швейцарии, Франции, Германии шумную деятельность, стараясь привлечь в свои ряды как можно больше сторонников. Эсеры, выражавшие интересы мелкой буржуазии города и деревни, пытались объединить на первых порах остатки народнических кружков, неверные теоретические положения которых вместе с некоторыми искаженными марксистскими идеями и легли в основу их взглядов. Они требовали свержения самодержавия и установления «демократической республики на федеративных началах», введения политических свобод, на словах выступали за улучшение положения рабочих и крестьян. Вместе с тем эсеры отрицали руководящую роль рабочего класса в российской революции и не желали замечать классового расслоения среди крестьянства, считая все крестьянство безусловным сторонником социализма; они отвергали борьбу широких народных масс во главе с пролетариатом и делали ставку на

индивидуальный террор.

Порой эсеры увлекали за собой часть неопытных молодых людей своими демагогическими призывами, хлесткими псевдореволюционными фразами. К тому же смелые действия некоторых активистов этой партии, совершавших террористические акты против высших чиновников и экспроприации в банках и других царских учреждениях, привлекли в их ряды недостаточно закаленных и идейно не подготовленных молодых людей из мелкобуржуазных слоев населения, студенчество, а также и отдельных рабочих.

Русские марксисты начали идейно-политическую борьбу против эсеров, критикуя их антинаучную идеологию и авантюристическую тактику.

Плеханов, известный своей критикой народничества и анархизма, активно включился в борьбу с их русскими эпигонами. В июне 1902 года он писал Аксельроду, что переговоры лондонской части редакции «Искры» с «экономистами» не огорчают его, ибо «тот, кто действительно примирил бы нас с «Рабочим делом», оказал бы услугу отечеству. Теперь наши враги — «социалисты-революционеры».

В редакции «Искры» возникла мысль о необходимости выпустить специальную брошюру против эсеров. В. И. Ленин в письме к Плеханову просил его взять это на себя и провести историческую параллель с 70-ми годами, то есть с деятельностью землевольцев и народовольцев. «Итак, все и вся за то, чтобы Вам досталась брошюра, — а нужна она против социалистов-революционеров непременно, их обязательно надо обстоятельно и со всех сторон разобрать по косточкам. Вредят они нам и делу отчаянно»^[46].

Плеханов ответил, что он уже пишет такую брошюру и предполагает назвать ее «Наши разногласия, часть вторая». Георгий Валентинович снова вернулся к этому излюбленному названию: именно так он хотел назвать книгу против либеральных народников, которая потом превратилась в его знаменитое произведение «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Теперь новая работа, направленная против эсеров, должна была получить то же название. Но опять этот план не осуществился.

Плеханов в том же письме к Ленину сообщал, что он пишет первую главу своей работы под названием «Пролетариат и крестьянство», часть которой собирается поместить в «Искре». И действительно, серия статей под этим названием печаталась в нескольких номерах «Искры», но вся брошюра так и не была написана.

Плеханов имел обыкновение перед тем, как напечатать большую

статью или книгу, опробовать ее основные идеи на публике, прочитав на эту же тему реферат или несколько рефератов. В то время так называли публичные лекции, после которых обыкновенно возникала дискуссия. Так было и на этот раз. Плеханов в ноябре 1902 года и в январе 1903-го прочитал в Женеве три реферата на тему «Пролетариат и крестьянство», а потом повторил их в других городах Швейцарии.

Первую лекцию эсеры и анархисты чуть не сорвали, и только выдержка и остроумие Плеханова спасли положение. С самого начала его выступления начали шуметь, кто-то пробовал свистеть, топтать ногами, разгоралась перебранка между сторонниками и противниками лектора. Плеханов замолчал. Он стоял на трибуне, скрестив на груди руки, глаза его насмешливо сверкали из-под густых бровей. Когда немного стихло, Плеханов громким голосом заявил, обращаясь к эсерам: «Если бы мы захотели бороться с вами тем же оружием, то мы явились бы сюда... — Он сделал паузу, во время которой наступила полная тишина. Все ждали, что Плеханов скажет — с оружием, с бомбами, наконец, просто с палками. Но конец фразы был неожиданным: — То мы явились бы сюда, — повторил он уже тише, — с сире-е-нами». Раздался оглушительный хохот. Смеялись даже эсеры и затем до конца реферата вели себя относительно спокойно.

В 1901 году у Плеханова опять произошел конфликт со швейцарской полицией.

5 апреля в Женеве состоялся митинг, организованный анархистами в знак протеста против высылки из Швейцарии одного из их единомышленников. На митинге присутствовали итальянцы, швейцарцы и русские эмигранты. Речи ораторов так накалили атмосферу, что демонстранты двинулись к зданиям итальянского и русского посольств. На последнем они сорвали царский герб и бросили его в Рону. Это был протест против избиения манифестантов, месяц тому назад собравшихся на Казанской площади в Петербурге.

На следующий день швейцарские газеты были полны сообщениями о женевской демонстрации. Там было напечатано заведомо ложное утверждение о том, будто среди участников демонстрации и чуть ли не во главе ее был Плеханов. Это грозило ему большими неприятностями — Плеханов не имел швейцарского гражданства и жил по временным документам. Инцидентом воспользовался П. И. Рачковский, который заведовал политическим сыском за границей. Он настаивал перед правительством Швейцарии на высылке Плеханова за пределы страны.

П. Аксельрод обратился к ряду депутатов кантонального совета — социал-демократам и либералам, с просьбой помешать высылке Плеханова.

Многие из них поддержали Плеханова. Его вызвали в Бернский федеральный департамент юстиции и допросили о «беспорядках» в Женеве. Поскольку Плеханов смог доказать, что в это время он читал лекции для швейцарских рабочих о материалистическом понимании истории в Школе часового производства, то обвинения были сняты и «наказания» не последовало.

Когда Плеханов сообщил о допросе в Мюнхен, Ленин ему написал: «Дорогой Г. В.! Мы очень и очень рады, что Ваше приключение окончилось благополучно. Ждем Вас: поговорить надо бы о многом и на литературные и на организационные темы...»^[47]

Плеханов при малейшей возможности ездил в Мюнхен и в Лондон для встреч с остальными членами редакции.

В конце 1901 года приехал в Мюнхен бежавший из Сибири Лев Дейч. 17 лет он не видел своих друзей. Каторга и ссылка превратили его в старика, но его активность и энтузиазм они не истребили. Друзья были рады возвращению Дейча и стремились включить его в общую работу. Но изменились условия революционной работы, и Дейчу было трудно найти свое место в рядах искровцев.

Когда редколлегия, опасаясь преследований германской полиции, переехала в Лондон, туда поехал и Дейч. Но поручить ему практическую работу по связи с Россией не удалось. Однажды, забыв элементарные правила конспирации, он чуть не раскрыл адрес редколлегии, что погубило бы все дело. Надежда Константиновна спрашивала Засулич:

— Ну, Вера Ивановна, что ж ваш практик-то хваленый, ахнул.

Засулич только разводила руками.

В конце 1901 года В. И. Ленин предложил отметить юбилей Г. В. Плеханова — 25-летие его революционной деятельности. 6 декабря исполнялось четверть века со дня демонстрации у Казанского собора в Петербурге, где Плеханов выступил со своей знаменитой речью. Ленин написал от имени редакции «Искры» и «Зари» приветствие, которое Надежда Константиновна красиво переписала и отправила в Женеву. В приветствии говорилось: «Редакция «Искры» всей душой присоединяется к празднованию 25-летнего юбилея революционной деятельности Г. В. Плеханова. Пусть послужит это празднование к укреплению революционного марксизма, который один только способен руководить всемирной освободительной борьбой пролетариата и противостоять натиску так шумно выступающего под новыми кличками вечно старого оппортунизма. Пусть послужит его празднование к укреплению связи между тысячами молодых русских социал-демократов, отдающих все свои

силы тяжелой практической работе, и группой «Освобождение труда», дающей движению столь необходимые для него: громадный запас теоретических знаний, широкий политический кругозор, богатый революционный опыт.

Да здравствует революционная русская, да здравствует международная социал-демократия!»^[48]

Юбилей Плеханова отмечался в ряде городов — Берне, Цюрихе, Париже. Особенно торжественно он был отпразднован в Женеве, в присутствии самого юбиляра. В большом зале Гандверка, вмещавшем более тысячи человек, состоялось собрание, на котором присутствовали, кроме русских революционеров и студентов, представители иностранных социалистических партий.

Выступавшие подчеркивали выдающуюся роль юбиляра в революционном рабочем движении России и других стран. Наконец слово предоставили Плеханову. Весь зал разразился долгими аплодисментами.

Но прежде чем привести речь Плеханова в этот, один из самых торжественных дней его жизни, уместно вспомнить, как описывал его внешность и манеру держаться слушавший его в это время Анатолий Васильевич Луначарский: «Те, которым доводилось видеть живого Плеханова, конечно, сохранили представление о доминирующей, на мой взгляд, черте его наружности или, вернее, его головы. Над красивым, несколько барским, нижним этажом высилось самое замечательное в наружности Плеханова: глаза и лоб. Глаза у Плеханова были необычайно красивы прежде всего. Большие, темные, выразительные, они сверкали каким-то необыкновенным огнем. Я редко когда после того видел такие светящиеся глаза... Эти умные, пристальные, исполненные интенсивной жизненности глаза смотрели из-под двух косматых черных бровей, также очень подвижных. Эти брови придавали Плеханову выражение некоторой суровости, как-то не допускали близости с ним. Казалось, что он всегда несколько насуплен, что он смотрит на вас немножко издали, несколько сверху, из-за какой-то завесы, сохраняющей расстояние. А над бровями возвышался мраморный лоб, высокий, широкий, чистый, необыкновенно красивой формы. Впечатление изящества и могущества — и притом именно духовного, в лучшем смысле этого слова, то есть относящегося к области интеллекта, — вот что исходило от Плеханова».

Итак, Плеханов стоял на трибуне и всматривался в притихший зал.

— Я принадлежу, — начал он, — к числу людей, которых много ругали в жизни. Лично я могу сказать об этих нападках то, что сказал Фома Брут: я знаю, что такое канчуки, но привычка, господа, — великая вещь, и я

научился спокойно относиться к нападкам. Но сегодня я пришел на собрание, на котором меня не только не ругали, но так преувеличенно расхваливали, что я не знаю, куда и деться.

Сочувствие ближних необходимо каждому общественному деятелю, особенно сочувствие молодежи, так как всякому общественному деятелю приятно знать, что на его место встанут молодые товарищи, которые будут продолжать его дело, когда его уже не будет в живых. Но, начав за здоровье, я не хочу кончить за упокой и прошу вас помнить, что (употребляя выражение Либкнехта), когда речь идет о революционере, мне не 45 лет, а дважды 22?.

На Казанской площади, кроме меня, были сотни, и наказание, которое постигло многих из них, было необычайно по тогдашнему времени... И так бывает всегда в России. Молодые русские революционеры должны всегда повторять слова: «печален будет мой конец». Это должен помнить всякий русский революционер, но у нас есть другое, высшее счастье. Чувство гордости, презрения к врагам доставляет высшее удовлетворение, превращает всякого человека в титана...

И когда люди вдохновляются такими идеями, то это уже составляет особое счастье.

Обычное настроение легального русского деятеля — это неудовлетворенность прожитой жизнью, но большинство русских революционеров скажут, что не жалеют о прожитом и о своей деятельности, и эта уверенность есть самая высшая награда. Исключения есть и среди нелегальных, но они только подтверждают правило: это слабые люди, не готовые к борьбе. За эту высшую награду русскому революционеру стоит платить годами заключения и ссылки (4—I, 64).

Далее Плеханов говорил о разногласиях среди социал-демократов. Он и здесь не упустил случая покритиковать «экономистов». Кончил Георгий Валентинович оптимистическим прогнозом:

— Против этих смут (имея в виду ревизионизм. — Авт.) единственное лекарство — усвоение теоретических основных идей социализма, и тогда легко будет разобраться в вопросе. Только наука поможет разобраться в этом. Но нельзя остановиться на одной науке, надо обратиться к жизни и к практике. Союз науки и рабочих сделает все и сотрет все препятствия, и русскому царю, может быть, не придется учиться астрологии, чтобы узнать час своей близкой гибели (4—I, 65).

После долгих аплодисментов Плеханову от имени собрания был подарен портфель. Он заметно был взволнован подарком и в ответ сказал:

— Могу уверить присутствующих, что этот портфель никогда не

сделается портфелем министра.

И опять это был выпад против французских оппортунистов, лидер которых, Александр Мильеран, вошел в состав реакционного правительства.

После собрания долго не расходились по домам, ходили по чинным опустевшим улицам Женевы и шумно спорили о путях революции в России, о сроках ее свершения.

А на имя Плеханова продолжали поступать письма и телеграммы от товарищей с выражением признательности за тот вклад в развитие социал-демократического движения России и Западной Европы, который внес Георгий Валентинович.

Через несколько дней — 1 января 1902 года — вышел № 14 «Искры», в котором было помещено письмо Плеханова с благодарностью за приветствия.

Это было время наибольшего расцвета творческой личности Плеханова и признания его заслуг в среде русских революционеров. До этого периода группа «Освобождение труда» сначала в одиночку, а потом с небольшим числом своих сторонников боролась за распространение идей марксизма в России. Плеханов был известен своей прошлой революционно-народнической деятельностью в России, популярность его росла с каждой книжкой. Впоследствии, после II съезда РСДРП, Плеханов пользовался расположением то одной, то другой части РСДРП, а иногда обе части с различных позиций осуждали его за «особую позицию», которую он пытался занимать. Но период 1901–1903 годов был временем, когда, по словам Н. А. Семашко, «все уважали Плеханова, иные прямо боготворили; не только каждая фраза, но каждое вскользь брошенное замечание Плеханова почиталось многими незыблемым законом».

Однажды к Плехановым пришла Белочка Уриновская, которая вместе с братом приехала из Ростова-на-Дону. Девушке было всего 19 лет, но своим серьезным отношением к делу, изучением марксистской литературы она очень нравилась Георгию Валентиновичу.

Георгий Валентинович, я пришла за вами. Мы хотим, чтобы вы сфотографировались с нами на память, ведь скоро нам ехать в Россию.

Белла Афанасьевна, я благодарю вас, но кто это — мы?

Мы, сторонники «Искры», которые поедут опять в Россию ее агентами, — Ваня (В. П. Краснуха. — Авт.), Бродяга (М. А. Сильвин. — Авт.), Сергей Иванович (Гусев. — Авт.), Курц (Ф. В. Ленгник. — Авт.), Зайчик (Г. И. Окулова. — Авт.) и мой брат Миша.

Ну, в такой прекрасной компании я буду счастлив фотографироваться.

Только потом не попадитесь с этой фотографией в лапы полиции, а то...

Не пугайте, Георгий Валентинович, сами знаем. Но так хочется что-то иметь на память о наших встречах.

Вся компания ждала в кафе Ландольта, пошли якобы в русскую читальню, а потом быстро направились в одно облюбованное фотоателье.

— Ох, не торопитесь так, товарищи, а то умру, и фотокарточки не будет, — шутил, задыхаясь, Плеханов.

В ателье их фотографировали на фоне картины, изображающей швейцарские горы и сосны. Плеханова посадили на стул спинкой вперед. На его уверения, что так сидеть неудобно, веселый швейцарец просил потерпеть, уверяя, что так он похож на всадника. А Плеханов все время шутил. Молодежь хохотала и веселилась так, что еле удалось фотографу заставить сделать их серьезные лица.

Работа в редакции «Искры» не всегда протекала гладко и без противоречий. Между Лениным и Плехановым уже в это время были серьезные разногласия по принципиальным вопросам. Выявились они во время подготовки обсуждения проекта программы партии, а также при обсуждении принципиальных положений в статьях Ленина — об отношении к либералам, о задачах социал-демократии по отношению к крестьянству, о характере диктатуры пролетариата и других.

Эти разногласия по программным вопросам выявили различный подход Плеханова и Ленина к решению ряда важнейших проблем политики партии. Плеханов, будучи одним из наиболее крупных теоретиков II Интернационала, оставался по ряду вопросов на позициях современной ему западноевропейской социал-демократии.

Теоретическая часть проекта программы, написанная Плехановым, подверглась критике со стороны Ленина. Ленин требовал, чтобы в программе был дан конкретный научный анализ развития капитализма и социальной структуры общества в России, чтобы было развито положение о диктатуре пролетариата как руководителя трудящихся в борьбе за социализм.

Аграрную часть программы писал Ленин.

После неоднократных переделок и дискуссий был принят окончательный текст проекта программы, опубликованный в № 21 «Искры» для обсуждения всеми русскими социал-демократами.

Н. К. Крупская вспоминает, что, несмотря на желание проникнуться духом революционных событий России, Плеханову это с каждым годом эмиграции было сделать все труднее и труднее. Она пишет: «Судьба Плеханова трагична. В области теории его заслуги перед рабочим

движением чрезвычайно велики. Но годы эмиграции не прошли для него даром: они оторвали его от русской действительности. Широкое, массовое рабочее движение возникло в то время, когда он уже был за границей. Он видел представителей различных партий, писателей, студентов, даже отдельных рабочих, но русской рабочей массы он не видел, с ней не работал, ее не чувствовал. Бывало, придет какая-нибудь корреспонденция из России, которая поднимает завесу над новыми формами движения, заставляет почувствовать перспективы движения, Владимир Ильич, Мартов и даже Вера Ивановна читают и перечитывают ее: Владимир Ильич потом долго шагает по комнате, вечером не может заснуть. Когда мы переехали в Женеву, я пробовала показывать Плеханову корреспонденции и письма, и удивляло меня, как он на них реагирует: точно почву он под ногами терял, недоверие у него какое-то появлялось на лице, никогда не говорил он потом об этих письмах и корреспонденциях.

Особенно недоверчиво стал он относиться к письмам из России после II съезда.

Меня это вначале обижало как-то, а потом стала думать, что это вот отчего: давно он уже уехал из России, и не было у него того мерила, вырабатываемого опытом, которое дает возможность определить удельный вес каждой корреспонденции, читать многое между строк.

Приезжали часто в «Искру» рабочие, каждый, конечно, хотел повидать Плеханова. Попасть к Плеханову было гораздо труднее, чем к нам или Мартову, но даже если рабочий попадал к Плеханову, он уходил от него со смешанным чувством. Его поражали блестящий ум Плеханова, его знания, его остроумие, но как-то оказывалось, что, уходя от Плеханова, рабочий чувствовал лишь громадное расстояние между собой и этим блестящим теоретиком, но о своем заветном, о том, о чем он хотел рассказать, с ним посоветоваться, он так и не смог поговорить».

Разногласия между Лениным и Плехановым по программным и тактическим вопросам в дальнейшем привели их к разным идейно-политическим позициям. Но во время работы в редакции «старой» «Искры» они умело разрешались благодаря принципиальности В. И. Ленина и взаимному уважению.

Примером, характеризующим их отношения в этот период, может служить история с обсуждением статьи Ленина «Аграрная программа русской социал-демократии», являющаяся комментарием аграрной части программы РСДРП. В ответ на резкие и во многом несправедливые замечания Плеханова Ленин написал ему, что разрывает с ним всяческие отношения. Это письмо было послано 14 мая 1902 года. Прошло больше

месяца — это время принесло всем членам редакционной коллегии, а особенно Ленину и Плеханову, много волнений.

20 июня 1902 года Плеханов написал Ленину письмо. Вначале он останавливается на одном замечании Ленина на его статью, а потом там шли такие слова: «Пользуюсь случаем сказать Вам, дорогой Владимир Ильич, что Вы напрасно на меня обижаетесь. Обидеть Вас я не хотел. Мы оба несколько зарвались в споре о программе, вот и все. Когда-нибудь, когда мы с Вами увидимся, мы поговорим об этом с глазу на глаз, «по душе» (это здесь главное) и тогда, — если Вы захотите быть беспристрастным, — Вы сами увидите, что у меня тоже были некоторые основания считать себя обиженным. А теперь отложим это частное дело в интересах другого, гораздо более важного, общего дела. Поверьте одному: я глубоко Вас уважаю и думаю, что на 75 % мы с Вами ближе друг к другу, чем ко всем другим членам «коллегии», на остальные 25 % есть и разница, но ведь 75 втрое больше 25, и во имя единомыслия следует позабыть о разногласии» (4—II, 133–134).

Ленин ответил сразу же — 23 июня: «Дорогой Г. В.! Большой камень свалился у меня с плеч, когда я получил Ваше письмо, положившее конец мыслям о «междоусобии». Чем неизбежнее казалось нам это последнее, тем тяжелее были такие мысли, ибо партийные последствия были бы самые печальные... Я буду очень рад поговорить с Вами при свидании о начале «истории» в Мюнхене (то есть во время обсуждения части проекта программы партии, написанной Плехановым. — Авт.), — не для того, конечно, чтобы ковырять старое, а чтобы выяснить себе, что было обидно для Вас тогда. Что я не имел и в мыслях обидеть Вас, это Вы, конечно, знаете»^[49].

Благодаря принципиальной позиции Ленина был выработан последовательно марксистский проект программы, которой могла руководствоваться революционная партия рабочего класса России в борьбе за победу демократической и социалистической революции.

11. Партия создана!

Прошло более двух лет с момента выхода первого номера «Искры». Газета, руководимая В. И. Лениным, выполнила стоявшие перед ней задачи. Период идейного разброда, шатаний подходил к концу. Вокруг редакции «Искры» объединились социал-демократические организации России, созданные на основе идей революционного марксизма, ленинского

организационного плана. Ленин, «Искра» развернули огромную подготовительную работу по созыву съезда партии, который должен был завершить объединение социал-демократических организаций.

В апреле 1903 года члены редакции «Искры» переехали в Женеву, куда стали вскоре съезжаться делегаты съезда. На квартире Ленина постоянно собирались приезжие из России, многие из которых были агентами «Искры».

Плехановы тоже в эти дни встречали гостей из России, устраивали их на квартиры, заботились об их питании.

На совещании Организационного комитета по созыву съезда было решено устроить его не в Женеве, а в Брюсселе. Кольцов, старый эмигрант, примыкавший к группе «Освобождение труда», обещал договориться с бельгийскими социалистами о помещении для заседаний. Ведь на съезд должны были приехать представители 26 партийных организаций, ожидалось, что будет свыше 40 делегатов.

В июле все двинулись в Брюссель. Явка была назначена на квартире Кольцова, но его квартирная хозяйка устроила скандал в конце первого же дня, когда к нему сразу пришло несколько человек славянской наружности. Тогда сбор вновь прибывших перенесли в гостиницу «Золотой петух».

Бельгийские социалисты ради конспирации предложили русским товарищам собраться не в Народном доме, а в помещении мучного склада. 30 июля 1903 года открылся II съезд РСДРП.

Настроение у всех было приподнятое.

О заседаниях II съезда РСДРП сохранились воспоминания его участников, в том числе и интереснейшие воспоминания Н. К. Крупской. «Как мечтал об этом съезде Владимир Ильич! Всю жизнь — до самого конца — он придавал партийным съездам исключительно большое значение; он считал, что партийный съезд — это высшая инстанция, на съезде должно быть отброшено все личное, ничто не должно быть затушевано, все сказано открыто...

Так же страстно, как Ильич, ждал съезда и Плеханов. Он открыл съезд. Большое окно мучного склада около импровизированной трибуны было завешено красной материей. Все были взволнованы. Торжественно звучала речь Плеханова, в ней слышался неподдельный пафос. И как могло быть иначе! Казалось, долгие годы эмиграции уходили в прошлое, он присутствовал, он открывал съезд Российской социал-демократической рабочей партии».

На открытии съезда Плеханов сказал:

— Товарищи! Организационный комитет поручил мне открыть II

очередной съезд РСДРП. Я объясняю себе эту великую честь только тем, что в моем лице Организационный комитет хотел выразить свое товарищеское сочувствие той группе ветеранов русской социал-демократии, которая двадцать лет тому назад, в 1883 году, впервые начала пропаганду социал-демократических идей в русской революционной литературе. За это товарищеское сочувствие я от лица всех этих ветеранов приношу Организационному комитету искреннюю товарищескую благодарность. Мне хочется верить, что, по крайней мере, некоторым из нас суждено еще долгое время сражаться под красным знаменем, рука об руку с новыми, молодыми, все более и более многочисленными борцами. Положение дел настолько благоприятно теперь для нашей партии, что каждый из нас, российских социал-демократов, может воскликнуть и, может быть, не раз уже восклицал словами рыцаря-гуманиста: «Весело жить в такое время!» Ну а когда весело жить, тогда и охоты нет переходить, но выражению Герцена, в минерально-химическое царство, тогда хочется жить, чтобы продолжать борьбу; в этом и заключается весь смысл нашей жизни.

Я сказал, что положение дел теперь чрезвычайно благоприятно для нашей партии. Эти слова могут показаться преувеличением ввиду многих неустройств, несогласий и разногласий, так сильно дававших себя чувствовать в последние пять лет. Эти неустройства, несогласия и разногласия были, без сомнения, очень велики и прискорбны. Но они не помешали нашей партии стать — и в теоретическом, и в практическом отношении — самую сильную партией из всех существующих в России революционных и оппозиционных партий. Несмотря на все наши разногласия и несогласия, мы одержали уже не одну славную победу теоретическую и имели уже много крупных практических успехов. Двадцать лет тому назад мы были ничто, теперь мы уже большая общественная сила, — я говорю это, конечно, имея в виду русский масштаб. Но сила обязывает. Мы сильны, но наша сила создана благоприятным для нас положением, это стихийная сила положения. Мы должны дать этой стихийной силе сознательное выражение. Это и есть задача нашего съезда, которому предстоит, как видите, чрезвычайно много серьезной и трудной работы. Но я уверен, что эта серьезная и трудная работа будет счастливо приведена к концу и что этот съезд составит эпоху в истории нашей партии. Мы были сильны, съезд в огромной степени увеличит нашу силу. Объявляю его открытым и предлагаю приступить к выбору бюро».

Для руководства работой съезда было избрано бюро, то есть

президиум, в составе председателя — Г. В. Плеханова и двух вице-председателей — В. И. Ленина и П. А. Красикова.

Мартов предложил избрать в бюро девять человек, но Ленин стоял за трех для «держания в строгости»^[50]. Ведь на съезде, кроме сторонников «Искры», были и их противники — «экономисты», бундовцы и представители некоторых других групп социал-демократии.

Съезд продолжался до 6 августа. После первых же заседаний участникам съезда пришлось переехать в Лондон — бельгийская полиция потребовала закрытия подозрительных заседаний, приняв русских социал-демократов за анархистов.

Всего состоялось 37 заседаний.

Плеханов председательствовал на многих из них. Это было трудной и утомительной работой, ибо ожесточенные споры делегатов надо было ограничивать регламентом, вмешиваться, когда ораторы уходили от обсуждаемых вопросов, и т. д. Почти на всех заседаниях Плеханов выступил по нескольку раз.

На съезде Плеханов активно поддерживал по всем вопросам Ленина, его яркие выступления и реплики в защиту позиции «твердых искровцев» сыграли немалую роль в победе Ленина и его принципиальной, революционной линии на съезде. Через несколько лет П. Б. Аксельрод говорил даже о «слепом увлечении» Плеханова Лениным на съезде. В действительности какого-либо «слепого увлечения» не было. Это была идейная близость, глубокое чувство уважения к Ленину, который на съезде особенно ярко проявил свои теоретические знания, политическую мудрость, ораторское искусство, организаторский талант.

Н. К. Крупская в своих воспоминаниях подробно характеризует отношения Ленина и Плеханова во время II съезда РСДРП: «Позднее факт раскола заслонил перед многими те громадной важности принципиальные вопросы, которые были поставлены и разрешены на II съезде. Владимир Ильич во время обсуждения этих вопросов чувствовал особую близость к Плеханову. Речь Плеханова о том, что основным демократическим принципом должно являться положение: «высший закон — благо революции» и что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения этого основного принципа, произвела на Владимира Ильича глубокое впечатление. Он вспоминал о ней, когда 14 лет спустя перед большевиками встал вопрос о роспуске Учредительного собрания.

И другая речь Плеханова — где он говорил о народном образовании, как «гарантии прав пролетариата», была созвучна мыслям Владимира

Ильича.

Плеханов на съезде тоже чувствовал близость к Ленину.

Отвечая Акимову, одному из делегатов съезда, жаждавшему посясть рознь между Плехановым и Лениным, Плеханов шутя говорил: «У Наполеона была страстишка разводить своих маршалов с их женами; иные маршалы уступали ему, хотя и любили своих жен. Тов. Акимов в этом отношении похож на Наполеона — он во что бы то ни стало хочет развести меня с Лениным. Но я проявлю больше характера, чем наполеоновские маршалы; не стану разводиться с Лениным, и, надеюсь, и он не намерен разводиться со мной».

Центральное место в работе съезда заняло обсуждение программы партии. За основу с самого начала была принята программа, написанная Лениным и Плехановым, предложенная от имени редакции «Искры» и «Зари». Обсуждение проходило в острой борьбе, тем более что оппортунисты, участвовавшие на съезде, объединившись в своих нападках, обрушились на коренные принципы марксистской программы партии.

Лидер «экономистов» А. С. Мартынов критиковал проект программы, причем цитировал не ее саму, а книгу В. И. Ленина «Что делать?», точнее, то место, где автор говорит о процессе внесения социал-демократического сознания в рабочее движение.

Книга Ленина «Что делать?» была выдающимся произведением, которое сыграло огромную роль в сплочении социал-демократических организаций России, в подготовке II съезда. Именно ее популярность среди революционных рабочих и социал-демократической интеллигенции России навсегда закрепила за автором избранный для этой книги псевдоним — Ленин. На съезде оппортунисты пытались очернить проект программы партии, критикуя отдельные места из книги Ленина, которые они произвольно вырвали из контекста и неверно толковали.

На защиту проекта программы и книги Ленина поднялся Плеханов, хотя он и считал, притом ошибочно, что некоторые места в этой работе неудачно сформулированы. В апреле 1902 года Мартов писал Ленину, что Плеханов в разговоре с ним сказал, что «он не может отвечать за брошюру Ленина, который не обратил внимания на сделанные им и П. Б. {Аксельродом} возражения против некоторых мест, вызывающих или способных вызвать смуту». На съезде же Плеханов выступил с поддержкой «Что делать?». Он говорил: «Тов. Мартынов приводит слова Энгельса: «Современный социализм есть теоретическое выражение современного рабочего движения». Тов. Ленин также согласен с Энгельсом... Но ведь слова Энгельса — общее положение. Вопрос о том, кто же формулирует

впервые это теоретическое выражение. Ленин писал не трактат по философии истории, а полемическую статью против экономистов, которые говорили: мы должны ждать, к чему придет рабочий класс сам, без помощи «революционной бациллы». Последней запрещено было говорить что-либо рабочим именно потому, что она — «революционная бацилла», то есть что у нее есть теоретическое сознание. Но если вы устраните «бациллу», то остается одна бессознательная масса, в которую сознание должно быть внесено извне. Если бы вы хотели быть справедливым к Ленину и внимательно прочитали бы всю его книгу, то вы увидели бы, что он именно это и говорит. Так, говоря о профессиональной борьбе, он развивает ту же самую мысль, что широкое социалистическое сознание может быть внесено только из-за пределов непосредственной борьбы за улучшение условий продажи рабочей силы».

Критикуя выступление оппортунистов на съезде, Ленин показал, что в своей книге он отнюдь не умаляет значения рабочих в выработке пролетарской идеологии: «Все мы знаем теперь, что экономисты согнули палку в одну сторону. Для выпрямления палки необходимо было согнуть палку в другую сторону, и я это сделал. Я уверен, что русская социал-демократия всегда будет с энергией выпрямлять палку, сгибаемую всяческими оппортунистами, и что наша палка будет всегда поэтому наиболее прямой и наиболее годной к действию».

Борьба Ленина, «твердых искровцев» против оппортунистов увенчалась успехом: съезд утвердил программу, предложенную редакцией «Искры» и «Зари», и выразил благодарность за ее разработку. Подводя итоги обсуждения, Плеханов сказал: «Товарищи, партия сознательного пролетариата, российская социал-демократическая партия, отныне имеет свою программу... и мы можем с законной гордостью сказать, что принятая нами программа дает нашему пролетариату прочное и надежное оружие в борьбе с врагами».

Съезд принял две резолюции об отношении к либералам — Потресова и Плеханова. Резолюция, предложенная Плехановым, гласила: «Об отношении к либералам. Принимая в соображение а) что социал-демократия должна поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной или только оппозиционной в своей борьбе с царизмом; б) что поэтому социал-демократия должна приветствовать пробуждение политического сознания русской буржуазии; но что, с другой стороны, она обязана разоблачать перед пролетариатом ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявлялась эта ограниченность и недостаточность; II очередной съезд

РСДРП настоятельно рекомендует всем товарищам обращать в своей пропаганде внимание рабочих на антиправительственный и противопролетарский характер того направления, которое выразилось в органе г. П. Струве».

Это была марксистская резолюция — правильность политической оценки группы Струве «Освобождение» вскоре была подтверждена тем, что она составила ядро контрреволюционной буржуазной партии кадетов. Ленин дал высокую оценку этой резолюции.

На 14-м заседании съезд приступил к обсуждению Устава партии. С докладом выступил автор проекта — В. И. Ленин. Обсуждение § 1 Устава, определяющего, кто может быть членом партии, вызвало горячие споры. Ленинская формулировка затрудняла вступление в партию неустойчивым элементом, так как требовала от члена партии не только признания ее программы, поддержки ее материальными средствами, но и личного участия в одной из партийных организаций.

Против этой формулировки выступил Мартов, которого поддержали все оппортунистические и колеблющиеся участники съезда. Мартов считал, что член партии не обязан входить в партийную организацию, достаточно, если он будет оказывать ей регулярное личное содействие под руководством одной из организаций. Такая формулировка Устава открыла бы в партию вход оппортунистическим элементам.

Плеханов целиком поддержал ленинскую формулировку. В одном из выступлений по этому вопросу он сказал: «Я не имел предвзятого взгляда на обсуждаемый пункт Устава. Еще сегодня утром, слушая сторонников противоположных мнений, я находил, что «то сей, то оный набок гнется». Но чем больше говорилось об этом предмете и чем внимательнее вдумывался я в речи ораторов, тем прочнее складывалось во мне убеждение в том, что правда на стороне Ленина. Весь вопрос сводится к тому, какие элементы могут быть включены в нашу партию. По проекту Ленина, членом партии может считаться лишь человек, вошедший в ту или другую организацию. Противники этого проекта утверждают, что этим создаются какие-то излишние трудности. Говорилось о лицах, которые не захотят или не смогут вступить в одну из наших организаций. Но почему не смогут? Как человек, сам участвовавший в русских революционных организациях, я скажу, что не допускаю существования объективных условий, составляющих непреодолимое препятствие для такого вступления. А что касается тех господ, которые не захотят, то их нам и не надо... Говорить же о контроле над людьми, стоящими вне организации, значит играть словами. Фактически такой контроль неосуществим,

Аксельрод был не прав в своей ссылке на 70-е годы. Тогда существовал хорошо организованный и прекрасно дисциплинированный центр, существовали вокруг него созданные им организации разных разрядов, а что было вне этих организаций, было хаосом, анархией. Составные элементы этого хаоса называли себя членами партии, но дело не выигрывало, а теряло от этого. Нам нужно не подражать анархии 70-х годов, а избегать ее. Сторонники проекта Мартова говорят, что право называть себя членом партии имеет большое нравственное значение. Но я с этим не могу согласиться. Если где и полезно вспомнить пример 70-х годов, то именно в этом случае. Когда Желябов заявил на суде, что он не член Исполнительного комитета, а только агент четвертой степени доверия, то это не умаляло, а увеличивало обаяние знаменитого комитета. То же будет и теперь. Если тот или другой подсудимый скажет, что он сочувствовал нашей партии, но не принадлежал к ней, потому что не мог удовлетворить всем ее требованиям, то ее авторитет только возрастет.

Не понимаю я также, почему думают, что проект Ленина, будучи принят, закрыл бы двери нашей партии множеству рабочих. Рабочие, желающие вступить в партию, не побоятся войти в организацию. Им не страшна дисциплина. Побоятся войти в нее многие интеллигенты, насквозь пропитанные буржуазным индивидуализмом. Но это-то и хорошо. Эти буржуазные индивидуалисты являются обыкновенно также представителями всякого рода оппортунизма. Нам надо отдалять их от себя. Проект Ленина может служить оплотом их вторжений в партию, и уже по одному этому за него должны голосовать все противники оппортунизма».

При обсуждении этого вопроса впервые редколлегия «Искры» и «Зари» раскололась. Точку зрения Ленина целиком поддержал Плеханов, а точку зрения Мартова поддержали Аксельрод, Засулич и Потресов.

На глазах у всех члены группы «Освобождение труда» разошлись по принципиальному вопросу.

«Неужели они не понимают, не верят мне?» — думал Плеханов. Но обязанностей у него как у председателя бюро было так много, что некогда было поговорить со старыми друзьями наедине.

Мартову удалось создать коалицию, объединив всех оппортунистов и колеблющихся, и поэтому при голосовании прошла его формулировка § 1 Устава (28 голосов), а ленинская формулировка получила 22 голоса при одном воздержавшемся. Однако остальные пункты Устава, предложенные Лениным, были приняты большинством голосов.

Особенно острая борьба развернулась во время выборов в центральные органы партии — в Совет партии и в редакционную коллегию

«Искры», которая была утверждена съездом центральным органом партии, в Центральный Комитет партии.

Ленин еще до съезда написал «Программу II очередного съезда РСДРП». В ней он наметил порядок обсуждения всех вопросов. В пункте 24 речь идет о выборах в ЦК и редакцию ЦО партии: «Съезд выбирает 3-х лиц в редакцию ЦО и 3-х в ЦК».

Решение избрать в редколлегию «Искры» не всех шестерых бывших ее членов, а только трех было продиктовано в первую очередь стремлением повысить работоспособность коллегии. Аксельрод, Засулич и Потресов принимали сравнительно небольшое участие в редактировании газеты, мало писали статей. Поэтому Ленин предлагал избрать трех редакторов — Ленина, Плеханова, Мартова. Мартов и Потресов были ознакомлены с этим проектом до съезда и были с ним согласны.

Н. К. Крупская, которая, конечно, знала, когда Ленин покажет Плеханову свою «Программу съезда», наблюдала сцену передачи этого документа Плеханову. Она пишет: «Владимир Ильич выдвинул проект о том, чтобы редакцию «Искры» составить из трех лиц. Об этом проекте Владимир Ильич ранее сообщил Мартову и Потресову, Мартов отстаивал перед съезжавшимися делегатами редакционную тройку как наиболее деловую. Тогда он понимал, что тройка направлена была главным образом против Плеханова. Когда Владимир Ильич передал Плеханову записку с проектом редакционной тройки, Плеханов не сказал ни слова и, прочитав записку, молча положил ее в карман. Он понял, в чем дело, но шел на это. Раз партия — нужна деловая работа».

Этот документ сохранился в архиве Плеханова. Там, где речь шла о количественном составе редколлегии, нет никаких помет.

Плеханов на съездах держался бодро, когда он председательствовал, то использовал каждый момент, чтобы поддразнить противников, пошутить, разрядить атмосферу. А возвращаясь поздно вечером домой, падал без сил на кровать и, мучаясь бессонницей, все думал, думал... Он знал, что ведет правильную линию, но как больно терять друзей!

Иначе в той обстановке, которая сложилась после обсуждения Устава, Плеханов поступить не мог. Теперь съезд распался на две части. Начались «частные, неофициальные свидания всех единомыслящих», по словам Ленина^[51]. Плеханов присутствовал на собраниях одной части делегатов во главе с Лениным, а его друзья по группе «Освобождение труда» — на собраниях другой части — во главе с Мартовым. По всем принципиальным вопросам на съезде и вне съезда они занимали разные позиции, и это подтверждало, что Плеханов был прав, когда в 1902 году писал Ленину, что

у них больше общего, чем у других членов редколлегии.

И вот съезд, удалив с заседания членов старой редакции, приступил к обсуждению вопроса о выборе редакционной коллегии «Искры». Ничего из этого обсуждения на первом заседании не получилось.

На следующий день — 20 августа — состоялось 31-е заседание съезда. Делегаты отвергли предложение Троцкого утвердить старый состав редакции из шести лиц и постановили пригласить на заседание бывших редакторов «Искры».

Это заседание было одним из самых бурных. Председателем был Плеханов. Его поведение для многих было необъяснимым. Он старался лишить слова Мартова, который утверждал, что он не знал о проекте Ленина о выборе редакции из трех лиц и что если бы он согласился работать в таком образом реформированной редакции, то это легло бы пятном на его политическую репутацию.

Когда попросил слова Ленин, то начался шум, раздавались нервные выкрики Мартова, Засулич и Троцкого. Плеханов не сразу смог навести тишину. Владимир Ильич говорил, что Мартов знал о проекте избрать тройку в ЦО. Ленин доказывал целесообразность такого решения.

В результате в редакцию ЦО партии были выбраны Ленин, Плеханов и Мартов. Однако Мартов отказался войти в состав редколлегии. Съезд принял резолюцию, поручающую двум членам редакции ЦО кооптировать третьего члена редколлегии, когда они найдут подходящее лицо.

После заседания Плеханов увидел страшно возбужденную, с горящими глазами и лихорадочным румянцем на щеках Веру Ивановну Засулич. Он подошел к ней, не зная даже, что можно сказать человеку, когда он находился в таком состоянии. Но Засулич, не дав ему и рта раскрыть, с таким гневом набросилась на него, что нельзя было понять ни единого слова. Вокруг стояли «мартовцы», ожидая, как Плеханов отнесется к этой вспышке Засулич. И он, обращаясь к ним, сказал:

— Я думаю, что Вера Ивановна приняла меня за Трепова.

Кто-то засмеялся, кто-то сделал вид, что не слышал. Самому Георгию Валентиновичу ста-ло невероятно тяжело от этой шутки.

На следующих заседаниях был избран Центральный Комитет партии в составе Кржижановского, Ленгника и Носкова. Плеханов был избран председателем Совета партии.

Победа твердых искровцев при выборах в центральные органы партии закрепила за сторонниками Ленина название большевиков, а за сторонниками Мартова вместе с «центром» и антиискровцами — название меньшевиков.

Новое, оппортунистическое направление внутри партии — меньшевизм, оформившееся на II съезде РСДРП, принесло большой вред российскому и международному рабочему движению. Принципиально ошибочная позиция Мартова и его сторонников по поводу членства в партии переросла потом в целую систему оппортунистических взглядов и действий. От оппортунизма в организационных вопросах они быстро скатились к оппортунизму в теории и политике, стратегии и тактике рабочего движения, став в конечном счете пособниками буржуазно-либеральных и мелкобуржуазных партий, врагами социалистической революции в России.

Плеханов тяжело переживал разрыв со старыми друзьями, но радость и воодушевление от сознания, что наконец-то создана в России революционная марксистская партия, переполняли его сердце. Он понимал, какую огромную роль сыграл Ленин в подготовке и создании этой партии, и сознание этого в первое время после съезда делало его верным союзником Ленина.

Группа «Освобождение труда» была официально распущена еще в середине работы съезда. 19 августа 1903 года на 29-м заседании съезда при обсуждении вопроса об отдельных организациях партии слова попросил Л. Г. Дейч. Он от имени своих товарищей заявил: «Группа «Освобождение труда» как таковая растворяется в партийной организации».

Прошло 20 лет с того дня, когда в Женеве в кафе на берегу реки Роны собралась горсточка русских эмигрантов, первых в России социал-демократов. С этого момента зарождается социал-демократическое движение в России. В. И. Ленин называл группу «Освобождение труда» «основательницей и представительницей и вернейшей хранительницей» научного социализма в России^[52].

В жизни Плеханова эти двадцать лет были лучшим периодом. В эти годы Плеханов создал ценные теоретические труды в области марксистской философии, истории, эстетики, истории философии и общественной мысли, вошедшие в сокровищницу марксистской литературы. Некоторые ошибки и слабости в этих работах не отменяют их ценности.

И, самое главное, теоретическая и практическая деятельность русских марксистов, в которой активную роль играл Плеханов, способствовала подготовке и созданию партии российского пролетариата. Тем самым создавались идейно-теоретические предпосылки для плодотворной революционной работы марксистской партии рабочего класса России, во главе которой встал В. И. Ленин.

ГЛАВА III

Особая позиция

1. «Отчаянный шаг»

Время после окончания II съезда РСДРП (23 августа) до перехода Плеханова на сторону меньшевиков (ноябрь) было одним из самых тяжелых и тревожных периодов его жизни.

Тогда под редакцией Ленина и Плеханова вышло шесть номеров «Искры». В этих номерах Плеханов опубликовал пять статей. Главные силы уходили на переговоры с меньшевиками, которые он вел совместно с Лениным. Меньшевики во главе с Мартовым не соглашались ни на какие компромиссные решения в отношении редакции «Искры» и пренебрегали решениями съезда по организационным вопросам. Они требовали не только восстановления «шестерки» в редакции «Искры», то есть включения туда Аксельрода, Засулич, Потресова, но и увеличения мест в ЦК партии и в Совете партии. Согласиться на это — значило бы нарушить волю съезда партии.

Плеханов надеялся, что разногласия могут быть ликвидированы на II съезде «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии», которая была признана съездом заграничным представителем партии.

Меньшевики же рассчитывали на то, что они на съезде лиги возьмут реванш и привлекут на свою сторону заграничные организации русских социал-демократов.

Съезд лиги продолжался с 26 по 31 октября 1903 года. Обстановка на нем была накаленной. Плеханов снова поддерживал Ленина, который сделал доклад о съезде партии. Мартов и Троцкий клеветнически обвиняли Ленина в «помпадурском» централизме, бюрократизме и других смертных грехах. Плеханов же дал отповедь этим нападкам:

— Товарищ Троцкий советует не злоупотреблять такими словами, как «анархизм» и «оппортунизм», и т. д. Этот совет может быть плох или хорош, но, следуя ему, пришлось бы избегать и таких выражений, как помпадурский централизм, бюрократизм и т. д. Скорее эти выражения неуместны, чем те, которые я употребил. Я не понимаю, почему «анархизм» не употреблять, а «бюрократизм» и «помпадурство» употреблять можно. Какие выражения хуже, резче? В данном случае

невольно вспоминается тот дикарь, который на вопрос, хорошо ли съест чью-нибудь жену, ответил: мою жену съест плохо, а чужую — хорошо (1—XIII, 368).

Плеханов иногда бывал чересчур резок со своими противниками.

Вот и теперь, на съезде лиги, Георгий Валентинович резко полемизировал с Дейчем, который всячески нападал на большевиков. Когда Дейч стал обвинять Ленина, Плеханов еще раз взял слово:

— Я не сомневаюсь, что тов. Дейч умеет читать, хотя он никогда не злоупотреблял этим умением. Но что он умеет читать в сердцах, я этого не знал. Во всяком случае, данные, добытые таким путем, не поддаются проверке, и я не буду даже разбирать, прав ли он или нет. «Жоресизм» и «анархизм» употреблять неудобно, а «*lesé-majesté*» (оскорбление величества. — Авт.) и «помпадурство» — удобно... Единство должно существовать. Партия должна быть единой и нераздельной, и если эта мысль, в моих устах, удивляет тов. Дейча, то это свидетельствует о том, что он плохо читает в сердцах. Я настаиваю на принятии резолюции тов. Конягина^[53], дабы она еще раз подтвердила наше единство. Для выражения нашего единства мы и должны подтвердить, что мы, как часть, подчиняемся целому (1—XIII, 368–369).

Речь шла о том, что Устав лиги вступает в силу только после утверждения его ЦК партии.

Когда стало ясно, что меньшевики срывают позитивную работу съезда лиги и добиваются одной цели — сделать лигу оплотом фракционной борьбы, большевики покинули съезд. Договорились, что вечером соберутся для того, чтобы обсудить дальнейшую линию поведения.

В кафе Ландольта собрались одиннадцать большевиков. В зале было много народу, и никто не обращал на них внимания. Плеханов запаздывал. Он пришел мрачный. Боевой задор, которым он был охвачен еще вчера, исчез.

Все эти дни, а порой и долгие ночи Плеханов был погружен в тяжелые раздумья. С одной стороны, он понимал принципиальную правоту Ленина, большевиков и хотел бы идти вместе с ними, как и на съезде, сохраняя и отстаивая партию, созданную ценой больших усилий и жертв. С другой же стороны — его одолевали колебания: следует ли порывать с теми, кто годами стоял рядом, но на съезде партии занял ошибочную позицию, нельзя ли пойти на согласие и «мир» с ними?

Плеханов склонялся к решению пойти по второму пути, и это было пагубным шагом назад от его принципиальных позиций, занятых на съезде партии и в первое время после съезда. Немалую роль в этом сыграло также

ошибочное увлечение опытом западных социал-демократических партий, которые ради формального «единства партии» готовы были поступиться принципами марксизма. И вот наступило время решать.

Сначала Георгий Валентинович молча слушал разговоры. Чаще всего он поглядывал на своих молодых друзей, с которыми был связан еще в 90-е годы, — на Николая Баумана, Владимира Бонч-Бруевича.

— Что с вами, Георгий Валентинович, — не выдержал Ленин, — о чем вы думаете?

— Надо мириться. На вчерашнем заседании я убедился, что если мы не кооптируем прежних редакторов, то партия так и будет разорвана на две половины.

Все молчали. Владимир Ильич побледнел. Изменение позиции Плехановым, который все последнее время был непримирим и подбадривал своих товарищей, меняло всю обстановку.

— Георгий Валентинович, но ведь мы предлагали уже кооптацию, они отказались.

— Придется согласиться на все их условия — это лучший способ успокоить и обезвредить мартовцев. Бывают моменты, когда и самодержавие вынуждено делать уступки.

— Но, Георгий Валентинович, — звонким голосом сказала Лиза Кнунянц, — тогда говорят, что самодержавие колеблется.

Плеханов печально посмотрел на нее.

— Да, милая барышня, и партия сейчас колеблется. Не могу я стрелять по своим. Это надо сделать ради мира в партии.

После минутного молчания Плеханов заявил, что он подаст в отставку и выйдет из редакции ЦО «Искра» и Совета партии.

Все были подавлены.

На следующий день, 1 ноября, Плеханов получил письмо от Ленина: «Дорогой Г. В.! Никак я не могу успокоиться по поводу волнующих нас вопросов. Это промедление, отсрочка решения — нечто ужасное, пытка...

Я, право же, вполне и вполне понимаю Ваши мотивы и соображения в пользу уступки мартовцам. Но я глубочайше убежден, что уступка в настоящий момент — самый отчаянный шаг, ведущий к буре и буче гораздо вернее, чем война с мартовцами. Это не парадокс... Ради единства, ради прочности партии — не берите Вы на себя этой ответственности, не уходите и не отдавайте всего мартовцам»^[54].

Вечером этого же дня Ленин написал заявление о выходе из редколлегии «Искры», а Плеханов начал переговоры с меньшевиками и единолично кооптировал в состав редколлегии Аксельрода, Засулич,

Потресова.

Ленин очень остро воспринял разрыв с Плехановым. Все разногласия между ними, которые были до сих пор при обсуждении проекта программы партии, статей Ленина «Гонители земства и аннибалы либерализма» и «Аграрный вопрос», при определении состава и задач редакций «Искры» и «Зари», — все это было внутренними трениями, которые удавалось разрешать. Теперь же речь шла о полном разрыве.

Владимир Ильич последние месяцы привык к идейной поддержке Плеханова, который не раз выступал с защитой многого из того, что делал и говорил Ленин. Именно это все и делало уход Плеханова в «стан иной» таким тяжелым и горьким.

Ленин писал 4 ноября 1903 года, что «Плеханов жалко струсил раскола и борьбы! Положение отчаянное, враги ликуют и обнаглели, наши все в бешенстве. Плеханов грозит бросить все немедленно и способен сделать это»^[55].

Владимир Ильич решил укрепить позиции большевиков в Центральном Комитете партии. На II съезде партии в состав ЦК были избраны Г. М. Кржижановский, Ф. В. Ленгник и В. А. Носков. Первые два члена Центрального Комитета, избранные заочно, находились в России, а Носков вскоре после съезда занял примиренческую позицию по отношению к меньшевикам, а потом и совсем перешел на их сторону. Вызванный из России Г. М. Кржижановский не разобрался в обстановке и считал, что надо вести переговоры с меньшевистской оппозицией. В ЦК Кржижановским были кооптированы В. И. Ленин и Л. Е. Гальперин. Но и этот последний уговаривал Ленина пойти на уступки меньшевикам. В такой обстановке кончался 1903 год.

2. «Меньшевик и ярый»

Тем временем Плеханов после выхода В. И. Ленина из состава редколлегии «Искры» выпустил еще один номер «Искры» — № 52. В ней он поместил статью «Чего не делать». Вся она, начиная с названия, направлена против твердой позиции Ленина в отстаивании революционных принципов марксизма. Не называя своего оппонента, Плеханов обвинял его в упрямстве и резкости. Плеханов призывал к уступчивости по отношению к тем, «которые могут стать товарищами», то есть, очевидно, по отношению к меньшевикам. Он утверждал, что в рядах русской социал-демократии царит единомыслие и новый раскол не имел бы серьезного

основания.

Читая эту статью Плеханова, все время спрашиваешь себя: да он ли автор этих положений, ведь они противоречат его прежним взглядам на вопросы политики и организации партии? Но, к сожалению, сомнений нет, он написал эту и еще несколько статей, которых действительно было бы лучше не писать. Они означали поворот на 180 градусов в сравнении с прежней позицией Плеханова.

Заняв какую-либо позицию, Плеханов весьма часто доводил ее до крайности. Так было и теперь. Кооптируя меньшевиков в ЦО партии, как утверждал Плеханов, «ради мира в партии», он стал рьяно выступать против Ленина. Он принял на веру уверения меньшевиков, что российские социал-демократы идут за ними. Отход Плеханова к меньшевикам вызвал справедливую критику со стороны Ленина, большевиков, всех тех, кто в прошлом относился к Плеханову с большим уважением. Вспоминая об этом, П. Н. Лепешинский пишет: «И в самом деле, каковы были или могли быть отношения В. И. к Плеханову в середине 1904 года? Н. К. говорит, что Ильич любил Плеханова и окружал его ореолом. Да, это верно. В. И. не только был лично привязан к Плеханову, как к своему первоучителю, но и высоко ценил его ум, его знания, его талантливую речь... В. И-чу нелегко дался разрыв с Плехановым в конце 1903 г., он пережил в связи с этим обстоятельством большую драму... И если это так, то легко себе представить, какой «миллион терзаний» должен был испытать В. И. всякий раз, когда Плеханов давал все новые и новые доказательства своей враждебности к нему... В. И. долгое время продолжал относиться к Плеханову по-особенному, не подводя его под одну мерку с остальными меньшевиками... Ведь не кто иной, как именно Ильич, когда-то вдохновил фракционного «карикатуриста» Олина^[56] на изображение Плеханова в виде Геркулеса, на горе себе связавшего свою судьбу с разнообразной фауной болотного царства и принужденного совершать сизифову работу вытаскивания из трясины то одного, то другого из своих новоискровских сподвижников».

«Искра» после ухода В. И. Ленина, кооптации Плехановым в ее редакцию меньшевиков круто повернула вправо; она стала органом борьбы против решений II съезда партии. И такую же меньшевистскую линию стал занимать Плеханов с ноября 1903 года. Он встал на позиции меньшевизма, хотя в апреле 1904 года разногласия между Плехановым и лидерами меньшевиков стали довольно острыми и он собирался выйти из редакции «Искры».

Но прежде чем рассказать об этих событиях, надо рассмотреть вопрос

о том, как характеризовал В. И. Ленин меньшевизм Плеханова. Ленин неоднократно подчеркивал отличие меньшевизма Плеханова от «ортодоксальных» меньшевиков — Мартова, Аксельрода и т. д. И этого нельзя забывать при анализе деятельности Плеханова с 1903 года до первой мировой войны. В мае — июне 1914 года Ленин писал по этому поводу в двух своих статьях — «Идейная борьба в рабочем движении» и «Об авантюризме».

Владимир Ильич подчеркивал, что Плеханов был в очень многих пунктах близок к меньшевикам, и пояснял эту мысль в статье «Идейная борьба в рабочем движении»^[57]. В июне 1914 года в статье «Об авантюризме» Ленин, выделяя периоды в политической деятельности Плеханова со II съезда партии до начала первой мировой войны, пишет: «...с 1903 года по вопросам тактики и организации Плеханов колеблется самым смешным образом: 1) 1903, август — большевик; 2) 1903, ноябрь (№ 52 «Искры») — за мир с «оппортунистами» — меньшевиками; 3) 1903, декабрь — меньшевик и ярый; 4) 1905, весна, после победы большевиков, — за «единство» «враждующих братьев»; 5) 1905, с конца до половины 1906 — меньшевик; 6) половина 1906 — начинает иногда отходить от меньшевиков и в Лондоне, 1907, порицает их (признание Череванина) за «организационный анархизм»; 7) 1908— разрыв с ликвидаторами; 8.) 1914 — новый поворот к ликвидаторам...» Эта характеристика политической биографии Плеханова в третий период его деятельности (конец 1903-го — 1917), данная Лениным, должна служить исходным пунктом при рассмотрении жизни и деятельности Плеханова после II съезда РСДРП.

Владимир Ильич пишет, что Плеханов в декабре 1903 года стал ярым меньшевиком. К сожалению, он был ярым меньшевиком и в дальнейшем. В 1904 году он поддерживал все требования меньшевиков в Совете партии, в «Искре» печатал статьи, направленные против позиции большевиков. Особенно печален тот факт, что он выступил в печати с резкой и несправедливой критикой работы В. И. Ленина «Что делать?». Эпиграфом к своей статье «Рабочий класс и интеллигенция», направленной против труда Ленина, Плеханов взял поговорку — «Лучше поздно, чем никогда». Мы помним, что Плеханов не все одобрял в работе Ленина, когда она только что вышла. Но с какой горячностью он отстаивал эту ленинскую работу на II съезде партии от нападков оппортунистов! А теперь он счел нужным подвергнуть критике именно те положения, на которые в свое время нападали оппортунисты. «Ярый меньшевизм» Плеханова в 1903–1904 годах стал началом его политического грехопадения, хотя впоследствии на этом пути были и иные, порой яркие страницы, когда

Плеханов «тряхнул стариной» и выступал по ряду вопросов, главным образом в философии, с марксистских позиций.

3. За поражение царизма

В феврале 1904 года началась русско-японская война. Плеханов по отношению к этой войне занял интернационалистскую позицию. Он в это время собирался выехать в Брюссель на очередное заседание Международного социалистического бюро, которое было создано как орган II Интернационала еще в 1900 году на Парижском конгрессе. Тогда в него вошли от социал-демократов России Плеханов и «экономист» Б. Н. Кричевский. В 1901 году Ленин писал, что именно Плеханов должен представлять партию русского пролетариата в органе международного социалистического движения. Кричевский вскоре после II съезда партии отошел от социал-демократического движения и вышел из состава Международного социалистического бюро. На заседании пленума Международного социалистического бюро по инициативе Плеханова был принят манифест, осуждавший русско-японскую войну.

Возвращался из Бельгии Плеханов через Париж, где ему нужно было поработать в Национальной библиотеке. Прошло много лет с тех пор, когда он здесь жил вместе с женой. Вновь очарование Парижа охватило его. Георгий Валентинович позволил себе просто так, без дела, походить по парижским улицам, посидеть в кафе на бульваре Сен-Мишель. Была прохладная погода, деревья стояли голые, но в цветочных магазинах было много живых цветов, привезенных с юга. Теперь он мог бы позволить себе купить небольшой букет. Но кому подарить? Жена далеко, Петр Лаврович умер, а его тогда, в 1900 году, не пустили в Париж на его похороны.

С Плехановым много времени проводил Г. Д. Лейтейзен (Линдов), который был большевиком, но по-прежнему относился к нему с глубоким уважением. Задумчиво качая головой, Плеханов делился с ним своими сомнениями.

— Вот, товарищ Линдов, прошло больше двадцати лет с тех пор, как мы жили вон в том отеле. Тогда нас мучили «проклятые» вопросы — как пойдет революционное движение в России, что будет с общиной, применим ли марксизм в нашей стране? Мы были счастливы, несмотря на все эти метания, ссоры с народовольцами, голод и нищету.

— Георгий Валентинович, вы тогда были молоды и здоровы, а теперь?

— Старик, вы хотите сказать?

— Нет, нет, конечно. Но и молодость прошла, да и здоровье у вас плохое. Я и сейчас беспокоюсь, слушая ваш кашель, не застудились бы вы здесь на ветру.

— Нет, дорогой Линдов, — отмахиваясь от разговора о здоровье, продолжал Плеханов. — Не только в молодости дело. Дело в том, что одни сомнения ушли, а другие пришли.

— Вы о расколе говорите? — осторожно спросил Лейтейзен, которому и страшно было говорить с Плехановым на эту тему, и хотелось убедить его порвать с меньшевиками.

— Вот именно. Да, я вижу, вы, батенька, уже наострились меня обратно повернуть. Нет, не получится теперь. Я и не вага, и не их, а так, сам по себе.

— Но пока что вы только на нас нападаете.

— Подождите, и на них нападу. Только не надо раньше времени об этом говорить. Пойдемте-ка лучше в гостиницу, мне действительно холодно, а завтра выступать.

Плеханов задержался в Париже по просьбе французских социалистов, которые решили воспользоваться его присутствием и организовали конференцию солидарности с русским пролетариатом. Состоялась она 27 февраля в таверне Генриха IV. Ее называли еще «пунш-конференцией», поскольку в большом зале таверны, где поместилось свыше пятисот активистов партии, разносили кружки с пуншем.

На сцене был установлен стол, покрытый красной материей. За столом сидели Поль Лафарг, представитель бланкистов Ландрен и Брак. Когда вошел Плеханов, раздался гром аплодисментов. С приветствиями Плеханову выступили несколько человек — Поль Лафарг, Шарль Раппопорт, итальянский социалист Пиродда, Лагардель и другие.

Плеханов смотрел в зал, видел дружеские лица социалистов Франции, которые чествовали его как представителя социалистов России. Он думал о том, когда же русские революционеры смогут так собираться и открыто выражать свои чувства и мысли.

В ответной речи он рассказал об успехах социалистического движения в России, призвал бороться с ревизионизмом, мильеранизмом внутри партии, к солидарности с рабочими России.

После овации все пели «Интернационал», а потом приняли резолюцию: «Революционные социалисты, собравшиеся в субботу 27 февраля в таверне Генриха IV по призыву Федерации Сены для чествования присутствующего в Париже гражданина Плеханова:

Подтверждают солидарность, которая объединяет их с

международным пролетариатом и особенно с рабочим классом России;

Утверждают, что царизм — главный враг русского пролетариата и в данный момент — наиболее опасное препятствие в революционном движении всех стран;

Приветствуют в русско-японской войне предвестие смертельного удара по автократии и толчок к объединению социалистов;

Напоминают французским рабочим, что их долг — противостоять в своих убеждениях и действиях всякому посредничеству со стороны военщины за оказание помощи Российской империи во имя мнимого союза, не имеющего прав на существование».

Из России повеяло революционным воздухом. Плеханов, разоблачая в своих статьях империалистическую политику царизма, показывал, что народы России и Японии несут огромные жертвы в этой войне, расплачиваясь за шовинистические действия правительств своих стран. Он призывал тогда русских революционеров бороться за поражение самодержавной России.

По просьбе редакции французского социалистического журнала Плеханов написал статью, в которой говорил о возникновении войн в капиталистическом мире: «От времени до времени капиталисты разных стран в своей отчаянной борьбе за расширение рынков сбыта бывают вынуждены нарушить этот мир. Пока существует капитализм, будет и война — или вооруженный мир, который в конце концов не дешевле» (1—XIII, 74). В заключение, рассказывая французским рабочим о революционной борьбе русского пролетариата, он пишет: «Как видите, товарищи, наши организованные рабочие проникнуты ясным сознанием; им остается только неутомимо продолжать свою пропаганду и агитацию, чтобы нанести сокрушающий удар издыхающему царизму. И не сомневайтесь, социалисты, — этот удар будет нанесен, ибо русские пролетарии сумеют выполнить свой долг.

С падением царизма или значительным его ослаблением не водворится еще всеобщий мир, эра которого наступит только с крахом капитализма, но иссякнет один из важных источников войны и реакции, сделан будет огромный шаг по пути к окончательному освобождению. Нам, русским социалистам, останется лишь торжествовать, и вместе с нами социал-демократии обоих полушарий» (1—XIII, 79–80).

В июне Плеханов по совету врачей уехал из пыльной Женевы на курорт Беатенберг. Выбрал он это место по совету старого знакомого, русского эмигранта, доктора Б. А. Членова, который заведовал там водолечебницей при отеле «Виктория». Доктор Членов по просьбе Розалии

Марковны зашел к ним, когда был в Женеве.

Осмотрев Плеханова, он возмущенно всплеснул руками.

— Розалия Марковна, ведь вы же сами врач, как можно доводить близкого человека до такого состояния — постоянный кашель, температура ежедневно 38°, боли в спине. А вы, Георгий Валентинович, тоже хороши, вам что, жить надоело?

— Борис Александрович, я ничего не могу поделать. Работает день и ночь, даже при большой температуре... — встревоженно встала Розалия Марковна.

— О, у меня система. Болен или не болен, но работать надо, надо только организовать свою работу, — сказал Плеханов.

— Интересно, Георгий Валентинович, это как же организовать?

— А вот как. Тяжесть работы должна быть обратно пропорциональна тяжести болезни. Когда температура у меня высокая, я изучаю иностранных и русских поэтов, читаю беллетристов-классиков, при средней температуре — книги по искусству, истории искусства, этнографии, а при небольшой можно серьезно работать. Работать надо всегда.

Мой отец, — продолжал Плеханов, — любил говорить: «Работать надо всегда. Умрем — отдохнем». Если верить вам, дражайший Борис Александрович, то я скоро буду иметь эту возможность — отдохнуть.

— Приезжайте в Беатенберг хотя бы на один-два месяца, и постараемся вас подлечить.

Решили, что Плеханов в ближайшие же дни последует этому совету. Но удалось ему выполнить это намерение только в июле и отдохнуть там две недели.

Один из живущих на курорте очень заинтересовал Плеханова. Это был приехавший лечиться после ранений и контузии командир легендарного крейсера «Варяг» В. Ф. Руднев.

Руднев жил в Беатенберге уже несколько недель. Он приехал в Швейцарию вместе с женой и сыном после торжественной встречи в Петербурге, приема у царя и награждения его званием флигель-адъютанта. Он был, несмотря на «монаршие милости», очень скромным и демократичным человеком. Матросы любили своего командира за ум, находчивость, самостоятельность. По тому времени капитан Руднев был одним из наиболее передовых офицеров флота. Он с большим удовольствием совершал продолжительные прогулки вместе с Плехановым.

Беатенберг расположен на южной стороне Альпийских гор и защищен от северных и восточных ветров. Вдоль гор, на высоте около двух тысяч

метров, по берегу Тунского озера, тянулась пятикилометровая дорога. Прекрасный вид на Альпы и на синее озеро, разнообразная растительность — от еловых лесов до плодовых деревьев — доставляли много радости и Плеханову и Рудневу.

Всеволод Федорович очень дорожил этими беседами. Плеханов познакомил его с основными идеями марксизма, рассказал об успехах революционного движения в России. Эти разговоры укрепили в Рудневе критическое отношение к самодержавному строю. Со своей стороны Руднев рассказывал своему собеседнику о героизме русских моряков, о казнокрадстве и карьеризме части офицеров, о настроениях прогрессивной интеллигенции России.

На несколько дней приехала к отцу Евгения Плеханова. Ей был 21 год, это была развитая и веселая девушка, считавшая себя социалисткой. Она с радостью познакомилась с Рудневым, о котором в то время много писали в русских и зарубежных газетах. Очень скоро Женя почувствовала себя в обществе Руднева так свободно, что шутила по поводу необычного знакомства отца:

— Вот интересная картина: политический эмигрант и царский флигель-адъютант!

Все смеялись над этой остроумной шуткой.

Но нора было Плеханову возвращаться в Женеву — в августе он должен был ехать в Амстердам на конгресс Интернационала.

Делегация русских социал-демократов, составленная Советом партии, в котором В. И. Ленин был единственным большевиком, состояла из Плеханова и Аксельрода. Доклад от имени РСДРП был составлен меньшевиком Ф. Даном, осветившим события в партии с точки зрения яркого противника большевиков.

Учитывая эти обстоятельства, большевики, жившие в Женеве, по инициативе Ленина составили доклад «Материалы к выяснению партийного кризиса в РСДРП», где дали правдивую картину борьбы между большевиками и меньшевиками.

От большевиков на конгресс приехали П. Красиков и М. Лядов. У них сначала не было мандатов — не успели получить из России.

Плеханов противодействовал включению большевиков в состав делегации РСДРП. Но вопреки его мнению Международное социалистическое бюро признало Лядова и Красикова, представлявших большую часть российской социал-демократии, делегатами конгресса, тем более что они в это время получили мандаты от Рижского, Петербургского и Московского комитетов РСДРП.

Амстердамский конгресс II Интернационала открылся 14 августа 1904 года в огромном концертном зале, под пение «Интернационала».

Председателем конгресса был избран Ван-Кол, а его заместителями — Плеханов и видный японский социалист Сен Катаяма. В своем выступлении Ван-Кол отметил, что избрание заместителями председателя конгресса представителей воюющих стран символизирует стремление пролетариата к миру во всем мире. Раздались бурные аплодисменты, а Плеханов и Катаяма обменялись рукопожатием. Георгий Валентинович неожиданно поцеловал Катаяму на глазах всего огромного зала. Это вызвало новый взрыв оваций.

Потом выступил Катаяма, который приветствовал Плеханова как делегата рабочих России. В своем ответном слове Плеханов сказал: «Я счастлив находиться в президиуме вместе с Катаямой, представителем самого молодого международного рабочего движения, и мне хотелось бы объяснить здесь, что ответственность за эту преступную войну лежит не на русском народе, а на его злейшем враге — царском правительстве. Если даже Россия выйдет победительницей из этой войны, то побежденной окажется не Япония, а русский народ... Теперь, наконец, кажется, наступает час, когда деспотизм стоит перед своим заслуженным концом. И когда приходит сообщение за сообщением о русских поражениях, царское правительство нигде не встречает сочувствия, оно совершенно изолировано морально. Все те в России, кто ориентируется на прогресс и свободу, с надеждой взирают на социалистическое движение, на пролетарскую классовую борьбу. Буржуазия во всех странах стала консервативной; мы видим даже, что буржуазия одной из так называемых республик^[58] стала сильнейшей опорой деспотизма, что она платит золотом самодержавному палачу всея Руси. Именно поэтому все, что в России стремится к свободе и к прогрессу, обращает свои взоры на социал-демократию, ибо все убеждены в том, что пролетариат является носителем культуры» (1—XIII, 372).

Конгресс единодушно принял резолюцию, осуждавшую захватническую политику России и Японии, и призвал крепить единство пролетариата всех стран.

Вечером в загородном парке состоялся митинг в честь конгресса, в котором принимали участие 6 тысяч человек. С речами выступили лидеры социалистических партий — Бебель, Цеткин, Плеханов, Вандервельде, Вайян и другие.

На другой день начались рабочие заседания конгресса и его комиссий. Одним из центральных вопросов было обсуждение международных правил

социалистической тактики. Особенно жаркие дебаты разгорелись при обсуждении вопроса о социалисте Мильеране, который вошел в состав правительства Франции. Этот вопрос обсуждался еще на предыдущем конгрессе в Париже, где была принята половинчатая резолюция Каутского, немного улучшенная благодаря поправке Плеханова. И в Амстердаме разгорелась ожесточенная дискуссия между делегатами, представлявшими революционные и оппортунистические течения в социал-демократии. В ходе споров выкристаллизовалось некое постоянное ядро лидеров реформизма в Интернационале — Жорес, Адлер, Вандервельде, Ансель. Против них, в защиту революционной политики и тактики, выступили Бебель, Люксембург и другие марксисты. Плеханов в своей речи критиковал аргументы Адлера и Жореса, призывал голосовать за резолюцию, предложенную французскими социалистами-гедистами^[59].

На одном из заседаний выступил бельгийский делегат Апсель, который был против этой резолюции и считал, что примеру Мильерана надо подражать, а не осуждать его. Ансель оскорбил делегатов ряда стран, заявив: «Социалистам России, Болгарии, Испании, Польши, Японии очень легко отклонять ответственность за правительственную власть, без сомнения, пройдет не один день и не один год, прежде чем им предложат ее. Если бы я был представителем одной из этих стран, то я бы отказался от суждения по данному вопросу, отказался проклинать социалистическую тактику, не осуществимую на практике в моей стране. Если бы его послушали представители этих стран и воздержались бы от голосования, то прошла бы ревизионистская поправка Адлера — Вандервельде, благодаря которой, по словам Плеханова, «для оппортунизма была бы приготовлена такая щель, через которую он мало-помалу опять втащил бы весь свой багаж в социалистическую практику» (1—XVI, 335).

В перерыве Плеханов собрал глав делегаций тех стран, о которых говорил Ансель, и они составили письменное заявление, в котором протестовали против «попытки разделить его участников на активных и пассивных граждан и устроить нечто вроде концерна великих держав по вопросам, касающимся всего международного социализма» (1—XVI, 335).

Это заявление еще больше усилило размежевание на конгрессе, и наконец была принята предложенная резолюция, а поправка оппортунистов отклонена.

После конгресса, вернувшись домой, Плеханов написал большую статью «В Амстердаме. Мысли и заметки».

Анализируя выступление Анселя, который был в Бельгии лидером кооперативного движения, Плеханов пишет: «Что касается, в частности,

движения российского пролетариата, то мы можем сказать тов. Анселю, что это движение, — как фактор прогресса в России, а через Россию и во всей Европе, — несравненно важнее, чем тот картофель и те ковриги хлеба, которыми он, в своем чрезмерном увлечении кооперативными товариществами, собирался когда-то «бомбардировать капиталистическое общество» (1—XVI, 336).

До конца 1904 года Плеханов написал четыре статьи в «Искру» — одну уже упоминавшуюся, «В Амстердаме», вторую — о сороковой годовщине I Интернационала и две против эсеров.

В конце года Плеханов прочел несколько лекций по искусству в Брюсселе, Льеже и Париже. Тема — о развитии искусства с точки зрения исторического материализма, которую он разрабатывал еще с конца 90-х годов прошлого века в «Письмах без адреса».

А с редакцией новой «Искры» отношения делались все более натянутыми. Еще в 1903 году меньшевики создали свое бюро, в которое входили П. Аксельрод, Мартов, Потресов и Троцкий.

В марте 1904 года в «Искре» была напечатана вопреки протесту Плеханова статья Троцкого, писания которого, как он сам не раз утверждал, портили «Искру». Плеханов поставил вопрос так: или «Искра» перестает печатать Троцкого, или он выходит из редколлегии.

Мартов не желал соглашаться с требованием Плеханова, он писал Аксельроду 2 апреля: «если... узаконим для Плеханова метод устрашения нас невыгодами его ухода, вытекающими из того, что он, во-первых, Плеханов, а во-вторых, единственный еще «законный» редактор. Знаю я все невыгоды, с которыми его уход связан для нас, но лучше «ужасный конец», чем ужас без конца».

Сам Плеханов чувствовал себя в лагере меньшевиков все хуже. Он писал Аксельроду по поводу этого конфликта: «Эти господа (то есть остальные члены редколлегии — Засулич, Потресов, Мартов. — Авт.) систематически майоризируют меня (подавляют большинством. — Авт.), и я должен сознаться, что мое положение становится очень затруднительным. Я давно подал бы в отставку, если бы мой выход не грозил стать новым скандалом».

Разногласия между Плехановым и остальной частью редакции «Искры» росли с каждым месяцем. В январе 1905 года Засулич, хорошо знавшая его характер, писала Аксельроду: «Жорж последнее время ничего себе — хороший, но это, конечно, очень не прочно».

В это время из России стали приходиться вести о волнениях среди рабочих и крестьян, о недовольстве солдат царской армии, о росте рядов

социал-демократических организаций. Плеханов все чаще повторял слова, сказанные им на Амстердамском конгрессе Интернационала: «Теперь, наконец, кажется, наступает час, когда деспотизм стоит перед своим заслуженным концом» (1—XIII, 372).

4. Во время первой русской революции

23 января 1905 года (по новому стилю) во всех швейцарских газетах появились сообщения о расстреле рабочей демонстрации в Петербурге. Под заглавием «Революция в России» печатались корреспонденции о бесчинствах, творимых полицией и царскими войсками, о рабочих демонстрациях, о священнике Гапоне и т. д.

Вся русская политическая эмиграция, взволнованная этими сообщениями, ожидала новых сведений. Большевики намеревались устроить по этому поводу совместный митинг социал-демократов. Но меньшевики нарушили условия соглашения, и большевики во главе с Лениным ушли из зала Гандверк, где было назначено собрание.

Плеханов был, как никогда, воодушевлен. Он занялся сбором средств на нужды революции.

В первые же дни после Кровавого воскресенья он написал статью, в которой изложил свои мысли о тактике партии в новых условиях. Эта статья называлась «Врозь идти, вместе бить!». Плеханов писал, что идея о революционной борьбе была еще в программе группы «Освобождение труда» и что в России нельзя добиться победы мирными средствами, как это считают некоторые западные социал-демократы. Он утверждал, что после 9 января не может быть вопроса — неизбежно ли восстание — его надо готовить, чтобы пролетариат победил в этой борьбе. Что для этого нужно? Плеханов отвечает таким образом:

Во-первых, необходимо, чтобы «народ был вооружен не церковными хоругвями и не крестами, а чем-нибудь более серьезным и действенным» (1—XIII, 191).

Во-вторых, считал Плеханов, пролетариату необходимо обрести себе союзника в оппозиционных слоях населения. Он пишет: «Кто борется, тот хочет победить. Кто хочет победить, тот должен соблюдать те условия, от которых зависит победа. Удача вооруженного восстания зависит от сближения революционеров с «обществом». Поэтому сторонники вооруженного восстания должны сближаться с ним. Повторяем, это вовсе не значит, что мы должны прятать в кармане свое знамя или сливаться с

какими-нибудь другими партиями. Врозь идти, вместе бить — только это и нужно» (1—XIII, 194).

Речь шла о либеральной буржуазии, которую Плеханов ошибочно считал союзником пролетариата в демократической революции, забывая вместе с тем о таком подлинном союзнике рабочего класса, как крестьянство.

В-третьих, Плеханов пишет о необходимости дезорганизовать силы неприятеля, например, «изъять из обращения» гражданское, полицейское и военное начальство. Для этого придется применить террор. И Плеханов считал, что террор в период революции — это целесообразный прием борьбы.

Плеханов призывал развернуть агитацию в массах народа: «От нас зависит ускорить политическое воспитание нашего пролетариата, который... стряхивает теперь с себя политическую дремоту и который не может пошевелиться без того, чтобы не задрожал абсолютизм; от нас зависит сделать так, чтобы ненависть к самодержавию все шире и шире разливалась в народной массе и тем более и более подготавливала ее для вооруженного восстания против него» (1—XIII, 197).

Плеханов говорил о возможности победы революции, хотя и предупреждает о предстоящей борьбе и трудностях. «Нам надо развязать революцию, — сказали мы, — и подготовить победу, — прибавим мы теперь. Трудна эта задача... Но нам надо разрешить ее. Поэтому мы должны с удесятенной энергией работать над ее разрешением. И мы разрешим ее, потому что обязаны ее разрешить. История не ждет...» (1—XIII, 197).

Плеханов писал это в первые дни после событий в Петербурге, в начале февраля 1905 года. И вместе с тем он поддерживал меньшевистскую тактику «выжидания» в процессе революции, которую проповедовали лидеры меньшевиков, в частности Мартов.

По поводу этой статьи Плеханова В. И. Ленин замечал: «Расшаркиваясь перед автором передовицы № 85 (Мартовым. — Авт.), Плеханов по существу дела целиком опровергает его и проводит именно те взгляды, на которых настаивал всегда «Вперед» (газета большевистской партии. — Авт.). В добрый час! Только посчитайтесь еще родством с Мартыновым (ярый оппортунист, против которого Плеханов выступал на II съезде РСДРП. — Авт.), почтеннейший диалектик... Бедный Плеханов, долго еще придется ему выпутываться из того хлама, который припасен одобренными всей (?) редакцией брошюрами Троцкого, Мартынова, Рабочего и Аксельрода!»^[60]

В. И. Ленин, говоря о редакции новой «Искры», не случайно поставил в скобках вопрос, ибо и до него дошли слухи о разногласиях Плеханова с остальными членами редакции. Как раз в это время эти разногласия дошли до степени разрыва. В марте 1905 года вышел первый номер журнала, который Плеханов начал издавать на свои деньги и в котором печатались только его статьи. Журнал так и назывался «Дневник социал-демократа Г. В. Плеханова». Печатался он в Женеве, но первые номера были переизданы в Петербурге уже в конце 1905 — начале 1906 года издательницей революционной литературы Марией Александровной Малых.

С 25 апреля по 10 мая 1905 года в Лондоне проходил III съезд РСДРП, созданный большевиками. Плеханов яростно выступал против его созыва. По его настоянию Совет партии принял решение о том, что делегаты, прибывающие из России, под угрозой исключения из партии должны отказываться от участия в съезде, который созывает часть партии — большевистские комитеты. Плеханов написал «Открытое письмо ко всем членам РСДРП», где он вопреки истине утверждал, что предстоящий съезд — незаконный (1—XIII, 212–213). Он отказался принять участие в работе III съезда, на котором были выработаны стратегический план и тактическая линия партии российского рабочего класса в условиях первой народной революции в России.

Меньшевики, в свою очередь, созвали в Женеве так называемую первую общерусскую конференцию партийных работников и пересмотрели в оппортунистическом духе решения 11 съезда партии. На приглашение принять участие в конференции Плеханов сначала ответил отказом, но потом все же участвовал в ней.

После окончания работы Женевской конференции меньшевиков ее решения были присланы Плеханову, как председателю Совета партии. Ознакомившись с ними, Плеханов вызвал к себе Любовь Исаковну Аксельрод. Она была приглашена редактором в новую «Искру», много писала, тяготела к философской тематике. Часть своих статей Любовь Аксельрод подписывала псевдонимом «Ортодокс», который стали прибавлять к ее фамилии, чтобы не путать ее с Павлом Аксельродом.

Она впервые видела Плеханова таким возбужденным:

— Любовь Исаковна, я больше не могу дышать тем воздухом, которым приходится дышать всякому, принадлежащему к меньшинству.

— Но что случилось нового, Георгий Валентинович?

— Вы посмотрите-ка решения этой Женевской конференции. Они ведь нанесли смертельный удар центральным учреждениям нашей партии, созданным 11 съездом.

Плеханов передал ей листки, на которых были отчеркнуты места, вызвавшие его особенное негодование. Любовь Исаковна просмотрела эти места и спросила:

— Что же вы решили теперь делать?

— Я написал заявление в редакцию «Искры». Вот оно, почитайте. Как видите, я выхожу не только из «Искры», но и из Совета партии, который ведь фактически уничтожен, раз партия разорвана теперь на две части. Но еще не решил, как выйти: с шумом или без шума. Что вы думаете?

— Я советую, Георгий Валентинович, исходя из интересов партии, выйти без шума.

— Да я тоже склоняюсь к этому. Пошлю краткий вариант письма, всего несколько строк. Я предлагаю вам выйти из редакции одновременно со мной.

— Конечно, Георгий Валентинович, я сразу же составлю подобное вашему заявление и пошлю его Мартову.

На заявлении Плеханова о выходе из редакции и Совета партии, опубликованном в «Искре», стоит дата — 29 мая 1905 года. Этим кончается полуторагодовой период непосредственного сотрудничества Плеханова с Мартовым, П. Аксельродом, Потресовым и другими, хотя и не кончается его меньшевизм, в котором он занимал «особую позицию». Разойдясь с лидерами меньшевиков, Плеханов продолжал выступать против большевиков. Теперь Плеханов часто пишет и говорит, что он стоит «вне фракций», что его взгляды остались такими же, какими были во времена группы «Освобождение труда». «Кто в самом деле интересуется моей литературной деятельностью, — а я прежде всего литератор, — тот знает, что мое мирозерцание остается неизменным с тех пор, как я сделался марксистом в начале восьмидесятых годов прошлого века... — писал он. — Что же касается, в частности, моих тактических взглядов, то и они остаются неизменными с того времени, как вышли в свет главные издания группы «Освобождение труда». Это утверждение Плеханова спорно и во многом неверно. Если в философско-мировоззренческих вопросах Плеханов и в период после 1903 года оставался в основном на позициях диалектического и исторического материализма, хотя и допускал серьезные ошибки, то в вопросах политики и тактики он в период своего меньшевистского грехопадения во многом отошел от революционных марксистских позиций. Иногда по вопросам стратегии и тактики партии он поддерживал большевиков, например в борьбе с ликвидаторами, но главным образом держался меньшевистской линии, не замечая неудобства, ложности такого «сидения между двух стульев».

Из суждений Плеханова видны причины, приведшие в конце концов его к политической трагедии. Однобокое увлечение литературной, чисто теоретической деятельностью, недооценка практической, организационной и политической работы в массах, присущие Плеханову, как и многим другим лидерам партий II Интернационала, мешали ему стать политическим вождем российского пролетариата. Пагубно сказалась и долголетняя оторванность от революционного движения в России. Плеханов нередко ошибочно представлял характер движущих сил русской революции (преувеличение роли либеральной буржуазии в революции, непонимание значения союза рабочего класса и крестьянства и т. д.), некритически относился к опыту и догматическим взглядам лидеров социал-демократических партий Запада (особенно германской социал-демократии), которые все в большей мере оказывались под влиянием оппортунизма.

П. Н. Лепешинский писал о Плеханове: «Его огромному диалектическому уму не хватало живых впечатлений от той российской действительности, которая выявлялась в процессе быстрого роста в России капитализма в 90-х и последующих годах со всеми последствиями этого обстоятельства. Пока факты этой действительности укладывались в рамках схем марксистской теории развития, великолепный марксист Плеханов был на высоте своей задачи пролетарского «учителя жизни». Когда же жизнь бесконечно осложнилась и для правильно функционирующей диалектической мысли пролетарского вождя данной страны живые, непосредственные впечатления от этой сложной жизни были столь же необходимы, как нища для организма, Плеханов как раз оказался слаб в этом отношении. И это, конечно, не его вина, а его беда — великий трагизм его жизни».

Вынужденный долголетний отрыв от русской действительности, ориентация на традиционные формы и методы западноевропейского рабочего движения мешали ему видеть новые формы революционной борьбы пролетариата в России и других странах мира, правильно оценить принципиально новые процессы в общественной жизни. К этому прибавилась еще длительная болезнь, изнурявшая его силы и затруднявшая живое общение с революционными деятелями. Плеханов, который неоднократно писал о творческом характере марксизма и в ряде своих работ предшествующего периода разрабатывал положения марксистской теории, не мог пойти дальше, не мог отказаться от устаревших положений и выводов II Интернационала, развить марксистское учение применительно к условиям новой эпохи, к новым требованиям революционной борьбы.

Плеханов внимательно следил за экономической литературой, раскрывающей процесс развития монополий, и писал о влиянии этого развития на экономику и политику капиталистических государств, на взаимоотношения пролетариата и предпринимателей. Еще в 1900 году Плеханов написал предисловие к русскому переводу брошюры английского экономиста Генри В. Макрости «Рост монополий в английской промышленности». В этом предисловии Плеханов высказывает мысль о том, что монополии являются не случайным фактом, а закономерностью предшествующего этапа капитализма, его «естественным и неизбежным плодом», подчеркивает, что развитие монополий усиливает эксплуатацию пролетариата. Он критикует точку зрения буржуазных экономистов, утверждавших, что монополии поведут к улучшению взаимоотношений между работодателями и рабочими. Однако у Плеханова ни в то время, ни позднее не было работ, в которых он проанализировал бы переход домонополистического капитализма в стадию империализма. Он не понял характер этой новой эпохи, не раскрыл сущности империализма, не признал возможности и необходимости победы социалистической революции первоначально в нескольких или даже в одной отдельно взятой стране, особенно такой, как Россия.

Ленину принадлежит великая заслуга раскрытия экономических, социальных, политических особенностей империалистической стадии капитализма, законов его развития. Именно исходя из этих особенностей, Ленин сделал вывод о необходимости изменения стратегии и тактики партии пролетариата в XX веке по сравнению с тактикой эпохи домонополистического капитализма. Творчески развивая марксизм, Ленин по-новому поставил вопрос о движущих силах революции в России, о гегемонии пролетариата в демократической революции, о возможности и необходимости победы социалистической революции первоначально в одной стране.

Плеханов же в своих статьях в период революции 1905–1907 годов исходил из устаревшей схемы революции, принятой теоретиками II Интернационала.

Он не раз признавал, что пролетариат — решающая сила не только социалистической, но и буржуазной революции. Но от правильного решения этого коренного вопроса в период группы «Освобождение труда» и старой «Искры» Плеханов отступил после 1903 года и призывал социал-демократов к ошибочной тактике. Ошибка его заключалась в неверной трактовке вопроса о гегемонии пролетариата в революции и о его союзниках.

Плеханов понимал значение привлечения крестьянства на сторону революции. Рассказывая о крестьянских бунтах, он подчеркивал: «...мы сделали бы страшную, непоправимую ошибку, если бы остались равнодушны к начинающемуся теперь революционному движению в деревне. Как партия пролетариата, как представители самого революционного класса в нынешней России, мы обязаны поддерживать это движение, как обязаны мы поддерживать всякое прогрессивное движение, направляющееся против существующего у нас порядка вещей» (I—XIII, 247).

В конце этой фразы и заключается основная ошибка Плеханова в трактовке стратегии и тактики партии в революции 1905 года. Движение крестьянства — подлинного союзника рабочего класса — ставится на одну доску с любым оппозиционным движением, направленным против самодержавия, то есть с либеральной буржуазией, с имущими классами угнетенных царизмом народов. Он утверждает, что победа революции в России зависит от поддержки пролетариата «обществом». А под этим внеклассовым определением он подразумевал буржуазные и мелкобуржуазные элементы и выходцев из них — интеллигенцию, студенчество, офицерство и т. д. Отсюда вытекало неправомерное преувеличение роли либеральной буржуазии в освободительном движении и, наоборот, затушевывание революционной роли крестьянства, отнесение ее к более отдаленному будущему. В своих выступлениях Плеханов пытался доказать, что, «...несмотря на антипролетарскую и антиреволюционную точку зрения, либеральная буржуазия может, своей оппозицией правительству, принести пользу революционному пролетариату и что, вследствие этого, мы поступили бы вопреки прямому и очевидному интересу революции, если бы раз и навсегда повернулись спиной к этой буржуазии, сказав себе и другим, что от нее решительно нечего ждать теперь для дела свободы» (I—XIII, 345–346).

Плеханов считал, что после того, как будут вырваны уступки у самодержавия, необходимые буржуазии, и ее оппозиционное настроение исчезнет, только «тогда на смену буржуазии на историческую сцену выйдет другой деятель... крестьянство... Переход помещичьих земель в руки крестьянства не сделает этих последних социалистами... но он сделает их решительными революционерами. А этого достаточно для того, чтобы мы не опасались за судьбу русской революции. Революционному пролетариату, поддерживаемому революционным крестьянством и имеющему все основания рассчитывать на поддержку международного пролетариата, не страшны будут ни «внутренние» враги, ни внешние...» (I—XIII, 349).

Проявившаяся здесь недооценка значения союза рабочего класса с крестьянством и, наоборот, преувеличенные надежды на использование оппозиционных настроений либеральной буржуазии, на ее значительную роль в революции могли бы привести к изоляции пролетариата в буржуазно-демократической революции.

Неверная позиция Плеханова в период революции 1905–1907 годов выросла на основе его неправильной схемы расстановки классовых сил в российской революции. Ленин посвятил их разбору специальную статью «Как рассуждает т. Плеханов о тактике социал-демократии?».

Владимир Ильич писал в этой статье: «К чему сводится вся теперешняя тактика тов. Плеханова? К раболепству перед успехом кадетов, к забвению громадных отрицательных сторон их теперешнего поведения, к затушевыванию реакционности кадетов по сравнению с революционным элементом буржуазной демократии, к затемнению сознания рабочих и крестьян, способных верить в «ходатайства» и в игрушечный парламент»^[61].

Партия большевиков во главе с В. И. Лениным разработала стратегию и тактику партии в буржуазно-демократической революции, которая принципиально отличалась от оппортунистической схемы меньшевиков Плеханова. Главная идея этой революционной линии — гегемония пролетариата в революции. Ленин писал: «Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии»^[62].

Он подчеркивал, что победоносным борцом за победу в революции пролетариат «может оказаться лишь при том условии, если к его революционной борьбе присоединится масса крестьянства»^[63].

Кто будет главным союзником пролетариата в революции — вот вопрос, ответ на который по-разному давали партия большевиков во главе с Лениным, с одной стороны, меньшевики, в том числе Плеханов, — с другой.

Плеханов допускал в то время серьезные ошибки и в отношении к таким «деятелям», чуждым революционному рабочему движению, но примазавшимся к нему, как Гапон. Вскоре после расстрела рабочих в Петербурге, в конце января, к Плеханову в Женеве пришел неизвестный мужчина. Дверь ему открыла служанка Плехановых Филомен.

Георгий Валентинович, — сказала встретившая гостя Любовь Аксельрод, — разрешите представить — Георгий Гапон.

— Здравствуйте, здравствуйте, — обратился к Гапону Плеханов. — Мы ваши портреты каждый день видим во всех книжных магазинах, столько слышали о вас и очень рады познакомиться.

— Я к вам к первому, сразу с вокзала.

— Георгий Аполлонович, пойдете в столовую. Вы, наверно, голодны, раз с поезда. Да и моя жена сейчас освободится от приема гостей и рада будет с вами познакомиться.

За столом произошел интересный разговор. Гапон рассказывал о шествии рабочих к дворцу, о расстреле демонстрации. Когда присутствующие стали возмущаться жестокостью царя, он сказал:

— Великие перемены в истории не обходятся без крови, без жертв.

Плеханов пытался выяснить политические взгляды Гапона, но убедился, что он очень слабо разбирается во многих вопросах, а о социал-демократии имеет самое нелепое представление. Плеханов был несколько разочарован в «герое».

Вскоре стало известно, что Георгий Гапон примкнул к эсерам. Но он все же несколько раз приходил к Плеханову.

Однажды между ними — Плехановым и Гапоном — произошел следующий диалог. Увлечшись спором о содержании программ эсеров и социал-демократов, Гапон в раздражении заявил Плеханову:

— Социал-демократы только мешают рабочему движению. Надо бы их свести на нет.

Сказал и сам испугался, увидев сверкнувшие гневом глаза собеседника.

— Ну, батюшка, царское правительство не может нас уничтожить, а вам, эсерам, это тем более не удастся. Если вы вступите в борьбу с русской социал-демократией, то совершите целый ряд непоправимых, а следовательно, непростительных ошибок.

Гапон ушел в этот вечер раньше обычного. А Плеханов удивлялся теперь, после близкого знакомства, как этот пустой и невежественный человек смог стать, хоть и на время, вожаком части питерских рабочих.

Летом этого же года Гапон пришел к Плехановым проститься. Он таинственно сообщил, что нелегально уезжает в Россию. Его пригласили ужинать. Плеханов познакомил Гапона, конечно под вымышленной фамилией, с их гостьей — сестрой жены Н. Баумана, О. П. Саниной.

— Ольга Поликарповна только что вернулась из России, она была в Саратове и сейчас рассказывала нам, как там отнеслись к известию о Кровавом воскресенье, — обращаясь к Гапону, сказала Розалия Марковна.

— Ну и что там говорили о Гапоне? — спросил он.

— Разные мнения. Вначале все восхищались, портреты распространяли, а теперь относятся по-иному.

— Почему же? — спросил Плеханов, несмотря на сердитые взгляды хозяйка дома, которая хотела прекратить этот неприятный для гостя разговор.

— Потому, — продолжала, ничего не подозревая, Ольга, — что он связан с Зубатовым и его организация «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга» каким-то образом поддерживается полицией.

— Вы плохо знаете сей предмет, милая барышня, — забеспокоился Гапон, а Ольга Санина, начав догадываться, кто ее собеседник, прекратила опасный разговор.

Когда Гапон ушел, Плеханов долго еще расспрашивал ее о том, что она слышала об этом обществе.

— Ну уж ну, мы-то считали Гапона невежественным, легкомысленным, но что он еще и провокатор — этого не думали.

Вскоре Гапон дал интервью одному из редакторов парижской газеты «Matin», где он называл Витте «единственным значительным человеком» в России и призывал революционеров «найти связующую с ним точку соприкосновения».

Только тогда Плеханов «раскусил» Гапона.

Прочитав его интервью, Плеханов написал гневное письмо в редакцию «Humanit?», в котором рассказал французским социалистам, как Гапон сеет раздор в среде петербургских рабочих. Он писал, что тактика Гапона «сводится к созданию в среде русского пролетариата своего рода лейб-гвардии для г. Витте, лейб-гвардии, которую можно было бы противопоставить социалистическому «течению». Международная социал-демократия не может одобрить такую тактику и не может доверять человеку, ее практикующему».

И действительно, в марте 1906 года Гапон, который еще год назад стал агентом охранки, был разоблачен и казнен группой эсеров, которые до этого слепо ему верили. Вскоре Плехановы узнали историю предательства и бесславной гибели священника Георгия Гапона, авантюриста и провокатора, выплывшего на гребне революционных событий России.

Совсем другая встреча произошла в августе 1905 года. Накануне этого визита Плеханов напечатал во втором номере «Дневника социал-демократа» заметку, где он писал: «Чем дальше идет русская революция, тем очевиднее становится та истина, что для ее победы над старым порядком нужен переход хоть части войска на сторону народа.

Восстание на броненосце «Потемкин» показало всем и каждому, что мысль о таком переходе не включает в себе ничего фантастического. Оно свидетельствует о том, что рабочие и крестьяне, одетые по приказанию начальства в военную — сухопутную или морскую — «форму», далеко не так недоступны влиянию великих освободительных идей нашего времени, как это могли думать некоторые недостаточно осведомленные сторонники свободы. Оно дало другим частям войска хороший пример, который, наверно, не останется без подражания. И в этом заключается огромное значение восстания на «Князе Потемкине Таврическом». Труден только первый шаг. Честь и слава тем, которые его сделали» (1—XIII, 320–321). Далее Плеханов писал о том, что, с его точки зрения, потемкинцы сделали две ошибки. Он считал, что матросы должны были высадиться в Одессе и возглавить выступление рабочих, снабдить оружием восставших. Кроме того, он указывал, что нельзя было дожидаться прибытия остальной эскадры — «ведь революционные события не ждут, и случай, упущенный сегодня, крайне редко возвращается по желанию упустивших его революционеров» (1—XIII, 321). Плеханов призывал к объединению сил восставших матросов и солдат с революционной народной массой. Эта заметка показывает, что Плеханов, несмотря на скудную информацию, с жадным вниманием следил за развитием революционных событий в России и пытался оценить уроки восстания на броненосце «Потемкин».

И вот однажды на квартиру Плехановых пришли семь человек в матросской форме российского флота. Это были матросы с броненосца «Потемкин».

Сначала они немного стеснялись Плеханова, его жены и дочерей, но вскоре, почувствовав, как рады их приходу, настроились на теплый, дружеский разговор.

За столом матросы рассказывали о ходе восстания, о том, как ведется у них пропаганда.

Несколько раз потемкинцы приходили к Плеханову. Он употребил все свои связи, чтобы найти им работу и жилье.

Среди этой группы матросов большинство были уже немолодые люди, много лет прослужившие на флоте. Их сочный, народный юмор очень нравился Георгию Валентиновичу.

Через некоторое время часть потемкинцев вернулась в Россию, часть осела в Швейцарии и Франции. Самый молодой матрос — Михаил Соломин — остался в Швейцарии. Дочери Плеханова нашли ему комнату, договорились об уроках русского языка и арифметики — Михаил был почти неграмотным. Георгий Валентинович сначала расспрашивал его об

успехах в учебе, а потом о жизни в деревне.

В конце 1905 года в России ширился революционный подъем пролетариата. В октябре политическая стачка распространилась на всю страну, крестьянским движением было охвачено более трети территории России. Стремясь спасти самодержавие, царь 17 октября 1905 года «даровал» народу манифест, в котором обещал гражданские свободы и созыв законодательной Думы.

В. И. Ленин, собираясь выехать в Россию, сделал все возможное, чтобы установить контакт с Плехановым. Он отправил письмо в ЦК партии, спрашивая мнение товарищей о вводе Плеханова в редакцию журнала «Новая жизнь». В конце Ленин писал: «Я сделаю еще попытку сблизиться с ним, хотя надежды не очень много»^[64].

Одновременно Владимир Ильич написал Плеханову большое письмо, убеждая его во имя революции пойти на совместную с большевиками работу. Ленин начинал с обращения: «Многоуважаемый Георгий Валентинович!» Наверно, нелегко ему было выбрать форму обращения. Ведь в течение ряда лет в неофициальной переписке Ленин и Плеханов писали друг другу: «дорогой».

И далее: «Я обращаюсь к Вам с этим письмом, потому что убежден, что вопрос о необходимости объединения социал-демократии уже назрел окончательно, а его возможность имен-но теперь особенно велика. Два повода заставили меня не откладывать дальше прямого обращения к Вам: 1) основание в Питере легальной газеты с.-д. «Новой жизни» и 2) события последних дней. Если даже эти события не приведут очень быстро к нашему возвращению в Россию, то во всяком случае это возвращение теперь совсем, совсем близко, и с.-д. газета дает немедленную почву серьезнейшей общей работы.

Что мы, большевики, страстно желаем работать вместе с Вами, это мне вряд ли нужно повторять Вам. Я написал в Питер, чтобы все редакторы новой газеты (пока их семеро: Богданов, Румянцев, Базаров, Луначарский, Орловский, Ольминский и я) обратились к Вам с коллективной и официальной просьбой войти в редакционную коллегию. Но события не ждут, почта прервана, и я не считаю себя вправе откладывать необходимого шага ради одной, в сущности, формальности. По существу, я вполне и безусловно уверен в общем согласии и радости по поводу такого предложения. Я знаю прекрасно, что все большевики рассматривали всегда расхождение с Вами как нечто временное, вызванное исключительными обстоятельствами. Споры нет, борьба часто увлекала нас на такие шаги, заявления, выступления, которые не могли не затруднять будущего

соединений, но готовность объединиться, сознание крайней ненормальности того, что лучшая сила русских с.-д. стоит в стороне от работы, сознание крайней необходимости для всего движения в Вашем руководящем, близком, непосредственном участии, — все это было у нас всегда. И мы все твердо верим, что не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра наше соединение с Вами все же состоится, несмотря на все трудности и препятствия»^[65].

Ленин писал о том, что Плеханов на девять десятых согласен с большевиками, что всем известно его сочувствие взглядам большевиков и что тактические разногласия революция сметет с поразительной быстротой. Письмо кончается просьбой согласиться на свидание, ведь оба тогда были в Женеве, и выражением «нашей общей, большевиков, уверенности в пользе, важности и необходимости совместной работы с Вами.

Искренне уважающий Вас В. Ульянов»^[66].

Нам неизвестно, ответил ли Плеханов на письмо, но его отношение к предложению Ленина сотрудничать в газете «Новая жизнь» было отрицательным.

Большинство русских политических эмигрантов сразу же после октябрьского манифеста прямыми и кружными путями, с фальшивыми паспортами, а порой и без всяких документов, тронулись в Россию.

Плехановы тоже решили ехать на родину.

Но как раз во время этих сборов Плеханов опять серьезно заболел. Встревоженная жена пригласила крупного специалиста по туберкулезу. Тот категорически заявил:

— Положение серьезное. Я очень опасюсь, что начался туберкулез горла. Возможно, нужна будет операция. Я бы посоветовал срочно переехать на юг, в Италию или Алжир, но прежде всего необходимо показаться профессору Мермо.

Плеханов, сгорая от нетерпения скорее отправиться в Россию, совсем больной выехал в Лозанну, где жил этот всемирно известный специалист по горловым болезням. Профессор Мермо был неумолим — несколько недель лечения у него в клинике, а потом поездка на курорт в Италию.

Георгий Валентинович вынужден был пойти на компромисс. Он поселился в Монтре, откуда ездил в Лозанну на лечение. В эти дни он жил надеждой, что сумеет быстро справиться с болезнью и через несколько недель будет в России. Но вынужденное ожидание изводило его. 4 декабря 1905 года он писал жене: «Ох! Надо мне ехать. Поедем, немоготу мне

здесь. Меня тянет в Россию. Я теперь точно дезертир, и все мне противно, я даже работать почти не могу, а это редко бывает со мною.

Поедем, а то я с ума сойду. Мое место теперь в России. Завтра я поеду к Мермо, чтобы посоветоваться насчет горла. Будем спешить, а то я дойду бог знает до чего. Право, я теперь кажусь себе дезертиром, а это самая презренная порода людей. Не затем я жил и работал, чтобы сидеть теперь спокойно, когда там идет борьба».

Об этом же Плеханов писал в Петербург и Л. И. Аксельрод (Ортодокс) 5 декабря 1905 года: «Тянет меня в Россию, я испытываю такое ощущение, как будто я дезертировал. Почти не могу работать. Надо ехать» (4—I, 214).

Таким образом, Плеханов оказался оторванным от революционных событий в России. Он ошибочно считал в то время, что нужно отсрочить решительное столкновение с самодержавием, поскольку, как он думал, пока шансов на победу больше на стороне врага. Он писал группе меньшевиков 18 декабря, что понимает, «как трудно сохранить теперь хладнокровие», но предупреждает, что, «если мы теперь проиграем битву, реакция вздохнет свободно». Он еще раз призывает «бить вместе», то есть выступать против царизма вместе с другими «оппозиционными силами», имея в виду российскую либеральную буржуазию.

Именно в это время в Москве разгорелось вооруженное восстание рабочих, которое стало героическим, кульминационным пунктом первой русской революции.

Узнав о поражении Декабрьского вооруженного восстания в Москве, Плеханов писал в декабре 1905 года: «Несвоевременно начатая политическая забастовка (Плеханов имел в виду декабрьскую забастовку. — Авт.) привела к вооруженному восстанию в Москве, в Сормове, в Бахмуте и т. д. В этих восстаниях наш пролетариат показал себя сильным, смелым и самоотверженным. И все-таки его сила оказалась недостаточной для победы. Это обстоятельство нетрудно было предвидеть. А потому не нужно было и браться за оружие» (1—XV, 12).

Ленин резко критиковал Плеханова за это позорное выступление («не нужно было и браться за оружие»), за оппортунистическую позицию в отношении вооруженного восстания. «Только совершенно единичные, не имеющие сторонников в России, социал-демократы (вроде Плеханова) малодушно говорили о декабрьском восстании: «не нужно было браться за оружие». Напротив, громадное большинство с.-д. согласны в том, что восстание было необходимым отпором отнятию свобод, что оно подняло все движение на высшую ступень и доказало возможность борьбы с войском»^[67].

Ленин писал о ценности уроков Декабрьского восстания, вооружившего партию опытом подготовки пролетариата к будущим боям с самодержавием, явившегося прологом будущих революций.

В начале января 1906 года, не долечившись, Плеханов вернулся в Женеву. Он получил паспорта и сложил самые необходимые рукописи и книги. Наконец-то был назначен день отъезда в Россию. Казалось, что свидание с родиной, столь долгожданная встреча с революционной Россией, совсем близка. Но пришла телеграмма об аресте Дейча, поступили письма от товарищей, рассказывающие о разгуле реакции, об арестах и преследованиях революционеров. В первых числах января пришло письмо от Засулич из Петербурга: «Дорогой Жорж, в самый день, назначенный Евгением (Л. Г. Дейчем. — Авт.), чтобы ехать к Вам делегатом от нас на международном празднестве, он заболел той болезнью, которая после перерыва с удесятенной силой свирепствует теперь по всему лицу святой Руси...

Хорошо теперь, что Вы не тут, где эпидемия, но мне же Вас жаль, что не видали Вы «Дней свободы» не на сцене, а в натуре...» Нетрудно догадаться, что речь здесь идет об аресте Дейча и высказывается мнение о нецелесообразности отъезда Плеханова в Россию.

Бывшие политические эмигранты, успевшие приехать в Россию, вновь переходили на нелегальное положение. Заграничные паспорта, добытые Плехановым с таким трудом, оказались ненужными. А перебираться через границу нелегально Плеханов, очень больной в то время, не мог.

К тому же у Георгия Валентиновича вновь обострилась болезнь, и врачи настояли на его немедленном отъезде в более теплые края.

В начале 1906 года Плехановы поселялись в курортном местечке Больяско, недалеко от Генуи. Пансион им помогли подыскать их старые знакомые, эмигрант из Польши Владислав Александрович Кобылянский и его жена Ольга Осиповна Лунц.

Плехановы бывали у Кобылянских, дом которых привлекал своим гостеприимством, и главное — музыкой. О. О. Лунц была прекрасной музыкантшей и часто по просьбе гостей исполняла их любимые вещи.

Георгий Валентинович любил музыку — из западной классики он предпочитал симфонические произведения с революционно-бунтарской программой. Он выделял сонаты Бетховена, особенно Патетическую, его симфонии, в том числе Третью Героическую, а также «Осуждение Фауста» Берлиоза. Плеханов любил и Вагнера, его музыкальные драмы из «Кольца Нибелунгов» — «Зигфрид» и «Гибель богов».

Музыкальные вкусы. Кобылянских были несколько другими. О. О.

Лунц высоко ценила произведения своего учителя по Московской консерватории А. Н. Скрябина, о котором она много рассказывала Плехановым. Скрябины тоже жили в Большаско, и в один из вечеров они, Плехановы и Скрябины, встретились. Разговор зашел о революционных событиях в России, о вооруженном восстании в Москве, о правительственных репрессиях. Оказалось, что композитор внимательно следил за событиями на родине, восхищался героизмом революционеров, чем сразу же завоевал симпатии Плеханова.

Гости и хозяйева стали просить Скрябина сыграть что-нибудь свое. Александр Николаевич не отказывался, он исполнял подряд свои этюды, вальсы, отрывки из «Божественной поэмы». Ольга Осиповна, которая хотела показать Плехановым талант своего учителя и друга во всем блеске, стала упрасивать его сыграть отрывки из «Поэмы экстаза», над которой в то время работал Скрябин. Исполнение этой вещи привело Плеханова в восхищение. Он горячо благодарил композитора. Скрябин смущенно сказал, что музыка этой поэмы навеяна революционными идеалами и поэтому он решил сделать эпиграфом призыв: «Вставай, подымайся, рабочий народ». Плеханов поддержал это намерение.

С этих пор в течение двух месяцев Плеханов часто встречался со Скрябиным, с удовольствием исполнявшим для него новые отрывки из «Поэмы экстаза». Плеханов любил музыку Скрябина. Он однажды сказал:

— Скрябин хочет выразить в своей музыке не те или иные настроения, а целое мирозерцание, которое он и старается разработать со всех сторон. Он считает, что музыка может выражать отвлеченные понятия. Я не согласен с ним, так как считаю, что это невыполнимая задача для искусства. Но это очень сильно расширяет круг его духовных интересов и тем самым значительно увеличивает огромный удельный вес его художественного дарования.

Георгий Валентинович, — спросил Кобылянский, — объясните, какими психологическими путями распространяется влияние философских идей Александра Николаевича на его художественную деятельность.

На это трудно ответить. Но факт этого влияния для меня не подлежит сомнению. И мне сдается, что если музыка Скрябина так полно выразила настроения весьма значительной части нашей интеллигенции в известный период ее истории, то это произошло как раз по той причине, что он был плотью от ее плоти и костью от ее кости не только в области эмоций, но также в области философских запросов и возможных, по условиям времени и среды, достижений.

Александр Николаевич Скрябин — сын своего времени. Видоизменяя известное высказывание Гегеля, относящееся к философии, можно сказать, что творчество Скрябина является его временем, выраженным в звуках.

Уважение к личности Скрябина сложилось у Плеханова во время их долгих философских споров. Скрябин был совершенно незнаком со взглядами Маркса и Энгельса на историю. Плеханов порекомендовал ему литературу и сам много рассказывал об идеях научного социализма. И, несмотря на то, что его собеседник находился под влиянием философского идеализма, разговоры эти обоим доставляли удовольствие.

Когда Розалия Марковна, опасаясь резкости мужа и, с другой стороны, уберегая его от утомления, просила его не говорить со Скрябиным на философские темы, Плеханов ей возражал:

— Есть люди, которые, оспаривая мысль своего противника, не понимают ни ее самой, ни тех доводов, которые он приводит в ее защиту. Споры с такими людьми хуже зубной боли. С Александром Николаевичем, напротив, очень приятно спорить потому, что он имеет способность удивительно быстро и полно усваивать мысли своего противника. Там, где есть совместная работа ума, непременно рождается взаимное сочувствие. Вероятно, от этого мы тем более сближаемся с ним, чем более обнаруживается бесконечная сумма наших разногласий.

Во время этих философских споров бывали и курьезные случаи. Как-то раз, гуляя по набережной Больяско, они проходили через мост, переброшенный через высохшую, усеянную камнями речку. Александр Николаевич говорил увлеченно:

— Мы создаем мир нашим творческим духом, нашей волей, законы тяготения для воли не существуют. Я могу броситься с этого моста и не упасть, повиснуть в воздухе.

Плеханов невозмутимо ответил:

— Попробуйте, Александр Николаевич.

Женщины с трудом удержали разгоряченного композитора от рискованного опыта.

Однажды, чудесным весенним утром, Плеханов с самым серьезным видом приветствовал Скрябина:

— Здравствуйте, Александр Николаевич. Такое прекрасное утро. Это мы вам обязаны такой несравненной красотой неба, широким морским простором. Спасибо вам, спасибо.

Скрябин растерялся от неожиданности, но, поняв, что Плеханов подшучивает над его верой в безграничные возможности воли, стал посмеиваться, что, мол, не за что, пожалуйста.

Плеханов в Больяско не только занимался лечением, но и плодотворно работал. Он за эти два месяца написал статьи для № 5 «Дневника социал-демократа», отредактировал перевод и написал предисловие к работе К. Маркса «Теория прибавочной стоимости», которая вышла в Петербурге в 1906 году. Вскоре Плеханов отправился на IV съезд партии, который должен был собраться в конце апреля в Швеции.

Этот съезд вошел в историю России под названием Объединительного. Революционный пролетариат требовал преодоления раскола в рабочем движении. В конце 1905 — начале 1906 года были созданы руководящие центры, в которые вошли на паритетных началах представители большевиков и меньшевиков. Закрепить этот процесс должен был съезд партии. Однако в силу ряда обстоятельств, и в первую очередь многочисленных арестов, результаты выборов делегатов на съезд сложились в пользу меньшевиков. Это предопределило характер работы и резолюций съезда.

Плеханов приехал в Стокгольм прямо из Больяско. Он чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы принимать в работе съезда активное участие. Вместе с Лениным и Даном Плеханов был выбран в бюро съезда и поэтому был председателем во время некоторых заседаний. Он был докладчиком от меньшевиков по главным вопросам повестки дня — по аграрному вопросу, по вопросу об отношении к Государственной думе и о вооруженном восстании.

Во время работы IV съезда партии Плеханов выступал как один из лидеров меньшевиков. Его деятельность на съезде была направлена на усиление антиленинских позиций меньшевиков и способствовала переходу на их сторону части слабо разбирающихся в политике делегатов.

Позиция Плеханова по всем вопросам политики и тактики партии была тогда неверной и тем самым принесла значительный вред революционному движению рабочего класса в этот исключительно важный период развития революции в России.

Выступая по аграрному вопросу, Плеханов защищал реформистский проект муниципализации земли, предложенный меньшевиком П. П. Масловым, и яростно критиковал разработанный В. И. Лениным проект большевиков, выдвигавший требование национализации земли. Плеханов ошибочно утверждал, что национализация земли возможна только после социалистической революции, а призыв к ней в настоящее время может в случае поражения буржуазной революции и реставрации монархии укрепить позиции самодержавия. Большевики справедливо указывали, что эти опасения Плеханова вызваны его неверием в победу революции.

Ленин исходил из того, что революция в России будет поддержана пролетариатом на Западе и может способствовать победе социалистических революций в других странах. Полную гарантию от реставрации старых порядков может дать победа социалистической революции в ряде стран. «Если же, — говорил Ленин, — поставить вопрос о гарантии от реставрации на иную почву, т. е. если говорить об относительной и условной гарантии от реставрации, то тогда придется сказать следующее: условной и относительной гарантией от реставрации является только то, чтобы революция была осуществлена возможно более решительно, чтобы она была проведена непосредственно революционным классом, при наименьшем участии посредников, соглашателей и всяческих примирителей, чтобы эта революция была действительно доведена до конца...»^[68].

В. И. Ленин в эти годы неоднократно критиковал Плеханова, показывая, к чему может привести умаление роли крестьянства и затушевывание предательской политики партии либеральной буржуазии — кадетов (так называемых конституционных демократов), занимавшей, особенно после поражения революции 1905 года, контрреволюционные позиции. Наиболее полно и в концентрированном виде критика оппортунистической линии Плеханова содержится в работе Ленина «Доклад об Объединительном съезде РСДРП»^[69].

После IV съезда партии Плеханов заехал в Берлин и Гамбург. Там он пробыл больше недели, познакомился с рабочими организациями, осмотрел Народный дом, беседовал с немецкими социал-демократами. По пути домой Георгий Валентинович заехал в Цюрих и Берн, где выступил с рефератами о съезде, осветив его результаты с неправильных, меньшевистских позиций.

Пробыв несколько дней дома в Женеве, Плеханов, очень утомленный работой на съезде и переездами, не совсем еще оправившийся от болезни, поселился в деревушке Морне, над Женевским озером. Там он опять с головой погрузился в литературную работу.

Итак, в 1905 году, в начале первой русской революции, и после ее поражения, в 1906 году, Плеханов стоял на оппортунистических, меньшевистских позициях. И вместе с тем, характеризуя колебания Плеханова по вопросам тактики и организации, В. И. Ленин говорил: «половина 1906 — начинает иногда отходить от меньшевиков...»^[70]

В дни относительной свободы печати в России Плеханов получал массу предложений с просьбой разрешить переиздать его старые работы и

дать для публикации новые. Еще в середине 1905 года было задумано издать Сочинения Г. В. Плеханова. Активное участие в их подготовке принимали Л. И. Аксельрод и А. К. Пайкес (Соколов), который в тот период помогал Плеханову — делал выписки, частично правил корректуру, отвечал на некоторые письма. В августе 1905 года в Женеве вышел первый том Сочинений, куда вошли народнические произведения Плеханова и первые марксистские произведения. Правда, на первом томе издание и остановилось.

В конце года отдельным изданием вышла в Петербурге знаменитая работа «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», в августе 1906 года два сборника его работ — второе издание «За двадцать лет» и «Критика наших критиков».

Плеханову приходилось много работать, правя корректуру, переписываясь с издательствами, снабжая эти издания новыми предисловиями и статьями.

Но, кроме переизданий, Плеханов в это время готовит и новые работы. Они делятся на две группы — работы, посвященные вопросам политики партии и революции, и работы теоретического плана, раскрывающие его взгляды на искусство.

Осенью 1905 года в журнале «Правда», издававшемся в Москве В. А. Кожевниковым, появились статьи Плеханова «Французская драматическая литература и французская живопись XVIII в. с точки зрения социологии» и «Пролетарское движение и буржуазное искусство». Годом позже в Петербурге в издательстве О. Н. Рутенбург вышла его брошюра «Генрик Ибсен». В этих работах Плеханов рассматривал развитие искусства и литературы, исходя из учения Маркса о классовой борьбе.

Параллельно с марксистскими работами по эстетике, сохранившими свою ценность поныне, Плеханов писал статьи на общественно-политические темы, по вопросам стратегии и тактики в революционном движении, где, отходя от революционного марксизма, выступал против революционной политики партии большевиков, защищал ошибочный тезис о необходимости участия в работе первой Государственной думы и т. д.

В июле 1906 года был опубликован манифест о закрытии Государственной думы. Царское правительство было недовольно обсуждением в Думе проектов аграрной реформы, по которым даже кадеты, надеясь повести за собой крестьянство, требовали принудительного отчуждения помещичьей земли.

Плеханов выпустил № 6 «Дневника социал-демократа», где была всего одна его статья — «Общее горе». Заглавие стояло в кавычках — Плеханов

иронизировал над теми политическими деятелями, которые считали разгон Думы общим горем. Он писал, что надо было предвидеть это событие и что в этом нет особого горя, ибо «Роспуск» Государственной Думы является предметным уроком, наглядно показывающим народу истинное значение октябрьской «конституции» (1—XV, 159).

Плеханов продолжал; «Сама по себе покойная Дума была ничто. Все ее политическое значение определялось тем, что она служила орудием политического воспитания нашего народа» (1—XV, 163). И он опять повторяет старый лозунг — врозь идти, вместе бить! С кем вместе?

Плеханов призывает сговориться всем партиям, враждебным самодержавию, то есть рабочему классу, буржуазии, мелкобуржуазным слоям и т. п., и выдвинуть общий лозунг — Учредительное собрание. Но как поведут себя кадеты, ведь их классовые интересы могут быть ущемлены Учредительным собранием? Плеханов, ехидно намекая на кадетский проект аграрной реформы, пишет, что «их может смутить вопрос о «справедливом вознаграждении» за повинующиеся отойти к крестьянам частновладельческие земли. Они могут подумать, что в глазах Учредительного собрания наиболее справедливым вознаграждением за такие земли явится вознаграждение, явное нулю» (1—XV, 162). Плеханов впадает здесь в наивный идеализм и отступает от классовых, пролетарских позиций, вопрошая, примкнет ли к лозунгу Учредительного собрания партия либеральной буржуазии — кадеты, «какой интерес им дороже: свой классовый или же общенародный» (1—XV, 162). И хотя дальше он высказывает предположение, что кадеты под тем или иным предлогом откажутся от этой идеи, но сама постановка вопроса о возможности единства всех сил, враждебных или оппозиционных к царизму, была глубоко ошибочной и вела Плеханова к другим политическим промахам и иллюзиям.

Узнавая о соглашательской политике кадетов, Плеханов не пересматривал своих взглядов, а только огорчался и ожесточался. Либеральные газеты в это время «хвалили» Плеханова и советовали другим социал-демократам брать с него пример.

Слабость и ошибочность позиций Плеханова в области политики и тактики состояла и в том, что логика его рассуждений и всегдашняя уверенность в своей непогрешимости в отдельные периоды доводили его до абсурда, до конфликта с фактами действительности. Так было и в вопросе о кадетах, которые, по мнению Плеханова, должны были действовать так-то, а на деле все выходило по-другому. Отношение к либеральной буржуазии в период революции 1905–1907 годов оттолкнуло

от Плеханова многих социал-демократов, которые не могли принять проповедуемую им политику союза с буржуазными партиями.

В статьях «Письма о тактике и бестактности» и «Заметки публициста» Плеханов продолжал отстаивать свои неправильные взгляды на расстановку классовых сил в России в период революции.

В начале марта 1907 года была созвана II Государственная дума. Несмотря на репрессии правительства и благодаря возросшей политической сознательности масс ее состав оказался более левым, чем в I Думе.

Через несколько дней Плеханов получил письмо из Петербурга от А. М. Коллонтай, которая познакомилась с ним еще в 1901 году и считала себя тогда его последовательницей. Уже в советское время в автобиографии А. М. Коллонтай писала: «У меня были друзья в обоих лагерях. По душе ближе мне был большевизм с его бескомпромиссностью и революционностью настроения, но обаяние личности Плеханова удерживало от разрыва с меньшевиками».

Плеханов тотчас же ответил на письмо Коллонтай:

«Уважаемая и дорогая Александра Михайловна, я не нахожу слов для того, чтобы достаточно отблагодарить Вас за Вашу память обо мне. Меня особенно трогает то обстоятельство, что Вы вспомнили обо мне в день открытия Думы. Весь этот день я сильно волновался; мне тяжело было сознавать свою оторванность от родины, и мне было бы гораздо легче, если бы я тогда же мог с уверенностью сказать себе, что там, на родине, есть хорошие люди, вспоминающие обо мне в этот день» (4—I, 218). И далее Георгий Валентинович пишет: «К какому времени нужно написать Вам статью? Я с большим удовольствием сделаю это, если только найду кусочек времени. Но это нелегко мне сделать, особенно теперь. Скоро мы, вероятно, увидимся, дорогая Александра Михайловна. Весною я буду в России. Что я найду там? Есть ли там элементы для настоящей социал-демократической работы? Скажу точнее: такие элементы есть, но много ли их?»

Это письмо интересно и потому, что оно показывает, что и в 1907 году Плеханов стремился в Россию и вместе с тем сомневался в целесообразности своего приезда. Выступая против большевиков, он в то же время по ряду вопросов расходился с меньшевиками, хотя и не мог порвать с ними. Перед ним вставал вопрос: находясь в таком изолированном состоянии, не лучше ли высказывать свои взгляды, оставаясь в эмиграции? Нам представляется, что именно такие мысли бродили в голове Плеханова, когда он спрашивал у А. М. Коллонтай об элементах настоящей (то есть такой, какой он считал правильной) социал-

демократической работы. Ведь его ученицу и единомышленницу — Л. И. Аксельрод — лидеры меньшевиков не подпускали к практической партийной работе. Плеханов опасался, что лидеры меньшевиков и его изолируют от практической деятельности в социал-демократических организациях, и приходил к выводу, что ему целесообразнее сосредоточиться на теоретической работе.

30 апреля 1907 года открылся V съезд РСДРП. Прошел ровно год со дня последнего съезда, но революционные события в России заполнили этот год важнейшими событиями, требовавшими решения на съезде партии. Предполагалось организовать съезд в Копенгагене, но датское правительство запретило его проведение. Заседания были перенесены, как и во время II съезда партии, в Лондон.

От имени ЦК партии съезд открывал Г. В. Плеханов, как старейший делегат. Как и в 1903 году, он открывал съезд партии российского пролетариата. Но как же он постарел и изменился за эти четыре года! И не только болезнь была тому причиной. Тревога за судьбы революции России и чувство изоляции от революционных социал-демократических организаций России подтачивали его силы.

Георгий Валентинович взволнованно обратился к съезду: «...я прежде всего благодарю вас за те проявления симпатии, с которыми вы меня встретили. Эти проявления особенно тронули меня потому, что, как мне показалось, они отчасти шли от тех лиц, с которыми мне пришлось в течение последнего года сломать не одно копые по тактическим вопросам. И они дают основание думать, что у нас все-таки живо сознание взаимной нашей связи, сознание того, что мы стоим под одним знаменем, под красным знаменем пролетариата». Кончил он вступительную речь словами: «Да здравствует социалистическая революция» (1—XV, 377). Но когда на съезде разгорелись ожесточенные споры между большевиками и меньшевиками, Плеханов приложил немало сил для защиты тактического оппортунизма меньшевиков. Это, конечно, вызвало критику со стороны делегатов-большевиков. О характере критики большевиков в свой адрес Плеханов сказал в одном выступлении на съезде: «Один из товарищей заметил здесь: «Плеханов теперь не тот, что был прежде». И я знаю, что многие из присутствующих на съезде разделяют это мнение; я уверен, что многие из них готовы сказать обо мне: «Был конь, да изъездился». Я, конечно, изъездился в известном отношении. Прежде я был здоров, а теперь мое здоровье очень расшатано. Но что касается моих политических взглядов, то я остаюсь и, конечно, останусь таким же, каким я был с тех самых пор, когда сложились мои социал-демократические убеждения. В

этом вы можете быть уверены» (1—XV, 382). Плеханов, как всегда, был уверен в своей правоте, в том, что его политические взгляды не изменились за 25 лет. Но это неверно. Они сильно изменились по сравнению с его позицией в период группы «Освобождение труда» и старой «Искры». Они менялись под грузом оппортунистических ошибок и колебаний в период первой русской революции.

И вместе с тем под влиянием революционных событий в России с середины 1906 года Плеханов, как отмечал Ленин, начинает по ряду вопросов отходить от меньшевиков. Его позицию в это время характеризует название статьи В. И. Ленина «Тактические колебания», в которой он разбирает № 6 «Дневника социал-демократа» Г. В. Плеханова. В нем была напечатана статья «Общее горе», о которой шла речь выше. Ленин показывает, что критика Плехановым половинчатости кадетов приближает его взгляды к взглядам большевиков. На Лондонском съезде Плеханов выступил против «организационного анархизма» меньшевиков, хотя предпочитал это делать на закрытых собраниях делегатов-меньшевиков, а не с трибуны съезда. Его еще многое связывало тогда с меньшевиками.

На съезде в качестве гостя присутствовал Максим Горький. Еще в 1906 году Плеханов с одобрением писал о пьесе Горького «Дети солнца», где он называл автора «знатоком народной психологии» (1—XV, 52).

Накануне съезда Плеханов написал статью для журнала «Современный мир». Статья называлась «К психологии рабочего движения». В ней Плеханов дал высокую оценку творчеству Горького, он называет его «нашим высокоталантливым художником-пролетарием», у которого может поучиться самый ученый социолог. И это Плеханов писал в то время, когда вся буржуазная пресса кричала о «гибели» Горького как писателя. Плеханов дает высокую оценку его творчеству: «И, конечно, не потому нравятся мне «Враги», что они изображают борьбу классов и притом изображают ее в той специальной обстановке, в какой происходит она у нас благодаря неутомимому усердию попечительного начальства. Волнение рабочих на заводе, убийство одного из собственников завода, появление солдат и жандармов — во всем этом, конечно, очень много драматического и «актуального». Но всем этим дана только возможность хорошего драматического произведения. Вопрос о том: перешла ли эта возможность в действительность? А решение этого вопроса зависит, как известно, от того, насколько удовлетворительна художественная обработка интересного материала. Художник — не публицист. Он не рассуждает, а изображает. Тот художник, который изображает классовую борьбу, должен показать нам, как определяется ею душевный склад действующих лиц, как

она определяет собою их мысли и чувства. Словом, такой художник необходимо должен быть психологом. И новое произведение Горького тем хорошо, что оно удовлетворяет даже строгому требованию с этой стороны. «Враги» интересны именно в социально-психологическом смысле».

Плеханов особо остановился на языке героев пьесы «Враги». Он писал: «А каким языком говорят все эти пролетарии Горького. Тут все хорошо, потому что нет ничего придуманного, а все настоящее». Плеханов подчеркивал, что Горький «прекрасно владеет великим, богатым и могучим русским языком». К сожалению, номер журнала со статьей Плеханова вышел уже после съезда, на котором Плеханов впервые увидел любимого писателя,

14 мая Плеханов писал жене: «Вчера состоялось открытие съезда. Я открыл его. Говорят, на хорах присутствовал Горький, но я его не видел, иначе я сказал бы ему несколько приветственных слов...» Знакомство состоялось на следующий день. Плеханов 16 мая пишет Розалии Марковне: «Вчера ко мне подошел Максим Горький, который тоже здесь. Я с ним проговорил довольно долго. Он очень интересный человек. Меншевиком он ненавидит с фанатизмом ничего не понимающего в политике человека. Мне он наговорил много комплиментов, назвал своим учителем. Просил провести с ним вечер, чтобы поговорить. Я, конечно, согласился».

Нам известно еще о двух встречах Плеханова и Горького во время работы V съезда партии.

По просьбе Горького Плеханов пошел вместе с ним в мастерскую английского художника Феликса Мошелеса, который делал иллюстрации к пьесе «На дне». Художник встретил их с волнением. Плеханов взял на себя роль переводчика, но просил хозяина говорить не по-английски, а по-французски, так как ему было легче вести разговор на этом языке. Мошелес, желая расположить к себе гостей, сообщил, что он хорошо знал и ценил их соотечественника С. М. Степняка-Кравчинского.

Рисунки художника очень не понравились Алексею Максимовичу, и он с гримасой неодобрения восклицал: «Это черт знает что такое», «это безобразие». Из деликатности Плеханов не стал переводить эти слова.

Еще раз Плеханов и Горький встретились на банкете для делегатов съезда, устроенном «Обществом друзей русской свободы». Руководители съезда согласились на устройство банкета, надеясь получить от этого общества деньги на продолжение съезда, работа которого затягивалась, и средств на возвращение делегатов в Россию уже не было.

Стараниями Ленина и Плеханова деньги были добыты. Английский фабрикант Д. Фелз «одолжил» съезду 1700 фунтов стерлингов. Он получил

назад всю сумму уже после Октябрьской революции, когда Л. Б. Красин прибыл в Лондон в качестве представителя Советского государства.

Обыкновенно отмечают, что этот заем был сделан с помощью Горького и английских социалистов. Однако известную роль в организации его сыграл и Плеханов. Долговая расписка датируется 30 мая 1907 года, а 24 мая Плеханову писал английский социалист Г. Уотс: «...сообщите мне, разрешена ли уже у Вас финансовая проблема. Если нет, я сделаю все невозможное, чтобы разрешить ее».

Горький писал в 1930 году в очерке «В. И. Ленин», что он виделся с Плехановым один раз и только мельком и у него сложилось неприятное впечатление о Плеханове.

«Не всегда важно что говорят, — отмечал он, — но всегда важно, как говорят. Г. В. Плеханов в сюртуке, застегнутом на все пуговицы, похожий на протестантского пастора, открывал съезд, говорил как законоучитель, уверенный, что его мысли неоспоримы, каждое слово — драгоценно, так же как и пауза между словами. Очень искусно он развешивал в воздухе над головами съездовцев красиво закругленные фразы, и когда на скамьях большевиков кто-нибудь шевелил языком, перешептываясь с товарищем, почтенный оратор, сделав маленькую паузу, вонзал в него свой взгляд, точно гвоздь.

Одна из пуговиц на его сюртуке была любима Плехановым больше других, он ее ласково и непрерывно гладил пальцами, а во время паузы прижимал ее точно кнопку звонка, — можно было думать, что именно этот нажим и прерывает плавное течение речи. На одном из заседаний Плеханов, собираясь ответить кому-то, скрестил руки на груди и громко, презрительно произнес:

— Х-хе!

Это вызвало смех среди рабочих-большевиков. Г. В. поднял брови, и у него побледнела щека; я говорю: щека, потому что сидел сбоку кафедры и видел лица ораторов в профиль.

Во время речи Г. В. Плеханова в первом заседании на скамьях большевиков чаще других шевелился Ленин, — то съеживаясь, как бы от холода, то расширяясь, точно ему становилось жарко; засовывал пальцы куда-то под мышки себе, потирал подбородок, встряхивал светлой головой и шептал что-то М. П. Томскому. А когда Плеханов заявил, что «ревизионистов в партии нет», Ленин согнулся, лысина его покраснела, плечи затряслись в беззвучном смехе, рабочие, рядом с ним и сзади него, тоже улыбались, а из конца зала кто-то угрюмо громко спросил:

— А по ту сторону — какие сидят?»

Рассказав о манере выступать других делегатов съезда, Горький пересказывает услышанный им разговор:

«В Гайд-парке несколько человек рабочих, впервые видевших Ленина, заговорили о его поведении на съезде. Кто-то из них характерно сказал:

— Не знаю, может быть, здесь, в Европе, у рабочих есть и другой, такой же умный человек — Бебель, или еще кто. А вот, чтобы был другой человек, которого бы я сразу полюбил, как этого, — не верится!

Другой рабочий добавил улыбаясь:

— Этот — наш!

Ему возразили:

— И Плеханов — наш.

Я услышал меткий ответ:

«Плеханов — наш учитель, наш барин, а Ленин — вождь и товарищ наш».

Какой-то молодой парень юмористически заметил: — Сюртучок Плеханова-то стесняет». И, наконец, Горький дает обобщение своего восприятия Плеханова:

«Плеханов ни о чем не расспрашивал, он уже все знал а сам рассказывал. По-русски широко талантливый, европейски воспитанный, он любил щегольнуть красивым, острым словом и, кажется, именно ради острого словца жестоко подчеркивал недостатки иностранных и русских товарищей. Мне показалось, что его остроты не всегда удачны, в памяти остались только неудачные: «Не в меру умеренный Меринг». «Самозванец Энрико Ферри, в нем чет железа ни золотника» — тут каламбур построен на слове «ферро» — железо. И все в этом роде. Вообще же он относился к людям снисходительно, разумеется, не так, как бог, но несколько похоже. Талантливейший литератор, основоположник партии, он вызвал у меня глубокое почтение, но не симпатию. Слишком много было в нем «аристократизма». Может быть, я сужу ошибочно. У меня нет особенной любви к ошибкам, но, как все люди, я тоже ошибаюсь. А факт остается фактом: редко встречал я людей то такой степени различных, как Г. В. Плеханов и В. И. Ленин. Это и естественно; один заканчивал свою работу разрушения старого мира, другой уже начал строить новый мир».

Вскоре после V съезда РСДРП, 18 августа 1907 года, открылся очередной конгресс II Интернационала в Штутгарте.

На берегу реки Неккар в первый день конгресса немецкие социал-демократы устроили грандиозный митинг. С шести трибун выступали ораторы — представители социал-демократического движения различных стран — Август Бебель, Клара Цеткин, Анатолий Луначарский, Эмиль

Вандервельде, Жан Жорес и другие.

Плеханов тоже выступал на этом митинге. Он рассказывал о революции в России и подчеркнул, что ее победа будет победой международного пролетариата. Присутствующие делегаты конгресса и немецкие рабочие ответили на это приветственными восклицаниями в честь русских революционеров.

После выступления на открытом воздухе Плеханову стало совсем плохо. Он и на съезде в Лондоне был больным и поехал в Штутгарт вопреки протестам жены, которая пыталась уложить его в постель.

Через несколько дней Плеханов пришел на заседание комиссии по вопросу о милитаризации международных конфликтов. Его встретил Луначарский.

Георгий Валентинович, зачем вы пришли, на вас же лица нет.

Затем, дорогой Анатолий Васильевич, чтобы вам не было скучно. Вот поспорим с вами, опять, наверно, бланкистские взгляды будете защищать, и мне легче, и вам веселее.

Ну уж, веселее. Да я вашего острого языка до сих пор боюсь, хотя и буду сражаться.

Ох, батенька, не лукавьте, глаза так и сверкают. Садитесь-ка рядом, потолкуем о философии, пока не началось заседание.

Плеханов занял по обсуждаемому вопросу неверную позицию. Он утверждал, что в России, где якобы существует одиннадцать революционных партий, но нет единой партии рабочего класса, профсоюзы должны быть нейтральны. Он утверждал, что в Западной Европе положение одно и для нее годится единство партии и профсоюзов, а в России положение другое.

— Конечно, наши профессиональные союзы не нейтральны в буржуазном смысле этого слова, — разъяснял Плеханов. — Большинство членов этих организаций сыграло свою роль в революционном движении; единство профессиональных союзов, которое мы хотим осуществить, будет иметь благотворное влияние на осуществление политического единства.

Когда в перерыве Луначарский разыскал Ленина и пересказал ему аргументы Плеханова, тот сразу нащупал слабое место в этих рассуждениях.

— Эта ссылка Плеханова неверна ни фактически, ни принципиально. Фактически в каждой национальности России не более двух партий борются за влияние на социалистический пролетариат... Число 11 совершенно произвольно и вводит рабочих в заблуждение. Принципиально же Плеханов не прав потому, что борьба между пролетарским и

мелкобуржуазным социализмом в России неизбежна везде и повсюду, в том числе и в профессиональных союзах.

В таком духе выступил на заседании комиссии и А. В. Луначарский.

Конгресс принял в основном правильную резолюцию, утверждающую, что борьба пролетариата будет тем успешнее, чем теснее будут отношения между профессиональными союзами и партийными организациями. Плеханов голосовал за резолюцию, в которую по его предложению была внесена поправка о необходимости единства профессионального движения.

Штутгартский конгресс II Интернационала рассмотрел ряд важных вопросов — о борьбе против милитаризма и опасности войны, колониальный вопрос, об эмиграции и иммиграции рабочих, об избирательных правах женщин. Подводя итоги работы конгресса, Ленин отмечал, что он (конгресс. — Авт.) «рельефно сопоставил по целому ряду крупнейших вопросов оппортунистическое и революционное крыло международной социал-демократии и дал решение этих вопросов в духе революционного марксизма»^[71].

После окончания конгресса Клара Цеткин пригласила к себе домой группу делегатов: французских социалистов — Жюля Геда и Александра Брака, английского социалиста Давида Эскью и двух русских — Георгия Плеханова и Шарля Раппопорта. Раппопорт был эмигрантом из России, он еще недавно был эсером, но в значительной степени под влиянием Плеханова стал социал-демократом и одним из видных деятелей Рабочей партии Франции.

После обеда, во время которого Клара Цеткин показала себя гостеприимной хозяйкой, решили на память сфотографироваться. Вся группа разместилась на балконе, среди цветов. Несмотря на приближающиеся сумерки, снимок получился довольно ясный.

Расставаясь с Цеткин, все желали ей новых успехов в борьбе с оппортунистами. Плеханов сказал, когда все пешком шли на вокзал:

— Удивительная женщина! Правильно про нее говорят, что Клара с годами краснеет.

Побывав на выставке картин в Штутгарте и Нюрнберге, Плеханов вернулся в Женеву.

5. После революции

3 июня 1907 года царское правительство разогнало II Государственную думу и арестовало депутатов социал-демократов. Самодержавие перешло в

решительное наступление. В России начался период столыпинской реакции. Царизм со всей своей жестокостью обрушился на революционные силы. Десятки тысяч людей были брошены в тюрьмы, тысячи казнены.

Плеханов, переживая поражение русской революции, на первых порах с головой ушел в теоретическую и литературную работу.

Он засел за статьи, направленные против итальянского анархо-синдикализма. Это мелкобуржуазное течение в начале XX века получило значительное распространение в рабочем движении ряда европейских стран — Италии, Франции, Испании. По словам В. И. Ленина, это был ревизионизм «слева»^[72]. Интерес к писаниям итальянских анархо-синдикалистов проявился в России уже в том, что за 1906–1908 годы было переведено 14 их работ и некоторые были снабжены предисловиями авторов специально к русскому изданию. Опасность распространения мелкобуржуазных, авантюристических идей анархизма в России усугублялась их духовным родством с эсерами, которые имели тогда влияние на часть трудящихся.

Плеханова итальянские социалисты знали хорошо, главным образом по его книге «Анархизм и социализм», которая дважды издавалась на итальянском языке. Знал Плеханова и переписывался с ним крупный итальянский марксист Антонио Лабриола. Плеханов написал несколько статей, направленных против итальянских анархо-синдикалистов: «Критика теории и практики синдикализма», «Кое-что об Италии», «Наше положение» и другие. В них Плеханов критиковал синдикалистский тезис о решающей роли профсоюзов по сравнению с политической партией: «Синдикат, т. е. профессиональный союз, — писал он, — представляет собою интересы рабочих профессий, т. е. не целого класса производителей, а только данной его части. Где же находят свое выражение интересы класса производителей, как целого? Они находят его в политической партии этого класса» (1—XV, 17).

Плеханов, выясняя роль государства после завоеваний пролетариатом власти и раскрывая классовую сущность синдикализма, писал: «Утопия «революционного синдикализма» есть, несомненно, буржуазная утопия — утопия товаропроизводителя, взбунтовавшегося против государства...». Он предупреждал, что «замена марксизма синдикализмом была бы равносильна огромному шагу назад в развитии пролетарской идеологии» (1—XVI, 126).

К сожалению, и в этих статьях Плеханова не обошлось без несправедливых нападок на большевиков. Плеханов использовал в фракционных меньшевистских целях тот факт, что А. Луначарский и В.

Базаров, принадлежащие тогда к большевикам, поддерживали синдикалистов. Луначарский даже написал послесловие к книге Артуро Лабриолы — лидера синдикалистов.

После появления первых статей Плеханова против анархо-синдикализма в журнале «Современный мир» — в 1907–1909 годах — они были переведены и изданы на итальянском языке. Книга эта сыграла немалую роль в идейной борьбе итальянских социалистов против анархо-синдикализма.

Лидеры синдикализма ответили на критику Плеханова по-своему — Артуро Лабриола поместил в итальянских и французских журналах статьи, которые, по мнению Плеханова, «заклучают в себе гораздо больше ругательств, чем аргументов» (1—XVI, 1).

Критика Плехановым анархо-синдикализма, который стал утрачивать свое влияние и в Италии, была полезной. Главным же препятствием в распространении анархистских идей в России явилась последовательная борьба большевиков, В. И. Ленина против этого авантюристического течения.

В 1908–1909 годах Плеханов почти совсем отошел от практической партийной работы. Но он по-прежнему очень много пишет и печатает, как правило, в легальных журналах и издательствах России.

В конце 1907 года Плеханов начал сотрудничать в журнале «Современный мир», который издавал Н. И. Иорданский, социал-демократ, примыкавший в то время к меньшевикам. В январе 1908 года в журнале была помещена рецензия Плеханова на книгу М. Гершензона «П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление», в майском номере рецензия на книгу того же автора «История молодой России», в июне статья «Идеология мещанина нашего времени», которая была рецензией на работу Р. И. Иванова-Разумника «История русской общественной мысли». Во всех этих работах Плеханов критиковал буржуазно-либеральные концепции в истории русской общественной мысли.

В это же время Георгий Валентинович работал над статьей, которая позже разрослась в книгу, посвященную 25-летию юбилею со дня смерти Карла Маркса. В мае она вышла в петербургском издательстве «Наша жизнь» под заглавием «Основные вопросы марксизма».

«Основные вопросы марксизма» явились своеобразным сводом важнейших положений диалектического и исторического материализма Маркса и Энгельса, талантливо и популярно изложенных Г. В. Плехановым. Плеханов раскрывает теоретические корни современного, то есть Марксова, материализма, кратко, но обстоятельно прослеживает его

предысторию. Он доказывает полную несостоятельность утверждений о философской «необоснованности» марксизма и вред всех и всяких попыток заново его «обосновать», соединив с «теориями» философских идеологов буржуазии: последователей Канта, Маха, Авенариуса, Оствальда и т. п.

Однако Плеханов допустил в своей трактовке философии Маркса некоторые ошибки. Порой он не подчеркивал качественного различия между диалектическим материализмом и материализмом предшествовавших ему мыслителей; он утверждал, например, что теория познания, «гносеология Маркса по самой прямой линии происходит от гносеологии Фейербаха или, если хотите, что она, собственно, и есть гносеология Фейербаха, но только углубленная посредством сделанной к ней Марксом гениальной поправки» (2—III, 137). Но в целом Плеханов понимал огромное значение революционного переворота в философии, произведенного Марксом и Энгельсом, исходил из того, что они органически соединили диалектику с материализмом в своем цельном научном мировоззрении, и их великой заслугой является выработка правильного научного метода в философии, то есть материалистической диалектики, принципиально отличной от идеалистической диалектики Гегеля. Свою трактовку диалектики как революционного метода, своеобразной «алгебры революции» Плеханов противопоставляет пошлым, реформистским концепциям «теории эволюции», распространившимся в начале XX века. «Диалектику, — пишет Плеханов, — многие смешивают с учением о развитии, — и она в самом деле есть такое учение. Но диалектика существенно отличается от вульгарной «теории эволюции», которая целиком построена на том принципе, что ни природа, ни история не делают скачков и что все изменения совершаются в мире лишь постепенно. Еще Гегель показал, что понятое таким образом учение о развитии смешно и несостоятельно... диалектический взгляд Гегеля на неизбежность скачков в процессе развития был полностью усвоен Марксом и Энгельсом. Энгельс подробно развивает его в своей полемике с Дюрингом, причем он и его «ставит на ноги», то есть на материалистический фундамент (2—III, 148–149). Плеханов писал, что современная наука, например в биологии, в последнее время опровергает своими открытиями теорию постепенной эволюции, давая ряд доказательств, свидетельствующих о скачкообразном развитии видов. Это относится и к области истории общества, и к истории литературы. Плеханов делает отсюда закономерный вывод, что «только диалектический метод Маркса, будучи приложен к изучению русской жизни, показал нам, что было в ней действительным и что только казалось таковым» (2—III,

151).

В ряде глав своей книги Плеханов дает яркую и убедительную трактовку материалистического понимания истории, выработанного Марксом и Энгельсом. Хотя в изложении теории исторического материализма Плеханова есть слабости и односторонности, например, преувеличение роли географической среды в развитии общества, некоторый схематизм в принятой Плехановым пятичленной формуле общественно-исторического процесса, в целом трактовка исторического материализма и защита его положений были весьма аргументированными. Излагая Марксову теорию общественно-экономических формаций, их развития и смены, и вытекающую отсюда теорию революции, Плеханов в полном согласии с основоположниками научного социализма делает вывод о том, что: «Тут мы имеем перед собой настоящую — и притом чисто материалистическую — «алгебру» общественного развития. В этой алгебре есть место как для «скачков» — эпохи социальных революций, — так и для постепенных изменений. Постепенные количественные изменения в свойствах данного порядка вещей ведут, наконец, к изменению качества, т. е. к падению старого способа производства или, как выражается здесь Маркс, старой общественной формации — и к замене его новым» (2—III, 164).

Плеханов убедительно доказывает несостоятельность ревизионистских попыток «критиков» марксизма, таких, как Э. Бернштейн, обвинявших марксистское учение об обществе в «экономической односторонности» и представлявших дело так, будто бы Энгельс впоследствии отказался от взглядов Маркса о решающей роли материального способа производства и чуть ли не стал сторонником эклектической теории о «равноправной роли» различных факторов жизни общества.

Обращаясь к тезисам Маркса о Фейербахе, написанным еще в 1845 году, Плеханов отмечал: «Маркс упрекал там предшествовавший ему материализм в забвении того, что «если, с одной стороны, люди представляют собою продукт обстоятельств, то с другой — обстоятельства изменяются именно людьми». Задача материализма в области истории, как понимал эту задачу Маркс — заключалась, стало быть, именно в том, чтобы объяснить, каким образом «обстоятельства» могут изменяться теми людьми, которые сами создаются обстоятельствами... Производственные отношения — это отношения людей в общественном процессе производства... Изменение этих отношений не может совершаться «автоматически», т. е. независимо от человеческой деятельности, потому

что эти отношения являются отношениями, устанавливающимися между людьми в процессе их деятельности (2—III, 169–170).

Отстаивая точку зрения исторического материализма, Плеханов выступает также и против его вульгаризации. Он убедительно раскрывает относительную самостоятельность идеологических и политических надстроек, их специфические особенности и активное влияние на жизнь общества. Вслед за Энгельсом он выдвигает задачу материалистического объяснения всех сторон человеческой культуры.

В своей книге «Основные вопросы марксизма» и в последующих философских работах Плеханов не раз дает пример творческого подхода к материалистическому пониманию истории. Анализируя развитие искусства, религии, морали, общественной мысли на различных этапах истории, он показывает действие всеобщих закономерностей развития общества, обусловленных его материальной, экономической основой, и вместе с тем раскрывает механизм действия и взаимосвязи особых черт и закономерностей развития этих идеологических надстроек, их активную роль в жизни общества, обратное их влияние на его экономический базис. Напоминая слова Энгельса: «Проверка пудинга состоит в том, что его съедают», Плеханов говорит, что «это остается вполне верным и в применении к историческому материализму. Чтобы критиковать это блюдо, надо его отведать. Чтобы отведать метод Маркса — Энгельса, надо уметь пользоваться им. А умелое пользование им предполагает несравненно более серьезную научную подготовку и гораздо более упорную работу мысли, нежели псевдокритические разглагольствования на тему об «односторонности» марксизма». Но последние связаны с влиянием господствующего класса, который всеми силами препятствует распространению современного материализма и его применению в науке и общественной жизни. «Материалистическая диалектика, «ни перед чем не склоняющаяся и рассматривающая вещи с их преходящей стороны», не может пользоваться симпатиями консервативного класса, каким является теперь буржуазия на Западе... Неудивительно, что каждая из ученых почтенностей считает себя нравственно обязанной отклонять от себя всякое подозрение в сочувствии к материализму» (2—III, 185–186). Это происходит нередко и с теми представителями ученого мира, которые придерживаются материалистической точки зрения в своих специальных исследованиях. Это относится, в частности, к области социологии. Социология, доказывает Плеханов, становится наукой лишь в той мере, в какой ей удастся понять возникновение и развитие сознания у человека, как необходимое следствие общественного процесса, обусловливаемого в

последнем счете ходом экономического развития. «И очень характерно, — замечает Плеханов, — то обстоятельство, что последовательные противники материалистического объяснения истории видят себя вынужденными доказывать невозможность социологии как науки. Это значит, что «критицизм» (Плеханов имеет в виду возрождение и вульгаризацию «критической философии» Канта буржуазными философами конца XIX — начала XX века. — Авт.) становится теперь препятствием для дальнейшего научного развития нашего времени... эта роль «критицизма» связана с борьбой классов в современном обществе» (2—III, 193). В связи с этим, оценивая философию неокантианства в конце XIX — начале XX века, Плеханов вполне справедливо замечает: «Кантианство — не философия борьбы, не философия людей действия. Это философия половинчатых людей, философия компромисса» (2—III, 194).

В заключение своей книги Плеханов, приводя слова Маркса: «Чем глубже захватывается жизнь данным историческим действием, тем более растут размеры массы, совершающей это действие», — делает полный исторического оптимизма вывод о том, что слова эти выражали «ту спокойную, мужественную веру в достижение «конечной цели», которая заставила когда-то нашего незабвенного Н. Г. Чернышевского горячо воскликнуть: «Пусть будет, что будет, а будет все-таки, на нашей улице праздник!» (2—III, 196).

В. И. Ленин назвал «Основные вопросы марксизма» в числе книг, содержащих лучшее изложение философии марксизма^[73]. Вскоре эта книга была переведена на французский, болгарский, немецкий языки и неоднократно переиздавалась до наших дней во многих странах Европы.

Теоретические интересы Плеханова в те годы развивались в трех направлениях. Первое — это критика «новейшей» буржуазной философии и философского ревизионизма, проникавшего в рабочее движение. Плеханов написал рецензии на книги Анри Бергсона, Робинсона и других буржуазных философов, дал критический разбор вульгаризаторской махистской концепции В. Шулятикова. Наиболее важной и ценной из работ этого периода является серия статей «Materialismus militans» («Воинствующий материализм»), направленная против российских философов-идеалистов, подвизавшихся в рабочем движении, и прежде всего против махиста А. А. Богданова.

Открытые письма А. А. Богданову (Малиновскому), написанные в 1908 году, объединенные общим названием «Materialismus militans», — это яркий памфлет в адрес российского и западноевропейского махизма — одной из модных в начале XX века «школок» буржуазной идеалистической

философии. Опасность влияний этой «школки», пытавшейся подорвать философские основы марксизма и всего материализма в целом и заменить его «философией науки», за которой скрывались давно избитые, старые перепевы субъективно-идеалистических систем Беркли и Юма, состояла в том, что они проникали в науку и общественную мысль, в рабочее движение, в том числе и в русское. Эта опасность усугублялась и тем, что реакционная махистская зараза затронула ряд видных российских социал-демократов, в том числе и принадлежавших тогда к большевикам А. Богданова, А. Луначарского, С. Суворова, В. Базарова и др.

Хотя меньшевик Плеханов и не преминул воспользоваться этим для того, чтобы неправомерно связать махистское поветрие в российской социал-демократической партии с политическими позициями большевиков и тем самым, говоря словами Ленина, «нанести фракционный ущерб большевизму», в своей критике философских воззрений Богданова и других российских махистов он был прав. Плеханов убедительно доказывает, что, как бы ни «обновлял» махистскую, субъективно-идеалистическую философию Богданов, как бы ни прикрывал он ее антинаучную сущность модным названием «эмпириомонизм», пытаясь выдать ее за единственно научное мировоззрение, которое должен воспринять марксизм, она не только не имеет ничего общего с марксизмом, но представляет собой реакционный поход на материалистическую философию, подрыв научно-философских основ марксизма. «...Что Вы, — обращаясь к Богданову, пишет Плеханов, — находитесь именно вне пределов марксизма, это ясно для всех тех, которые знают, что все здание этого учения покоится на диалектическом материализме, и которые понимают, что Вы в своем качестве убежденного махиста на материалистической точке зрения не стоите и стоять не можете» (2—III, 203).

Несостоятельна и вредна любая и всякая попытка соединить несоединимое, примирить марксизм и идеалистическую буржуазную философию. С глубокой убежденностью и силой Плеханов утверждает, что «люди, расходящиеся между собою в основных взглядах в теории, имеют полное право разойтись между собой также и на практике, т. е. сгруппироваться по разным лагерям. Я убежден даже в том, что бывают такие «ситуации», когда они обязаны это сделать. Ведь мы еще со времени Пушкина знаем, что

В одну телегу впрячь не можно

Коня и трепетную лань...

Во имя этой непререкаемой и неоспоримой свободы группировки я не

раз приглашал русских марксистов сплотиться в особую группу для пропаганды своих идей и отмежеваться от других групп, не разделяющих тех или иных идей Маркса» (2—III, 207). К сожалению, сам Плеханов далеко не всегда, особенно в своих политических взглядах и действиях в период меньшевизма, следовал этому верному принципу.

Второе направление теоретических интересов Плеханова в эти годы — история религии, борьба против богостроительства и богоискательства, влияние которых захватило в годы реакции не только часть русской интеллигенции — буржуазной и мелкобуржуазной, — но и некоторых социал-демократов. Плеханов выступил против этой опасности с серией статей «О так называемых религиозных исканиях в России», которые были напечатаны в 1909 году в журнале «Современный мир». В трех своих статьях под этим общим названием Плеханов дает глубокую и основательную критику религиозной идеологии в целом, особенно попыток российской буржуазии, которая в своих контрреволюционных целях после поражения революции 1905–1907 годов пыталась «оживить религию, поднять спрос на религию, сочинить религию, привить народу или по-новому укрепить в народе религию»^[74]. Плеханов дал также резкую, убедительную критику «богостроительства» — мелкобуржуазно-интеллигентского учения, проникшего и в социал-демократическую среду, родственного и близкого буржуазному «богоискательству»; об этом модном в то время, но вовсе не новом течении В. И. Ленин писал М. Горькому (испытывавшему одно время влияние «богостроительства»): «Богоискательство отличается от богостроительства или богосозидательства или боготворчества и т. п. ничуть не больше, чем желтый черт отличается от черта синего... всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье даже с боженькой есть невыразимейшая мерзость... именно поэтому это — самая опасная мерзость, самая гнусная «зараза»^[75].

Плеханов начинает свои статьи с критики воззрений бывшего «легального марксиста» С. Н. Булгакова, ставшего впоследствии священником, и ему подобных идеологов контрреволюционной российской буржуазии — авторов вышедшего в 1909 году пресловутого сборника «Вехи», который был проникнут ненавистью к материализму и атеизму. Считая, что теперь наступила такая пора, когда невнимательное отношение к религиозным вопросам может повести за собою весьма печальные последствия, Плеханов настаивает на том, что о религии нужно думать и говорить очень серьезно. Он начинает с определения религии, доказывает, что «религию можно определить как более или менее стройную систему

представлений, настроений и действий. Представления образуют мифологический элемент религии; настроения относятся к области религиозного чувства, а действия — к области религиозного поклонения или, как говорят иначе, культа» (2—III, 330). В первой же статье Плеханов раскрывает как социальные, так и гносеологические корни религии, показывает, что глубокие источники происхождения религии в первобытнородовом обществе заключаются прежде всего в том, что «производительные силы очень мало развиты; его власть над природой ничтожна. А ведь в развитии человеческой мысли практика всегда предшествует теории: чем шире круг воздействия человека на природу, тем шире и правильнее его понятия о ней. И наоборот: чем уже этот круг, тем беднее его теория. А чем беднее его теория, тем более склонен он объяснять с помощью фантазии те явления, которые почему-либо привлекают к себе его внимание. В основе всех фантастических объяснений жизни природы лежит суждение по аналогии. Наблюдая свои собственные действия, человек видит, что им предшествуют соответствующие им желания, или — чтобы употребить выражение, более близкое к его образу мыслей, — что эти действия вызываются этими желаниями. Поэтому он думает, что и поразившие его явления природы были вызваны чьей-то волей. Предполагаемые существа, волей которых вызываются поражающие его явления природы, остаются недоступными для его внешних чувств. Поэтому он считает их подобными человеческой душе, которая, как мы уже знаем, невещественная в указанном выше смысле» (2—III, 338). Так возникают анимистические представления.

Впоследствии же, в ходе общественно-исторического процесса, классовое деление общества (которое некоторые авторы называют авторитарной организацией) оказывает сильное воздействие на религиозную идеологию: «Что авторитарная организация — и не только производства, но и всего общественного быта, — раз возникнув, начинает оказывать огромное влияние на религиозные представления, это совершенно неоспоримо. Это лишь частный случай того общего правила, согласно которому в обществе, разделенном на классы, развитие идеологий совершается под сильнейшим влиянием междуклассовых отношений» (2—III, 340),

Религиозные взгляды и действия испытывают в ходе своей истории сильнейшее влияние политической организации классовых обществ. «Раз возникло правительство, возникают известные отношения между правящими и управляемыми. За правящими признается обязанность заботиться о благосостоянии управляемых; за управляемыми признается

обязанность подчиняться правителям. Кроме того, там, где существуют определенные законы, естественно существуют также их профессиональные охранители: законодатели и судьи. И все эти отношения между людьми получают свое фантастическое выражение в религии. Боги становятся небесными царями и небесными судьями»(2—III, 358).

Проведя глубокий, обстоятельный анализ истории религиозных воззрений, их составных элементов и причин, в силу которых они возникли и сохранились, Плеханов делает вполне закономерные выводы, относящиеся к религиозным исканиям начала XX века: «Изучая эти искания, мы увидим, что некоторые из них представляют собою попытку оживить умирающие теперь анимистические представления. Таковы искания гг. Булгакова, Мережковского, Струве и Минского. Представители других исканий хотели бы устранить из религии анимистические представления, сохранив ее другие элементы. Таков г. Луначарский; отчасти таков же Л. Н. Толстой..., всякая попытка устранить из религии элемент анимизма противоречит природе религии и потому заранее осуждена на неудачу. С устранением из религии анимистического элемента у нас остается лишь нравственность в широком смысле слова. Но нравственность не религия. Она возникает раньше религии и может существовать без ее санкции.

Соляная кислота есть соединение хлора с водородом. Устраните водород — у вас останется хлор, но уже не будет соляной кислоты. Устраните хлор — вы получите водород, но соляной кислоты у вас опять не будет» (2—III, 363–364).

Критике религиозных мотивов в мировоззрении Л. Н. Толстого, богостроительских ошибок А. В. Луначарского в годы реакции и ошибочных, близких к богостроительству тенденций, одно время проявившихся в творчестве М. Горького (в частности, в его произведении «Исповедь»), посвящена вторая статья Плеханова.

В третьей же статье Плеханов вновь обращается к критике религиозных исканий таких декадентов-писателей, как Д. Мережковский, Н. Минский и других, погрязших в мистицизме, охваченных ненавистью к материализму и атеизму и претендующих на роль проповедников «новой религии». «...Мне опять припоминаются, — пишет он, — прекрасные слова Энгельса, цитированные мною во второй статье: «Религия есть, по своему существу, опустошение человека и природы, лишение их всякого содержания, перенесение этого содержания на фантом потустороннего бога, который затем снова дает кое-что человеку и природе от своего избытка». Г-н Мережковский принадлежит к числу самых усердных

«опустошителей» человека и природы. Все нравственно возвышенное, все благородное, все истинно человеческое принадлежит, по его мнению, не человеку, а именно созданному им потустороннему фантому. Поэтому фантом представляется ему необходимым условием нравственного возрождения человечества и всякого общественного прогресса. Он проповедует революцию, но мы сейчас увидим, что лишь в опустошенной душе могла зародиться склонность к той революции, которую он проповедует» (2—III, 411). Плеханов разоблачает классовую природу нелепых и вздорных обвинений в мещанстве в адрес пролетариата. «Увы! Ничто не ново под луною! Все евангелие от Мережковского, Минского и им подобных оказывается — по крайней мере, в своем отрицательном отношении к воображаемому мещанству западноевропейского пролетариата — лишь новой копией весьма уже подержанного оригинала. Но это еще только полбеда. Беда-то в том, что оригинал, который воспроизводят наши доморощенные обличители пролетарского мещанства, сам насквозь пропитан буржуазным духом. Это какая-то насмешка судьбы, — и надо признаться, очень горькая, злая насмешка! Упрекая в мещанстве «голодных пролетариев», тяжелой борьбой отстаивающих свое право на человеческое существование, французские парнасцы и декаденты сами не только не пренебрегали житейскими благами, но, напротив, негодовали на современное буржуазное общество, между прочим, за то, что оно не обеспечивает достаточного количества этих благ им, гг. парнасцам и декадентам, тонким служителям красоты и истины. Смотря на классовое движение пролетариата, как на порождение низкого чувства зависти, они ровно ничего не имели против разделения общества на классы» (2—III, 418–419).

Плеханов не оставляет камня на камне от «евангелия от декаданса», от мистических построений «религии будущего». «Эти почтенные мистики, — заключает он, — в самом деле не ходят и не бегают — ходить и бегать человек может только по земле, нам же, конечно, не до земли, — а летают, и летают головой вниз. От этого нового способа передвижения у них делается прилив крови к мозгу, и он не совсем хорошо функционирует. Это обстоятельство проливает чрезвычайно яркий свет на происхождение декадентской мистики» (2—III, 437).

Третье направление теоретических исследований Плеханова — история русской общественной мысли XIX века. Кроме названных рецензий на книги Гершензона и Иванова-Разумни-ка, Плеханов написал две работы о Виссарионе Григорьевиче Белинском. Одна из них — «Философские и литературные взгляды Белинского» — написана

специально для болгарского издания, другая для «Истории русской литературы XIX века».

Каждую зиму Плеханов по совету врачей уезжал из Женевы. Он проводил зиму то на юге Швейцарии, то на севере Италии. Эти отъезды были огорчительны для него и Розалии Марковны — мучила разлука, жизнь в разных пансионатах была дорогой и не всегда удобной.

В апреле 1908 года здоровье Георгия Валентиновича несколько окрепло, и он решил осуществить свою давнишнюю мечту и осмотреть города и картинные галереи Италии. Он поехал в Рим, а оттуда по выработанному им самим маршруту — Перуджия, Флоренция, Болонья, Равенна, Феррара, Падуя, Милан. В коротеньких открытках он сообщал жене о своем путешествии.

Но, вернувшись из Италии в Женеву, Плеханов снова почувствовал себя плохо. Розалия Марковна сняла ему комнату в деревушке, в горах — там Плеханов мог спокойно работать.

В эти же весенние дни было получено письмо из Москвы, которое имело большое значение для дальнейшей работы Плеханова. Последние годы он получал много предложений от русских и иностранных издательств.

Но это предложение было особого рода — издательство «Мир» предлагало Плеханову написать «Историю русской общественной мысли».

Через несколько дней Плеханов ответил издательству принципиальным согласием и начал работать над планом. В октябре он послал в Москву письмо, где сообщал о необходимости увеличить работу до 36–40 листов, и прилагал «Приблизительную смету» относительно распределения (объема) печатного материала:

- 1) Общее историческое введение.....3 листа
- 2) Век Екатерины II (Новиков, Радищев и проч.).....3 листа
- 3) Павел I и Александр I. Декабристы.....4 листа
- 4) Николай I (общий обзор состояния страны и литературы, славянофилы, западники, петрашевцы).....7 листов
- 5) Александр II (60-е гг., революционные кружки; народничество, «хождение в народ», «народовольство», катастрофа 1 марта).....10 листов
- 6) Александр III (вырождение народничества и возникновение марксизма).....4 листа
- 7) Николай II — первая часть (спор народников и субъективистов с марксистами; дифференциация в марксизме, т. е. «критика Маркса»).....5 листов
- 8) Николай II — вторая часть (политические партии: европеизованный

либерализм; социал-демократы, социалисты-революционеры)
.....5 листов

9) события 1905–1907 гг. и их влияние на эволюцию русской общественной мысли.....5 листов

.....

Итого 36 листов

Плеханов ошибся при подсчете листов, их получалось совсем не 36, а 46.

В действительности же получилось совсем по-другому. Плеханов работал над «Историей русской общественной мысли» почти до самой смерти. За 8 лет (1909–1916 годы) он написал три тома общим объемом 57 листов. Предполагалось, что он напишет еще четыре тома. Главная трудность для Плеханова состояла в том, что он написал историю русской общественной мысли XVII и XVIII веков, то есть за тот период, которым он раньше не занимался. Поэтому надежды на то, что он сможет использовать в этой работе ранее написанные труды, не оправдались.

Втройне возрастала трудность получения источников для работы. Плеханов жил в Швейцарии и Италии, а большинство книг можно было получить только из России. Георгий Валентинович и его жена писали большие письма в Москву, в Петербург знакомым и незнакомым людям с просьбой прислать на время или купить для него книги. Это были большие списки, и, наверно, издательство «Мир» не раз пожалело, что оно заказало книгу писателю, живущему за границей.

Приобретение книг для «Истории русской общественной мысли» очень расширило библиотеку Плеханова, которая пополнилась сотнями томов.

Совершенно исключительную помощь получил Плеханов от библиографа Николая Александровича Рубакина, с которым он познакомился в 1909 году.

Рубакин жил в Кларане, где он работал над вторым изданием своего труда «Среди книг». Он создавал в это время принципиально новое издание, в котором списки книг сопровождались обширными введениями, дающими характеристику книг, классификацию течений и взглядов и наиболее видных их представителей. Никогда еще ни в России, ни за рубежом не создавался подобный труд. И Рубакину, как первопроходцу, встретились большие трудности. К тому же он тоже страдал от недостатка книг, хотя у него была богатая библиотека.

Плеханов и Рубакин с первого же дня знакомства почувствовали взаимную симпатию и большое уважение друг к другу. И это несмотря на

то, что взгляды их существенно отличались. Плеханов-марксист почти во всем не был согласен с Рубакиным, который считал себя последователем Н. К. Михайловского. Но Плеханова привлекали в его новом знакомом энциклопедические знания, любовь к книгам, альтруизм и доброта, которые сквозили в каждом поступке этого замечательного человека.

Плеханов понимал также важность и трудность издания такого обширного и разностороннего библиографического труда, который задумал Рубакин.

Ежегодно Плеханов заезжал в Кларан к Рубакину, у которого проводил целые дни, знакомясь с книжными новинками, обсуждая с хозяином интересующие обоих вопросы. Но эти свидания были редки, и часто приходилось ограничиваться письмами. К счастью, большинство писем сохранилось, и они позволяют восстановить отношения этих двух деятелей русской культуры. Не будет преувеличением сказать, что Георгий Валентинович не смог бы написать свою «Историю русской общественной мысли» или написал бы на значительно меньшем материале и с большими трудностями, если бы он не пользовался богатой библиотекой Рубакина. В Кларан шли письма со списками необходимой литературы, с просьбами срочно, как можно скорее, выслать ту или другую книгу, с вопросами об изданиях, на которые мог бы ответить только такой всезнающий библиограф, как Рубакин.

И недаром на первой странице I тома «Истории русской общественной Мысли», который вышел накануне первой мировой войны, в июне 1914 года, написано: «Выражаю мою глубокую благодарность тем исследователям, которые — иногда даже не будучи лично знакомы со мною — помогли мне доставкой материала... Я никогда не забуду их услуг. Ничто не мешает мне, я полагаю, назвать здесь по имени Н. А. Рубакина, с любезностью, поистине беспредельной, предоставившего в мое полное распоряжение свою богатейшую библиотеку. Г. Плеханов».

В такой, несколько витиеватой форме Плеханов отметил помощь Н. А. Рубакина в его работе.

Но, как мы говорили, эта помощь была взаимна. Плеханов оказал большое влияние и на работу Рубакина. Он отрецензировал в рукописи или в корректуре обширные, наиболее трудные и принципиально важные разделы I и II тома библиографии. Его замечания касались не только фактических ошибок, но и ряда формулировок. Значительная часть замечаний Плеханова была учтена автором. Благодаря советам Георгия Валентиновича была несколько изменена или добавлена критическая литература в те разделы, где речь шла о трудах Н. К. Михайловского, М. И.

Туган-Барановского, В. Зомбарта, Ф. Ланге, Р. Иванова-Разумника и других буржуазных и мелкобуржуазных деятелей, уточнены характеристики политических учений.

Именно по предложению Плеханова в список произведений В. И. Ленина были включены его основополагающие работы, пропущенные Рубакиным, — «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «Развитие капитализма в России», сборник «Экономические этюды и статьи».

Кроме того, Н. А. Рубакин обратился к Плеханову за советом, как ему быть с заметкой В. И. Ленина «О большевизме», написанной по просьбе Рубакина для II тома библиографии, — он не считал себя достаточно компетентным в социал-демократической литературе. В следующем письме, от 20 марта 1913 года, он пишет: «Дорогой Георгий Валентинович, теперь уже тревожу Вас, надеюсь, в последний раз, и по очень важному делу, — прошу посмотреть отдел «Рус{ский} социализм», я в него вставил эти полстранички — краткое резюме о Вашей деятельности и Вашей особенности, если можно так выразиться, рядом с большевиками и меньшевиками. Я знаю, что Вы занимаете особое положение, но ориентироваться в спорах б{ольшевиков} и м{еньшевиков} не умею. О меньшевиках написал 1 страничку Л. Мартов, о большевиках г. Ленин. Этому последнему, зная его полемический пыл, я писал просьбу не прибегать к полемическим выражениям по адресу меньшевиков. Он прислал мне письмо, которое Вы прочтете в тексте. Это письмо я еще не решил печатать. Не выкинуть ли? В нем есть полемика. Я обращался к Ленину с просьбой смягчить нек{оторые} выражения и получил от него категорический отказ. Тогда я ввел в текст рукописи его письмо целиком, но с оговоркой, что текст письма оставлен мною без малейших перемен. Очень прошу, просмотрите и сделайте какие угодно изменения на полях рукописи (это дубликат). Быстрый ход моей книги заставляет думать, что она стала настольной (за 1 ½ года продано более 3200 экз.). О рус{ской} социал-демократии нужно дать возможно больше точных сведений.

Еще раз простите за труд и верьте, что я все Ваши указания всегда принимаю в расчет в точности».

И хотя Плеханову было предоставлено право сделать любые изменения, заметка Ленина «О большевизме» была напечатана полностью, без всяких сокращений. Очевидно, Плеханов склонил к этой мысли Рубакина, которого смущал полемический характер работы.

Плеханов своими замечаниями пытался преодолеть основной недостаток труда Рубакина — некоторый эклектизм его автора, который безуспешно стремился примирить в своей работе противоположные

взгляды. Благодаря тому, что Рубакин учел многие замечания Плеханова, была расширена библиография трудов Маркса, Энгельса и Ленина, а ряд формулировок во вводных статьях освободился от теоретической путаницы.

Сохранились воспоминания Н. А. Рубакина о Плеханове, об их встречах с 1909 по 1913 год. Рубакин записал свои впечатления от бесед с Плехановым в 1913 году: «Еще поражала меня его обширная универсальность, энциклопедичность его знаний. Громадная феноменальная память его удерживала не только главное, но и детали, теоретические и фактические. Он помнил тысячи не только книг, но и журнальных статей. Он помнил и людей, и встречи с ними, и лица, и слова их. Он обладал поразительно точным и быстрым восприятием и стремительно скорым и тоже точным мышлением и находчивостью. Каждый визит Плеханова ко мне оставлял неизгладимый след в моей душе».

К 1908–1909 годам относятся еще два интересных для Плеханова знакомства.

Летом 1908 года в Женеву приехал известный драматический актер Павел Николаевич Орленев. Последние годы он много гастролировал по России.

Плехановы встретили артиста и его жену очень радушно, помогли устроиться, несколько раз приглашали в гости. За столом Орленев рассказывал о положении в России, о настроении интеллигенции. По просьбе хозяев он читал отрывки из своих любимых ролей — царя Федора Иоанновича, Раскольникова, Дмитрия Карамазова, Освальда из «Привидений» Ибсена. Талант, ум, сердечность Павла Николаевича в соединении с прекрасной внешностью и великолепным бархатным голосом очаровали всю семью Плехановых.

Плеханов подарил артисту свою книгу «Генрик Ибсен» с дарственной надписью; он не раз разъяснял ему марксистскую точку зрения на роль искусства, влияние материальных факторов на развитие духовной жизни общества.

Когда позже П. Н. Орленев прислал письмо Плеханову из Харбина, где тогда гастролировал с организованным им «Крестьянским театром», он писал, что их встреча «никогда не изгладится из моей памяти. Очень, очень хотелось бы слушать Вас, находиться близ Вас и поучаться Вашей проникновенной чуткой личностью».

В феврале — марте 1909 года Плеханов жил в Ницце. Даже в Ницце стояла плохая погода — дули холодные ветры. Плеханов плохо себя

чувствовал, работы было много, а отдыхающая публика была малосимпатичной. Он писал жене 25 февраля: «Начинаю понемногу знакомиться с публикой. Пока немного интересного. Немного похожа на публику, которую Щедрин изображал под именем культурных людей. Тот, кого я принимал за черносотенца, уехал. И я рад этому, потому что я боялся, что я с ним подерусь».

Ничего себе компания! Зато Плеханов познакомился с Федором Ивановичем Шаляпиным, который жил недалеко, в Монте-Карло. В нескольких письмах он пишет жене и дочери о встречах с певцом. А когда в Ниццу приехала Розалия Марковна, то они позвали Шаляпина к себе в гости.

Обед прошел очень оживленно. И хозяева и гость получили большое удовольствие от проведенного вместе времени. После этого Федор Иванович прислал свою фотографию с надписью: «Милейшим супругам Плехановым на память о свидании и в знак искренней симпатии. Федор Шаляпин. 26.III.(1)909. M. Carlo».

Эта карточка в течение двух лет стояла на камине в квартире Плехановых в Женеве. Плеханов любил рассказывать гостям о встречах с гениальным певцом, о его таланте, о его выступлениях, за которыми следила вся семья Плехановых, и особенно дочери, страстные поклонницы Шаляпина.

Но когда в феврале 1911 года Плехановы узнали о том, что Шаляпин встал на колени перед царской ложей, когда хор обратился к царю с просьбой об улучшении своего положения, они, как и многие, были возмущены. Георгий Валентинович под влиянием минуты раздражения вложил фотографию Шаляпина в конверт, написал записку «Возвращаем за ненадобностью. Г. Плеханов. Р. Плеханова. 1 марта 1911 г.». Наверно, потом, когда выяснились обстоятельства дела и стало известно, что Шаляпин не был предупрежден заранее о демонстрации и, растерявшись, встал на колени, Плехановы пожалели о своем поступке.

С наступлением осени 1909 года опять встал вопрос: куда перебираться Плеханову на зиму? Розалия Марковна не могла бросить врачебную практику в Женеве, которая была основным источником материального благополучия семьи. Но жить по несколько месяцев в разлуке Плеханов больше не мог.

И тогда Розалия Марковна осуществила свою мечту, которая у нее возникла еще в марте, когда она приезжала к мужу в Ниццу. Она решила открыть санаторий для больных на берегу Средиземного моря, чтобы Плеханов мог жить там зимой, а она лечила бы своих пациентов, а заодно и

его. Санаторий должен был быть зимним, а летом закрываться. Самое дорогое — оплата врача — отпадало, так как главным врачом будет Розалия Марковна, а ее помощницей — дочь Лидия Георгиевна, которая к тому времени тоже стала врачом-невропатологом.

Розалии Марковне повезло — она скоро нашла подходящий дом в Сан-Ремо и сняла его за сравнительно недорогую плату на сезон, а потом продлевала контракт до возвращения в Россию в 1917 году.

Вилла «Виктория» стояла на возвышенном месте, кругом много зелени, магазины и аптека были близко. Правда, море далековато, но ведь ее больным нужен был только морской воздух, а о купании не приходится и думать.

Когда санаторий был устроен и улажены все формальности с итальянскими властями, стали ждать пациентов. В санаторий жены социал-демократа не поедет чопорная публика из России, а итальянцы и швейцарцы уже имели свои излюбленные отели.

Членов и другие русские врачи, к которым обратилась за помощью Розалия Марковна, учитывали это обстоятельство, когда направляли к ней своих пациентов. Это были или члены семей революционеров и эмигрантов, или люди, индифферентные к политике, для которых главным были уход и лечение. Но все эти пациенты были небогатыми людьми, потому и плата в санатории доктора Боград была очень скромной. В общем, расходы еле покрывались доходами. Но зато вся семья могла жить вместе.

Когда все было готово, Розалия Марковна сама привезла мужа.

После отдыха Георгий Валентинович решил осмотреть сад и спуститься в городок. В саду росли изящное перечное дерево, мимоза и много кустов роз. С террас над дорогой был виден залив Средиземного моря, иногда блестящего под лучами солнца, иногда синеющего бирюзой.

От виллы «Виктория» в город тянулась тропинка, выложенная камнем, переходящая иногда в лестницу с обветренными ступеньками.

Розалия Марковна с гордостью показывала мужу город, довольно древний, со средневековыми зданиями, узкими улочками. А над городом были видны Альпы и белая шапка снегов, покрывающая вершину Монте-Роза.

Иногда, когда Георгий Валентинович чувствовал себя лучше, он гулял по главной улице — Корсо императрицы, — которая шла вдоль берега. Но часто он не мог себе это позволить — подъем к санаторию, хотя и недолгий, но довольно крутой, очень утомлял его.

Впервые Георгий Валентинович отдыхал, работал и лечился со спокойной душой, окруженный вниманием и заботой жены и дочери. Скоро

в Сан-Ремо перевезли часть его библиотеки из Женевы, некоторые любимые вещи, и он почувствовал себя дома.

Большую радость доставляли ему дети, жившие в санатории вместе с больными родителями. Когда Плеханов выходил отдохнуть в сад, они тотчас окружали его. Он умел так с ними разговаривать, придумывал такие игры, что даже самые застенчивые скоро стали его друзьями.

6. В защиту подполья. Борьба с ликвидаторами

В годы реакции, наступившей после поражения первой русской революции, когда опасность угрожала самому существованию российской социал-демократии, Плеханов вновь «тряхнул стариной», выступив в защиту революционного подполья. История его борьбы с ликвидаторами за партию российского пролетариата — одна из ярких страниц политической биографии Плеханова. Ленин отмечал в 1914 году как большую заслугу Плеханова, что прежние тактические ошибки «не помешали ему в лихолетье 1908–1912 гг. воспеть «подполье» и разоблачать его врагов и противников»^[76].

Как мы помним, на IV и V съездах партии Плеханов, несмотря на его расхождения по некоторым вопросам с лидерами меньшевиков, был все же солидарен с меньшевиками по большинству вопросов. Правда, еще на Лондонском съезде партии обнаружились разногласия Плеханова с меньшевиками-ликвидаторами. При обсуждении организационных вопросов разгорелся спор между Плехановым и одним из делегатов съезда. Георгий Валентинович через два года вспоминал об этом факте: «Ликвидаторская» тенденция, к сожалению, не новость в среде меньшевиков. Мне пришлось встретиться с нею уже на нашем партийном Лондонском съезде 1907 года. Но тогда она была еще очень слаба» (1—XIX, 10).

После поражения революции лидеры меньшевиков еще более резко повернули вправо. Они стремились во что бы то ни стало к легальному существованию социал-демократической партии, идя на отказ от революционной теории, от принятой II съездом РСДРП программы, от организационных принципов и традиций марксистской партии рабочего класса. Они считали, что самодержавие уже превратилось в буржуазную монархию, поэтому задачи буржуазной революции в России могут при давлении оппозиционных кругов решить правительство и Государственная дума. Поэтому они ратовали только лишь за легальные методы партийной

деятельности и требовали прекращения нелегальной работы. Если бы в российской социал-демократии победили такие настроения, то партия была бы ликвидирована. В условиях царской реакции революционная партия рабочего класса могла в России существовать только как подпольная партия, имеющая нелегальные организации и применяющая нелегальные формы работы наряду с использованием возможностей легальных методов деятельности.

Ликвидаторы маскировали, особенно первое время, свои взгляды псевдореволюционными фразами, и не так-то легко было их разоблачить. Но по мере роста и выявления ликвидаторских настроений среди меньшевиков Плеханов все более отдалялся от меньшевиков-ликвидаторов и вскоре, в 1908 году вступил в идейную борьбу с ними. С чего эта борьба началась?

Литераторы-меньшевики задумали написать пятитомное издание «Общественное движение в России в начале XX в.». Редакторами и авторами этого издания должны были быть Ю. О. Мартов, А. Н. Потресов, П. П. Маслов и Г. В. Плеханов.

Георгий Валентинович вначале с готовностью вошел в редакционную коллегию и собирался написать несколько разделов. Его очень интересовала сама тема, отношения с соредакторами были в то время достаточно хорошими, тем более что они всячески подчеркивали, что все издание будет готовиться под непосредственным руководством Плеханова, что без него они не приступили бы к такой работе. Плеханов начал уже писать статью для I тома этого издания и ожидал статей других участников, которые он должен был получать для редактирования.

Одновременно с этим Плеханов согласился войти в редакционную коллегию нелегальной меньшевистской газеты «Голос социал-демократа», которая состояла из П. Б. Аксельрода, Ю. О. Мартова, Ф. И. Дана и А. С. Мартынова. Меньшевики могли торжествовать — Плеханов был с ними.

Сведения о поведении меньшевиков-ликвидаторов в России, об их стремлении свернуть нелегальную работу партии, наверно, доходили до Плеханова, хотя его практические связи в то время шли как раз через тех же меньшевиков, которые не делились с ними своими планами. Лидеры меньшевиков пытались убедить Плеханова, что речь идет не о ликвидации социал-демократической нелегальной партии, а о возрождении ее под другим названием.

П. Б. Аксельрод писал Плеханову 20 января 1908 года: «...не выходя из нее (партии. — Авт.) пока и не провозглашая ее обреченной на гибель, мы должны, однако, считаться с такой перспективой и не солидаризовать

нашего дальнейшего движения с ее судьбой». С Аксельродом до осени 1908 года у Плеханова опять были самые дружеские отношения и, казалось, достигнуто взаимопонимание по всем вопросам. Поэтому сведения о состоянии социал-демократических организаций в России поступали к Плеханову главным образом через Аксельрода. Это вело к тому, что он имел неверное, искаженное представление по этому вопросу.

Но что касается вопросов теории, то тут Плеханов был во всеоружии. Его статьи, даже помещаемые в органе меньшевиков «Голосе социал-демократа», были направлены в защиту воинствующего материализма, против врагов и фальсификаторов марксистской теории.

Первые две части работы Плеханова «Materialismus militans» («Воинствующий материализм») были напечатаны в «Голосе социал-демократа». Плеханов увлекся этой темой, и работа разрослась, особенно вторая часть. Ведавший организацией номера А. С. Мартынов (тот самый Мартынов, который был «экономистом» и с которым Плеханов в то время сломал, особенно на II съезде партии, не одно копые в борьбе за марксизм), а затем и П. Б. Аксельрод предлагали Плеханову сократить статью.

В ответ Плеханов написал им 5 октября 1908 года: «Дорогие товарищи Павел и Александр Самойлович! Я не знаю, сколько именно букв в моей статье, но я знаю, что сокращать ее нельзя, т. е. собственно можно, но только на несколько букв. Но больше не могу сокращать. Войдите же в мое положение: меня просили, — прямо настаивали, — начать полемику с Богдановым. Я долго отнекивался: Дан свидетель. Наконец я берусь за перо, уничтожаю эту бестию, и теперь мне говорят: «надо сократить или отложить». Видали ли Вы kota с мышью во рту? Попробуйте посоветовать ему «сократить» или «отложить» его добычу: он только зарычит. Так и я. Ни сокращать, ни откладывать не могу, теперь во мне говорит чувство охотника, от которого может уйти дичь. Я могу предложить только совсем не печатать мою статью фельетоном, а выпустить ее отдельным приложением. Она окупится, а если не окупится, то я заплачу расходы. Но Богданов должен умереть сейчас и «sans phrases» (без разговоров. — Авт.) (З—V, 312).

А. А. Богданов, который уже в 1902–1903 годах был деятелем социал-демократической партии, вначале подпал под влияние взглядов немецкого естествоиспытателя Оствальда, в которых естественнонаучный материализм переплетался с позитивистским идеализмом, а затем стал махистом в философии и «ликвидатором наизнанку» в политике. Историю философско-политического грехопадения Богданова и отношение к нему большевиков и Плеханова вспоминает Владимир Ильич Ленин в письме к

М. Горькому в феврале 1908 года. Он пишет, что во время совместной работы с Плехановым в «Искре» они не раз беседовали о Богданове. Плеханов показывал Владимиру Ильичу ошибочность взглядов Богданова, но не считал его ошибки в то время очень большими. Ленин и Плеханов даже согласились сотрудничать в одном сборнике с ним, но при условии, что Плеханов выступит в нем против философии Маха. Во время первой русской революции Богданов входил в большевистскую партию, он был делегатом большевиков на III, IV, V съездах партии. Но его заблуждения в философии привели к тому, что уже в 1904 году и особенно с 1906 года он становится одним из главных представителей философского ревизионизма, пытаюсь заменить диалектический материализм идеалистическими воззрениями Маха и Авенариуса. Появление в начале 1908 года сборника «Очерки по философии марксизма» со статьями Богданова, Базарова, Луначарского, Юшкевича и других представителей махизма в России представляло уже серьезную опасность. Ленин назвал этот сборник «Очерками против философии марксизма». Он решительно выступил в печати с критикой антинаучных, идеалистических взглядов этих авторов, хотя некоторые из них в то время еще принадлежали к большевикам.

В письме к Горькому, рассказывая о своих отношениях и переписке с Богдановым, Ленин неоднократно пишет, что в спорах Богданова с Плехановым он все время стоял на стороне Плеханова. Так, прочитав в 1906 году «Эмпириомонизм» Богданова, Ленин написал ему «тогда «объяснение в любви», письмецо по философии в размере трех тетрадок. Выяснял я там ему, что я, конечно, рядовой марксист в философии, но что именно его ясные, популярные, превосходно написанные работы убеждают меня окончательно в его неправоте по существу и в правоте Плеханова»^[77].

К сожалению, эти ленинские «тетрадки» не разысканы и, возможно, не сохранились для истории.

В следующем письме от 24 марта 1908 года (до опубликования писем Плеханова «Materialismus militans») Ленин писал Горькому, пытавшемуся примирить его с Богдановым, Базаровым и Луначарским: «Плеханов всецело прав против них по существу, только не умеет или не хочет или ленится сказать это конкретно, обстоятельно, просто, без излишнего запугивания публики философскими тонкостями. И я во что бы то ни стало скажу это по-своему»^[78].

Меньшевистские лидеры вообще были равнодушны к философии и отличались терпимостью в отношении идеалистических учений и извращений марксистской философии. Они шли вслед за Каутским,

который писал Плеханову в марте 1908 года: «Что касается Маха, я отношусь к нему без всякой предвзятости; должен сознаться, что еще не собрался ничего прочесть из его произведений. Ввиду значительности его выступления я считаю необходимым давать высказываться в «Neue Zeit» его сторонникам, так как «Neue Zeit» является органом для дискуссий и всех серьезных социалистических воззрений...»

Меньшевики с готовностью приняли работу Плеханова в журнал «Голос социал-демократа». Это объясняется не только желанием «заполучить» Плеханова в свой орган, но и тем, что «Materialismus militans» были направлены против Богданова и Луначарского, которые были в тот момент членами большевистской партии. И меньшевики, используя эту работу Плеханова в фракционных целях, обвиняли большевиков в махизме. Вот почему Ленин писал, что Плеханов «в своих замечаниях против махизма не столько заботился об опровержении Маха, сколько о нанесении фракционного ущерба большевизму»^[79].

Но такое использование критики махизма для нанесения ущерба большевизму стало весьма трудным после выхода в свет сборника, о котором писал Ленин Горькому — «Очерки по философии марксизма», — включавшего статьи не только Богданова и Луначарского, но и ряда меньшевиков — Валентинова, Юшкевича.

В то же время Плеханов пишет в очень резком тоне одному из лидеров меньшевиков, Ф. И. Дану, о своем отношении к Юшкевичу и Валентинову, которые поместили в этом сборнике свои ревизионистские статьи: «Я никогда не предполагал, что... мы можем в легальной печати идти под руку с Валентиновым, Юшкевичами и прочей полумарксистской сволочью. (Не поставьте мне в вину, что я раньше не выражался о них так резко: думал-то о них я всегда так)... Пишите где хотите, но предварительно размежуйтесь с людьми, вносящими в марксизм элементы ереси. На очереди, по моему мнению, размежевание именно с полу-марксистами Валентиновым, Потресовым... и т. д... Я не считаю позволительным быть строже к Богданову, нежели к Юшкевичу, на том основании, что первый большевик, а второй меньшевик... Гетеродокс (неправоверный. — Авт.) из лагеря большевиков для меня ничем не хуже гетеродокса из лагеря меньшевиков... Я сторонюсь обоих» (4—I, 232—233).

В третьем письме Богданову достается уже всем махистам, независимо от их партийной принадлежности. Еще до выхода этой части работы Ленин в 1908 году в статье, посвященной 25-й годовщине со дня смерти Карла Маркса, отмечал заслуги Плеханова в борьбе за марксистскую философию: «...единственным марксистом в международной социал-демократии,

давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов. Это тем более необходимо решительно подчеркнуть, что в наше время делаются глубоко ошибочные попытки провести старый и реакционный философский хлам под флагом критики тактического оппортунизма Плеханова»^[80].

Одновременно с борьбой против идеалистической ревизии философии марксизма Плеханов выступил против ликвидаторов пытавшихся попортить организационные основы партии и разрушить саму партию.

В октябре 1908 года Плеханову прислали статью Потресова «Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху», которая предназначалась для пятитомника «Общественное движение в России в начале XX века». Плеханов в категорической форме потребовал ее переделки. В своем письме к соредктору Ю. О. Мартову он объяснял свое требование тем, что Потресов подробно излагал взгляды «легального марксиста» Струве, но умалчивал о существовании критики Струве со стороны ортодоксального, то есть революционного, марксизма. «Я жалею, что и прежде, — писал Плеханов, — когда Струве выдавал себя за нашего, я не обрушился на него, как он того заслуживал. Я не сделал этого, уступая настояниям Александра Николаевича (речь идет о разговоре Плеханова с А. Н. Потресовым в 1894 году в Лондоне. — Авт.). Теперь я не повторю ошибки и не сделаю новой уступки духу Струве. Повторяю, я считаю себя нравственно обязанным требовать переделки пересылаемой Вам части статьи — переделки в том духе, чтобы она не была односторонним — в пользу Струве — изложением хода нашего тогдашнего умственного развития. Я уверен, что Вы признаете мои настояния совершенно справедливыми. Правда, Александру Николаевичу нелегко будет изменить статью: он не хочет отделаться от своей манеры писать так, как писал бы взбунтовавшийся «легальный марксист». Но я, со своей стороны, решительно не способен перейти на точку зрения «легального марксиста», хотя бы и взбунтовавшегося» (4—I, 229).

Но автор статьи, Потресов, отказался ее переделывать, а Мартов и П. Аксельрод поддержали его. Плеханов пытался доказать им, что идеи Потресова — это чистейший ревизионизм и ликвидаторство, ибо в статье проводится мысль, что нелегальная деятельность ничто в сравнении с легальной. Но они не верили или делали вид, что не верят Плеханову. Правда, Потресов немного дополнил статью, но суть ее от этого не изменилась.

8 ноября 1908 года Плеханов опять пишет Мартову, что он вынужден

выйти из редакции пятитомника «Общественное движение в России...»: «Я знаю, что это поведет к большим неудобствам. Но я в этом не виноват. Да к тому же главное неудобство состоит не в том, что я отказываюсь от участия в 5-титомнике, а в том, что Александр Николаевич пришел ко взглядам, которые равносильны истинно бернштейнианскому равнодушию к теории. Это даже не неудобство, а целое несчастье. Но я вижу, что оно непоправимо, и я думаю, что отныне мне выступать рядом с Александром Николаевичем неудобно... Поверьте, что это не каприз. Вы сами скоро увидите, в какое болото теоретического оппортунизма придет Александр Николаевич» (4—I, 231).

Ф. И. Дану, который представлял дело так, будто Плеханов раздувает незначительный конфликт, он отвечал 26 ноября: «Я самому Александру Николаевичу сейчас после чтения его статьи у меня на квартире сказал, что он смотрит на историю наших идеологий глазами легального марксиста. В этих трех словах, трех словах, сказано все, что говорится в смысле крайнего неодобрения в моих последних письмах. Одно исключение допускаю я. Александр Николаевич в самом деле не казался мне таким опасным, каким кажется теперь. Но ведь раньше я даже и мысли не допускал о том, что его струвизм (легальный марксизм) может быть не замечен Вами и Юлием Осиповичем. Раз это так, то Потресов, в самом деле, очень опасен, и за него необходимо взяться» (4—I, 232).

Плеханова уговаривали со всех сторон. Из Петербурга писала ему Любовь Исаковна Аксельрод, которая уверяла, что «Потресов преданный социал-демократ». П. Б. Аксельрод обращался к Розалии Марковне, члены редколлегии «Голоса социал-демократа» приезжали к Плеханову в Женеву. Но главное требование Плеханова — отказаться от публикации статьи Потресова — не было выполнено.

Поэтому 5 января 1909 года Плеханов пишет открытое письмо в редакцию «Голоса социал-демократа» о своем выходе из редколлегии. Он разъясняет в нем, что из-за несогласия со статьей Потресова, которая была опубликована в легальном издании, выходящем в Петербурге, он выходит из редколлегии нелегального журнала, выходящего в Женеве.

«Я, совершенно неожиданно для меня, разошелся с т. Мартовым в оценке статьи А. Н. Потресова, несомненно имеющей огромное принципиальное значение при всех своих столь же огромных литературных и теоретических недостатках. Как можно объяснить это расхождение? По моему, оно может быть объяснено только тем, что мы вообще неодинаково смотрим на те коренные вопросы, которые затронуты в статье А. Н. Потресова. Поэтому нам трудно участвовать вместе в редакции «Голоса

социал-демократа». Разумеется, мои разногласия с ним могли бы умеряться влиянием остальной части редакции. Но я, к величайшему своему сожалению, убедился, что в вопросе, разделившем меня с т. Мартовым, эта часть редакции была ближе к этому последнему, нежели ко мне. Поэтому мне остается подать в отставку. Нечего и говорить, что нелегко мне принять это решение. Но меня утешает сознание выполненного долга, убеждение в том, что своим выходом я протестую против распространения таких взглядов, которые отрицают все традиции революционного марксизма» (4—I, 236).

За этой краткой хроникой событий стояло столько раздумий, переживаний, бессонных ночей. Ведь Плеханов понимал, что окончательно рвет со своим старым другом П. Аксельродом и другими меньшевиками, что он стоит на распутье. О настроении Георгия Валентиновича в эти дни свидетельствует его письмо к жене: «Прочел письмо Мартынова. Не судьба нам идти с меньшевиками. Я осужден на полное одиночество. Я не пугаюсь этой судьбы, но все-таки мне тяжело, моя Розочка. Любовь Исаковна (Аксельрод. — Авт.) уже склоняется к миру. А я буду воевать и заставлю Дана и компанию пожалеть о своей тупости.

Пиши мне почаще. Мне так тяжело и грустно одному. Завтра засяду за работу. Голова вылечит сердце».

И действительно, через некоторое время Плеханов справился со своими сомнениями, он сообщил Розалии Марковне: «...Настроение духа у меня не праздничное, это правда; но если ты думаешь, что я очень огорчаюсь моим столкновением с теми, кого ты называешь моими друзьями, то ты ошибаешься. У меня есть способность владеть собой. Вероятно, это способность самовнушения.

Я говорю себе: с этим надо покончить, то-то надо забыть — и забываю, и кончаю... Теперь я сказал себе: надо забыть этих господ. О, поверь, что я их забуду и успокоюсь»^[81].

И со всей страстью своей натуры Плеханов вновь ринулся на борьбу с ликвидаторами.

В 1909 году возобновляется издание плехановского «Дневника социал-демократа». Плеханов в предисловии к дневнику пишет: «Мы переживаем кризис, грозящий самому существованию нашей партии. В такие эпохи молчать невозможно. Поэтому я возобновляю свой «Дневник социал-демократа» (1—XIX, 3).

И чем яснее проявлялись ликвидаторские взгляды меньшевиков, которые звали к отказу от нелегальной партии, чем яснее обнаруживались идейно-философские шатания лидеров меньшевизма, тем энергичнее

выступал против них Плеханов, тем больше он сближался с большевиками, хотя оставался в политике и тактике на меньшевистских позициях.

С апреля 1910 года он начинает активно сотрудничать в газете большевистской партии «Социал-демократ». Он публикует там семь статей и заметок. Первой была статья «В защиту подполья». В ней Плеханов гневно бичует меньшевиков-ликвидаторов, разрушающих партию: «На революционное «подполье» очень нередко нападают теперь те, которые просто-напросто не способны к революционной деятельности; они устали, им хочется отдохнуть, им уже не по силам тяжелое и непрерывное подвижничество самоотверженных деятелей «подполья», они спешат превратиться в мирных обывателей, и вот они подрывают корни того дуба, желудями которого они сами некогда питались; и вот они бегут из «подполья», стараясь уверить себя и других, что их бегство из него не измена делу, а лишь постановка его на более широкую основу... пора крикнуть господам, осмеивающим нынешние попытки революционно воскресить «подпольные» организации:

«Над чем смеяться вздумали, глупцы,
Опошлить чувство вздумали какое» (1—XIX, 134).

В это тяжелое для партии время борьбы на два фронта — против ликвидаторов и «отзовистов», которых Ленин называл «ликвидаторами наизнанку», — Плеханов возглавил группу меньшевиков-партийцев, которые наряду с большевиками, хотя и непоследовательно, боролись за сохранение партии. Плеханов был за сближение с большевиками, однако против перехода на позиции большевиков по всем вопросам: «Большевики отмежевались от анархо-социалистов; нам пора отмежеваться от «ликвидаторов». Таким образом произойдет «генеральное межевание», которое облегчит сближение между большевиками и меньшевиками на почве общей партийной работы. Я говорю именно о взаимном сближении, а не о переходе меньшевиков на точку зрения большевиков и не о передвижении большевиков на меньшевистские позиции...» Плеханов считал, что, покончив с этими двумя разновидностями ревизионизма (ликвидаторским оппортунизмом и анархо-синдикализмом), «наша партия обеими ногами встанет на твердую почву учения Маркса. И это будет для нее необходимым залогом единства. Разногласия и тогда не исчезнут, споры и тогда не прекратятся. Что за беда? «Спор есть отец всех вещей», — говорил великий эфесский мыслитель. Мы будем стремиться к одной великой цели: укреплению нашей партии и к упрочению ее влияния на

широкую рабочую массу» (1—XIX, 23–24).

Несмотря на ошибочные попытки Плеханова встать «над» борющимися сторонами — большевиками и меньшевиками, революционерами и оппортунистами, — Ленин считал нужным в интересах революционного дела воспользоваться поддержкой Плеханова и других меньшевиков-партийцев в России и за границей в борьбе против ликвидаторства.

Меньшевики-ликвидаторы ответили на критику Плеханова целой серией злобных статей и, искажая факты, пытались представить борьбу Плеханова против ликвидаторов как выходки зарвавшегося беспринципного человека, порвавшего с истинными марксистами из-за мелочей, из-за плохого характера и т. п.

Потресов и другие, бросившись в атаку на Плеханова, все более себя разоблачали в глазах революционеров. А в Плеханове, отбросившем прежние дружеские отношения в целях принципиальных, полемика с ликвидаторами только возбуждала дух борца. Он писал в апреле 1910 года Ш. Раппопорту: «Я рад, что моя статья бесит ликвидаторов. Люблю врагов, хотя и не христианской любовью... Жду с нетерпением ответа ликвидаторов. Задам же я им» (4—I, 244).

Меньшевики пытались для подрыва идеи о необходимости нелегальной деятельности партии использовать даже дело Азефа.

Евно Азеф был одним из лидеров партии эсеров, в организации которой он участвовал наравне с известным революционером Г. А. Гершуни. Он был руководителем боевой организации эсеров, организатором наиболее значительных террористических акций этой организации, в том числе убийства министра внутренних дел, шефа жандармов В. К. Плеве и великого князя Сергея Константиновича. Азеф пользовался исключительным доверием и даже любовью в партии эсеров, он был делегатом Штутгартского конгресса II Интернационала.

И вдруг в конце 1908 года историк В. Л. Бурцев выступил с разоблачением Азефа как провокатора, выдавшего полиции не только отдельных членов партии, но даже съезд представителей эсеров в Харькове и всю боевую организацию. Сначала Бурцеву не поверили. Гершуни, когда ему сказали накануне его смерти о подозрениях в отношении Азефа, ответил: «Ну тогда и я провокатор». Однако доказательства, предъявленные Бурцевым ЦК партии эсеров, были столь убедительны, что начали следствие. Обвинения подтвердились, а Азеф скрылся.

Разоблачения Бурцева попали в печать, и эсеры не могли скрыть, что во главе их партии с самого основания стоял платный агент полиции.

В связи с этим в социалистических кругах Западной Европы и среди меньшевиков в России стало распространяться ошибочное мнение, что провокаторство — следствие нелегального существования партии. Кое-кто не прочь был сделать вывод, что правы ликвидаторы, призывающие свернуть подпольную деятельность партии социал-демократов.

Сохранилось интервью Плеханова корреспонденту московской либерально-буржуазной газеты «Русское слово», где он выступает в защиту подполья.

Корреспондент «Русского слова» пришел к Плеханову с солидной рекомендацией от одного хорошо знакомого партийного деятеля. Был май 1909 года, Плеханов порвал с меньшевиками-ликвидаторами и еще только налаживал контакты с большевистскими изданиями. Прочитав рекомендательное письмо, Плеханов спросил:

— Итак, вы — господин Троцкий.

— Меня многие спрашивают, не родственник ли я Льву Троцкому.

— Я, разумеется, вас так не спрошу. Разве только это тоже ваш псевдоним, и вы его взяли из симпатии к тому Троцкому.

— Нет, нет, Георгий Валентинович, это моя настоящая фамилия. А политических симпатий у меня еще нет, я вообще беспартийный.

— Первый раз слышу такое... странное заявление.

Посмеявшись по поводу псевдонимов, собеседники почувствовали себя совсем спокойно и приступили к делу.

Плеханов сообщил, что знал Азефа с 1895 года. Но здесь Георгий Валентинович ошибся — сохранилось письмо Азефа к нему от 1894 года, где речь идет о переводе какой-то книги. В то время Азеф учился в Политехникуме в Карлсруэ. Он, как стало недавно известно, и тогда был провокатором; уже в 1892 году он предложил — письменно — свои услуги осведомителя департаменту полиции и получал от него небольшую (пока что) плату. В Карлсруэ не было русских политических эмигрантов, поэтому, чтобы собирать сведения для полиции, Азеф на каникулы ездил в Швейцарию. Никаких подозрений это не вызывало — туда ездили многие немецкие студенты.

В Женеве, очевидно, в 1894 году Азеф и познакомился с Плехановым.

В разговоре с корреспондентом «Русского слова» Плеханов вспоминал об Азефе: он «в то время часто к нам захаживал, спорил и производил впечатление человека, интересующегося литературой. Его коньком был Михайловский. Он с жаром и даже страстью отстаивал роль личности в истории и громил марксизм. За проповедь субъективизма Азеф стоял горой. Разумеется, меня он интересовал только как принципиальный противник.

Попыток залезть в душу не делал, но держал себя как хороший знакомый, без фамильярности. Выл не умней, но и не глупей десятка других. Обычный тип заграничного русского интеллигента...»

— В то время его предательство не стоило крови, — заметил Плеханов. — Ведь что бы он про меня ни сказал, мне ничего царское правительство не могло сделать. А тех товарищей, которые приезжали ко мне из России, я старался не принимать дома или, во всяком случае, не при посторонних. Он не был мне ни другом, ни товарищем по партии. Так что нашим — социал-демократам — он немного навредил.

Далее Плеханов, сопоставив провокаторство Азефа и Сергея Дегаева, добавил:

— Вообще апогей расцвета эсеровской партии не превышал никогда уровня упадка «народовольчества». Там развернулся Дегаев, когда не было Желябова, Михайлова и Перовской. Здесь Азеф был «генералом» в момент расцвета. Меня удивляет только, как Гершуни, этот действительно выдающийся человек, не прозрел обмана? Как он мог поверить такому субъекту?

Ушел корреспондент от Плеханова очень довольный беседой. Договорились, что он пришлет текст интервью Плеханову, чтобы тот мог его поправить. Георгий Валентинович в разговоре иногда очень резко говорил об эсерах, что, мол, большинство у них неврастеники и экзальтированные натуры. Он не хотел, чтобы такие выражения попали в печать.

Но через несколько дней по почте пришла бандероль с номером «Русского слова», где было опубликовано интервью с ним под громким названием «Карьера Азефа». Плеханов очень рассердился. Он написал письмо в редакцию «Русского слова», где высказал свое возмущение тем, что корреспондент не показал ему текста беседы: «И это обстоятельство привело к тому, что мой взгляд на упомянутое дело был изложен Вашим корреспондентом неудовлетворительно».

Далее Плеханов излагает свою точку зрения на роль подполья и террора в деятельности партии — «Из статьи г-на Троцкого можно заключить, будто я считаю появление азефов неизбежным плодом «подполья», но это не так. Младотурки тоже действовали в «атмосфере подполья», а между тем мы ничего не знаем о турецких азефах. В «подполье», как и везде, все зависит от обстоятельств. Да и самое существование подполья зависит от обстоятельств, которые необходимо устранить для того, чтобы получить нравственное и логическое право презирать «подпольную» деятельность. Но это мимоходом. Главное то, что

в разное время и «подполью» история ставит разные задачи. Обстоятельства, при которых социалисты-революционеры нашего времени хотели воскресить деятельность партии «Народной воли», были неблагоприятны для «терроризма». На это не раз указывали антагонисты социалистов-революционеров — социал-демократы. И эти последние правы. Самые выдающиеся из тех лиц, которые вынуждены были действовать в «подполье», не симпатизировали «террору» и направлялись в совершенно другую сторону: именно в ту, которая была намечена социал-демократической программой. В ряды социалистов-революционеров шли в огромном большинстве случаев люди, хотя и полные самоотвержения, но, по своей крайней нервности, не способные к систематической работе и очень неопытные. Между ними не было и не могло быть лиц, подобных Желябову, А. Михайлову и другим народовольцам, так сказать, «первого призыва». И вот почему они могли быть обмануты Азефом, которому, конечно, не удалось бы обмануть Желябова и Михайлова. Ведь и Дегаев — этот Азеф народовольческого периода — начал свою печальную деятельность только тогда, когда народовольцы «первого призыва» сошли со сцены. Конечно, у социалистов-революционеров был Гершуни — человек действительно замечательный. Но пословица справедливо говорит, что один в поле не воин.

Короче, я думаю, что Азеф мог водить социалистов-революционеров за нос только потому, что они были слабы, а слабы они были потому, что главные силы подполья привлекала к себе социал-демократия».

Однако редакция «Русского слова» напечатала только одну фразу из письма Плеханова, где говорилось, что в изложение его мыслей «закрались некоторые важные неточности». И все. А само письмо Плеханова до настоящего времени никому не было известно.

Разрыв Плеханова с меньшевиками-ликвидаторами, его борьба за сохранение социал-демократической партии, за ее идейные основы сблизили его с большевиками.

29 марта 1910 года восстанавливаются личные контакты Ленина и Плеханова. Ленин пишет после пятилетнего перерыва письмо Плеханову:

«Дорогой и многоуважаемый товарищ! Вполне разделяя Вашу мысль, высказанную и в № 11 «Дневника» о необходимости тесного и искреннего сближения всех истинно социал-демократических элементов в борьбе с ликвидаторством и с отзовизмом, я очень хотел бы лично поговорить с Вами о положении дел в партии, создавшемся теперь. Если Вы тоже

находите это полезным и если состояние Вашего здоровья позволяет, будьте добры черкнуть мне (или телеграфировать) пару слов, когда Вы могли бы назначить мне свидание в Сан-Ремо. Я готов приехать для этой цели.

С товарищеским приветом Н. Ленин»^[82].

Письмо из Парижа в Сан-Ремо шло не больше двух дней, значит, Георгий Валентинович получил его не позднее 31 марта. Он ответил сразу же, через день-два, но и это промедление ему казалось неоправданным, и он просит за него прощение: «Дорогой товарищ. Простите, что замедлил ответом: я был нездоров. Я тоже думаю, что единственным средством разрешения кризиса, переживаемого теперь нашей партией, является сближение между марксистами-меньшевиками и марксистами-большевиками. И я считаю, что мне с Вами надо лично переговорить. Но я нахожу, что наше свидание будет полезнее, если оно состоится несколько позже, когда лучше выяснится настроение обеих фракций. События идут теперь быстро, и время хорошо воспитывает людей. Меньшевики все более и более склоняются к отпору ликвидаторству. Мне хочется думать, что большевики, со своей стороны, склоняются не только к отпору анархо-синдикализму, но и к отказу от того чересчур прямолинейного отношения к легальным рабочим организациям, которые, между нами сказать, сильно способствовали успехам ликвидаторства.

А пока будем расчищать поле для взаимного сближения, каждый в своей сфере.

Преданный Вам Г. Плеханов» (4—I, 151–152).

Через несколько месяцев, в конце августа состоялась встреча Ленина и Плеханова перед конгрессом II Интернационала в Копенгагене. Эта встреча очень отличалась от сухих, официальных разговоров, которые они вынуждены были вести на предыдущем конгрессе в Штутгарте. Встретились они в Париже, куда специально приехал Плеханов, и обсудили состав делегации российских социал-демократов и их отношение к вопросам, стоящим на повестке дня.

В. И. Ленин возглавлял делегацию русских социал-демократов. Разовые пропускные билеты на имя Плеханова были заполнены Лениным.

Плеханов участвовал в работе комиссии по вопросу о профсоюзном единстве и международной пролетарской солидарности. Чешские сепаратисты требовали, чтобы из австрийских централизованных профсоюзов были выделены автономные чешские профсоюзы с центром в

Праге. Против них выступили Плеханов и Ю. Мархлевский, которые обратили внимание на националистические тенденции в предложении чешских социалистов. Плеханов в своем выступлении подчеркнул, что вопрос о сплочении всех наций в рядах единого профсоюза имеет для многонациональной России особо важное значение.

Георгий Валентинович выступал на конгрессе и еще по ряду вопросов. Он был доволен своим основным докладом и писал жене 3 сентября 1910 года: «Вчера сделал доклад, хотя был сильно утомлен, но сошло хорошо, лучше в заключительном слове, чем в самом докладе, где приходилось не спорить, а излагать, что такой-то сказал то, а другой другое. Это не мой жанр. В общем, я очень доволен... А пригодилась-таки пролетариату моя штутгартская поправка».

В этом же письме Плеханов пишет: «Вчера мы обедали (т. е. вечером) с Гедом и другими представителями левого крыла Интернационала. Было и весело, и задушевно».

Очевидно, представители левого крыла Интернационала обедали вместе не один раз. Об этом свидетельствуют два любопытных документа.

Розалии Марковне Плехановой была отправлена открытка с видом Копенгагена. Она была написана 2 сентября. Текст, в котором делегаты конгресса приветствовали товарища Плеханову, был составлен на немецком языке, а подписан Жюлем Гедом, Анжеликой Балабановой и немецким социал-демократом Оскаром Коном. Внизу Плеханов приписал: «Привет с банкета марксистов. Г. П.»

На следующий день, 3 августа, после последнего заседания, в кафе опять собралась группа представителей левого крыла на конгрессе. Об этом свидетельствует другое письмо.

Делегат Болгарской социал-демократической партии, близкой к российским большевикам, Георгий Кирков послал своей жене, тоже революционерке, Тине Кирковой открытку следующего содержания: «Тина, марксисты, собравшиеся на ужин после конгресса, передают тебе поздравление. Твой Георгий». А внизу стояли подписи присутствующих: Жюль Гед, Роза Люксембург, Г. Плеханов, Карл Моор, Н. Ленин (В. И. Ленин часто подписывался с этим инициалом. — Авт.), И. Карский. В хорошем обществе проводил время Георгий Валентинович!

На конгрессе в Копенгагене произошло дальнейшее размежевание двух течений в рабочем социалистическом движении — революционного (левого) и оппортунистического (правого). Представители левого течения устроили приватное совещание — вне рамок конгресса, — на котором обсудили важные вопросы. На этом заседании Плеханов говорил о том, что

оппортунисты поддерживают друг друга и действуют согласованно, поэтому необходимо объединить усилия революционных марксистов в борьбе против них.

В общем, решения Копенгагенского конгресса при всех их недостатках были победой левого крыла Интернационала.

В результате личных встреч Плеханова с большевиками были устранены многие разногласия и достигнута договоренность о дальнейшей совместной деятельности.

Плеханов в 1910–1913 годах активно сотрудничал в газетах и журналах, издаваемых большевиками. Он опубликовал в них свыше 20 статей и заметок, большинство которых были посвящены актуальным вопросам теории и политики.

В ноябре 1910 года газеты всего мира сообщали о последних днях жизни великого русского писателя Льва Толстого. Плехановы, как и все, с нетерпением ожидали газет, в которых писалось о бегстве писателя из родовой усадьбы и его болезни. И вот пришла скорбная весть о смерти Толстого.

Плеханов в 1908 году был приглашен войти в состав комитета, готовившего 80-летний юбилей Л. Н. Толстого. Правда, Плеханов категорически заявил организаторам комитета, что он совершенно не сочувствует публицистической деятельности Толстого и не разделяет его взглядов, но высоко ценит его как художника.

Еще до смерти Толстого Плеханов высказал свое отношение к нему. В 1907 году появилась его статья «Симптоматическая ошибка», а в октябре 1909 года во второй статье из серии «О так называемых религиозных исканиях в России» Плеханов останавливается на мировоззрении Толстого, считая его одним из проявлений религиозного восприятия мира.

Вскоре после смерти писателя Плеханов написал несколько статей, посвященных в основном рассмотрению мировоззрения Толстого: «Заметки публициста. Отсюда и досюда», «Смещение представлений (Учение Л. Н. Толстого)», «К. Маркс и Л. Толстой» и «Еще о Толстом». Примечательно, что все эти статьи были написаны для большевистских изданий — «Звезда», «Мысль», «Социал-демократ».

Плеханов не поднялся до высоты ленинского понимания Толстого, социального характера его взглядов и противоречий в мировоззрении великого писателя, но и эти статьи Плеханова, направленные против религиозных исканий, в защиту художественной правды творений Льва Толстого, против реакционных и либеральных концепций, служили делу революционного воспитания.

Плеханов подходил к правильному пониманию художественного творчества писателя. Для него Лев Толстой был не только бытописатель дворянской жизни, но и художник, «который хотя и не понял борьбы за переустройство общественных отношений, но глубоко почувствовал, однако, неудовлетворительность нынешнего общественного строя».

В январе 1911 года В. И. Ленин писал М. Горькому: «Насчет Толстого вполне разделяю Ваше мнение, что лицемеры и жулики из него святого будут делать. Плеханов тоже взбесился враньем и холопством перед Толстым, и мы тут сошлись»^[83].

Часто к Георгию Валентиновичу из многих городов Западной Европы, где жили русские эмигранты, приходили письма с просьбой прочитать ту или иную лекцию. Плеханов охотно соглашался.

30 марта Плеханов читал в Ницце лекцию «Герцен и крепостное право». В зале мэрии было много народа — русских эмигрантов и отдыхающих. Сам повод собрания — 50-летие освобождения крестьян от крепостного права — объединил людей разных взглядов.

Плеханов видел знакомых, со многими раскланялся, когда проходил к трибуне. Георгия Валентиновича взволновала встреча с пришедшими послушать его лекцию Г. А. Лопатиным и стариком П. Кропоткиным. Плеханова познакомили со старшей дочерью Герцена — Н. А. Герцен. Он знал, что часть дохода пойдет в эмигрантскую кассу, и был доволен, ожидая, что сбор будет большим. Как всегда, он немного волновался перед началом лекции, но потом успокоился, увлекся изложением темы.

— Господа, — начал он, — 15 марта 1861 года Александр Иванович Герцен, глубоко волнуясь в ожидании манифеста, возвестившего упразднение крепостного права, выразил пожелание, чтобы его «помянул кто-нибудь в день великого народного воскресения». И он, конечно, вполне заслуживал такого поминания. Ему принадлежит одно из самых первых мест между теми нашими писателями, которые подготовляли общественное мнение России к «Великой реформе». Поэтому уместно будет вспомнить о нем теперь, в тот год, когда исполнилось 50 лет со времени отмены крепостного бесправия.

После лекции под аплодисменты собравшихся он вышел из зала. Было уже поздно. Кипарисы, стоявшие вдоль аллеи, казались совсем черными, а запах роз и лавра придавал особую прелесть южной ночи и далекому шуму моря. Выслушав массу комплиментов, просьб, пожеланий, Плеханов остался с одним из организаторов этого вечера, эмигрантом из России М. О. Делиным.

— Михаил Осипович, вы писали, что приедет Максим Горький. Я так

надеялся на встречу с ним.

— Да, Георгий Валентинович, и я надеялся, но он не смог приехать.

— Что, плохо себя чувствует? — встревоженно воскликнул Плеханов.

— Кажется, нет. Не очень чтобы хорошо, но прилично. Не смог, наверно, из-за работы, пишет новый роман.

А через год, в апреле 1912 года, когда отмечалось 100-летие со дня рождения Герцена, Плеханов вновь приехал в Ниццу, где был похоронен великий русский революционный демократ. Тогда в этот небольшой курортный город съехалось много русских эмигрантов, откликнувшихся на призыв газеты «Будущее». В ней 10 марта 1911 года было помещено воззвание о праздновании юбилея.

Георгий Валентинович поднялся на ступени памятника Герцену, взглянул на присутствующих. Кто-то щелкнул фотоаппаратом, он досадливо отмахнулся рукой. Говорить на воздухе было трудно — сразу заболело горло, подкатывал кашель. Но все же удалось сказать все, что собирался. С какой любовью говорил Плеханов о Герцене. Он любил его как современника, как живого человека. И с таким же чувством восхищения и признательности Плеханов относился к Чернышевскому и Белинскому. Попытки исказить их взгляды, превратить Герцена в проповедника теории «непротивления злу» встречали с его стороны резкий отпор.

В июне 1912 года Георгий Валентинович прочел в Париже, а потом в Льеже и Цюрихе лекцию на тему «Толстой и Герцен».

Но не только на такие приятные сердцу темы приходилось читать лекции Плеханову. Ему нужно было выступать и с сообщениями о положении в партии.

Как правило, после реферата разворачивались ожесточенные прения. Об одном таком собрании Плеханов писал жене 24 сентября 1911 года из Цюриха: «Вчера опять было собрание. Я тебе не писал заранее о нем, чтобы тебя не волновать. Дело было так. Мартов здесь читал реферат 13 июля и, услышав о том, что я собираюсь читать, объявил, что он прождет хоть полторы недели для того, чтобы присутствовать вместе со мною на собрании (партийном). Вместе с тем все его друзья кричали, что вот приедет Плеханов и будет разбит Мартовым, как бы заранее внушая публике, что Мартов — победитель. До меня все эти слухи, конечно, дошли. Я должен был принять сражение, хотя видел, что «голосовцы» (сторонники ликвидаторского «Голоса социал-демократа». — Авт.), которые здесь преобладают между «партийной» публикой, организовали против меня настоящий заговор. Надо было разрушить заговор и победить

Мартова во что бы то ни стало... Жара была отчаянная, в день битвы я был утомлен, насилиу шел, насилиу дошел. А когда начал говорить, то откуда что взялось: редко я говорил так хорошо, как вчера. Когда Мартов стал возражать, то все увидели, что он заранее считает себя разбитым... Мартов хотел битвы и имел битву, но теперь он сам не рад. Ко мне со всех сторон идут «поговорить» — верный знак победы».

Конечно, все эти «битвы» стоили здоровья и сил Плеханову, но они служили делу освобождения колеблющейся части партии от ликвидаторских иллюзий.

Но если 1910–1911 годы были временем тесного контакта Плеханова с большевиками, то в 1912–1913 годах его позиция часто серьезно расходится с линией большевиков. Перспектива дальнейшего сближения Плеханова с большевиками, которая казалась столь реальной, была уничтожена его отказом принять участие в VI (Пражской) партийной конференции.

В июне 1911 года в Париже состоялось совещание членов ЦК за границей, на котором обсуждался вопрос о созыве общепартийной конференции. Одновременно меньшевики-ликвидаторы создали свой сепаратный орган — совещание при Заграничном бюро ЦК. Плеханов получил приглашение участвовать в общероссийской конференции от обеих организаций. Он ответил им категорическим отказом, мотивируя его тем, что любая из этих конференций якобы приведет к окончательному расколу партии.

Это была глубоко ошибочная позиция, приносившая вред рабочему движению России. В условиях нового революционного подъема необходимо было возродить партийные организации в России и за границей, разлагаемые беспринципной политикой ликвидаторов, сторонников группы «Вперед» и троцкистами.

В январе 1912 года в Праге собралась общепартийная конференция РСДРП, решения которой имели важнейшее значение для дальнейшего укрепления большевистской партии. Плеханов же остался за порогом революционной марксистской партии рабочего класса России, и это предопределило дальнейшую его судьбу как политического деятеля.

7. «За единство враждующих братьев»

Статьи Плеханова 1911–1912 годов содержат убедительную критику ликвидаторов, впередовцев, троцкистов и других оппортунистических

групп. И вместе с тем он продолжал нападать на большевиков. Позицию Плеханова по политическим и тактическим вопросам можно охарактеризовать названием статьи, напечатанной в октябре 1911 года в № 15 «Дневника социал-демократа» — «Всем сестрам по серьгам».

Однако, несправедливо обвиняя Ленина, большевиков в расколе партии, Плеханов долгое время редко касается их тактических взглядов, да и тон его замечаний в адрес большевиков был значительно мягче и уважительнее, чем критика меньшевиков.

Но как же быть Плеханову дальше? Остаться вне партии? Ближе он был в то время к большевикам. Последние годы, идя с ними рука об руку в борьбе с ликвидаторским, философским ревизионизмом, богостроительством, он чувствовал, что его влияние в русском революционном движении снова становится значительным. Он печатается в большевистских изданиях, совместно с большевиками выступает на собраниях.

Не раз выступает Плеханов за новое объединение всех частей бывшей РСДРП в единую партию. Это была бесплодная и безнадежная, вредная для революционного движения России идея — соединить революционную социал-демократию с меньшевиками и другими оппортунистическими группами было уже невозможно.

С апреля 1912 года Плеханов на свои средства начинает издавать газету «За партию». Газета эта была хилой, выходила нерегулярно и доставляла массу хлопот ее редактору и основному автору — Плеханову.

В газете он продолжает выступать против ликвидаторов.

Уже после Пражской конференции Плеханов и Ленин обменялись письмами.

Когда в августе 1912 года в Вене собралась конференция, объединявшая антипартийные группы и течения социал-демократического движения России, Плеханов отказался участвовать в ее работе. Он разоблачал решения этой конференции, которая получила в большевистской печати название «Августовский антипартийный блок». Плеханов писал о ней: «...раскольничья конференция представляет нечто в полном смысле слова невероятное как по своему составу, так и по жалкому ничтожеству своих результатов. Но и эта невероятная конференция, совершив несколько вопиющих нарушений партийного права, явится новым препятствием к восстановлению партийного единства. А между тем партийное единство необходимо» (1—XIX, 435).

Ленин, не поддерживая «примирительную» позицию Плеханова, его идеи о необходимости единства с оппортунистами, использовал в своих

статьях критику Плехановым Августовского блока. Он писал: «... августовская конференция ликвидаторов даже примирителем Плехановым была названа «жалкой», ликвидаторской... и резолюции ее «дипломатией», т. е., прямее говоря, обманом»^[84].

«Примиренческая» позиция Плеханова приносила вред рабочему движению не только в России, но и в международных кругах. Ведь он для деятелей социалистического движения многих стран, входивших во II Интернационал, был одной из известных фигур в российской социал-демократии. К его мнению прислушивались и левые круги Интернационала, и его организационный центр — Международное социалистическое бюро, членом которого Плеханов был все годы его существования.

Когда в МСБ обратились с жалобой меньшевики, прося призвать к ответу большевиков, которые якобы привели партию к расколу, секретарь МСБ Гюисманс обратился за разъяснением к Плеханову.

Георгий Валентинович очень надеялся, что МСБ и видные деятели Интернационала помогут вновь «склеить» расколовшуюся РСДРП, и снова, как на IV и V съездах, споря и не доверяя друг другу, но все же будут сидеть в одном зале представители всех течений, причисляющие себя к российской социал-демократии.

Георгий Валентинович ответил Гюисмансу:

«Дорогой товарищ!

Я получил присланную мне Вами копию принятой в Париже русской резолюции.

Так как авторы этой резолюции ссылаются на меня, то я считаю своей обязанностью сказать Вам откровенно то, что мне известно о затронутом в ней предмете.

Не касаясь некоторых подробностей, которые мне кажутся не совсем точными, и слога этой резолюции, свидетельствующего о крайнем раздражении, надо признать, что ее содержание, к сожалению, соответствует истине.

Факт тот, что конференция, о которой говорится в резолюции, объединила делегатов лишь одного, довольно сильного, направления нашей партии. Точно так же неоспоримо, что, присвоив себе власть, принадлежащую целой партии, конференция эта совершила действие, весьма значительно приблизившее нас к расколу, который, разумеется, был бы очень вреден. (Здесь Плеханов говорит о Пражской конференции большевистской партии и неправильно, с меньшевистских позиций обвиняет большевиков, осуществивших окончательное размежевание с

оппортунистами-меньшевиками в «расколе единой партии», которая уже не существовала в течение ряда лет как единое целое. — Авт.) Раскол тем более вероятен, что все организации, не принявшие участия в названной конференции, — а они составляют значительное большинство, — готовят другую. Когда она состоится, раскол сделается фактом. (Здесь Плеханов говорит уже о созыве Венской конференции антипартийных групп в августе 1912 года. — Авт.)

Я уверен, что Международное Социалистическое Бюро не может одобрить этого способа осуществления амстердамской резолюции о социалистическом единстве, и я спрашиваю, не могло ли бы оно своим вмешательством предотвратить угрожающее нам зло».

Потом, окончив уже письмо и подписавшись, сделал приписку: «P. S. Прошу Вас заметить, дорогой гражданин, что речь идет не о том, чтобы найти виноватого, а лишь о том, чтобы не склонять весов ни в ту, ни в другую сторону, беспристрастно бороться с разделением» (1—XIX, 416—417).

Это письмо Плеханова, пытавшегося во что бы то ни стало «примирить» в одной партии революционеров и оппортунистов, способствовало тому, что многие деятели II Интернационала, в том числе и лучшие из них — А. Бебель и Р. Люксембург, — порой занимали по отношению к большевикам неверную позицию, пытаясь обвинить их в расколе и толкнуть на объединение с меньшевиками и другими оппортунистическими течениями.

Зиму 1912/13 года Плехановы, как все последние годы, провели в Сан-Ремо. Георгий Валентинович по-прежнему много работал.

Осенью 1912 года Плеханов ездил в Брюссель на чрезвычайное заседание Международного Социалистического Бюро, которое было созвано в связи с угрозой перерастания войны на Балканах в мировую войну. На обратном пути он заехал в Льеж, а потом в Париж, где прочитал рефераты на тему «Искусство и общественная жизнь». Вскоре эти рефераты в переработанном и дополненном виде были напечатаны в журнале «Современник».

Для ленинской «Правды» Плеханов написал несколько статей против ликвидаторов, которые он назвал «Под градом пуль». В то время, когда газета Плеханова «За партию» распространялась плохо и влачила жалкое существование, он, видимо, хотел, чтобы его антиликвидаторские статьи прочитало как можно больше сознательных рабочих в самой России.

Ликвидаторы и другие меньшевики были возмущены действиями Плеханова, его сотрудничеством с большевиками, с ленинской «Правдой».

В. Засулич писала Л. Дейчу 11 мая 1913 года: «А Жорж как безобразничает в «Правде». Волосы дыбом становятся». Дейч отвечал, что ему пишут из России о победе ленинцев в рабочих куриях и что в этом «большую роль сыграл Георгий Валентинович, который вредит одним и помогает другим».

Весной 1913 года Плеханов серьезно заболел крапивной лихорадкой. Положение было очень серьезным. Не доверяя себе — ведь лечить близких людей особенно трудно, — Розалия Марковна пригласила известного итальянского врача. Он подтвердил диагноз и определил причину болезни — тяжелое длительное переутомление. Но болезнь удалось победить, и Георгий Валентинович поправился.

Однако для окончательного выздоровления необходим был настоящий отдых. Розалия Марковна давно мечтала о поездке в Неаполь вдвоем с мужем, и наконец ее мечта могла быть осуществлена.

В середине июня 1913 года, попрощавшись с больными и медицинским персоналом санатория в Сан-Ремо, они сели в поезд, отправлявшийся в Рим.

Рано утром Плехановы прибыли в «Вечный город». Георгий Валентинович был радостно возбужден, он вспоминал свою поездку по городам Италии в 1908 году.

— Я хочу тебе показать Помпею. Ты увидишь, какой это сказочный город, — говорил он с улыбкой.

— Я представляю, ведь ты привез целый альбом с видами раскопок Помпеи.

— Это все не то.

С вокзала направились прямо на площадь Св. Петра, чтобы посмотреть на него ранним утром, когда солнце еще низко и лучи его озаряют храм сбоку. Величие и гармония собора заставили забыть об усталости.

Полюбовавшись на гробницу Кавура и на «Пиету» Микеланджело, Плехановы сняли номер в дешевой гостинице, переоделись и отдохнули. Они наметили себе программу осмотра — Форум, музей Ватикана, Сикстинская капелла. И все это за два дня.

Осмотрев главные достопримечательности Рима, Плехановы выехали в Неаполь. Прибыли они туда тоже ранним утром и сразу же устроились в маленьком французском отеле на берегу Неаполитанского залива. Шум от криков уличных торговцев, треск колес по мостовой, громкий говор толпы — все это создавало своеобразную, звучную симфонию.

В первый же день посетили Национальный музей Неаполя.

Георгий Валентинович был неутомим. Он всегда возил с собой

несколько книг по истории того города, куда они направлялись, и не только наслаждался красотой, но и изучал искусство Италии.

В своих воспоминаниях Р. М. Плеханова пишет о поездке в Италию.

— У меня, — говорила она, — какое-то двойное впечатление. Сколько уничтожено культурных ценностей слепыми силами природы! Но нельзя не восхищаться остатками искусства древних греков и римлян. Ведь многие современные города отстают по своей архитектуре от тех, которые были много сотен лет назад.

— У меня тоже такое чувство, — соглашался Плеханов. — Но меня утешает мысль, что эти ценности не совсем пропали. И на Форум, и в Помпею стекаются ученые, архитекторы, инженеры, чтобы изучить тайны их постройки, их гармонию. Нет! Человеческий гений не пропадает, он, вооружившись старым, идет вперед к новым знаниям, к новым открытиям.

На следующий день решили отдохнуть, а потом двинуться на Везувий. Но планы их были нарушены приглашением А. М. Горького посетить его на Капри.

«Алексей Максимович и Екатерина Павловна приняли нас, — пишет Р. М. Плеханова, — чрезвычайно приветливо, угощали нас как истые русские хлебосолы. В течение дня, во время прогулок и за столом во время обеда, и вечером во время чая лилась оживленная беседа главным образом между Георгием Валентиновичем и Алексеем Максимовичем об Италии, Неаполе, его художественных богатствах, о нравах итальянцев, о социалистическом движении, итальянских социалистических лидерах, и я поражаюсь начитанности и природному уму писателя-пролетария.

Когда мы расстались поздно ночью с любезными хозяевами, Георгий Валентинович рассказал мне, что по поводу его полемической статьи, направленной против «богоискателей» и горьковской «Исповеди», у него был разговор с Алексеем Максимовичем. Алексей Максимович дружественным тоном сказал Георгию Валентиновичу: «Строго вы, Георгий Валентинович, отнеслись к моей «Исповеди». Здорово пробрали меня». На что Георгий Валентинович ответил, что ставит высоко его художественный талант, но считал своей обязанностью решительно восстать против того, что он считал вредным в идеологических взглядах его как социалиста. Георгий Валентинович тут же добавил: «Вы, Алексей Максимович, изменились, бросили свою мистическую точку зрения на задачи человечества и пролетариата. Если да, то развивайте вашу теперешнюю точку зрения, я напишу об этом и отдам должное вашему теперешнему мирозерцанию»...

Был разговор о тактике большевиков и ликвидаторов. К последним

Алексей Максимович относился с большой неприязнью...

О приезде Плеханова на Капри Горький пишет А. Н. Тихонову и И. П. Ладыжникову. Последнему он сообщает: «Здесь — все по-старому, кроме одной крупной новости: был у меня Плеханов. Свидание очень интересное, кажется, мы установим добрые отношения, говорили о многом, откровенно и подробно. Идею пересмотра программы в связи с запросами современной русской жизни и включение в нее одним из пунктов борьбу с алкоголизмом он находит очень удачной, своевременной, исполнимой. Находит и возможной и естественной гегемонию в России социалистической идеологии. Вообще — все было очень недурно. Лично он мне понравился, и мне кажется, что с ним можно пиво варить новое».

Отдохнув немного в Неаполе, Плехановы вернулись в Сан-Ремо, полные впечатлений и новых сил. Плеханов сразу же написал Горькому. «Многоуважаемый и дорогой Алексей Максимович! Прежде всего позвольте поблагодарить Вас обоих за то очаровательное (поистине очаровательное!) радушие, с которым Вы нас приняли у себя на Капри. Моя жена говорит, что из всех впечатлений, вынесенных нами из поездки на юг Италии, самым приятным и сильным было впечатление, доставленное экскурсией к Вам. Я совершенно согласен с ней. Я видел много людей, но редко я выносил из встреч с ними такой запас бодрости, какой вынес я из последней встречи с Вами. Будьте здоровы, это все, чего можно пожелать Вам, — все остальное у Вас есть; талант, образование, энергия, светлая вера в будущее и прочие, этим подобные, неоцененные блага. Живите еще долго и долго и обогащайте нашу художественную литературу Вашими произведениями» (З—VI, 399–400).

Горький ответил, и завязалась переписка, которая длилась вплоть до войны.

В Сан-Ремо Плеханова ждало письмо Ленина от июня 1913 года: «Уважаемый Георгий Валентинович! По поручению шести депутатов социал-демократов я обращаюсь к Вам с предложением приехать летом на несколько недель в Закопане для прочтения лекций по тем вопросам марксизма и социал-демократического движения, которые Вы выберете. Нам пишут сегодня из Питера, что возможен также приезд четырех депутатов, которые поддерживают ликвидаторов или колеблются (Бурьянова, Туликова, Хаустова и, может быть, даже Манькова). Как меньшевики, они, естественно, придают особое значение вопросу о Вашем участии.

Мы, в свою очередь, считали бы очень полезным участие партийцев разных взглядов в предприятии, которое нам представляется чрезвычайно

важным для упрочения связей с рабочими и укрепления партийной работы.

Ввиду конспиративности дела мы ни одной заграничной группе решили не сообщать о плане устройства лекций — тем более, что депутатам грозят, вероятно, особо суровые преследования.

Поронин, где предполагено чтение лекций, находится в 7 км по железной дороге от Закопане — одного из лучших горных курортов Галиции. О финансовой стороне дела (покрытие расходов на поездку) можно будет списаться особо, в случае надобности.

Черкните, пожалуйста, согласны ли Вы на это предложение:

Готовый к услугам Н. Ленин»^[85].

Совсем недавно, в конце мая 1913 года, на предложение большевиков в Женеве выступить на собрании, посвященном 15-летию существования партии, Плеханов ответил согласием: «Дорогой тов. Ольга, я с большим удовольствием принял Ваше предложение насчет речи, но я решительно не знаю, когда именно я буду в Женеве: должно быть не раньше июня. Это, очевидно, Вам не подойдет. Я очень жалею об этом: я рад бы был выступить с большевиками. Крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам Г. Плеханов»(4—I, 260).

А на это письмо Ленина Плеханов либо не ответил, либо письмо, в котором Плеханов объяснял невозможность приезда, пропало. Ведь письма к Ленину перлюстрировались, и часть из них не доходила до адресата.

Ленин ждал ответа. Через месяц он писал: «Плеханов, говорят, в Париже. Если можете, повидайте его, архиважно: я ему написал (архиконспиративно — только ему лично) про школу и звал приехать. Молчит, жулябия, Игнатий Лойола, генерал от виляния. Ну, ему же хуже». И далее через несколько строк: «На Туликова серьезные надежды. На остальных (ненаших) меньше. Жаждают «науки» и требуют Плеханова. Дурак будет он, коли не поедет»^[86].

Плеханов еще печатался в «Правде», но им целиком овладела навязчивая и неосуществимая идея «единства партии» во что бы то ни стало, что было бы непростительной уступкой ликвидаторам, троцкистам, «впередовцам».

В августе 1913 года умер ветеран международного рабочего движения Август Бебель. Для Плеханова это было настоящее горе — личные связи с Бебелем, особенно последнее время, были его моральной поддержкой.

На похоронах Бебеля в Цюрихе присутствовало много народа — кроме немецких и швейцарских рабочих, прибыли многочисленные делегации от всех социалистических партий. Когда пришла очередь говорить Плеханову,

он поднялся на трибуну и увидел море голов. Было жарко, а шляпу пришлось снять, першило в горле. Такое состояние как-то сливалось с чувством скорби, казалось непременною аксессуаром похорон. Плеханов откашлялся и сказал:

«Смерть Бебеля оплакивается пролетариями всех стран. Нам казался он достойным удивления, признанным представителем и деятельнейшим творцом великой социалистической партии Германии; но и как автор великолепной книги о женщине он снискал бесчисленных читателей в России. Он представлялся нам организатором и подготовителем победы, человеком дела, владевшим острым пониманием возможного, чуждым всякой утопии революционером, отдававшим себе отчет в современном состоянии и будущности пролетариата. Он следил с горячим интересом за каждым шагом нашего революционного движения, он задавался вопросом, какое положение должен занять германский пролетариат, если германское правительство, при победе рабочего движения в России, объявит войну своей восточной соседке»(4—II, 76).

И здесь бы Плеханову кончить речь. Но он решил использовать имя Бебеля для достижения своих «примирительных» целей и продолжал:

«Мы поражаемся прежде всего ему, как высоко стоящему стражу единства германской партии.

Пусть он послужит нам примером для подготовки конца столь достойных сожаления разногласий среди русских партийных товарищей!»

Когда Ленину стало известно о выступлении Плеханова, он с гневом пишет Г. Л. Шкловскому: «Что и как было с Плехановым, отмочившим глупенькую демонстрацию за единство с ликвидаторской сволочью?»^[87]

Ленин все время боролся за Плеханова, пристально следил за его работами и выступлениями, он надеялся, что тот откажется от своей ложной идеи «единства враждующих братьев» и они вновь смогут сотрудничать.

21 сентября 1913 года, рассказывая Шкловскому о победах большевиков над ликвидаторами на собраниях рабочих в России, Ленин восклицает: «Эх, втолковать бы Плеханову, что лучше не глупить, не играть в блоки с мертвецами»^[88].

А через несколько недель в письме тому же адресату: «Про Плеханова говорят, будто он послал Мартову «формулу объединения», а Мартов ответил отказом. Несерьезно-де, ибо Вы сильно колеблетесь. По-моему, это либо утка, либо перевернуто жестоко. Не знаете ли источника сей сплетни?»^[89].

Через несколько месяцев Ленин повторяет попытку восстановить контакты с Плехановым. Он пишет ему от имени большевистского журнала «Просвещение», предлагая написать статью в связи с 10-летием со дня смерти Н. К. Михайловского: «Тема тем более важна для пролетарского журнала, что в последнее время народники вновь делают попытки проникнуть в рабочую среду. В этот момент дать критику основных положений народничества (философских и проч.), как они отразились в сочинениях Михайловского, особенно важно для нашего журнала, аудитория которого почти сплошь рабочая»^[90].

Плеханов опять не ответил.

Но еще в 1914 году, до начала первой мировой войны, в России и отчасти за границей продолжается сотрудничество большевиков-ленинцев с Плехановым и другими меньшевиками-партийцами в критике ликвидаторов и философов-антимарксистов.

И вместе с тем 26 марта 1914 года Плеханов пишет своему стороннику-примиренцу, принадлежавшему к большевистской партии (были и такие), А. И. Любимову: «...Вы сами понимаете, что я далеко не безусловный сторонник сближения с ленинцами».

В мае того же года Плеханов пишет А. Бурьянову: «Смешно и думать теперь, чтобы толкать вперед кадетов: они безнадежны. Чхеидзе не прав; ленинцы в этом случае берут верный тон. Нужно больше энергии».

Вскоре начинает выходить «Единство» — новая газета, руководимая Плехановым, преемница тихо почившей от отсутствия подписчиков газеты «За партию». Плеханов всячески поддерживает свое новое детище, готовит для нее статьи, несмотря на то, что загружен теоретической работой, особенно по истории русской общественной мысли.

В этот последний перед войной год выходят из печати теоретические работы Плеханова — «Французский утопический социализм XIX века», «Утопический социализм XIX в.» и I том «Истории русской общественной мысли».

В «Истории...» он критиковал буржуазно-либеральные утверждения о том, что русская общественная мысль якобы представляет собой простое заимствование западноевропейских течений и не имеет своих сколько-нибудь значительных и самостоятельных традиций; он решительно опровергал измышления идеологов помещичье-буржуазной контрреволюции (в частности, авторов пресловутого сборника «Вехи»), будто бы русская революционная мысль XIX века «беспочвенна» и страдает «доктринерством». Доказывая, что «наши нынешние (то есть революционные, социалистические. — Авт.) взгляды и стремления

представляют собою органический продукт истории русского революционного движения», он сделал справедливые выводы о том, что революционные мыслители России XIX века, особенно Белинский и Чернышевский, были предшественниками марксизма в России, что революционный российский пролетариат является их законным наследником.

С другой стороны, Плеханов отвергал изоляционистские тенденции славянофильских, народнических и других антимарксистских историков общественной мысли в России, которые представляли ее столь специфичной, что не видели никакой ее связи с мировой культурой, а влияние западноевропейской революционной мысли, особенно марксистской, объявляли чуждым «русскому духу», неприемлемым для русских людей, вредным для России. Плеханов доказывал, в частности, неправильность односторонних суждений о русской общественной мысли, как сплошь религиозной, идеалистической и ретроградной. Однако не всегда, особенно в период своего меньшевистского грехопадения, Плеханов последовательно проводил свои марксистские взгляды на историю русской общественной мысли. Еще в 1890 году, говоря об отношении Чернышевского к либералам, Плеханов подчеркивает его убийственные характеристики российского либерализма: «Трусость, недалёковидность, узость взглядов, бездеятельность и болтливая хвастливость — вот отличительные качества, какие он видел в тогдашних либералах». Но впоследствии Плеханов уже не придерживается этих глубоко верных характеристик, а в 1912–1916 годах в процессе работы над «Историей русской общественной мысли» еще дальше отходит от них. Испытывая в то время влияние либеральной концепции русского исторического процесса, Плеханов нередко высказывал в «Истории русской общественной мысли» ошибочные взгляды. Так, например, он считал, что все сословия и классы России были закрепощены царизмом, утверждал, что крестьянские движения, роль которых в истории России он недооценил, якобы не расшатывали, а укрепляли помещичье-самодержавный строй. Вместе с тем он преувеличивал влияние западных либерально-буржуазных теорий на русскую общественную мысль и в ряде случаев недооценивал самостоятельное значение ее традиций.

Было бы, однако, неправильно, односторонне судить о взглядах Плеханова на историю русской общественной мысли только по произведениям его последних лет, хотя и в них содержится ценный материал и во многом верные суждения. Заслуги Плеханова как марксистского историка русской общественной мысли значительны и

непреходящи. Продолжая дело, начатое Герценом и Чернышевским, он был первым в России теоретиком-революционером, который с позиций марксизма попытался нарисовать грандиозную, впечатляющую картину русской общественной мысли, охватив период от Киевской Руси до начала XX века. Его прекрасная книга о Чернышевском, написанная еще в конце 80-х годов, статьи о Белинском и о Герцене (хотя в последних и содержались существенные ошибки) раскрыли перед читателями духовный облик этих великих революционных мыслителей России, их теоретические искания и огромный вклад в сокровищницу передовой общественной мысли, преемственную связь между ними и русскими марксистами.

Вопреки измышлениям противников революционного направления русской общественной мысли, которые всячески третировали и осуждали все лучшие ее философские и политические традиции, Плеханов доказал, что воинствующий материализм Чернышевского и его соратников, диалектика, понятая Чернышевским и Герценом как «алгебра революции», принципы реалистической эстетики, блестяще воплощенные Белинским и Чернышевским в их критическом анализе русской литературы, и другие достижения передовой русской социально-философской мысли представляют собой законную гордость и неотъемлемое достояние русского народа. Заслуга Плеханова состоит и в том, что в пору «лихолетья», в годы засилья самодержавно-помещичьей реакции и либерально-буржуазной контрреволюции, которые проклинали революционные и материалистические течения русской мысли, объявляли их «незаконнорожденными», он ярко раскрыл в своих произведениях исторический путь борьбы между прогрессивными и реакционными направлениями общественной мысли России. Плеханов убедительно показал тесную связь передовых направлений с освободительными движениями России и Европы, их плодотворное влияние на литературу, искусство, духовную жизнь народов нашей страны.

Даже в незавершенном своем труде «История русской общественной мысли», при создании которого он был уже обременен грузом меньшевистских ошибок и заблуждений, Плеханов тем не менее поставил с позиций марксистской философии многие важные и сложные проблемы истории отечественной и мировой общественной мысли. Плеханов привлек к исследованию колоссальный материал из различных сфер знания и тем самым оставил в науке такие «заделы», которые могут быть продолжены, развиты и воплощены в новых марксистских научных трудах, но должны быть свободны от тех ошибок и ограниченностей, которые привнес меньшевизм в теоретическую и особенно политическую деятельность

Плеханова.

На Брюссельском «объединительном» совещании, созванном Международным Социалистическим Бюро с целью объединения всех течений в РСДРП 16–18 июля 1914 года (за 10 дней до начала мировой войны), Плеханов по-прежнему занимал ошибочную позицию, ратуя за «единство» во что бы то ни стало. Когда на совещании Инесса Арманд от имени большевиков прочитала доклад, написанный В. И. Лениным, об условиях, на которых большевики готовы вести переговоры, Плеханов демонстративно заявил, что это не «условия объединения», а «статьи нового уголовного уложения». Плеханова поддержали Р. Люксембург, К. Каутский, Э. Вандервельде. Большинством голосов на Брюссельском совещании была принята резолюция МСБ об объединении всех течений РСДРП. Большевики отказались подчиниться неверным решениям этого совещания.

Вернувшись из Брюсселя, Плеханов говорил Розалии Марковне:

— Все, с меня хватит. Такой грызни, как на этом совещании, я еще не видел. Засяду-ка я лучше за теоретическую работу. Издательство «Мир» торопит со II томом («Истории русской общественной мысли». — Авт.). Он у меня почти готов, но нужно еще посмотреть кое-что в Национальной библиотеке. Собирайся, Роза, поедем вместе. Мне что-то неважно больше разъезжать одному.

Несмотря на неправильное, вызывающее поведение Плеханова на Брюссельском совещании, Ленин продолжал ценить его теоретические работы, особенно в области философии, и надеялся на сотрудничество с ним.

Об отношении Ленина, большевиков к Плеханову в это время ярко свидетельствует его письмо, написанное накануне первой мировой войны, во второй половине июня 1914 года, в редакцию газеты «Трудовая правда» (так тогда называлась «Правда», часто менявшая название после репрессий царских властей. — Авт.): «По поводу Плеханова в его «Единстве» надо взять сразу такой тон, что крупный теоретик, с громадными заслугами в борьбе с оппортунизмом, Бернштейном, философами антимарксизма, — человек, ошибки коего в тактике 1903–1907 годов не помешали ему в лихолетье 1908–1912 гг. воспевать «подполье» и разоблачать его врагов и противников, теперь, к сожалению, опять оборачивает свою слабую сторону. Полная неясность его мысли вызвана, может быть, отчасти полной неосведомленностью его: а неясность в том, с кем он хочет единства...»^[91]

ГЛАВА IV

Политическая трагедия и кончина

1. Слова и дела

1 июля 1914 года Георгий Валентинович Плеханов вместе с женой приехал в Париж — поработать в Национальной библиотеке. Он писал в то время II том «Истории русской общественной мысли», и ему все время не хватало литературы.

Но его научная работа не была спокойной. Одно за другим поступали тревожные известия о конфликтах между капиталистическими странами Европы. После убийства в Сараеве наследника австро-венгерского престола в воздухе запахло войной.

Несмотря на то, что прошло больше 20 лет со времени Цюрихского конгресса Интернационала, на котором Плеханов выступил с критикой внешней политики правительства Франции (за что был изгнан из страны), он до сих пор не получил права жить в Париже. Французские социалисты добились только временного разрешения на пребывание Плеханова во Франции.

В Париже Георгий Валентинович часто встречался с лидерами французского социалистического движения, в первую очередь со своим старым другом Жюлем Гедом. Плеханов получил приглашение на чрезвычайный конгресс Французской социалистической партии, который проходил в Париже с 14 по 16 июля. Между заседаниями он несколько раз разговаривал с Жоресом. На последних конгрессах Интернационала Плеханов резко критиковал оппортунистические колебания Жореса, но лично ему импонировала преданность Жореса социалистическому движению и его кипучая энергия.

24—25 июля Плехановы на парходике пересекли Ла-Манш и поселились в Лондоне.

Розалия Марковна была впервые в Англии, и Плеханов с увлечением показывал жене лондонские достопримечательности. Побывали они на Хайгетском кладбище, на могиле Маркса, и у дома, где умер Энгельс.

Плехановы чувствовали, что надо спешить, что они живут последние дни в мирной Европе. 28 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии, 29 июля царское правительство начало мобилизацию, 1 августа Германия

объявила войну России, 3 августа — Франции.

В этот день Плехановы снова были в Париже. Здесь они прочитали известие о нападении немецких войск на Бельгию, нейтралитет которой был ранее гарантирован европейскими державами, в том числе и Германией. Разгорелась первая мировая империалистическая война между Англией, Францией, Россией — с одной стороны, Германией, Австро-Венгрией, а затем и Турцией — с другой.

Плехановы прожили в Париже почти до конца августа. Националистический угар, охвативший значительную часть населения Франции, беседы с лидерами французских социалистов, сведения о зверствах кайзеровских войск в Бельгии и Люксембурге, которыми были переполнены все газеты, сильно повлияли на настроение Плеханова. Его потрясло известие, что 4 декабря немецкие социал-демократы во главе с Гаазе проголосовали за предоставление кредитов правительству для ведения войны.

Что же теперь будет с Интернационалом? — спрашивал себя Плеханов. И как надо относиться к войне русским социал-демократам?

Два года тому назад, в октябре 1912 года, Плеханов писал в органе французских социалистов: «Для нас высший закон — это интересы международного пролетариата. Война же находится в полном противоречии с этими интересами. Поэтому международный пролетариат должен решительно восстать против шовинистов всех стран. Да, мы за мир. Но мы не пацифисты... Мы не верим в магическую силу слов. Мы знаем, что в мире существует только одна сила, способная поддержать мир, — это сила организованного международного пролетариата. Пусть сколько угодно обвиняют нас в парадоксальности, от этого не станет менее неоспоримым, что только война между классами сможет с успехом противостоять войне между народами».

Но это общее и в основе своей верное положение не давало ответа о конкретном поведении социал-демократов разных стран в обстановке уже идущей мировой войны. Узнавая о новых видах оружия уничтожения, о поведении немецких войск на территории нейтральной Бельгии, Плеханов с ужасом думал о том, что война может перекинуться и в Россию. Он не сделал единственно верного вывода — рабочий класс всех европейских стран должен активно бороться против этой мировой войны. Плеханов не понял, что война была империалистической, несправедливой с обеих сторон, что она была исподволь подготовлена и порождена антагонизмами между империалистическими державами.

Не сумев разобраться в этой сложной ситуации, он вступил на путь

«оборончества», социал-шовинизма. Он уехал из Франции, во многом соглашаясь с шовинистическими взглядами руководителей французских социалистов, которые поддержали реакционное буржуазное правительство Франции, и даже двое из них — Гед и Самба — вступили в его состав.

11 октября 1914 года в Лозанне Плеханов прочел реферат о войне. Он не имел права больше молчать — со всех сторон его просили высказаться. На реферат приехал из Берна и Ленин, который с самого начала войны занял последовательно интернационалистическую позицию, решительно осуждал империалистическую войну и призывал интернационалистические силы в международном движении на борьбу за революционный выход из войны.

О реферате в Лозанне вспоминает Н. К. Крупская: «...в 1914 г., когда разразилась война, Владимир Ильич страшно волновался, готовясь к выступлению против войны на митинге в Лозанне, где должен был говорить Плеханов. «Неужели он не поймет?» — говорил Владимир Ильич».

В первой половине своего реферата Плеханов резко критиковал вождей немецкой социал-демократии. Он говорил, что они предали революционные традиции партии немецкого пролетариата, во главе которой стояли А. Бебель и В. Либкнехт. Плеханов указывал, что одной из причин этого предательства является ревизионизм в теории, которым были заражены многие германские социал-демократы, и страх потерять голоса избирателей, в настоящее время охваченных шовинистическим угаром. Плеханов говорил, что с тех пор, как 4 августа в рейхстаге германская социал-демократическая фракция голосовала за кредиты, она «сама служит опорой, — едва ли не самой надежной опорой, — империалистической политике немецкого юнкерства и немецкой буржуазии. О позор! Позор! Позор!».

Эти слова Плеханова были поддержаны всеми присутствующими. Первая часть его доклада понравилась и Ленину.

Но вот Плеханов перешел к характеристике поведения французских и бельгийских социалистов. Он утверждал, что Бельгия и Франция — атакованные страны, и, оправдывая политику правящих классов Франции, которыми она была ввергнута в империалистическую войну, заявлял, что не только со стороны бельгийцев, но и со стороны Франции это справедливая война. Плеханов говорил, что, по его мнению, международная социал-демократия должна сочувствовать их «самозащите», исходя из «простых законов нравственности и права». Он оправдывал неправильную позицию французских социалистов, проголосовавших за военные кредиты, хотя и

указал, что они должны были бы воспользоваться трибуной парламента для критики французской дипломатии.

Плеханов кончил доклад призывом к социалистам всех стран продолжать традиции Интернационала, основанного Марксом, и единодушно восстать против порабощения Бельгии, бороться против шовинизма немецких социал-демократов.

После доклада Плеханова выступил В. И. Ленин.

Владимир Ильич с похвалой отозвался о критике Плехановым поведения немецких социал-демократов, но осудил оправдание шовинистической позиции лидеров французских социалистов. Ленин говорил, что война подготовлена всеми условиями развития капиталистического общества в его империалистической фазе, что социал-демократы должны бороться с шовинистическим угаром прежде всего в своей стране. «Наша задача, — говорил Ленин, — заключается не в том, чтобы плыть вместе с течением, а в том, чтобы превратить национальную, ложно-национальную войну в решительное столкновение пролетариата с правящими классами»^[92].

С мнением Ленина были согласны большевики и некоторые другие интернационалисты, но Плеханов остался к нему глух.

После реферата Плеханов уехал в Сан-Ремо. Там он получил много писем из разных стран с просьбой высказать свою точку зрения на войну. Плеханов переработал и дополнил свой реферат и издал его в виде ответа на письмо болгарского социалиста Захария Петрова. Брошюра эта под названием «О войне» была напечатана в Париже. Теперь точка зрения Плеханова на войну вполне сформировалась. Она была от начала до конца неправильной, ибо Плеханов, отступив от былых своих интернационалистских позиций, с присущей ему яростью стал защищать и отстаивать лжепатриотические, агрессивные действия правительств Франции и Англии, царской России, призывать рабочий класс поддержать их военные усилия.

Плеханов глубоко заблуждался, когда писал в то время: «Поражение России замедлит ее экономическое развитие, будет вредно для дела русской народной свободы и полезно для нашего старого порядка, т. е. того самого царизма, к низвержению которого мы стремимся». Он не сумел увидеть революционной перспективы превращения империалистической войны в войну гражданскую, возможности революционного пути спасения России от грозящей ей катастрофы.

Плеханов советует российским социал-демократам: «Наша революционная обязанность заключается в том, чтобы всеми доступными

нам способами выяснять нашей трудящейся массе вообще и нашему пролетариату в частности, что царизм, так много вредящий России во всех других отношениях, страшно ослабляет ее способность дать надлежащий отпор политике германских империалистов». И вместе с тем Плеханов вопреки исторической правде тешил себя несостоятельными, шовинистическими иллюзиями о том, будто в случае победы царской России над Германией в России приблизится революция, потому что «не так-то легко будет царскому правительству справиться с общественными силами, выдвинутыми войною на нашу историческую сцену».

Социал-шовинистические идеи Плеханова, выраженные им в брошюре «О войне», принесли большой вред международному рабочему движению, они неверно ориентировали социал-демократов, способствовали нарастанию шовинистического угара, распространяемому агрессивными помещичьими и буржуазными кругами, мешали сплочению интернационалистских сил для борьбы против империалистической бойни.

Ленин неоднократно критиковал Плеханова, оценивая его позицию в период первой мировой войны как предательство интересов социализма. Он считал, что Плеханов является представителем «русского (и англо-французского) социал-шовинизма, социализма на словах, империализма на деле»^[93]. Пути Ленина и Плеханова с тех пор окончательно разошлись. И с каждым выступлением Плеханова по вопросу о войне он все больше и больше усугублял свои вредные социал-шовинистические взгляды и действия. Почему это произошло?

Интересно привести размышления по этому поводу Н. А. Семашко: «Только меньшевистская порча, только недостаточное знакомство с русской действительностью, только влияние европейской социал-демократии (особенно личная дружба и связь с французскими социалистами во главе с Гедом) могли привести к тому, что Плеханов, раньше на всех международных конгрессах державший прекрасные теоретические речи в духе интернационализма, во время войны практически скатился до самого доподлинного социал-патриота... А во время империалистической бойни, которая, как теперь уже известно всем поголовно, велась ради прибылей капиталистов и славы самодержавия, он провозгласил «войну до победного конца»; он создал организацию «Единство» для объединения всех социал-патриотических сил в стране».

А вот высказывание другого видного деятеля партии большевиков, П. Н. Лепешинского. «Плеханов, — писал он, — действительно никогда не мог за всю жизнь отделаться от этой своей ипостаси — тамбовского дворянина, — не в смысле, конечно, поборника дворянских идеалов...

Мне кажется, что он (Плеханов. — Авт.) бесконечно тосковал не только по благам русской национальной культуры, но и по дремучим лесам России, по ее рекам, вдоль берегов которых «бурлаки совершают путину», по ее желтеющим нивам, по ее придорожным ивам, по ее плакучим березам, по ее убогим курным хатам, по ее рабочим кварталам больших городов, — одним словом, по всем аксессуарам картины русского ландшафта и русской жизни. Почему же его так тянуло к России? Да просто потому, что чисто зоологически любил ее, эту Россию, и болел этой любовью к ней.

Мне рассказывал один товарищ-болгарин, что, когда Плеханова навещали болгарские социал-демократы, он любил говорить им о своей России, о ее природе и о том, какая она «и убогая и обильная...».

Не бросает ли это обстоятельство некоторый свет и на последний, самый жалкий период его жизни, когда он опустился даже до ампула урапатриота!.. Не сказался ли в нем в момент объявления войны, угрожавшей сокрушить национальную Россию, с большей, чем когда-либо, силою «тамбовский дворянин», победивший в нем его другую великую ипостась — апостола интернациональной борьбы угнетенного пролетариата всего мира против своего угнетателя — мирового капитала?...Мне думается, что да».

Данная здесь П. Лепешинским оценка причин социал-шовинизма Плеханова представляется спорной и в какой-то мере, пусть невольной, смягчающей осуждение шовинистической позиции Плеханова в годы войны.

Но как бы ни объяснять позицию Плеханова в годы войны, она была и остается ничем не оправдываемым отступлением от принципов пролетарского интернационализма, которое принесло вред развитию революционного движения во всем мире. Большевики решительно боролись против социал-шовинизма Плеханова. В брошюре «Социализм и война», выпущенной через год после начала войны, Ленин писал: «Великая европейская война 1914–1915 гг. дала всем европейским, а также русским с.-д. возможность проверить их тактику на кризисе всемирного размера. Реакционный, грабительский, рабовладельческий характер войны со стороны царизма еще несравненно нагляднее, чем со стороны других правительств. Тем не менее основная группа ликвидаторов (единственная, кроме нашей, имеющая серьезное влияние в России, благодаря ее либеральным связям) повернула к социал-шовинизму! Обладая довольно долгое время монополией легальности, эта группа «Нашей Зари» повела проповедь в массах в смысле «непротиводействия войне», пожелания

победы тройственного (теперь четверного) согласия, обвинения в «сверхсмертных грехах» германского империализма и т. п. Плеханов, с 1903 года дававший многократно образцы своей крайней политической бесхарактерности и перехода к оппортунистам, занял еще резче ту же позицию, расхваливаемый всей буржуазной печатью России. Плеханов опустил до того, что объявлял войну справедливой со стороны царизма и в правительственных газетах Италии помещал интервью, втягивая ее в войну!!»^[94]

Плеханов согласился стать одним из редакторов журнала «Призыв», в котором участвовали не только меньшевики, но и эсеры. Журнал этот занимал яркую шовинистическую позицию. Ближайшими сподвижниками Плеханова в этом журнале были Н. И. Иорданский и А. И. Любимов. Около него крутились людишки самого низкого сорта, которые пытались прикрыть его именем самые неблагоприятные и подлые дела. Например, авантюрист Г. Алексинский, одно время находившийся в рядах большевиков, а затем ставший ренегатом, обманным путем поместил статью Плеханова в петербургской газете «Русская воля», которая выходила на средства царского правительства. Протесты Плеханова и его жены ничего не могли изменить.

Оказывал всяческие «услуги» Плеханову и А. В. Амфитеатров, буржуазный писатель-фельетонист, основатель газеты «Русская воля», которая вела погромную кампанию против Ленина и большевиков.

Под влиянием Плеханова группа русских эмигрантов вступила добровольцами во французскую армию. Сохранилось много писем к нему от русских волонтеров, где они писали о тяжелых условиях жизни в казармах, о плохом отношении к ним офицеров. В 1915 году, ложно обвинив некоторых русских волонтеров, французские военные власти приговорили их к расстрелу и каторге. Плеханов писал французским социалистам, требуя отменить эти несправедливые приговоры. Но эти протесты не были приняты во внимание.

Многие волонтеры погибли на фронте. Среди них был рабочий-революционер из Тулы Михаил Федоров, к которому Плеханов был особенно привязан. Плеханов тяжело переживал гибель русских парней, посланных на фронт с его благословения. Но по-прежнему продолжал считать, что это надо во имя исполнения «патриотического долга».

В ходе первой мировой войны позиции бывших членов группы «Освобождение труда», отошедших в годы ликвидаторства от Плеханова, опять сблизились. Засулич в декабре 1914 года писала из Петербурга Льву Дейчу, который был в это время в США: «Жорж по отношению к войне

занял позицию совершенно простую и по-моему верную».

Л. Дейч начал снова переписываться с Плехановым, причем отвечала ему от имени мужа Розалия Марковна.

Плехановская проповедь «войны до победного конца» вызвала протесты со стороны рабочих, солдат, передовой интеллигенции России. Ряды сторонников Плеханова все больше и больше редели.

2. Возвращение на родину

В феврале 1917 года Плеханов жил в Сан-Ремо. Он писал главу об А. Н. Радищеве, которая должна была завершить III том «Истории русской общественной мысли». В начале этой главы Плеханов писал: «Миросозерцание Радищева хотя и не тождественно с миросозерцанием передового человека нашего времени, — по весьма понятной причине тождество является здесь, очевидно, невозможностью, — однако связано с ним узами близкого родства. Идеи, на которых он воспитался, были теми идеями, под знаменем которых совершился плодотворный общественный переворот конца XVIII века и которые частью до сих пор сохранили свое значение, а частью послужили теоретическим материалом для выработки нынешних наших понятий» (1—XXII, 333).

Плеханова радовала мысль, что он кончает работу над XVII и XVIII веками и сможет наконец-то приступить к анализу истории общественной мысли XIX века, по которому у него уже было немало сделано. Он начал обрабатывать материал о декабристах, намереваясь подробно рассмотреть их взгляды.

Но 14 марта пришло известие о революции в России. О событиях в Петербурге жители санатория «Виктория» узнали из газет. Все пациенты и знакомые поздравляли Плеханова со свержением самодержавия, радовались, что он скоро сможет вернуться на родину.

Георгий Валентинович спустился в город, чтобы сразу же прочесть свежие газеты.

Из России поступали телеграммы и письма от сторонников Плеханова. Они просили его приехать. Он и сам был готов к отъезду. Но как? Проезд через Германию для него был невозможен. Розалия Марковна и дочь Лидия, которая стала к этому времени опытным врачом, уговаривали отложить отъезд до мая, тем более что переезд в Петербург грозил осложнением болезни.

Но события быстро развивались. 24 марта на виллу «Виктория»

прибыл французский социалист, предложивший Плеханову переезд в Россию вместе с делегацией французских и английских социалистов.

Конечно, Георгий Валентинович с радостью принял это предложение, на сборы ушло совсем немного времени, и утром следующего дня Плеханов с женой отбыли в Париж.

Там Плеханов в первую очередь навестил больного Геда. Гед, как и Плеханов, занимал крайнюю социал-шовинистическую позицию. Они считали, что теперь, когда Россия освободилась от царского самодержавия, она должна утроить свои усилия в войне против Германии.

Через несколько дней Плехановы и группа французских социалистов (Шарль Дюма, Марсель Кашен и другие) переехали в Англию. В Лондоне Плехановы встретились с Л. Г. Дейчем.

8 апреля на небольшом пароходике Плеханов отплыл в Швецию. Плыть было очень опасно. Немецкие подводные лодки потопили уже много судов стран Антанты. Поэтому все пассажиры спали, не раздеваясь и не снимая спасательного пояса. Несмотря на опасность, сильную качку, тесноту и неудобства, у них было превосходное настроение. На пароходике было человек шестьдесят русских. Там были студенты, из-за войны задержавшиеся в Европе, и большая группа военнопленных, бежавших из Германии.

Георгий Валентинович часто беседовал с ними, расспрашивал о войне, об условиях жизни в плену, настроениях в армии. Ответы не всегда радовали — некоторые считали, что Россия теперь должна выйти из войны. Доводы Плеханова о долге перед союзниками и об опасности немецкого шовинизма не убеждали этих настрадавшихся от империалистической бойни людей.

Измотанные морским путешествием, Плехановы прибыли в Берген, оттуда переехали в Христианию, потом в Стокгольм и наконец на финскую станцию Торнео на границе с Россией.

37 лет изгнания были позади.

В Торнео Плеханов беседовал с лидером шведских социал-демократов Яльмаром Брантингом, возвращавшимся из России на родину. Туда же приехал единомышленник Плеханова — редактор журнала «Современная жизнь» меньшевик Н. И. Иорданский. Он должен был проводить Плеханова в Петроград. Их рассказы об обстановке на родине встревожили Георгия Валентиновича. Он спешил увидеть все сам.

Иорданский привез Плеханову первые номера газеты «Единство», которую сразу же после Февральской революции стала издавать группа меньшевиков, занимающих социал-шовинистическую позицию.

Несмотря на то, что «Единство» считало себя органом социал-демократической партии, на деле же оно было рупором антиреволюционных слоев населения, в первую очередь либеральной буржуазии. Позицию газеты «Единство» неоднократно разоблачал Ленин. Через несколько месяцев, в июне 1917 года, Ленин предупреждал рабочих и солдат, чтобы они не голосовали за объединенные списки народников и меньшевиков во время выборов в районные думы Петрограда: «Знайτε, что, голосуя за блок (союз) народников и меньшевиков, вы голосуете за плехановское «Единство»;

— вы голосуете за это позорное плехановское «Единство», от которого даже газеты меньшевиков и «социалистов-революционеров» отворачиваются;

— вы голосуете за позорное плехановское «Единство», которое, к восторгу капиталистов, проповедует открыто войну до победы;

— вы голосуете за то позорное плехановское «Единство», которое ежедневно обеляет русских капиталистов, сваливая всю вину на одних только германских, попирая ногами братский союз рабочих всех стран в борьбе с капиталистами всех стран»^[95].

В ночь на 1 апреля поезд, в котором ехал Плеханов и делегация французских и английских социалистов, подошел к перрону Финляндского вокзала Петрограда. На улице было совсем темно, но несколько оркестров и шум толпы показали приехавшим, что ночь не помешала встрече. В вагон вбежали какие-то люди, подхватили Плеханова, растерянная и обеспокоенная за мужа Розалия Марковна еле поспевала за ними.

Среди встречавших были делегации городского и Василеостровского комитетов РСДРП, возглавляемых меньшевиками, комиссариатов отдельных районов, армейских частей, студентов.

Плеханова чуть ли не на руках довели до вестибюля, где его от имени Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов приветствовал тогдашний председатель Совета меньшевик Н. С. Чхеидзе. В небольшой ответной речи Плеханов сказал: «Я счастлив, что вернулся на родину, я отдаю остаток своих сил работе для победы революции. Надеюсь еще поработать, но готов и умереть за эту победу».

После окончания митинга Плехановых отвезли на квартиру Н. И. Иорданского. Плеханов отказался поселиться в гостинице, где ему был приготовлен номер, надеясь, что на частной квартире ему будет спокойнее.

Через день Плеханов выступил в Таврическом дворце на совещании делегатов Советов рабочих и солдатских депутатов, которые съехались в столицу со всех концов страны. Эти делегаты находились тогда в

значительной степени под влиянием меньшевиков. Поэтому обстановка в то время благоприятствовала выступлению Плеханова.

Плеханов был в ударе. Он выразил горячую благодарность за прием и сказал: «Вначале нас, социал-демократов, была небольшая кучка, над нами смеялись, нас называли утопистами. Но я скажу словами Лассаля: «Нас было мало, но мы так хорошо рычали, что все думали, что нас очень много». И нас действительно стало много».

Плеханов, пытаясь доказать своим слушателям необходимость войны с Германией до победного конца, излагал свое шовинистическое credo, призывая всячески поддерживать буржуазное Временное правительство: «Было время, когда казалось, что защищать Россию — значило защищать царя. Это было ошибочно по той причине, что царь и его приспешники на каждом шагу изменяли ей. Они портили национальную защиту. Теперь мы сделали революцию и должны помнить, что если немцы победят нас, то это будет означать не только наложение на нас ига немецких эксплуататоров, но и большую вероятность восстановления старого режима. Вот почему надо всемерно бороться как против врага внутреннего, так и против врага внешнего».

Плеханов не понимал и не желал понимать, что и после свержения самодержавия война по-прежнему остается империалистической, захватнической, несправедливой, что ведется она, как и раньше, не для защиты отечества, а ради прибылей капиталистов, а власть в России и после падения царизма находится в руках помещиков и буржуазии. Его призыв «бороться против врага внутреннего», по существу, был направлен против большевиков, всех подлинно революционных сил России, стремившихся к осуществлению социалистической революции.

3 апреля совещание должно было закрыться. М. И. Скобелев, один из лидеров меньшевиков, уговорил Плеханова вновь выступить. На этот раз дело кончилось плохо — Плеханов простудился и слег.

Социал-шовинистическая позиция Плеханова, его призывы к войне до победного конца снискали ему симпатии и поддержку со стороны контрреволюционных сил России.

Когда Плеханов уже поправлялся, стали наведываться гости, которые не делали ему чести... Это были представители монархическо-реакционных кругов, искавшие пути если не к восстановлению старого порядка, то хотя бы к ограничению демократических завоеваний буржуазной революции и срыву революции социалистической. Все они были рьяными защитниками монархической России, реакционерами самого крайнего толка. Былые социалистические взгляды Плеханова были им

чужды, но его стремление вести войну до победного конца импонировало. Это были столпы реакции и контрреволюции: верховный главнокомандующий генерал М. В. Алексеев, адмирал А. В. Колчак, глава монархических кругов черносотенец В. М. Пуришкевич, председатель Государственной думы М. В. Родзянко. Плеханов удостоил их кратким разговором. Он потом с удивлением спрашивал у жены, чего ради к нему ходят подобные люди?..

Все эти реакционеры, прикрываясь прежним авторитетом Плеханова-социалиста, добивались укрепления буржуазно-помещичьей власти. Так, до приезда в Россию, когда Плеханов был еще в дороге, в Сан-Ремо пришла телеграмма от военного и морского министра Временного правительства А. И. Гучкова: «Ваш немедленный приезд был бы очень полезен для спасения отечества. В случае согласия сообщите мне, что я мог бы сделать, чтобы облегчить Вам приезд. Гучков».

От кого надо было спасать «отечество» через двадцать три дня после победы буржуазной революции? Да от рабочего класса, от революционного народа. Какая ирония судьбы, что с подобной просьбой враги революции обратились именно к Плеханову!

Плеханов был окружен только небольшой группой своих сторонников, составляющих самое правое крыло в меньшевистской части социал-демократии. Плехановская группа «Единство» была малочисленной, в нее входили в основном интеллигенты, число подписчиков на газету с тем же названием катастрофически падало. И это несмотря на то, что почти в каждом номере были статьи самого Плеханова.

Плеханову и его жене дали постоянный пропуск в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, но не избрали его депутатом. Он мог пользоваться в Совете только совещательным голосом.

Во Временное правительство Плеханов тоже не вошел. Еще когда он был в Италии, в газетах промелькнуло сообщение, что Плеханов будет министром труда. На его имя стали приходиться многочисленные поздравительные телеграммы. И он думал, что по приезде в Россию действительно войдет в правительство. Но Георгий Валентинович заявил в прессе, что он может стать министром только при условии, что его уполномочит на это Петроградский Совет. А Совет не уполномочивал, так как даже меньшевики, которые в то время были во главе Совета, не могли солидаризироваться с Плехановым, с его откровенно социал-шовинистическими взглядами, неприемлемыми для большинства трудящихся России.

Плеханову предложили возглавлять комиссию по улучшению условий

труда железнодорожных служащих и рабочих. На эту «должность» он согласился. За два месяца работы плехановская комиссия добилась некоторых уступок у правительства и предпринимателей. Небольшое повышение заработной платы стало называться «плехановской добавкой».

Плеханов все дальше и дальше отходил от революционных позиций классовой борьбы, на которых все более утверждался российский рабочий класс. Во имя «победы» над Германией он звал к классовому миру, пытался доказать, что Россия не созрела для перехода к социалистической революции, вопреки истине твердил, что будто осуществление ленинских идей, выдвинутых в Апрельских тезисах, может привести к реставрации монархии и гражданской войне.

Нападая на Ленина, Плеханов пытался исказить его взгляды и представить большевиков германофилами.

Резкую отповедь Плеханову дал Ленин в ряде статей, опубликованных в «Правде». Он показал читателям-рабочим, какими приемами, заимствованными у самых реакционных сил, пользуется Плеханов в борьбе с большевиками, с революционным движением рабочего класса. В статье «Союз лжи» Ленин писал: «Милюковы, Плехановы, Череванины и К° лгут, чтобы скрыть от народа правду; лгут, чтобы замолчать главное: вопрос о классовом характере той или иной организации власти»^[96].

В мае Плехановы переехали в Детское село (бывшее Царское). Они поселились у своих прежних пациентов, в доме доктора А. Н. Белинкого. Наступление тепла, хорошие условия, уход гостеприимных хозяев поправили здоровье Георгия Валентиновича.

В июне — июле Плеханов несколько раз выступал на митингах. И почти всегда рядом с ним теперь находились В. И. Засулич^[97] и Л. Г. Дейч. Они вместе подписывали воззвания, призывая поддержать буржуазное Временное правительство в его стремлении продолжить войну с Германией. Они вошли в группу «Личного примера», объединявшую людей всех политических взглядов, от скрытых монархистов до социал-шовинистов, но с одной общей идеей — победа над Германией во что бы то ни стало.

18 июня газеты сообщили, что русская армия перешла в наступление. Плеханов сразу же отправился в Петроград в редакцию газеты «Единство». Около редакции собралась толпа шовинистически настроенных обывателей. Эти люди построились в колонну и пошли по Невскому. Плеханов шел вместе со своими единомышленниками. Но каково же было его недовольство, когда он увидел группу священников, приготовившихся к

молебну. Пришлось выслушать молебствие «во славу победы русского оружия». У Казанского собора состоялся митинг, на котором выступил Плеханов с небольшой речью. Он снова стоял среди колонн собора и, вытянув руку, говорил со своими соотечественниками. Но как все изменилось! Демонстрантам теперь ничто не угрожало, но идеи, которые провозглашал оратор, были уже не революционными, а контрреволюционными. И среди его слушателей почти не было рабочих. Что он сам думал, придя на то же место спустя 41 год? Разве это не ирония судьбы?

А в августе Плеханов с женой поехали в Москву на Государственное совещание, созванное Временным правительством с целью мобилизовать силы контрреволюции на «войну до победного конца» и не допустить социалистической революции. В совещании принимали участие представители помещиков и буржуазии, высшее армейское командование, бывшие члены Государственной думы, руководители партии кадетов. Эта публика заняла скамьи на правой стороне зала. А слева сидели делегации от местных Советов и профессиональных союзов, среди которых было много меньшевиков и эсеров.

ЦК партии большевиков принял решение разоблачить совещание как орган заговора контрреволюционной буржуазии. По решению Московского комитета партии в день открытия совещания — 12 августа — в Москве была проведена забастовка 400 тысяч рабочих.

Плехановы приехали за два дня до открытия Государственного совещания. Поселились они у одного сторонника «Единства», впоследствии белоэмигранта. В первый же свободный день Плеханов попросил хозяина проводить его на Воробьевы горы, на которых когда-то юные Герцен и Огарев дали клятву посвятить свою жизнь служению народу.

На обратном пути пролетка проезжала по Замоскворечью. Плеханов с интересом разглядывал узкие, грязные улицы.

— Как называются эти улицы? — спросил Георгий Валентинович у извозчика.

— Да обыкновенно, барин, — вот эта Ордынка, а сейчас поедем по Балчугам.

— Все татарские названия! — обращаясь к жене и спутнику, говорил Плеханов. — В Петрограде чувствуется Европа, в Москве этого духа уже нет. Не нравится мне ваша так называемая «белокаменная» Москва. Вот едем, и я все ожидаю, что из какого-нибудь переулка появится бородатый Хомяков, в татарской мурмолке Аксаков или какой-нибудь темный

персонаж Островского. От того времени не ушли далеко. Но если Москва, «сердце России», так неказиста и убога, чего можно ожидать от провинции?

— Но ведь вы сами, Георгий Валентинович, знаете, как развивается промышленность и с нею меняется лицо России. Я видел эти перемены, когда ездил в другие города.

— Не переоценивайте существующего, не увлекайтесь тем, что достигнуто. Все это нужно рассматривать под микроскопом. Россия еще Полуазия, а не Европа. То, что вы видели, есть, как говорил Тургенев, лишь первое лепетанье спросонья.

Эти слова характеризуют неверные, оппортунистические идеи Плеханова, недооценившего экономический уровень развития России и политическую зрелость, организованность и сознательность ее пролетариата. Он считал, что только в высокоразвитых капиталистических странах Запада, имеющих многочисленный пролетариат, составляющий большинство населения, может произойти социалистическая революция, да и то при условии одновременной победы ее во всех или во многих странах. А если социалистическая революция далека, то надо, по его мнению, укреплять позиции буржуазной демократии и защитить ее от «внешнего врага».

В таком открыто оппортунистическом и шовинистическом духе выступал Плеханов на Московском государственном совещании, призывая «к миру и согласию». «Я полагаю, — говорил он, — что в этот торжественный и грозный час, который переживает в настоящее время Родина, на каждом из нас лежит обязанность выдвинуть не то, что нас разделяет, а то, что нас объединяет». И далее он призывал делегатов правой части зала, где сидели представители капиталистов и либерально-помещичьих кругов, признать, что в совершении и подготовке Февральской революции «велики заслуги русской революционной демократии».

Плеханов продолжал: «Обращаюсь направо к тем, кто представляет собой буржуазию, или — так как термин этот начинает приобретать некоторый привкус одиозности — к тем, которые представляют торгово-промышленный класс. Я скажу им: граждане, теперь настал такой момент, когда в интересах всей России и в ваших собственных интересах необходимо искать сближения с пролетариатом, необходимо искать сближения с рабочим классом». Что же обещал за это Плеханов представителям буржуазии? А вот что: «...отныне русская промышленность может развиваться только в том случае, если торгово-промышленный класс поставит перед собою задачу осуществления

широких социальных реформ». Он призывал капиталистов к развитию производительных сил, что вызвало с их стороны аплодисменты и крики «Правильно!».

Пообещав капиталистам поддержку, Плеханов обратился к делегатам, сидящим на левой стороне, — меньшевикам, эсерам, народным социалистам. Он утверждал, что поскольку Россия переживает в настоящее время буржуазную революцию, то нельзя мечтать о захвате политической власти: «Раз нам предстоит еще пережить более или менее длинный период капиталистического развития, то надо помнить, что этот процесс является двусторонним, причем на одной стороне будет действовать пролетариат, а на другой буржуазия. И если пролетариат не захочет повредить своим интересам, а буржуазия своим, то и тот, и другой класс должны, *bona fide* (по доброй воле. — Авт.) искать путь для экономического и политического соглашения».

И это говорил Плеханов! Все речи и статьи его в «Единстве» были предательством не только по отношению к марксистским идеям, но и отступничеством от прежней революционной деятельности.

Возвращаясь в Петроград, утомленный ходом заседаний на Московском совещании, которое в результате соглашательского поведения так называемых социалистических партий явилось победой контрреволюционных сил, Плеханов слег. Известия о победах немецкой армии, прорыв его северо-западного фронта и взятие Риги еще более обострили болезнь.

Лежа в постели, Плеханов диктовал Розалии Марковне статьи, в которых призывал дать отпор контрреволюционному мятежу генерала Корнилова.

Надвигались грозные дни социалистической революции.

Вскоре из газет и от приезжавших к нему друзей Плеханов узнал о революционных событиях в Петрограде, о взятии Зимнего дворца восставшим народом под руководством большевиков, об аресте министров буржуазного Временного правительства. Власть перешла в руки революционных рабочих, крестьян, солдат. Было создано Советское правительство во главе с В. И. Лениным. Великая Октябрьская социалистическая революция свершилась! Пролетарская революция перекинулась в Москву и в другие города России, ее триумфальное шествие по стране уже нельзя было остановить.

На первых порах Плеханов тщетно пытался повернуть события вспять. 28 октября он написал для газеты «Единство» «Открытое письмо к петроградским рабочим». В нем он открыто говорил, что Октябрьская

революция его огорчает и он считает ее преждевременной. Плеханов настаивал, что диктатура пролетариата может быть установлена только в стране, где рабочий класс составляет большинство населения, и твердил, что России угрожает опасность завоевания германскими милитаристами. Он не верил в революционные возможности российского пролетариата и наперекор исторической правде утверждал, что Россия не доросла до социалистической революции. В этом состояли теоретические корни оппортунистической и, по существу, контрреволюционной платформы Плеханова последних лет его жизни. Но рабочие Петрограда и всей России уже не слушали Плеханова.

В эти дни к нему пожаловал нежданный гость — Борис Савинков. Он в период войны установил с Плехановым тесные связи, вступил волонтером во французскую армию и уверял Плеханова, что во всем согласен с его взглядами. После Февральской революции он вернулся в Россию и последнее время был товарищем (заместителем) военного министра Временного правительства. По просьбе А. Ф. Керенского Савинков проводил переговоры с генералом Корниловым во время его мятежа. Но во время этих переговоров он вел двойную игру, обещая Корнилову свою поддержку и подталкивая его к более решительным действиям, за что даже был исключен из партии эсеров. Великую Октябрьскую революцию Савинков встретил с ненавистью. Вот в этой-то ситуации авантюрист Савинков решил использовать имя Плеханова для борьбы против революционного народа, взявшего власть в свои руки.

Георгий Валентинович знал о некоторых «художествах» Савинкова, но все же принял его. После незначительных разговоров об общих знакомых, о семье Савинков перешел к главной цели своего визита.

— Георгий Валентинович, мы, истинно революционные силы России, готовимся к отпору большевикам. Недолго им придется сидеть в Смольном и в Зимнем дворце. От имени многих — я не имею права их называть — прошу вас дать согласие стать главой правительства, которое мы сформируем после разгрома ленинцев.

Молча выслушав предложение Савинкова, Плеханов, побледневший от гнева, резко ответил:

— Я сорок лет своей жизни отдал пролетариату, и не я его буду расстреливать даже тогда, когда он идет по ложному пути.

Плеханов не понял и не принял Октябрьской социалистической революции, но он отказался участвовать в борьбе против победившего пролетариата, против Советской власти.

3. «Он слился с природой»

В это время Плеханов снова почувствовал себя плохо. Трудный переезд на родину, переживания из-за революционных событий в России, которые развивались по пути, который он считал неправильным, наступление сырой петроградской осени привели к серьезному ухудшению его здоровья.

В первую неделю после революции, когда председателя Совнаркома Владимира Ильича Ленина со всех сторон обступили неотложные дела, он, узнав о тяжелом состоянии Плеханова, поручил секретарю Петроградского Совета большевику С. И. Гусеву передать ему продукты и теплую одежду. Это должен был сделать как бы от своего имени их общий знакомый профессиональный революционер большевик Н. Е. Буренин. Но положение Георгия Валентиновича уже было безнадежно.

Еще за несколько дней до свержения Временного правительства Л. Г. Дейч писал жене: «Я был сегодня в Царском селе — давно не видел Георгия Валентиновича, и мне интересно было узнать от него, как он смотрит на положение. Но и он решительно ничего хорошего не видит, не питает никаких надежд... Керенский, очевидно, совершенно растерялся и лишь по инерции еще держится». И далее Дейч пишет, что он хотел бы выйти из редакции «Единства», но опасается, что «это может чрезвычайно расстроить Георгия Валентиновича, который, вероятно, недолго протянет».

Вскоре произошло событие, которое противники социалистической революции пытались использовать для клеветы на большевиков, Советскую власть. Они обвинили большевиков в обострении болезни Плеханова, которая была тяжелой и, по существу, неизлечимой. В антисоветских целях был использован факт обыска, произведенный у Плеханова 31 октября 1917 года.

В первые дни после свержения власти буржуазии по распоряжению Военно-революционного комитета во многих районах красногвардейцы проводили обыски — скрывавшиеся офицеры спрятали много оружия.

В этот день обыскивали дачи в Детском (Царском) селе, снимавшиеся преимущественно состоятельными людьми, многие из которых враждебно встретили приход к власти рабочих и крестьян.

В 4 часа дня по «черной» лестнице в квартиру, где жили Плехановы, вошли три красногвардейца — матрос, солдат и молодой рабочий с красной повязкой на рукаве. К ним вышла Розалия Марковна.

— Что вам нужно, граждане? Мой муж нездоров, отдыхает, и его

нельзя тревожить.

— Мы пришли искать оружие. Нам нужен хозяин. Где его комната?

Пришлось впустить красногвардейцев в комнату, где лежал на постели полуодетый Плеханов. Розалия Марковна открыла все шкафы, чемоданы и предложила их осмотреть. Красногвардейцы осмотрели все это, не дотрагиваясь до вещей.

Георгий Валентинович во время обыска мирно беседовал с молодым рабочим о событиях в Петрограде.

Красногвардейцы ушли из квартиры Плеханова. Они выполнили свой революционный долг. Зная, как много крови пролили контрреволюционеры, затаившиеся на первых порах, но готовившиеся развязать гражданскую войну в стране, все честные граждане Советской страны понимали необходимость и целесообразность производившихся тогда обысков.

Но не так думали противники социалистической революции.

На следующий день в газете «Единство», а потом и во многих других появились «красочные», но лживые описания обыска на квартире Плеханова. Сообщалось, что в течение дня у Плеханова было несколько обысков, что он после этого сильно заболел и у него открылось кровохарканье. В адрес Плехановых поступил ряд телеграмм с выражением сочувствия и возмущения. Р. М. Плеханова выступила с заявлением, что все эти сведения сильно преувеличены, а здоровье ее мужа не ухудшилось.

Из газет В. И. Ленин узнал об обыске у больного Плеханова и поручил С. И. Гусеву принять меры, чтобы нечто подобное не повторилось. На следующий же день было издано распоряжение: «Военно-революционный комитет Центрального и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов предписывает Царскосельскому Совету р. и с. д. немедленно принять экстренные меры к полному охранению спокойствия и безопасности гражданина Георгия Валентиновича Плеханова. № 2363 от 2 ноября 1917 г.»

Но когда на квартиру Плеханова пришли для охраны рабочие-красногвардейцы, они уже не застали там Георгия Валентиновича.

Р. М. Плеханова, давно уже обдумывающая необходимость помещения мужа в условия, где он находился бы под наблюдением опытных врачей, уговорила его лечь в больницу. Чтобы он не передумал, наняла извозчика, укутала, и поехали в Детскосельскую больницу.

Главный врач, которого сразу же вызвали к Плехановым, предоставил в их распоряжение канцелярию больницы. Все палаты и коридоры были полны тифозными и дизентерийными больными, ранеными. Осмотрев

Плеханова, врачи посоветовали перевезти больного в Петроград, поскольку условия для туберкулезного больного были неподходящими.

Всю ночь Георгия Валентиновича мучил кашель, он не мог уснуть. Больные из ближайших палат, узнав о приезде Плеханова, старались поменьше шуметь.

Утром санитарный автомобиль отвез Плеханова в Петроград, во французскую больницу Св. Марии Магдалины на 14-й линии Васильевского острова. Это было 2 ноября.

Несмотря на то, что французская больница так же была переполнена заразными больными, Плеханов находился здесь в сравнительно хороших условиях. У него была отдельная комната, где его могли навещать друзья и близкие. Он и отсюда продолжал руководить газетой «Единство», диктовал статьи для нее, что, впрочем, не укрепляло положения газеты, которая продолжала терять подписчиков.

На Новый год Плеханова посетила делегация профессоров и студентов Горного института. Плеханов обрадовался встрече с ними, вспомнил годы учения в этом институте.

Но, несмотря на все это, состояние Плеханова не только не улучшалось, но, наоборот, ухудшалось.

Розалия Марковна решила перевезти Плеханова в Финляндию, в санаторий доктора Циммермана, которого ей рекомендовал профессор Сиротинин. Санаторий находился в часе езды от Петрограда, в местечке Питкеярви, около Териок (ныне Зеленогорск). Доктор Циммерман слыл хорошим специалистом по легочным болезням.

28 января на двух санях выехали с Васильевского острова на Финляндский вокзал. Доехали благополучно. Петроград провожал Плехановых грязью, серым небом. А в Териоках светило солнце, искрился снег, и красота северной природы, от которой они отвыкли, оживила Плеханова.

Первое время казалось, что наступило улучшение и ему даровано еще несколько лет жизни. Несмотря на высокую температуру, он чувствовал себя бодро, продолжал читать и заниматься литературной работой. Несколько часов в день Плеханов читал, делал выписки и заметки. Он просматривал для «Истории русской общественной мысли» двухтомник М. М. Щербатова.

Вечерами Розалия Марковна перед сном читала мужу вслух греческих классиков — трагедии Эсхила, Софокла, Еврипида.

Но скоро наступил книжный голод. Розалия Марковна привезла с собою немного книг, оставив все приготовленные для работы сочинения в

Детском селе. Теперь Плеханов упрекал ее за это. Но, видя огорчение жены, Георгий Валентинович предложил:

— Ничего не поделаешь. Возьмусь за старое. Бери Фукидида, Роза, и читай, начиная с Пелопоннесской войны. Тебе будет интересно, и я с удовольствием послушаю. Сколько его ни читаю, никогда не надоедает. А потом возьмемся за Плутарха.

С каждым днем сообщение между Териоками и Петроградом делалось затруднительней. В Финляндии шла гражданская война. Дважды приезжал к Плехановым Л. Г. Дейч. Он привез два номера журнала «Вопросы психологии и философии», кучу писем, продукты и свежие новости.

Дейч, как и Плеханов, был противником установившейся в России диктатуры пролетариата и предрекал скорое падение Советской власти. Говоря с Дейчем, Плеханов, как свидетельствует присутствовавшая при их беседах Розалия Марковна, приходил к другому выводу: большевики, говорил он, продержатся гораздо больше, чем это кажется их противникам: они сильнее, чем мы думаем.

Плеханова очень огорчали известия о переговорах с немецкими военными властями в Брест-Литовске, которые вели представители Советского государства. Сообщение о Брестском мире было воспринято им как катастрофа. Насколько дальновиднее Плеханова оказался В. И. Ленин, который настоял на заключении мира и тем самым дал передышку стране для укрепления Советской власти.

Утром 18 марта у Георгия Валентиновича началось кровотечение, которое не могли остановить несколько дней. Потом по ночам его стало мучить удушье. Теперь всем стало ясно — конец близок.

Начиная с 18 марта длилась медленная агония.

Теперь уже Георгий Валентинович не мог сам читать, однако слушал чтение других очень внимательно. Он понимал свое состояние и утешал жену.

Что такое смерть? Это слияние с природой. Мы должны ее встречать как материалисты и смотреть законам природы в глаза. Жалко только, что не закончу «Истории русской общественной мысли», да и воспоминания я собирался тебе продиктовать.

Не говори о смерти, я не могу жить без тебя.

Мужайся, Роза. Ты должна поехать к детям, живи с ними и скажи им, что я их очень любил и люблю.

С 20 мая у Плеханова начались галлюцинации. То он видел в саду греческие статуи, то ему казалось, что в ногах сидят три парки с ножницами, готовые перерезать нить его жизни.

30 мая 1918 года Георгий Валентинович Плеханов умер от эмболии сердца, возникшей в результате обострения туберкулеза.

Розалия Марковна была одна около Георгия Валентиновича в последние дни его жизни.

В апреле 1918 года с помощью немецких экспедиционных войск финская контрреволюция свергла власть революционного правительства Финляндии. 5 мая были разгромлены остатки финских красногвардейских отрядов. Власть захватили реакционные элементы, тесно связанные с германской монархией. В стране установился режим белого террора. Граница между Финляндией и Советской Россией по реке Белой (у станции Белоостров) была закрыта. В мае связь Плехановых с Петроградом была прервана.

Советские власти еще при жизни Плеханова старались пробить эту брешь, добиваясь возможности поездок к Плеханову. Поскольку обращаться непосредственно к контрреволюционному правительству Финляндии советским органам было невозможно, они вынуждены были вести переговоры через посланника Германии Вильгельма Мирбаха, того самого Мирбаха, который вскоре был убит авантюристами-эсерами, стремившимися сорвать Брестский мир.

23 мая 1918 года Народный комиссариат по иностранным делам РСФСР обратился к Мирбаху с нотой: «Ввиду серьезной болезни гражданина Плеханова, который одинокий находится в совершенно беспомощном состоянии в санатории Питкеярви (около Териок), Народный Комиссариат по Иностранным Делах просит Германского Дипломатического представителя, Императорского посланника графа Мирбаха оказать любезность принять все зависящие от него меры для скорейшего проезда личных друзей гражданина Плеханова для оказания ему необходимой помощи — граждан Анатолия Павловича Брэндовского и Льва Григорьевича Дейча туда и обратно в Петроград.

Ввиду того, что гражданам Браиловскому и Дейчу придется неоднократно посещать гражданина Плеханова, Народный Комиссариат по Иностранным Делах просит о выдаче постоянного пропуска, если это возможно».

Пока шли переговоры, пришло сообщение, что Плеханов умер. Л. Г. Дейчу дали разрешение на проезд в Финляндию, но теперь уже для вывоза тела покойного. Он выехал из Петрограда 3 июня с удостоверением, выданным Петроградским Советом рабочих и красноармейских депутатов:

«Предъявителю сего гражданину Льву Григорьевичу Дейчу разрешается выехать в Финляндию через Белоостров.

Л. Г. Дейч будет сопровождать в Петроград тело скончавшегося Г. В. Плеханова. Белоостровским властям и железнодорожникам линии Белоостров — Петроград предписывается оказывать в том всестороннее содействие. Супруге покойного Г. В. Плеханова и всем близким при Г. В. Плеханове разрешается приезд в Петроград».

Эти два документа еще раз показывают, что советские власти, несмотря на заявление Плеханова в печати о несогласии с политикой Советского государства, продолжали заботиться о нем — живом и мертвом.

Дейч застал вдову Плеханова в горе и растерянности. Прошло уже пять дней со дня смерти мужа, тело его лежало в погребке со льдом, но она не знала, как быть дальше. Может быть, надо, как советовали окружающие, похоронить его здесь, в Питкеярви? Но вот приехал Дейч с мандатом от Петросовета, и через день, 5 июня, гроб с телом Плеханова был доставлен в Советскую Россию.

Начиная с этого дня и в течение нескольких месяцев во многих газетах России и стран Западной Европы появились сначала сообщения о смерти Плеханова, краткие некрологи, а потом и большие статьи, посвященные ему.

Розалия Марковна получила множество писем со всех концов России и из-за границы с выражением сочувствия по поводу смерти Плеханова^[98].

О кончине Плеханова писали не только его единомышленники, но и большевики, чьи пути разошлись с Плехановым в последние годы, в том числе официальные представители Советского государства.

6 июня пришла телеграмма от М. И. Калинина:

«Петроградская Городская управа шлет Вам свое горячее соболезнование и сочувствие по случаю смерти супруга Вашего Георгия Валентиновича Плеханова, выдающегося теоретика и блестящего публициста марксизма, учителя целого поколения социалистической интеллигенции, основоположника русского рабочего движения, предсказавшего осуществляемые ныне пролетариатом России пути революционного движения в России.

Городской голова М. Калинин».

Другой видный деятель нашей партии, Е. Д. Стасова, писала 4 июня К. Т. Новгородцевой (Свердловой): «Плеханов ушел — крупная фигура прошлого, и думается мне, что мы должны отметить его роль в истории образования партии... Хорошо бы дать биографию отдельным изданием и поместить популярный очерк в «Бедноте».

Организацию похорон Плеханова захватили в свои руки его единомышленники по группе «Единство». К ним присоединились те

политические партии и группировки, которые называли себя социалистическими, но на самом деле выродились в контрреволюционные организации (меньшевики, правые эсеры и т. п.). Все эти антисоветские деятели хотели использовать имя Плеханова, его похороны, чтобы оболгать Советскую власть, большевиков, В. И. Ленина.

И это им в те дни удалось. У гроба Плеханова звучали речи, проникнутые злобой и клеветой на Советскую власть.

Петроградские большевики не могли и не стали участвовать в похоронах Плеханова, которые были превращены их организаторами-меньшевиками в антисоветскую демонстрацию, но устроили траурное заседание.

В. И. Ленин получил известие о смерти Плеханова в Москве. Две недели тому назад он просматривал гранки нового издания своей статьи «Карл Маркс», написанной накануне войны. В конце статьи Ленин снова дал библиографию марксизма, немалая часть которой состояла из работ Плеханова. Он сам прекрасно знал эти работы и требовал, чтобы их изучали все члены партии.

Положение Советской России в начале июня 1918 года было чрезвычайно тяжелым. Разруха и голод подтачивали экономику страны, в конце мая пришлось дать секретную директиву об уничтожении всех судов Черноморского флота, иначе они попали бы в руки немцам. Левые эсеры и меньшевики готовили тайные заговоры. В такой обстановке было решено, что траурное заседание, посвященное памяти Плеханова, проведут только большевики Петрограда, города, с которым так тесно была связана судьба Плеханова.

4 июня в Москве на объединенном заседании Всероссийского Центрального Исполнительного комитета, Московского Совета и Совета профессиональных союзов, на котором присутствовал В. И. Ленин, председательствующий Я. М. Свердлов сообщил собранию о смерти Плеханова и призвал участников заседания почтить его память вставанием. После минутного молчания перешли к обсуждению доклада В. И. Ленина о борьбе с голодом.

Свободная революционная Россия уже в эти трудные дни чтит память Георгия Плеханова — пионера марксизма в России.

Послесловие

Жизнь Георгия Валентиновича Плеханова не была долгой — скончался он в возрасте 61 года. И вместе с тем его деятельность, вплетенная в ткань мировой истории, стала ярким и непреходящим по своему значению событием революционного движения XIX — начала XX века. Плеханов вписал незабываемые страницы в летопись истории русской и мировой культуры, обогатил ее ценными творениями философской и социальной мысли. И в то же время жизнь Плеханова, полная идейных поисков и борений, его разносторонняя и динамическая деятельность как бы сотканы из противоречий.

Противоречия эти в идейно-политической деятельности Плеханова и ее трагический финал поучительны для истории. Жизнь Плеханова со всеми ее коллизиями, взлетами и падениями и ныне является предметом изучения, всестороннего анализа и научной оценки.

Главный и поучительный вывод истории состоит в том, что революционное движение не может успешно и плодотворно развиваться без революционной теории, без ее творческой разработки, без постоянного обращения к идейно-теоретическому наследию человечества и особенно к практике жизни, к историческому опыту передовых революционных классов. Плеханов пришел к правильной революционной теории — научному социализму Маркса и Энгельса еще в то время, когда он был активным деятелем российского освободительного движения на революционно-демократическом этапе его развития. Глубоко усвоив теоретическое богатство марксистского учения, Плеханов убедительно защищал и пропагандировал воинствующий материализм, доказывал его применимость и действенность в условиях России. В первые 20 лет своей идейно-теоретической деятельности, отстаивая позиции революционного марксизма, он создал философско-теоретические труды, на которых воспитывались целое поколение русских марксистов и многие представители социал-демократии в странах Европы. Продолжая традиции диалектического материализма Маркса — Энгельса, он подверг убедительной критике антимарксистские, идеалистические концепции буржуазной философии (неокантианство, махизм, контрреволюционное течение «веховство», богоискательство и т. п.) и философского ревизионизма. Плеханов придавал огромное значение распространению

теории марксизма, особенно его философии, стремился расширить фронт марксистских исследований, включая в их орбиту научный анализ истории искусства, религии, философии, общественной мысли с позиций исторического материализма.

Но этого было уже недостаточно в условиях новой эпохи — эпохи империализма и революций начала XX века. Для дальнейшего развития теории нужно было пойти не только «вширь», но и «вглубь», обратиться к тому новому, что давал опыт развития общества, революционной борьбы и научной мысли современной эпохи. Слабость и ограниченность теоретической позиции Плеханова в меньшевистский период обнаруживаются в том, что он не последовал этому властному велению времени и остался на уровне марксизма II Интернационала с присущими ему ограниченностями и отступлениями от революционной диалектики.

Плеханов, страстный поборник воинствующего материализма, с успехом применявший до начала XX века Марксову диалектику к пониманию общественного развития, оказался затем не в состоянии поднять философию марксизма на новый, еще более высокий идейно-теоретический уровень, придать материалистической философии современный научный вид, соответствовавший требованиям XX столетия.

«Г. В. Плеханов, — отметил товарищ М. А. Суслов в своем докладе, посвященном 70-летию II съезда РСДРП, — сыгравший большую роль в идейном становлении российской социал-демократии, в период подготовки «Искрой» II съезда РСДРП и на самом съезде вместе с Лениным отстаивал революционные принципы марксизма, боролся против оппортунистов. Однако он не смог до конца освободиться от груза социал-демократических традиций II Интернационала, не понял новых задач в новую эпоху и вскоре после II съезда РСДРП перешел на сторону меньшевиков». Плеханов, в отличие от В. И. Ленина, не обратил внимания на анализ экономических и политических отношений эпохи империализма, не понял необходимости развития Марксовой теории революции применительно к современной эпохе, не смог по достоинству оценить новый революционный опыт пролетариата, особенно опыт российских рабочих. Он прошел мимо важнейших открытий в естествознании, свершившихся на рубеже XIX–XX веков, не попытался их философски осмыслить, чем обеднил арсенал идейно-философской борьбы марксистов против «новейшего» идеализма, религиозных течений и ревизионизма. Эти односторонности и ошибки Плеханова помешали ему дать глубокую и цельную разработку философии Маркса и Энгельса применительно к условиям XX века.

Плеханов не сумел разработать диалектику как цельную науку, логику

и теорию познания, методологию революционного мышления и революционного действия; ограничиваясь нередко «суммой примеров», подтверждающих диалектику Маркса, Плеханов зачастую не обращался к глубокому диалектическому анализу новейшего общественного развития и достижений науки. Он нередко проходил мимо метафизических вульгарно-эволюционистских и софистических извращений диалектики оппортунистами II Интернационала, не смог подняться на высоту новой, диалектико-материалистической концепции развития, которая была разработана В. И. Лениным.

Допущенные в этом отношении просчеты и ошибки Плеханова являются симптоматичными, предостерегают против одностороннего, гипертрофированного толкования тех или иных сторон и форм революционного процесса, которое может вести и порой ведет к догматизму и ревизионизму, к отступлениям от революционного марксизма.

Лучшими непреходящими достижениями Плеханова, которые прочно вошли в летопись российского революционного движения, в историю марксизма, явились его теоретические работы и практические действия, направленные на создание революционной партии рабочего класса и защиту ее основ от помещичье-буржуазной контрреволюции, от ликвидаторов открытых и скрытых. Значение теоретической мысли и практической деятельности Плеханова в период, когда он был революционным марксистом, трудно переоценить.

Характерной чертой научно-теоретической деятельности Плеханова, лейтмотивом его творчества было глубокое уважение к наследию мировой культуры, к традициям передовой философской и общественной мысли, постоянное стремление к преемственности ее развития. Плеханов исходил из той истины марксизма, что рабочий класс, народные массы являются законными наследниками ценных достижений мировой культуры. В своих трудах он блестяще доказал, что марксизм зиждется на базе завоеваний науки, философии, передовой общественной мысли и, представляя собой величайшую революцию в философии, продолжает и развивает ее лучшие материалистические и диалектические традиции.

Ярко, страстно и убедительно рисовал Плеханов картину поступательного движения человеческой мысли, ведущего к вершинам научного социализма. И его сочинения, проникнутые энциклопедическим знанием истории культуры и общественной мысли, полемической остротой в критике ретроградных и антинаучных взглядов, оплодотворенные замечательным литературным мастерством, навсегда останутся в памяти

людей, будут способствовать приобщению новых и новых поколений к бесценным духовным богатствам человечества.

Лучшие марксистские труды Плеханова сыграли большую роль в борьбе за распространение идей марксизма в России и многих других странах. Вместе с тем Плеханов, стремясь усвоить опыт западноевропейского рабочего движения и развития теоретической мысли в XIX веке, не всегда умел провести различие между тем подлинно революционным, творческим, что было в этом опыте, и тем, что носило преходящий характер, не выдерживало испытание временем.

В. И. Ленин при всех глубоких расхождениях с «примирительными» тенденциями Плеханова в отношении оппортунизма стремился вплоть до начала второй мировой войны привлечь Плеханова к совместной идейно-теоретической деятельности на платформе марксизма. В 1914 году, высоко оценивая теоретические заслуги Плеханова, особенно в философии, и отмечая его роль в борьбе с ликвидаторами в 1908–1912 годах, Ленин обращал внимание на слабую сторону позиции Плеханова — полную неясность его мысли о том, с кем он хочет «единства», т. е. тенденция примирения революционеров с оппортунистами. Духовный кризис, спад научно-теоретической мысли Плеханова в последние годы его жизни — наглядный урок для всех тех, кто хочет оставаться на позициях марксизма. Только неразрывная связь с интернациональной практикой революционного рабочего движения, последовательная защита принципов пролетарского интернационализма, непримиримая идейная борьба с противниками и извратителями марксизма представляют собой залог творческого развития теоретической мысли. Этого, к сожалению, не произошло, да и не могло уже произойти, с Плехановым в последние годы его жизни, когда свершилось его политическое грехопадение к меньшевизму, центризму, а затем и к социал-шовинизму.

Сложный и противоречивый идейно-теоретический и политический путь Плеханова уже многие годы привлекает пристальное внимание исследователей, принадлежащих к различным политическим и идейно-философским течениям нашего времени. Диапазон характеристик и оценок творчества Плеханова, его идейно-теоретического пути и общественной деятельности весьма широк и многообразен.

Открытые враги революционного марксизма из лагеря империалистической реакции, как правило, либо замалчивают философские труды Плеханова, либо с яростью нападают на его воинствующий материализм, обвиняя Плеханова в догматизме, фатализме и прочих «смертных грехах». Они вменяют в вину Плеханову его идейную

борьбу против врагов марксизма — идеологов западноевропейской и российской буржуазии, — утверждая, что эта борьба помешала России избрать иную альтернативу, чем классовая борьба пролетариата и социалистическая революция, и пойти по реформистскому пути, который в противоположность марксизму-ленинизму предлагали идеологи буржуазно-либеральной контрреволюции и социал-оппортунистов.

Правые социал-демократические лидеры, идеологи социал-реформизма предали забвению труды Плеханова. Им, всегда отличавшимся «беззаботностью» по части марксистской философии, так же как и «откровенным» идеологам буржуазии, претит диалектический материализм Плеханова, им чужды идеи социалистической революции и диктатуры рабочего класса, развиваемые в трудах Плеханова в период его революционного марксизма. В социалистических партиях Запада, в идейном становлении которых Плеханов в конце XIX — начале XX века сыграл такую важную роль, имя Плеханова почти всюду позабыто, его труды не издаются, не изучаются и не популяризируются.

Известный интерес к творчеству Плеханова и его деятельности проявляется со стороны представителей буржуазной марксологии, которые и в последнее время посвятили Плеханову несколько специальных книг и разделов в общих работах по истории русской революции, истории философии и общественной мысли. Здесь проявляются двойкие тенденции: с одной стороны, все то ошибочное и слабое, что было в деятельности Плеханова, особенно в меньшевистский период, буржуазными марксологами «поднимается на щит» как альтернатива ленинизму. При этом делаются неправомерные попытки изобразить все творчество Плеханова, все его теоретические труды (в том числе и до 1903 года) как единую и неизменную линию, чуждую революционному марксизму и всегда противостоящую ленинизму. Предаются забвению и нередко извращаются высказанные в трудах Плеханова идеи социалистической революции и диктатуры пролетариата, и он изображается как сторонник лишь мирного, постепенного, реформистского пути развития общества и т. д.

С другой стороны, в сочинениях многих буржуазных марксологов (особенно таких, как И. Бохенский, Г. Веттер, С. Хук, М. Ланге и др.) всячески принижается вклад Плеханова в философию; он вопреки исторической правде изображается наряду с Энгельсом как проповедник «догматического материализма», пошедший якобы назад от Маркса к метафизическому материализму Спинозы и французских мыслителей XVIII века. Он ложно представляется как сторонник «ортодоксального

доктринерства», чуждый гуманистическим идеям раннего Маркса, проповедник «экономического» детерминизма и фатализма. И в этом случае предпринимаются фальсификаторские попытки противопоставить Плеханова-марксиста В. И. Ленину, наследие которого буржуазные марксологи искажают до неузнаваемости, приписывая ленинизму волонтаристские и субъективистские воззрения, якобы заимствованные у Бакунина, народников и т. п.

Близкую буржуазным марксологам позицию занимают представители ревизионистского течения «неомарксизма» или «аутентичного марксизма», которые в своих книжках и статьях по вопросам истории марксизма либо третируют Плеханова и его философское наследие, либо без всякого основания приписывают ему догматизм, метафизический материализм, антигуманизм и т. д.

И в тех и в других случаях дается предвзятое и извращенное представление об истории марксизма в целом, и в частности в России, разрывается преемственная нить в истории философии Маркса и Энгельса, пропагандируемой Плехановым и творчески развитой Лениным. Отрицается или извращается тот неоспоримый факт, что Плеханов с того времени, как стал марксистом, прошел два существенно различающихся между собой периода в своем идейно-политическом развитии.

Коммунистическая партия Советского Союза, советская наука сделали все для того, чтобы подлинная роль Плеханова в истории революционного движения, философии и общественной мысли была научно исследована, всесторонне и глубоко раскрыта и правильно, по достоинству оценена^[99].

С первых же лет Советской власти В. И. Ленин постоянно обращал внимание партии, советских людей на необходимость глубокого изучения марксистских произведений Плеханова, особенно его трудов по философии, которые он считал лучшими в марксистской литературе. В книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Ленин, как известно, подчеркнул, что нельзя стать настоящим коммунистом, не изучая всего того, что написано Плехановым по философии марксизма. В брошюре «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого и Бухарина» Ленин высказал пожелание о том, чтобы труды Плеханова были изданы с необходимыми комментариями и обязательно изучались в учебных заведениях Советской страны. Это указание В. И. Ленина было выполнено. В 20—30-х годах вышли в свет Сочинения Г. В. Плеханова, в 30-х годах опубликованы огромными тиражами лучшие его марксистские труды по философии, подготовлено и выпущено в свет 8 сборников «Литературного наследия Плеханова». В 1956—1958 годах были

подготовлены и крупным тиражом изданы «Избранные философские произведения» Плеханова в пяти томах с комментариями (о необходимости которых говорил В. И. Ленин). В 70-х годах было завершено и выпущено в свет три тома «Философско-литературного наследия Г. В. Плеханова».

В своем философском завещании — статье «О значении воинствующего материализма» — В. И. Ленин призывал продолжать традиции воинствующего материализма, он снова и снова обращал внимание на марксистские философские труды Плеханова, отметив, что Россия, к счастью, обладает солидной материалистической традицией, представленной именами Чернышевского и Плеханова.

Советская наука, следуя принципам марксизма-ленинизма, уже в первые десятилетия истории социалистического государства подвергла справедливой критике неверные и ошибочные, антиисторические тенденции в оценке деятельности Плеханова и его теоретического наследия. Были преодолены идущие от меньшевизма неверные попытки апологетики всего того, что сделано Плехановым, в том числе и приукрашивание его ошибочных политических позиций в меньшевистский период деятельности. Была опровергнута несостоятельная тенденция ограничить и умалить роль Ленина в области теории, изобразив Плеханова только теоретиком, а Ленина — главным образом практиком, что вело к оправданию слабостей и ошибок Плеханова в области теории и практики и к принижению роли Ленина в области теории, значения ленинского этапа в развитии марксизма. Были также преодолены проявившиеся в 30—40-х годах ошибочные тенденции негативного толка, когда вопреки ленинским оценкам марксистских трудов Плеханова, особенно философских, некоторые авторы «отыскивали» в этих трудах ревизионизм, метафизику, неисторически подходили к Плеханову и недооценивали роль его трудов в истории воинствующего материализма.

Благодаря постоянной заботе и мудрому руководству Коммунистической партии в советской науке окончательно и прочно утвердилось ленинское отношение к Плеханову и его наследию. Советский народ чтит память Г. В. Плеханова и отдает должное ему как пионеру марксизма в России, одному из выдающихся представителей пролетарского революционного движения и передовой русской культуры^[100].

В декабре 1956 года в Советском Союзе и ряде зарубежных социалистических стран было торжественно отмечено 100-летие со дня рождения Георгия Валентиновича Плеханова. Этому знаменательному событию предшествовало принятие Центральным Комитетом КПСС 16 октября 1956 года постановления о праздновании 100-летия со дня

рождения Г. В. Плеханова. Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, исходя из ленинских положений, высоко оценил деятельность Плеханова как первого выдающегося пропагандиста марксистских идей в России, борца за научное материалистическое мировоззрение марксизма.

Георгий Валентинович Плеханов — пионер марксизма в России — будет долго памятен народам нашей страны, международному коммунистическому и рабочему движению. Память о нем живет в его лучших, марксистских трудах, унаследованных международным коммунистическим движением, в идейно-теоретической борьбе за торжество воинствующего материализма, страстным трибуном которого долгие годы был Плеханов.

Основные даты жизни и деятельности Г. В. Плеханова

1856, 11 декабря — В селе Гудаловке Липецкого уезда Воронежской губернии в семье мелкопоместного помещика В. П. Плеханова родился сын Георгий.

1868–1873 — Обучение в Воронежской военной гимназии.

1873, сентябрь — декабрь — Обучение в Константиновском артиллерийском училище в Петербурге.

1874, сентябрь — 1876, декабрь — Обучение в Горном институте в Петербурге.

1875, конец — 1876, начало — Участие в работе кружка бакунистов; революционная пропаганда среди петербургских рабочих.

1876, 6 декабря — Выступление с речью на демонстрации у Казанского собора в Петербурге. Переход на нелегальное положение.

1877, начало — июль — Первая эмиграция, пребывание в Берлине и Париже.

1877–1879 — Активная революционная деятельность в народнической организации «Земля и воля» — поездки в Саратовскую губернию и в Ростов-на-Дону; пропаганда среди рабочих, написание листовок и статей для нелегальной народнической печати.

1878 — Вступление в брак с Р. М. Боград.

1879, июль — сентябрь — Разрыв на Воронежском съезде «Земли и воли» с частью прежних единомышленников; создание революционной народнической организации «Черный передел».

1880, январь — Вторичный выезд в эмиграцию.

1880, январь — ноябрь — Жизнь в Швейцарии — Женеве и Кларане.

1880, ноябрь — 1881, август — Жизнь в Париже, посещение собраний Рабочей партии Франции, встречи с П. Л. Лавровым, Ж. Гедом. слушание лекций в Сорбонне.

1881, 28 мая — Родилась дочь Лидия.

1881, осень — 1882, лето — Жизнь в Швейцарии — в Божии над Клараном и в Берне.

1881, конец — 1882, начало — Работа над переводом «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса и предисловием к нему. Выход в свет «Манифеста...» в 1882 г. в Женеве.

1881, осень — Переезд в Женеву.

1882, 10 апреля — Приветствие съезду немецких социал-демократов в Копенгагене от имени русских социалистов с выражением скорби по поводу смерти К. Маркса.

1883, 13 июля — Родилась дочь Евгения.

1883, 25 сентября — Окончательный разрыв с народничеством; создание за границей первой российской марксистской организации — группы «Освобождение труда».

1883, октябрь — Выход в Женеве работы «Социализм и политическая борьба».

1883, осень — 1885 — Составление 1-го и 2-го проектов программы группы «Освобождение труда».

1884, июль — Окончание работы над книгой «Наши разногласия», вышедшей в Женеве в начале 1885 года.

1885 — Установление связи с петербургской группой социал-демократов, руководимой Д. Благоевым.

1887, апрель — декабрь — Заболевание туберкулезом.

1888, август — Издание группой «Освобождение труда» сборника «Социал-демократ».

1889, март — Издание книги «Новый защитник самодержавия, или Горе г. Л. Тихомирова».

1889, март — 1894, июль — Высылка из Швейцарии по ложному обвинению в анархизме. Жизнь во Франции в Морне.

1889, май — Родилась дочь Мария.

1889, 14–21 июля — Участие в работе I (учредительного) конгресса II Интернационала в Париже. Выступление с речью о рабочем движении в России.

1889, июль — август — Поездка в Лондон для бесед с Фридрихом Энгельсом.

1891, ноябрь — Опубликование статьи «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля».

1890, 1892 — Выход четырех номеров обзора «Социал-демократ», в котором были напечатаны работы Плеханова: «Н. Г. Чернышевский», «Наши беллетристы-народники. С. Каронин», «Русский рабочий в революционном движении», «Всероссийское разорение» и др.

1891, май — Вышла книга Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» в переводе, с предисловием и примечаниями Плеханова.

1893, 6–12 августа — Участие в работе III конгресса II

Интернационала в Цюрихе, выступление с докладом по военному вопросу.

1894, июнь — В Берлине на немецком языке вышла брошюра «Анархизм и социализм».

1894, лето — Изгнание из Франции. Жизнь по кратковременным разрешениям в Швейцарии.

1894, конец августа — конец ноября — Пребывание в Лондоне, встречи с Фридрихом Энгельсом.

1895, январь — В Петербурге легально под псевдонимом Н. Бельтов вышла книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

1895, начало — Основание по инициативе Плеханова «Союза русских социал-демократов за границей».

1895, май — июнь — Встречи с В. И. Лениным, переговоры об издании за границей периодического марксистского органа для революционной пропаганды среди рабочих России.

1896, январь — Вышла в Штутгарте в издательстве И. Дитца книга на немецком языке «Очерки по истории материализма» (написана на французском языке).

1896, февраль — В Петербурге легально под псевдонимом А. Волгин вышла книга «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова В. В.».

1896, 27 июля — 1 августа — Участие в работе IV конгресса II Интернационала в Лондоне, выступление с речью о рабочем движении в России.

1897, сентябрь — В журнале «Новое слово» в Петербурге под псевдонимом Н. Каменский была напечатана статья «О материалистическом понимании истории».

1898, март — В журнале «Научное обозрение» в Петербурге была напечатана статья «К вопросу о роли личности в истории» под псевдонимом А. Кирсанов.

1898, июль, октябрь — В журнале «Neue Zeit» были напечатаны статьи «Бернштейн и материализм» и «Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса».

1898, ноябрь — Отказ Плеханова, П. Аксельрода и В. Засулич от редактирования изданий «Союза русских социал-демократов за границей» ввиду перехода его большинства на позиции «экономизма».

1899–1900 — В журнале «Народное обозрение» в Петербурге были напечатаны статьи под общим названием «Письма без адреса».

1900, 24–28 августа — Совецание в Корсье В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, П. Б. Аксельрода, В. П. Засулич и А. Н. Потресова по вопросу об организации выпуска за границей нелегальной газеты и журнала для

России.

1900, 23–27 сентября — Участие в работе V конгресса II Интернационала в Париже; работа в комиссии по выработке резолюции об участии социалистов в буржуазном правительстве; избрание в Международное Социалистическое Бюро.

1900, декабрь — Выход в Мюнхене первого номера «Искры» под редакцией В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, Ю. О. Мартова, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрода и А. Н. Потресова.

1901, январь — май — Поездки в Мюнхен для обсуждения вопросов издания «Искры» и «Зари».

1901–1903 — Активное участие в редактировании «Искры»; опубликование в ней статей: «Еще раз социализм и политическая борьба», «Новое вино в старых мехах», «О демонстрациях», «Логика русского терроризма», «Пролетариат и крестьянство», «Карл Маркс», «Ортодоксальное буквоедство», «Красный съезд в красной стране» и др.

1901, апрель — 1902, август — Вышла в журнале «Заря» серия статей «Критика наших критиков. Г-н П. Струве в роли критика Марксовой теории общественного развития».

1901, октябрь — Уход В. И. Ленина, Г. В. Плеханова и других «искровцев» из «Союза русских социал-демократов за границей». Организация ими «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии».

1901, 19(6) декабря — Празднование 25-летнего юбилея революционной деятельности Г. В. Плеханова редакцией «Искры» в Женеве и в других колониях русских социал-демократов.

1902, первая половина — Выработка проекта программы РСДРП; разногласия между редакторами «Искры» при его обсуждении, создание совместного проекта.

1902, июль — В № 21 «Искры» от редколлегии был напечатан «Проект программы Российской социал-демократической партии».

1902, сентябрь — октябрь — Пребывание в течение месяца в Лондоне для редакционной работы и подготовки II съезда партии.

1903, 30 июля — 23 августа — Участие в работе II съезда РСДРП в Брюсселе и Лондоне. Выступления при открытии съезда по вопросам программы и Устава партии; избрание Плеханова в редколлегию «Искры», в ЦК и председателем Совета партии.

1903, август — Заявление Л. Г. Дейча на II съезде партии о прекращении деятельности группы «Освобождение труда» в связи с созданием партии.

1903, октябрь — Выступление Плеханова на II съезде «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии» против меньшевиков. Уход со съезда вместе с большевиками.

1903, 26(13) ноября — Плеханов кооптирует в редакцию «Искры» меньшевиков — бывших редакторов П. Аксельрода, Л. Мартова, А. Потресова и В. Засулич. Переход на меньшевистские позиции.

1904, 27 февраля — Выступление на митинге в Париже по поводу русско-японской войны с осуждением действий царского правительства.

1904, 1 июля — Решение Государственного совета Женевского кантона о разрешении Плеханову постоянного проживания в Швейцарии.

1904, 14–20 августа — Участие в работе VI конгресса II Интернационала в Амстердаме, разоблачение агрессивной политики царского правительства, выступление в комиссии по вопросу о социалистической тактике.

1904–1905, начало — Плеханов публикует статьи в газете «Искра», направленные против большевиков и книги В. И. Ленина «Что делать?», выступает с меньшевистских позиций в Совете партии.

1905, март — Выход в Женеве № 1 «Дневника социал-демократа Г. В. Плеханова». В 1–8 (1905–1906 гг.) Плеханов отстаивает меньшевистские, оппортунистические взгляды.

1905, 11 июня — Письмо в «Искру» о выходе из ее редакции.

1905, сентябрь — Выход в Петербурге в журнале «Правда» статьи «Французская драматическая литература и французская живопись XVIII в. с точки зрения социологии».

1905, осень — Болезнь горла, помешавшая выехать в Россию вместе с другими политическими эмигрантами.

1905, ноябрь — Выход статьи «Пролетарское движение и буржуазное искусство» в журнале «Правда».

1906, 23 апреля — 8 мая — Участие в работе IV (Объединительного) съезда РСДРП в Стокгольме. Выступления по аграрному вопросу, об отношении к Государственной думе и о вооруженном восстании с защитой оппортунистической позиции меньшевиков.

1907, 13 мая — 1 июня — Участие в работе V съезда РСДРП в Лондоне. Выступления с меньшевистских позиций по отчету думской фракции, об отношении к буржуазным партиям, о рабочем съезде. Встречи с М. Горьким.

1907, май — В журнале «Современный мир» вышла статья «К психологии рабочего движения: Максим Горький. «Враги».

1907, 18–24 августа — Участие в работе VII конгресса II

Интернационала в Штутгарте, выступление по вопросу о взаимоотношениях политических партий и профсоюзов.

1907, ноябрь — Появление первой статьи из серии «Критика теории и практики синдикализма» в журнале «Современный мир».

1908, ноябрь — Выход в Петербурге книги «Основные вопросы марксизма».

1908, декабрь — 1909, май — Разрыв с меньшевиками-ликвидаторами, выход из редколлегии меньшевистской газеты «Голос социал-демократа».

1909–1911 — Критика ликвидаторства. Сближение с большевиками, сотрудничество в ЦО партии «Социал-демократ» и журнале «Звезда».

1910, 28 августа — 3 сентября — Участие в работе VIII Конгресса II Интернационала в Копенгагене, выступления в комиссии по профессиональному движению.

1912, 16 января — Отказ участвовать в Пражской конференции РСДРП, созванной большевиками во главе с В. И. Лениным.

1912, 20 апреля — Выступление с речью на могиле Герцена в Ницце по случаю 100-летия со дня его рождения.

1912, 17 июня — 10 ноября — Рефераты в Париже на тему «Герцен и Толстой» и «Искусство и общественная жизнь».

1912, 5 сентября — Отказ участвовать в ликвидаторском Августовском блоке.

1912, октябрь — 1914 — Колебания между большевиками и ликвидаторами-меньшевиками, сотрудничество в органе примиренцев «За партию».

1913, март — июнь — Сотрудничество в большевистской газете «Правда», публикация в ней серии статей против ликвидаторов «Под градом пуль» и др.

1914, 31 мая — Выход в Петербурге первого номера газеты «Единство», руководимой Плехановым.

1914, июнь — Выход в Москве 1 тома «Истории русской общественной мысли», над которой Плеханов работал с 1909 года.

1914, 11 октября — Выступление в Лозанне с докладом на тему «Отношение социалистов к войне» с обоснованием социал-шовинистской позиции.

1915, октябрь — 1917, март — Сотрудничество в парижской газете «Призыв», органе меньшевиков-оборонцев и эсеров.

1917, 13 апреля (31 марта) — Приезд в Петербург.

1917, апрель — 1918, май — Сотрудничество в антиленинском органе меньшевиков-оборонцев «Единство». Борьба против курса партии

большевиков за победу социалистической революции.

1917, 31(5) августа — Выступление в Москве на контрреволюционном, так называемом Всероссийском государственном совещании с призывом к классовому миру и войне с Германией «до победного конца».

1917, октябрь —1918, май — Тяжелая болезнь Плеханова в гг. Детское село (ныне Пушкин), Петербурге, Питкеярви (тогда Финляндия).

1918, 12 июня (30 мая) — Смерть в санатории в Питкеярви, (ныне Ленинградская область, около г. Зеленогорска).

Краткая библиография

- Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 1—46. М., 1955–1969.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 1—55. М., 1958–1965.
- Плеханов Г. В. Сочинения. Т. I–XXIV. М.-Пг., 1923–1927.
- Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. I–V. М., 1956–1958.
- Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. I–VIII. М., 1934–1940.
- Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. 1–3. М., 1973–1974.
- Плеханов Г. В. Литература и эстетика. Т. 1–2. М., 1958. История философии. Т. I–VI. М., 1955–1965.
- История философии в СССР. Т. III–IV. М., 1968–1971.
- Васецкий Г. С, Иовчук М. Т. Очерки по истории материализма в России XVIII–XIX веков М., 1943.
- Иовчук М. Т. Г. В. Плеханов и его труды по истории философии. М., 1960.
- Митин М. Б. Историческая роль Г. В. Плеханова в русском и международном рабочем движении. М., 1957.
- Николаев П. А. Эстетика и литературные теории Г. В. Плеханова. М., 1968.
- Сидоров М. И. Г. В. Плеханов и вопросы истории революционно-демократической мысли XIX века. М., 1957.
- Фомина В. А. Философское наследие Г. В. Плеханова. М., 1956.
- Чагин Б. А. Г. В. Плеханов и его роль в развитии марксистской философии. М.—Л., 1963.
- Чагин Б. А., Курбатова И. Н. Плеханов. М., 1973.

Иллюстрации



Мария Федоровна —
мать Г. В. Плеханова.



Валентин Петрович —
отец Г. В. Плеханова.

Мария Федоровна — мать Г. В. Плеханова.
Валентин Петрович — отец Г. В. Плеханова.



Вид города Липецка.



Здание военной гимназии в г. Воронеже, где учился Плеханов.



Воспитанники 3-го класса Воронежской военной гимназии.
Крайний справа — Г. В. Плеханов.

Вид города Липецка.

Здание военной гимназии в г. Воронеже, где учился Плеханов.

Воспитанники 3-го класса Воронежской военной гимназии.
Крайний справа — Г. В. Плеханов.



Плеханов в костюме рабочего. 70-е годы XIX века.

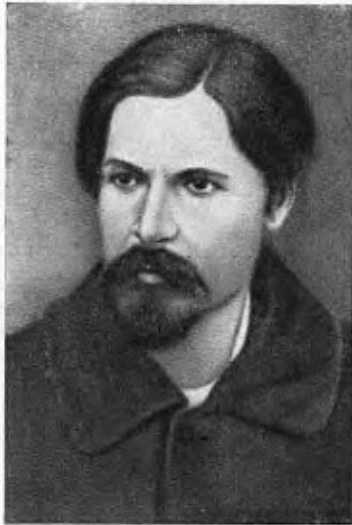
Плеханов в костюме рабочего. 70-е годы XIX века.



Р. М. Боград-Плеханова.
70-е годы XIX века.



А. Д. Михайлов.



С. Н. Халтурин.



П. А. Моисеенко.

Р. М. Боград-Плеханова. 70-е годы XIX века.
А. Д. Михайлов.
С. Н. Халтурин.
П. А. Моисеенко.



Женева. Набережная Женевского озера. Начало XX века.



Л. Варыньский,



С. М. Степняк-Кравчинский и его жена Ф. М. Личкус за чисткой картофеля, Фотография подарена семье Плехановых.

Женева. Набережная Женевского озера. Начало XX века.
Л. Варыньский.

С. М. Степняк-Кравчинский и его жена Ф. М. Личкус за чисткой картофеля, фотография подарена семье Плехановых.



Париж.



П. Л. Лавров.



Жюль Гед.

Париж.
П. Л. Лавров.
Жюль Гед.

Г. В. Плеханов.



В. И. Засулич.



Л. Г. Дейч.

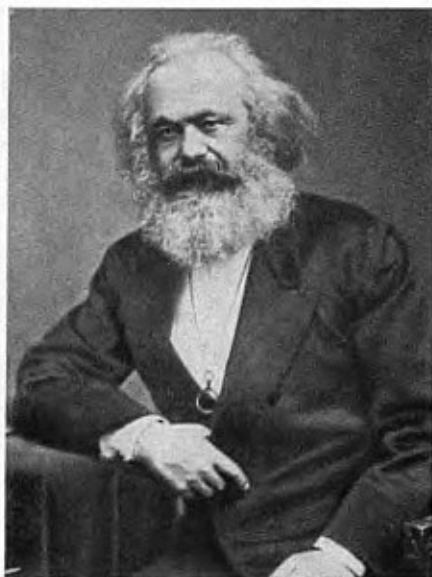


П. Б. Аксельрод.



В. Н. Игнатов.

Г. В. Плеханов.
В. И. Засулич.
Л. Г. Дейч.
П. Б. Аксельрод.
В. Н. Игнатов.



Карл Маркс.



Фридрих Энгельс.

Карл Маркс.
Фридрих Энгельс.

Издание «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Перевод и предисловие Г. В. Плеханова. 1882 г.

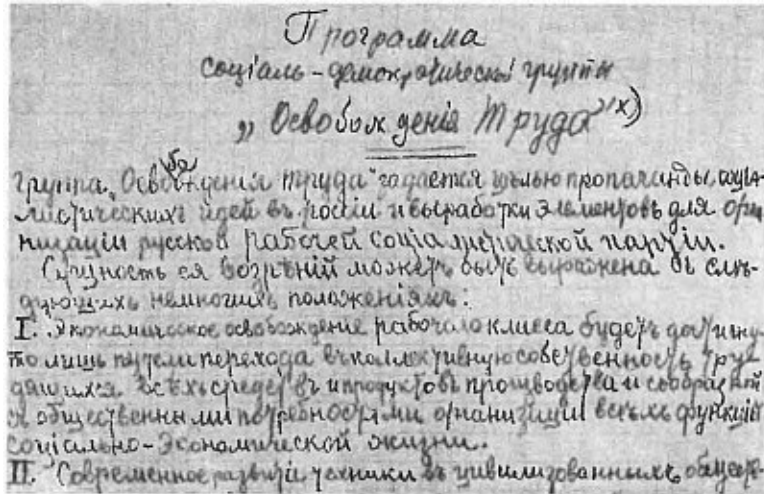


Брошюра Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба». 1883 г.

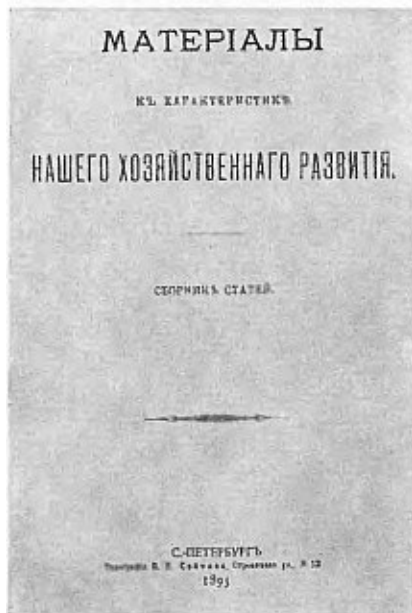


Издание «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Перевод и предисловие Г. В. Плеханова. 1882 г.

Брошюра Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба». 1883 г.



Первая страница программы группы «Освобождение труда».



Сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». В этом сборнике были опубликованы статьи В. И. Ленина и Г. В. Плеханова.

Первая страница программы группы «Освобождение труда». Сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». В этом сборнике были опубликованы статьи В. И. Ленина и Г. В. Плеханова.

Домик в Морне, где жили Г. В. Плеханов и В. Засулич после их изгнания из Швейцарии.



Семья Плехановых. Начало 90-х годов XIX века.



Дом в Морне, где Г.В. Плеханов и В.И. Засулич после их изгнания из Швейцарии.

Семья Плехановых. Начало 90-х годов XIX века.



Делегаты Цюрихского конгресса II Интернационала во время загородной прогулки, 1893 г.

Луи Эришье.

Роза Люксембург. Фотография подарена Плеханову в 1892 году.



Делегаты Цюрихского конгресса II Интернационала во время загородной прогулки. 1893 г.

Луи Эришье.

Роза Люксембург. Фотография подарена Плеханову в 1892 году.



Лондон. Начало XX века.



Мандат Г. В. Плеханова на Лондонский конгресс II Интернационала 1896 г. — выдан петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса».

Лондонский конгресс II Интернационала. 1896 г.



Лондон. Начало XX века.

Мандат Г. В. Плеханова на Лондонский конгресс II Интернационала 1896 г. — выдан петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса».

Лондонский конгресс II Интернационала. 1896 г.



Первая книга сборника «Работники».



Третий том «Капитала» К. Маркса с дарственной надписью Ф. Энгельса Г. В. Плеханову.

Первая книга сборника «Работник».
Третий том «Капитала» К. Маркса с дарственной надписью
Ф. Энгельса Г. В. Плеханову.



Поль Лафарг.



Элеонора Маркс-Эвелинг.



Дом на улице Кондоль в Женеве, где жили Плехановы с 1895 г.

Поль Лафарг.

Элеонора Маркс-Эвелинг.

Дом на улице Кондоль в Женеве, где жили Плехановы с 1895

г.



Г. В. Плеханов. 1901 г.

Г. В. Плеханов. 1901 г.



Н. Э. Бауман.

(+

Предисловие.

Что такое сфера ^{жизни} и
 о чем и ^{какую} ~~какую~~ речь ве-
 дешь,
 скажи на крайний случай
 я все вашу мысль ~~скажи~~...

Об этом ~~каждый~~ ~~хотел~~ ~~бы~~ ~~в~~ ~~какой~~ ~~разре-~~
 шимой ~~социально-демократической~~
~~смысле~~ ~~сфере~~ ~~жизни~~ ~~каждого~~
 по вопросу, именуемому ~~применяе-~~
 мому ~~фактически~~, а ~~практически~~ ~~также~~ и ~~крити-~~
 ческое ~~значение~~. ~~От~~ ~~того~~ ~~идет~~
 о ~~том~~, ~~какое~~ ~~значение~~ ~~имеет~~ ~~или~~ ~~ка-~~
~~кое~~ ~~значение~~ ~~имеет~~ ~~эта~~ ~~сфера~~
~~жизни~~

Предисловие к сборнику «Vademecum».

Н. Э. Бауман.
Предисловие к сборнику «Vademecum».



Дом в местечке Корсье,
где велись переговоры
об издании «Искры».

Г. В. Плеханов среди агентов «Искры».



Дом в местечке Корсье, где велись переговоры об издании
«Искры».

Г. В. Плеханов среди агентов «Искры».



Семья Плехановых (слева направо — Р. М. Плеханова, Евгения Плеханова, Л. Г. Дейч, Г. В. Плеханов, Лидия Плеханова) вместе с Л. Г. Дейчем после его побега из ссылки. 1901 г.

Рассуждения о духе культуры.
Мы неслучайно обращаем внимание на то, что в последнее время в России происходит процесс, который можно назвать процессом культуры. Мы неслучайно обращаем внимание на то, что в последнее время в России происходит процесс, который можно назвать процессом культуры. Мы неслучайно обращаем внимание на то, что в последнее время в России происходит процесс, который можно назвать процессом культуры.

Итак, мы видим, что в последнее время в России происходит процесс, который можно назвать процессом культуры. Мы неслучайно обращаем внимание на то, что в последнее время в России происходит процесс, который можно назвать процессом культуры. Мы неслучайно обращаем внимание на то, что в последнее время в России происходит процесс, который можно назвать процессом культуры.

Первое дело! Это дело не только о культуре, но и о жизни. Мы неслучайно обращаем внимание на то, что в последнее время в России происходит процесс, который можно назвать процессом культуры. Мы неслучайно обращаем внимание на то, что в последнее время в России происходит процесс, который можно назвать процессом культуры.

Автограф
Г. В. Плеханова.

Семья Плехановых (слева направо — Р. М. Плеханова, Евгения Плеханова, Л. Г. Дейч, Г. В. Плеханов, Лидия Плеханова) вместе с Л. Г. Дейчем после его побега из ссылки. 1901 г.

Автограф Г. В. Плеханова.



Владимир Ильич Ленин. 1900 г.

Владимир Ильич Ленин.

Надежда Константиновна
Крупская — секретарь
редакции «Искры».



А. Бебель.



В. Либкнехт.

Надежда Константиновна Крупская — секретарь редакции
«Искры».

А. Бебель.

В. Либкнехт.



Международное Социалистическое Бюро II Интернационала, избранное на Амстердамском конгрессе в 1904 году.



Карикатура П. Н. Лепешинского на Г. В. Плеханова, перешедшего в лагерь меньшевиков. 1904 г.

Международное Социалистическое Бюро II Интернационала, избранное на Амстердамском конгрессе в 1904 году.

Карикатура П. Н. Лепешинского на Г. В. Плеханова, перешедшего в лагерь меньшевиков. 1904 г.



А. М. Коллонтай.



Г. Д. Лейтейзен (Линдов).



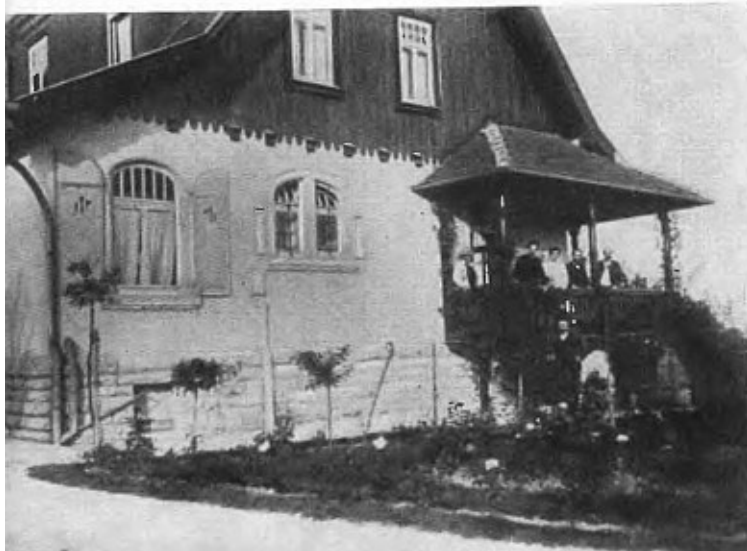
Н. А. Семашко.

А. М. Коллонтай.
Г. Д. Лейтейзен (Линдов).
Н. А. Семашко.

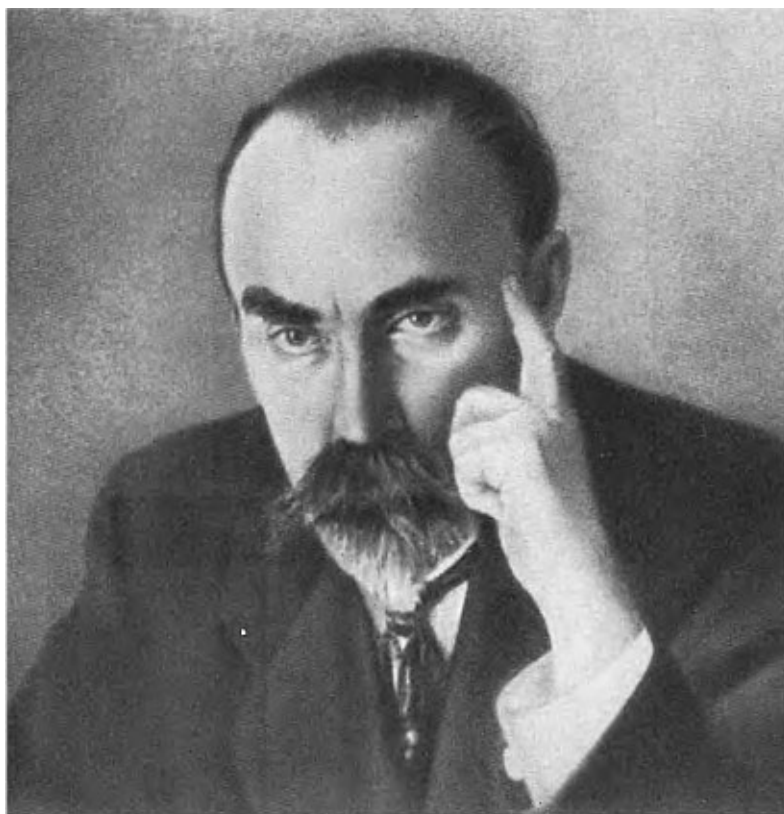


Экипаж броненосца «Потемкин» в г. Констанце.

На даче у Клары Цеткин после Штутгартского конгресса II Интернационала, 1907 г.



Экипаж броненосца «Потемкин» в г. Констанце.
На даче у Клары Цеткин после Штутгартского конгресса II
Интернационала. 1907 г.



Г. В. Плеханов. 1915 г.

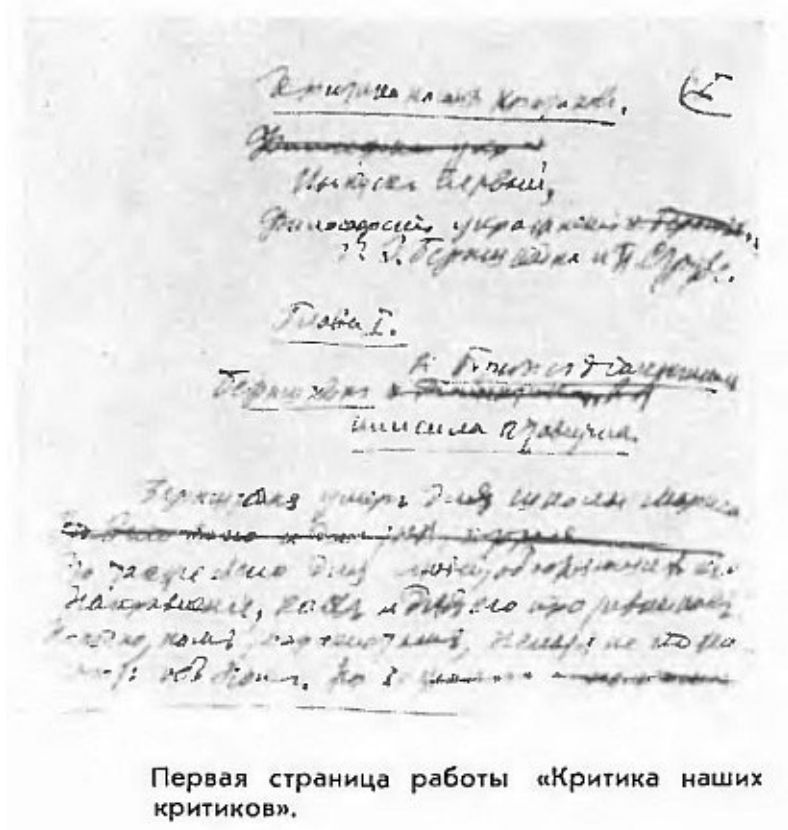
Г. В. Плеханов. 1915 г.

L

Konrad Schmidt gegen Karl Marx und
Erich Luger
Le lecteur voit que le camarade
Brenstein recule au *zu einem gewissen Punkt*
à Kant, il le dit, il *gewissam* pour son gain
au camarade Schmidt. Quelles sont
les idées philosophiques de ce camarade?
Il les a exprimées ~~dans son~~ dans l'article intitulé
*Ein review nach über die materialistische
Begriffsbildung* publié dans le *sozial-
istischen Akademiker* de 1896 (Jahrgang
1896) et 2) dans un article sur le
de *Freiburg* Kant, sein Leben und sein
Leben. Ce dernier article a été publié dans
la troisième livraison des *Vorwärts*, le
1^{er} Octobre 1897.
C'est donc à ces deux articles que j'
m'adresse.

Первая страница статьи «Конрад Шмидт против Карла Маркса».

Первая страница статьи «Конрад Шмидт против Карла Маркса».



Первая страница работы «Критика наших критиков».



Санаторий «Виктория», принадлежавший Р. М. Плехановой.

Сан-Ремо.



Санаторий «Виктория», принадлежавший Р. М. Плехановой.
Сан-Ремо.

Первая страница работы
«Materialismus militans».

Materialismus militans
I
Н. А. Рубакин

М. П. / Оне мое мнение по поводу материализма
материализма рассматривается по два случая. Во-пер-
вых, с точки зрения объективного материализма
и, во-вторых, с точки зрения субъективного материализма.
Во-первых, с точки зрения объективного материализма
материализм рассматривается как наука, которая
исследует материальную природу вещей, а не
их идеальную природу. Во-вторых, с точки зрения субъективного материализма
материализм рассматривается как наука, которая
исследует идеальную природу вещей, а не
их материальную природу. Но с точки зрения объективного материализма
материализм рассматривается как наука, которая
исследует материальную природу вещей, а не
их идеальную природу. Но с точки зрения субъективного материализма
материализм рассматривается как наука, которая
исследует идеальную природу вещей, а не
их материальную природу.



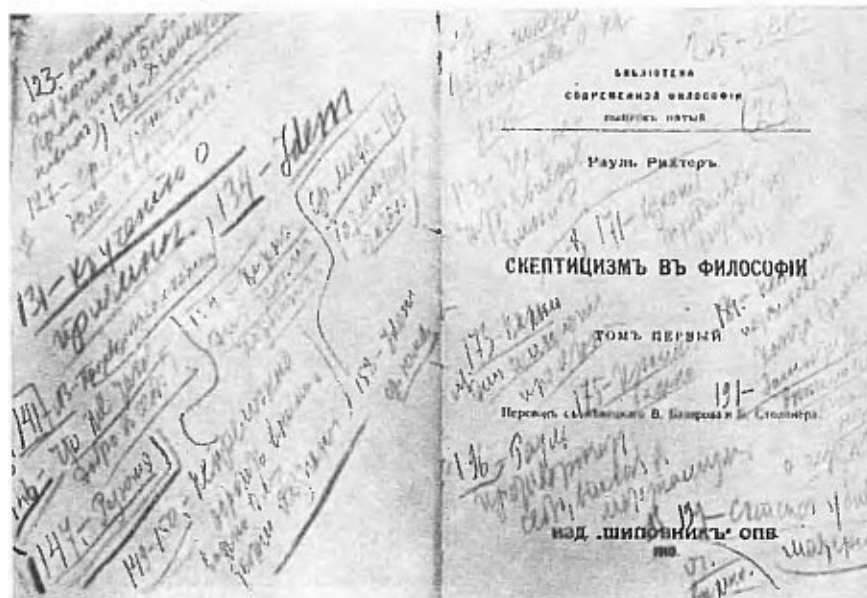
Н. А. Рубакин.

Первая страница работы «Materialismus militans».
Н. А. Рубакин.



Плеханов с дочерьми в Сан-Ремо.

Пометы Г. В. Плеханова на обложке книги Р. Рихтера.



Плеханов с дочерьми в Сан-Ремо.

Пометы Г. В. Плеханова на обложке книги Р. Рихтера.



М. Горький.

Капри.



М. Горький.
Капри.

По дороге на Везувий.
1913 г.



Г. В. Плеханов с детьми
пациентов своей жены.
Сан-Ремо. 1910 г.



По дороге на Везувий. 1913 г.
Г. В. Плеханов с детьми пациентов своей жены. Сан-Ремо.
1910 г.



Памятник на могиле Г. В. Плеханова в Ленинграде на Волковом кладбище. Скульптура И. Я. Гинзбурга.

Памятник на могиле Г. В. Плеханова в Ленинграде на Волковом кладбище. Скульптура И. Я. Гинзбурга.

notes

Примечания

Даты событий, происходивших в России до февраля 1918 года, указываются по старому стилю; даты событий за рубежом и в Советской России с февраля 1918 года даются по новому стилю.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 290.

3

Она была внучатой племянницей В. Г. Белинского.

4

Ныне 8-я Советская.

Все ссылки на произведения Г. В. Плеханова даются по следующим изданиям:

- 1 Плеханов Г. В. Сочинения. Т. I–XXIV. М. — Пг., 1923–1927.
- 2 Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. I–V. М., 1956–1958.
- 3 Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. I–VIII. М., 1934–1940.
- 4 Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. 1–3. М., 1973–1974.

В скобках указаны номер позиции в этом списке, номер тома и страницы источника.

Н. А. Плеханова (урожд. Смирнова) окончила женские курсы и в 1900-х годах работала заводским врачом в г. Миньяре (Южный Урал). Там она открыла воскресную школу, в которой получили первоначальное образование многие миньярские рабочие. Часть из них стала большевиками. Через всю жизнь они пронесли благодарную память о «Плеханихе», так они ее дружески называли. Она умерла в 1922 году. Ее дочь, Н. Г. Плеханова, умерла в 1948 году. Последние годы она работала в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина.

Ныне улица Салтыкова-Щедрина.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 518.

К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 457–458.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 380.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 305.

Там же.

Р. М. Плеханова формально не входила в группу «Освобождение труда». В июне 1883 г. у нее родилась дочь Евгения. Уход за двумя детьми, учение в университете и работа ради заработка мешали ей принимать активное участие в революционной работе.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 311.

Неопубликованная часть рукописи увидела свет только в 1974 году (прим. авт.).

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 26.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 312.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 259–260.

Точное название этой книги — «Развитие социализма от утопии к науке».

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 104–106.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 217.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 242.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 232.

Союз русских социал-демократов уполномочивает гражданина Георгия Плеханова быть его представителем на интернациональном социалистическом конгрессе в Париже. Секретарь союза Вера Засулич.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 38, с. 205.

Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 39, с. 210.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 560.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 259.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 313.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 334.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 8.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 10.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 132.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 26.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 35–36.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 35.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 267.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 342.

Там же.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 324.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 16.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 337.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 340.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 345.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 353.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 238.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 95.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 368.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 189–190.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 6.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 15.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 180.

Гальперин.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 313–314.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 315.

Псевдоним П. Н. Лепешинского.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 131–134.

Плеханов имел в виду Францию.

Левое крыло социалистического движения Франции, возглавляемое Ж. Гедом.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 287.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 154.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 90.

Там же, с. 49.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 103.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 103–104.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 106.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 342.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 363.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 2—66.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 222.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 74.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 25.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 88.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 90.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 226–227.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 296.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 142.

Там же, с. 151.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 377.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 20.

И действительно, если после II съезда РСДРП отношения Плеханова и П. Аксельрода из дружеских превратились в деловые, то теперь они были окончательно порваны. Дальнейшая судьба П. Аксельрода такова. Он все последующие годы активно боролся с большевиками, был одним из лидеров меньшевиков-ликвидаторов. После Февральской революции вернулся в Россию и вошел в Исполком петроградского Совета, где активно поддерживал Временное правительство. К Великой Октябрьской революции П. Аксельрод отнесся резко отрицательно. Он вскоре эмигрировал из Советской России и стал одним из лидеров антисоветской, так называемой социалистической эмиграции. Умер в 1928 году в Берлине.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 243–244.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 11.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 341.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 198–499.

Там же, с. 201–202.

Ленинский сборник, XXXVIII, с. 106.

Там же, с. 116.

Ленинский сборник, XXXVIII, с. 120.

Там же, с. 134–135.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 293.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 25.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 94.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 347.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 201–202.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 219.

После возвращения Плеханова в Россию он неоднократно встречался с В. И. Засулич. Выли забыты разногласия на II съезде РСДРП, в редколлегии меньшевистской «Искры», споры в печати о ликвидаторстве. Теперь их объединило одинаково неправильное отношение к продолжению войны и к буржуазному Временному правительству. Великую Октябрьскую революцию В. Засулич, как и Плеханов, не поняла, считала ее преждевременной.

Она совсем отошла от политической деятельности, часто и по долгу болела. Когда до В. И. Ленина дошли слухи о положении Засулич, он пытался помочь ей. Но болезнь прогрессировала, и в мае 1919 года В. И. Засулич умерла. Похоронена она по ее просьбе рядом с могилой Плеханова на Литераторских мостках Волкова кладбища в Ленинграде.

Через несколько месяцев после смерти мужа Р. М. Плеханова выехала за границу к дочерям и внуку (сыну Евгении Георгиевны Бато-Плехановой), который родился за несколько недель до смерти Плеханова. Она забрала архив и книги мужа из Женевы и Сан-Ремо и перевезла их в Париж, где жили обе ее дочери. Туда в 1922 году приехал Л. Г. Дейч, которому по инициативе В. И. Ленина советскими властями было поручено разыскать архив и библиотеку Плеханова. Интерес к наследию покойного мужа, проявленный В. И. Лениным, побудил Р. М. Плеханову и ее дочерей принять решение о безвозмездной передаче литературного наследия Плеханова Советскому государству. Была достигнута договоренность, что архив и библиотека будут храниться при Публичной библиотеке в Петрограде. В 1928 году был открыт Дом Плеханова — филиал Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Р. М. Плеханова заведовала им фактически до 1939 года. Под ее руководством был разобран архив и изданы восемь сборников «Литературного наследия Г. В. Плеханова». В 1939 году она поехала в Париж к дочерям в отпуск, но из-за начавшейся вскоре второй мировой войны не смогла вернуться на Родину. Умерла Розалия Марковна в Париже в 1949 году, прах ее перевезен в Ленинград и захоронен в могиле Плеханова.

Дочери Плеханова приезжали в Советский Союз несколько раз при жизни матери и в 1958 году по приглашению Министерства культуры СССР. Е. Г. Бато-Плеханова много сделала для пропаганды наследия отца. Она перевела его произведения на французский язык, написала о нем статью в Британскую энциклопедию, помогала матери в розыске архивных материалов и публикаций Плеханова. Умерла Евгения Георгиевна в 1964 году. Сын ее, Клод Бато, — французский дипломат.

Л. Г. Плеханова — Ле-Савуре — врач-невропатолог, ныне живет под Парижем.

По инициативе В. И. Ленина были собраны, привезены из-за границы и сосредоточены в созданном в Ленинграде Доме Плеханова его богатое рукописное наследие и библиотека. Проведена многолетняя и плодотворная работа по систематизации, изучению и изданию рукописного наследия Плеханова и его сочинений по различным отраслям общественной мысли. В 1925 году у здания Технологического института имени Ленсовета в Ленинграде был торжественно открыт памятник Плеханову.

Во многих городах СССР улицы названы именем Плеханова. В Ленинграде в 1923 году, в связи с пятилетием со дня смерти, его имя получила улица, по которой бежали демонстранты от Казанского собора после того, как Плеханов произнес свою первую революционную речь.

Имя Плеханова носят два крупных высших учебных заведения страны — Горный институт в Ленинграде, в котором он учился, и Институт народного хозяйства в Москве.

По Волге плавает теплоход, названный именем Плеханова.

На карте нашей страны много населенных пунктов названы в его честь. К ним относятся и бывшая деревня Гудаловка Липецкой области, в которой родился и провел детские годы первый русский марксист. В 1977 году открывается музей Г. В. Плеханова в г. Липецке, в доме, который принадлежал его родителям.

По решению Советского правительства учреждена премия имени Г. В. Плеханова, присуждаемая Академией наук СССР за лучшие научные работы в области философии.